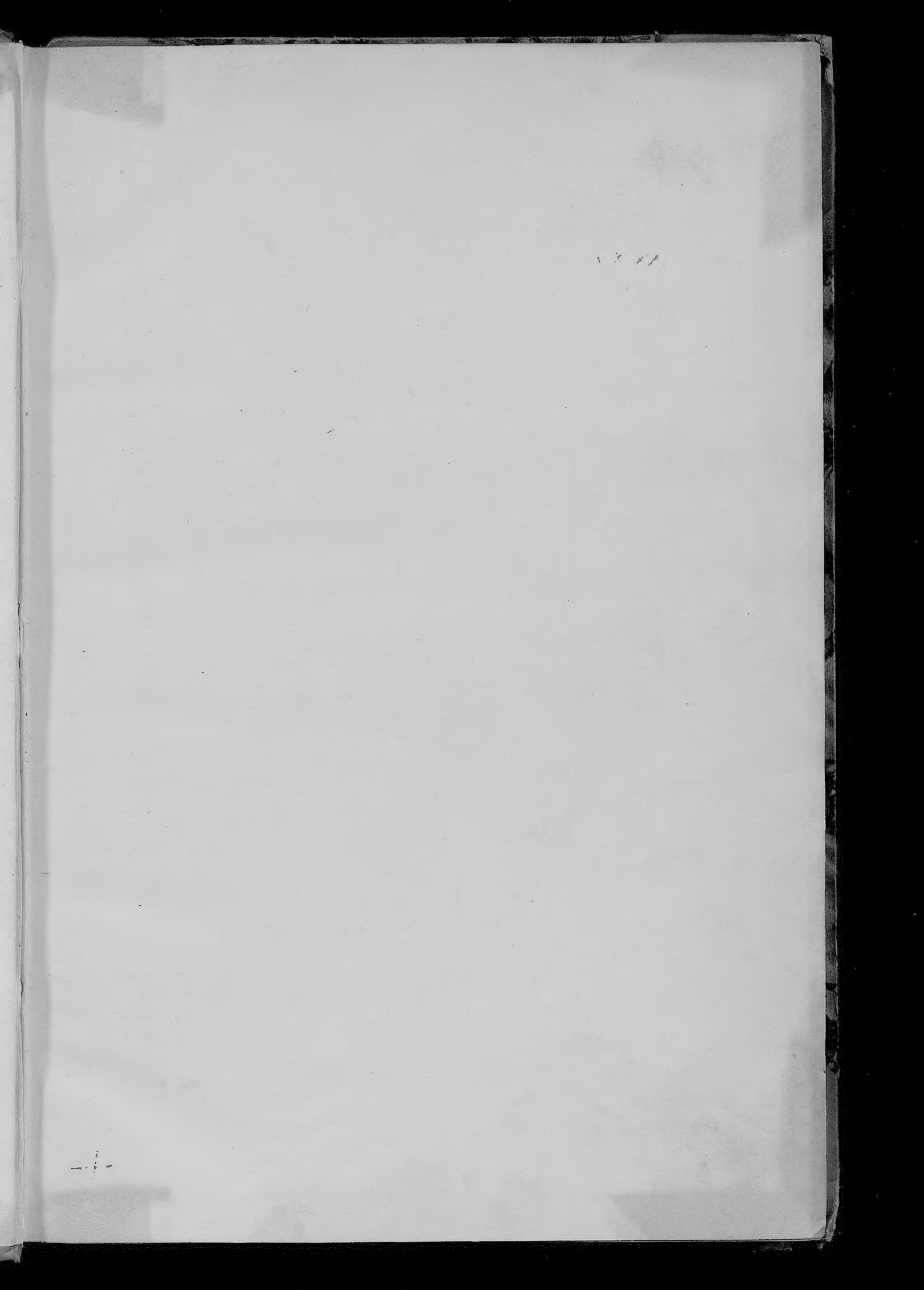
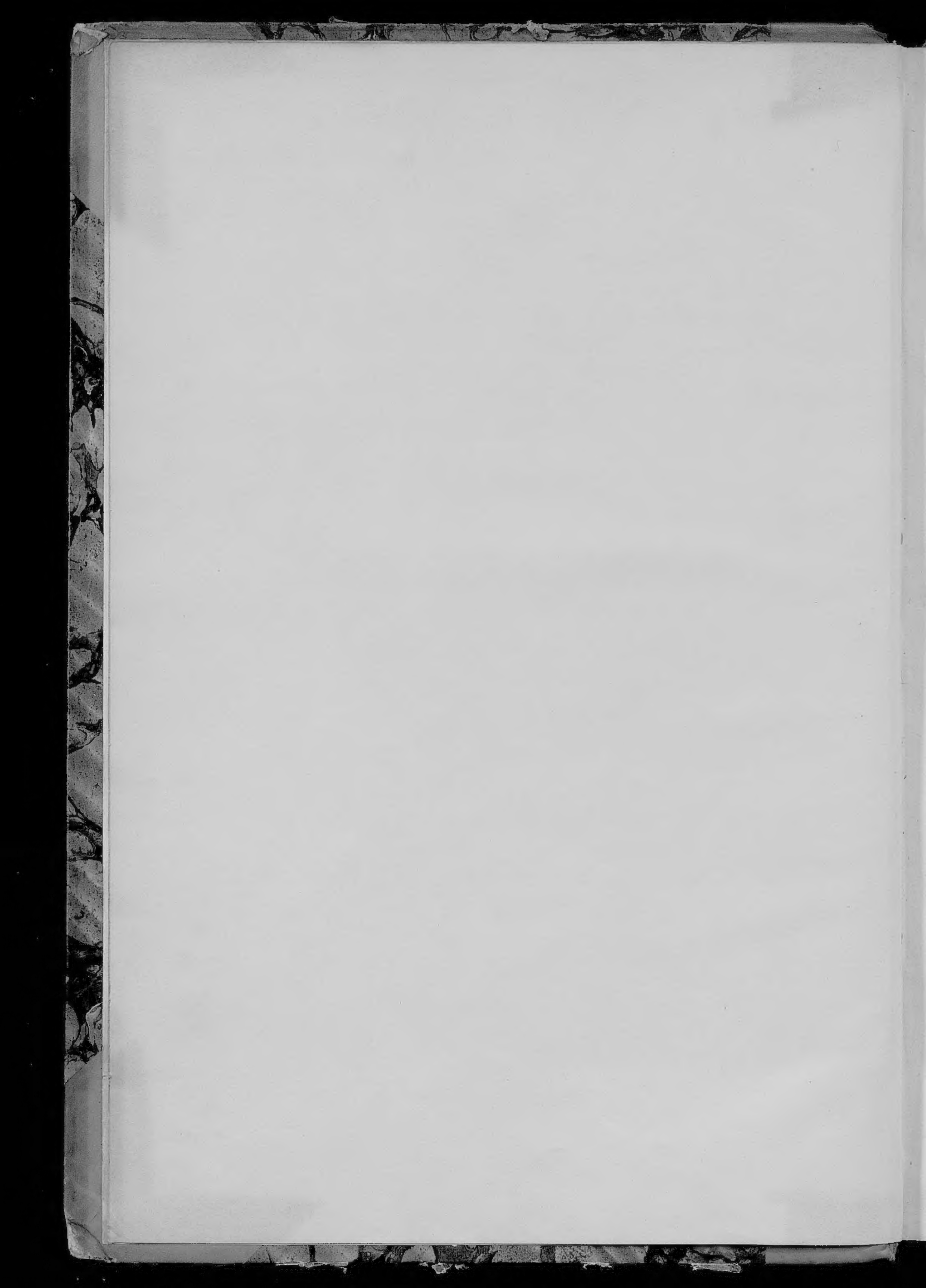

ЖС79

ЗАПИСКИ

ГЕТМАНА ЖОЛКЕВСКАГО

О

МОСКОВСКОЙ ВОЙНѢ.

ЗАПИСКИ
ГЕТМАНА ЖОЛКЕВСКАГО
О
МОСКОВСКОЙ ВОЙНѢ,

ИЗДАННЫЯ

ПАВЛОМЪ АЛЕКСАН. МУХАНОВЫМЪ.

(второе изданіе)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Эд. Праца, Офицерская улица, домъ № 26.
1871.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАПИСКИ ЖОЛКЕВСКАГО О МОСКОВСКОЙ ВОЙНѢ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1. О подлинности Записокъ Жолкевскаго.
№ 2. Письмо Сигизмунда III къ Яну Замойскому.
№ 3. Письмо Яна Замойскаго къ кн. Аламу Вишневецкому.
№ 4. Письмо Юрія Мнишка къ Яну Замойскому
№ 5. Письмо перваго Лжедимитрія къ Яну Замойскому.
№ 6. Письмо Юрія Мнишка къ Яну Замойскому.
№ 7. Письмо Яна Замойскаго къ Юрію Мнишку.
№ 8. Письмо перваго Лжедимитрія къ Яну Замойскому.
№ 9. Письмо Юрія Мнишка къ Яну Замойскому.
№ 10. Письмо Юрія Мнишка къ Яну Замойскому.
№ 11. Грамота втораго Лжедимитрія къ Яну Петру Сапѣгѣ.
№ 12. Письмо Жолкевскаго о Московскомъ походѣ.
№ 13. Грамота втораго Лжедимитрія къ Яну Петру Сапѣгѣ.
№ 14. Грамота втораго Лжедимитрія къ Яну Петру Сапѣгѣ.
№ 15. Грамота втораго Лжедимитрія къ Яну Петру Сапѣгѣ.
№ 16. Грамота втораго Лжедимитрія къ Яну Петру Сапѣгѣ.
№ 17. Грамота втораго Лжедимитрія къ Яну Петру Сапѣгѣ.
№ 18. Грамота втораго Лжедимитрія къ Яну Петру Сапѣгѣ.
№ 19. Письмо Жолкевскаго къ Льву Сапѣгѣ.
№ 20. Договоръ и присяга короля боярину Салтыкову.
№ 21. Депеша французскаго агента къ своему Двору о состояніи дѣлъ въ Россіи.
№ 22. О мѣстѣ погребенія князя Михаила Скопина — Шуйскаго.
№ 23. Различныя показанія о смерти князя Шуйскаго Скопина.
№ 24. Запись Жолкевскаго, данная князю Елецкому и Валуеву.
№ 25. Князь Елецкій и Валуевъ.
№ 26. Сравненіе трехъ договоровъ объ избраніи Владислава.
№ 27. Донесеніе Жолкевскаго Сигизмунду III о Клушинской битвѣ.
№ 28. Боровской Пафнутьевъ монастырь.
№ 29. Грамота отъ Смольнянъ и Брянчанъ Жолкевскому.
№ 30. Письмо Жолкевскаго въ Москву.
№ 31. Письмо Жолкевскаго Сигизмунду III.
№ 32. Письмо Жолкевскаго къ Мстиславскому о Шуйскихъ.
№ 33. Письмо втораго Лжедимитрія къ Яну Петру Сапѣгѣ.
№ 34. Письмо Жолкевскаго къ канцлеру Льву Сапѣгѣ.
№ 35. Свѣдѣніе о взятіи царя Василія Шуйскаго и братьевъ его, князей Дмитрія и Ивана.
№ 36. О Чаранлѣ.
№ 37. Объ удаленіи изъ Москвы Ивана Салтыкова.
№ 38. О убіеніи втораго Лжедимитрія.
№ 39. Отказъ Жолкевскаго принять начальство на Польскими войсками въ Москвѣ.
№ 40. Письмо Сигизмунда къ Петру Сапѣгѣ.
№ 41. Письмо князей Юрія и Дмитрія Трубецкихъ къ Яну Петру Сапѣгѣ.
№ 42. Письмо Жолкевскаго къ Льву Сапѣгѣ.
№ 43. Письмо Карла Ходкевича Сигизмунду III.
№ 44. Отрывки изъ рукописи ксендза Яна Велевицкаго.
№ 45. Біографія Жолкевскаго.

Послѣ взятія Варшавы, въ которомъ я участвовалъ будучи гвардіи *полковникомъ* * и состоя при фельдмаршалѣ графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ (впослѣдствіи князѣ Варшавскомъ), мнѣ удалось отыскать въ Варшавѣ нѣсколько историческихъ памятниковъ, относящихся къ Россіи; нѣкоторые изъ нихъ я напечаталъ въ Памятникахъ XVII вѣка **, другіе въ моемъ Сборникѣ.

Въ числѣ найденныхъ мною историческихъ памятниковъ, важнѣйшимъ безъ сомнѣнія были Записки Жолкевскаго о Московской войнѣ.

Онѣ появились въ свѣтъ въ первый разъ въ изданіи моемъ, сдѣланномъ въ Москвѣ въ 1835 году, на польскомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ ***.

Появленіе ихъ вызвало слѣдующій укоръ одного извѣстнаго Польскаго ученаго, жившаго тогда въ Парижѣ, обращеннаго къ своимъ соотечественникамъ: «Таилась и портилась отъ сырости по библіотекамъ Польскимъ, рукопись побѣдителя подъ Клуши-

---

*) Упоминаю объ этомъ здѣсь, дабы показать, къ кому относится отзывъ г-на Сенкевича. См. далѣе, стр. VIII.

**) Полное заглавіе книги слѣдующее: Подлинныя свидѣтельства о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши, преимущественно во время самозванцевъ. Собралъ и издалъ Гвардіи Полковникъ Павелъ Мухановъ. Москва, 1834.

***) Рукопись Жолкевскаго, изданная Павломъ Мухановымъ. Москва, 1835.

номъ, триумфатора надъ царями; полковникъ Россійскій находитъ ее въ Варшавѣ и тотчасъ же печатаетъ въ Москвѣ» *.

Издаваемыя Записки напечатаны по двумъ спискамъ: по списку, отысканному мною въ Варшавѣ, который я означаю буквою М, и по списку, находящемуся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, который я означаю буквою Б **.

Заглавіе списковъ одно и тоже: Początek i progres woyny Moskiewskiey za panowania K. J. M. Zygmunta III-o, za regimentu J. M. P. Stanisława Żolkiewskiego, Woiewody Kijowskiego, Hetmana Polnego Koronnego ***.

Списокъ М прекращается на страницѣ 94; конецъ Записокъ напечатанъ по списку Б; онъ же служилъ также и для варіантовъ.

По сличеніи этихъ двухъ списковъ, оказывается, что списокъ Б списанъ со списка М; однакожъ въ немъ (т. е. въ спискѣ Б) встрѣчаются не только измѣненія, но въ немъ кое гдѣ даже выпущено нѣсколько рѣченій, находящихся въ спискѣ М. Можно безошибочно заключить, что эти измѣненія и пропуски сдѣланы Жолкевскимъ для смягченія нѣкоторыхъ выраженій довольно жесткихъ. Списокъ Б нѣкогда находился въ знаменитой библіотекѣ Залусскихъ. Вотъ что объ немъ говоритъ извѣстный Польскій историкъ Нарушевичъ: «Этотъ драгоцѣнный манускриптъ находится въ библіотекѣ Залусскихъ, № 601, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Объ успѣхѣ и продолженіи Московской войны и проч., писанъ

---

*) «Tail się i wilgocil po bibliotekach Polskich rękopism zwycięzcy pod Kluszynem, tryumfatora z carów, — Pułkownik Rossyjski, znajduje go w Warszawie i wnet drukuje w Moskwie.» Skarbiec historii Polskiey przez Karola Sienkiewicza, T. I. w Paryżu, 1839. Предисловіе стр. VIII

**) Копія съ онаго получена мною отъ Николая Алексѣевича Полеваго.

***) Начало и успѣхъ Московской войны въ царствованіе Е. В. Короля Сигизмунда III-го, подъ начальствомъ Его Милости Пана Станислава Жолкевскаго, Воеводы Кіевскаго, Напольнаго Короннаго Гетмана.

самимъ его милостію паномъ гетманомъ Жолкевскимъ и съ собственной его руки переписанъ» *.

Списокъ М написанъ въ листъ, старинньмъ, но довольно четкимъ почеркомъ, на сѣроватой бумагѣ, отъ времени пожелтѣвшей и весьма ветхой (эта рукопись вѣроятно лежала долго въ сыромъ мѣстѣ, и сохранена дурно).

Белевскій напечаталъ записки Жолкевскаго по другому списку, но для варіантовъ пользовался моимъ, который означенъ у него буквою М; слѣдуя Белевскому, и я означаю его такимъ же образомъ. Сличая оба изданія, особенно важныхъ различій рѣшительно не встрѣчается.

Теперь мы скажемъ нѣсколько словъ о переводѣ: слѣдующія слова: **Jego Mość, Hospodar, Hospodarstwo**, его милость, господарь, господарство, вышедшія совершенно изъ употребленія, мы рѣшились замѣнить слѣдующими: его величество, государь, государство.

Всѣ примѣчанія сдѣланы мною; въ подлинныхъ же рукописяхъ никакихъ примѣчаній не находится.

Слова въ текстѣ, напечатанныя мелкимъ шрифтомъ и поставленныя въ скобкахъ, въ подлинныхъ рукописяхъ не находятся, а вставлены мною для объясненія смысла.

Извѣстны трудности, встрѣчаемыя при переводѣ старинныхъ Польскихъ рукописей. Я прилагалъ стараніе передать подлинникъ со всевозможною точностію, безъ малѣйшаго пропуска, и предпочиталъ вѣрность и точность гладкости слога.

При ссылкахъ на Карамзина я имѣлъ подъ рукою 2-ое изданіе (Сленина) Ист. Рос. Госуд. Для ссылокъ на Бера, Дневникъ Марины и пр. 1-ое изданіе Устрялова: «Сказанія иноземцовъ о Россіи». Извлеченія и ссылки, при коихъ я упоминаю Яна Сапѣгу, почерпнуты мною изъ Варшавскаго изданія 1791 г. имѣющаго

*) Historya Jana Karola Chodkiewicza T. I. стр. 427.
О подлинности Записокъ Жолкевскаго см. Приложеніе № 1.

названіе: Życia Sapiehow y listy od monarchow, książąt y rôżnych panuiących do tychże pisane. Сочинитель этой книги Kazimierz Kognowicki.

Все, что выше сказано, относится какъ къ первому изданію (1835 г.) * такъ и ко 2-му изданію. Теперь мы скажемъ нѣсколько словъ собственно о *второмъ* изданіи.

во 1-хъ) Въ настоящемъ изданіи, предназначенномъ для русскихъ читателей, я ограничился напечатаніемъ только русскаго перевода **.

въ 2-хъ) Варіанты и примѣчанія я помѣстилъ не въ концѣ книги, но внизу страницъ при самомъ текстѣ, считая это болѣе удобнымъ для читателя.

въ 3-хъ) Съ этою же цѣлью записки я раздѣлилъ на главы.

въ 4-хъ) Русской переводъ былъ просмотрѣнъ сначала покойнымъ ученымъ Даниловичемъ, а впослѣдствіи б. профессоромъ

---

*) Привожу здѣсь мнѣніе г-на Белевскаго, польскаго ученаго, спеціально занимавшагося какъ біографіею Жолкевскаго, такъ равно изданіемъ его сочиненій, о первомъ моемъ изданіи:

«Совершилъ оное (изданіе Московское) какъ извѣстно, въ Москвѣ Павелъ Мухановъ въ 1835 году, давъ оному слѣдующее заглавіе: *Рукопись гетмана Жолкевскаго*, пріобщивъ русской переводъ къ польскому оригиналу, и снабдивъ историческими поясненіями. Старательно и добросовѣстно исполненъ этотъ его трудъ. Въ предисловіи указаны имъ источники, на которыхъ основывался издатель.

«Uskutecznił je (wydanie moskiewskie), jak wiadomo, w Moskwie Paweł Muchanow roku 1835, nadawszy mu nadpis: Rękopism hetmana Żołkiewskiego, i przekład rosyjski obok pierwotworu polskiego, a oraz objaśnienia historyczne dołączywszy. Staranna i sumiennie dokonana ta praca jego mieści. Też w przedmowie wykaz zrôdeł, na ktôrych się wydawca opierał.» Pisma Stanisława Żołkiewskiego kanclera koronnego i hetmana wydal August Bielowski. Lwów. 1851.

**) Польскіе читатели найдутъ Записки въ вышеупомянутой книгѣ г-на Белевскаго. Въ своемъ изданіи этотъ ученый старался собрать все, что могъ о Жолкевскомъ,—онъ напечаталъ нѣсколько актовъ, взявъ ихъ изъ моего Сборника.

Варшавскаго университета И. И. Паплонскимъ, которому считаю пріятнымъ долгомъ изъявить здѣсь свою благодарность.

въ 5-хъ) Въ первомъ изданіи находилось семь приложеній, въ новомъ ихъ сорокъ пять. Нѣкоторыя изъ нихъ въ первый разъ появляются въ печати; они были неизвѣстны даже ученому г-ну Белевскому. Я счелъ необходимымъ напечатать ихъ и на тѣхъ языкахъ, на которыхъ они были написаны; въ этомъ отношеніи исключеніе сдѣлано мною только для приложенія № 44. На это приложеніе я обращаю вниманіе читателей,—они найдутъ въ немъ много новыхъ свѣдѣній о смутномъ времени.

Приложена также (№ 45) довольно подробная біографія Жолкевскаго, въ которой читатели найдутъ доказательства о *русскомъ* происхожденіи этого замѣчательнаго человѣка; кажется доселѣ никто изъ русскихъ ученыхъ не обратилъ вниманіе на это обстоятельство, между тѣмъ какъ именно *русскимъ* происхожденіемъ Жолкевскаго объясняется многое въ его дѣйствіяхъ и ихъ успѣхѣ.

Къ большому моему сожалѣнію, разныя обстоятельства, и скорый отъѣздъ мой изъ С.-Петербурга не позволили мнѣ представить читателямъ трудъ мой на столько совершеннымъ, на сколько я этого желалъ.

Записки Жолкевскаго весьма важны въ историческомъ отношеніи, и обратили на себя вниманіе любителей отечественной исторіи *, тѣмъ болѣе, что въ нихъ описываются не одни военныя дѣйствія, но излагаются и объясняются пружины политическихъ дѣйствій въ смутное время Россіи. Привожу здѣсь то, что сказано объ нихъ въ предисловіи къ первому изданію:

Онѣ особенно замѣчательны по тому безпристрастію, съ которымъ написаны: Димитрій выставленъ самозванцемъ, какимъ онъ дѣйствительно былъ **; здѣсь описаны подробно главныя дѣйству-

*) Первое изданіе давно уже разошлось.

**) Смотри стр. 2 и слѣдующія, а также въ приложеніи № 1-й стран. 2-я.

ющія лица, низвергшія Шуйскаго, и ихъ орудія; сообщено много подробностей о князѣ Мстиславскомъ, о князѣ Михайлѣ Васильвичѣ Скопинѣ-Шуйскомъ, о Филаретѣ Никитичѣ; обстоятельно описана осада Смоленска, и отдана полная справедливость доблести Шеина; наконецъ въ запискахъ Жолкевскаго заключается много подробностей именно о томъ времени, котораго недостаетъ у Паерле, Маржерета и въ такъ называемомъ дневникѣ Марины, и которое мы знаемъ только по Маскевичу и весьма мало по Беру.

Жолкевскій является въ нихъ не только искуснымъ военнымъ человѣкомъ, но и тонкимъ и прозорливымъ политикомъ и притомъ человѣкомъ умѣреннымъ, стремящимся къ обоюдной пользѣ двухъ государствъ, и умѣвшимъ цѣнить Русскихъ лучше, чѣмъ Сигизмундъ III.

Мысль о соединеніи Польши съ Россіею и выгоды сего соединенія для обоихъ государствъ были тому слишкомъ двѣсти лѣтъ имъ постигнуты (см. стран. 108). Провидѣнію угодно было, чтобы это соединеніе было совершено не Шведскимъ домомъ Вазы, но подъ вліяніемъ благословеннаго Дома Романовыхъ.

Ст.-Петербургъ 21 Іюня 1871 г.

ГЛАВА I.

Причины войны Польши съ Москвою. — Возвышеніе Бориса Годунова. — Убіеніе Димитрія царевича.

Филиппъ Коминъ *, писатель достойный уваженія между историками, описавшій на французскомъ языкѣ дѣянія Людовика одиннадцатаго, короля Французскаго, и сына его Карла осьмаго, собиравшагося войною противъ Неаполитанскаго королевства, жалуется на нѣкоего Бриссонета, человѣка низкаго происхожденіемъ и легкомысленнаго, который своими убѣжденіями побудилъ Карла къ этой войнѣ; этого Бриссонета ставитъ онъ примѣромъ, какъ часто люди ничтожные, низкіе происхожденіемъ и душею, могутъ надѣлать много зла. Ибо эта война, сначала веденная успѣшно королемъ Французскимъ, имѣла несчастныя и гибельныя послѣдствія; она ознаменовалась ужасными кровопролитіями, разрушеніемъ городовъ и опустошеніемъ пространныхъ областей.

Такимъ же образомъ и эта Московская война, причинившая ужасное кровопролитіе и столь много бѣд-

(*) Первое изданіе его исторіи вышло въ 1524 году въ Парижѣ. Заглавіе ея слѣдующее: Chronique et histoire faite et composée par feu messire Philippe de Comines, contenant les choses advenues durant le règne du roy Loys XIe tant en France etc. Это изданіе содержитъ только шесть первыхъ книгъ, оканчивающихся смертью Людовика XI въ 1483 г. Продолженіе, заключающее 7 и 8 книги, и доведенное до

ствій, которыя еще не кончились, произошла отъ человѣка, подобнаго Бриссонету, пана Юрія Мнишка, воеводы Сендомирскаго; изъ честолюбія и корыстныхъ видовъ рѣшился онъ покровительствовать и вести на царство Московское Москвитянина, Гришку, сына Отрепьева, который обманомъ назвался царевичемъ Московскимъ Димитріемъ Іоанновичемъ. Съ помощію лести и лжи, которыя были орудіями его дѣйствій, и родственника своего ксендза Берната Мацѣёвскаго, епископа Краковскаго и кардинала, имѣвшаго въ то время большой вѣсъ при дворѣ короля, онъ достигъ того, что король явно сталъ благопріятствовать этому дѣлу, и смотрѣлъ на оное сквозь пальцы, противъ совѣта многихъ знатнѣйшихъ сенаторовъ, которымъ оно весьма не нравилось. Извѣстно было на основаніи доказательствъ, и самъ панъ воевода Сендомирскій зналъ, что сей обманщикъ не былъ Димитрій; но ослѣпленный корыстолюбіемъ и гордостію, упорно поддерживалъ это предпріятіе. (Это происходило въ 1604 году въ исходѣ осени.) Онъ набралъ не малое число людей, частію деньгами, а болѣе обѣщаніями и надеждами. Продержавъ ихъ долгое время въ окрестностяхъ Львова, къ большому угнетенію и ропоту бѣдныхъ жителей, отправился потомъ черезъ Кіевъ въ Сѣверскую Землю.

Состояніе Московской земли было таково: верхов-

кончины Карла VIII въ 1498 г., вышло въ 1528 г. Изъ новѣйшихъ изданій особеннаго вниманія заслуживаетъ изданіе съ 1840 г. Revue sur les manuscrits de la Bibliothèque royale et publiée avec annotations et éclair cissements, par Mlle Dupont. Paris, chez J. Renouard. Imprimée aux frais de la Société d'histoire de France. Филиппъ де Коминъ родился въ 1446 г., умеръ въ 1509 году.

ная власть находилась въ рукахъ Бориса Ѳеодоровича Годунова. Онъ происходилъ не отъ царской крови и не принадлежалъ къ одному изъ тѣхъ родовъ, которые въ семъ государствѣ имѣютъ свои преимущества и тщательно ихъ защищаютъ; но и не изъ низкаго происхожденія: ибо родная сестра его, по особенной красотѣ своей, сдѣлалась супругою Ѳеодора, сына царя Ивана, что приблизило Бориса къ престолу; но наиболѣе возвысился онъ великимъ, удивительнымъ умомъ, какой обнаруживалъ во всѣхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ. Онъ лишилъ жизни и царя Ивана, подкупивъ англійскаго врача, который лечилъ Ивана; ибо дѣло было таково, что еслибы онъ его не предупредилъ, то и самъ былъ бы казненъ съ многими другими знатными вельможами: казнь подданныхъ не была новостью для царя Ивана; ибо отъ начала міра не было тирана подобнаго ему.

Когда царь Ѳеодоръ наслѣдовалъ престолъ отца, и по своему кроткому характеру, занимался только молитвами и слушаніемъ церковной службы, не имѣвъ ни опытности, ни способности къ управленію столь великимъ государствомъ, то Борисъ черезъ сестру свою, супругу царскую, былъ сдѣланъ конюшимъ и намѣстникомъ Владимирскимъ, (первое достоинство въ государствѣ), а потомъ правителемъ всей земли, т. е. губернаторомъ.

Борисъ различными происками удалилъ князя Мстиславскаго, Никиту Романовича и князя Ивана Петровича Шуйскаго, которыхъ отецъ назначилъ въ видѣ опекуновъ сыну своему, зная его недостатки, и остался съ однимъ только канцлеромъ Щелкаловымъ, (человѣкомъ умнымъ и находившимся въ числѣ четырехъ, назначен-

ныхъ царемъ Иваномъ опекуновъ). Борисъ былъ съ нимъ за одно, и отъ имени царя Θеодора зятя своего, управлялъ по собственному произволу всѣмъ государствомъ, пролагая себѣ всѣ пути къ достиженію могущества и престола

Царевичь Димитрій, сынъ царя Ивана, рожденный отъ Маріи Нагой, былъ препятствіемъ къ достиженію его цѣли; онъ имѣлъ 9 лѣтъ и содержался въ Угличѣ. Борисъ успѣлъ лишить его жизни посредствомъ ужаснаго и хитраго злодѣянія. Это происшествіе весьма достопамятно, и потому вкратцѣ разскажу ходъ его. Двое дѣтей боярскихъ Никита Кочаловъ и Данилка Битяговскій были кліентами Бориса. Борисъ объявилъ имъ тайно, что есть воля государя, дабы они отправились въ Угличь и зарѣзали царевича Димитрія; потому что, какъ онъ говорилъ, нѣкоторые безпокойные люди бунтуютъ и желаютъ возвести Димитрія на престолъ, и произвесть въ государствѣ войну, безпорядки и смятеніе; что для недопущенія этого необходимо, чтобы царевича Димитрія не было въ живыхъ. Однакожъ дѣти боярскіе, (у Московитянъ царская кровь въ величайшимъ уваженіи), хотя были преданы Борису, но колебались. Борисъ сказалъ имъ потомъ: «я поведу васъ къ государю, вы то же самое услышите изъ его устъ», и ввелъ ихъ въ царскія палаты. Тамъ, тихо разговаривая съ царемъ Θеодоромъ о чемъ то другомъ, такою же хитростію обманулъ ихъ, какъ Мессалина, бремя земли, обманула императора Клавдія, мужа своего (Борисъ не зналъ сихъ примѣровъ изъ книгъ; ибо не умѣлъ ни читать, ни писать, но у него было довольно ума, особенно на зло); онъ ве-

лѣлъ прочимъ выдти изъ комнаты, и когда остались только двое боярскихъ дѣтей, началъ говорить въ слухъ царю Θеодору; «они не хотятъ вѣрить тому, что я приказывалъ твоимъ царскимъ именемъ, объяви имъ самъ что эта твоя воля». Царь Θеодоръ, полагая, что дѣло шло о томъ, о чемъ ему тихо говорилъ Борисъ, (онъ никогда не согласился бы на убійство брата, и послѣ весьма о немъ сожалѣлъ), на оное представленіе Бориса, сказалъ; «дѣлайте что приказалъ вамъ Борисъ». Такимъ образомъ, они отправились и совершили злодѣяніе [1591 г. мая 15 дня стар. ст.]. Борисъ сказалъ Θеодору, и распустилъ слухъ, что Димитрій въ припадкѣ падучей болѣзни зарѣзался ножемъ, который держалъ въ рукѣ. Однако въ слѣдстіе этого убійства Димитрія возникли большіе раздоры; народъ въ Угличѣ тотчасъ убилъ двухъ оныхъ дѣтей боярскихъ, и третьяго, который былъ наставникомъ * при Димитріи. Въ Москвѣ также было великое волненіе, но Борисъ успокоилъ и усмирилъ его своимъ умомъ, властію и царскими деньгами.

Такимъ образомъ, когда всѣ дѣла, кои ему нужны были для достиженія престола, были устроены, когда онъ отравилъ и самого царя Θеодора своего зятя, то съ видомъ не желающаго и отказывающагося возсѣлъ на престолъ, какъ будто бы принужденный къ тому просьбами народа. Многіе знатные вельможи знали его коварства и злодѣянія, но не могли противиться его могуще-

(*) Между жертвами народной ярости не было никого, кому можно было бы приписать званіе наставника царевича. Георгій Паерле въ своихъ запискахъ (С. Пб. 1832) дѣйствительно упоминаетъ о нѣкоемъ наставникѣ Симеонѣ, который будто бы спасъ жизнь царевича; Жолкѣвскій, напротивъ того, причисляетъ его къ жертвамъ народнаго мщенія.

ству; ежели кто нибудь дерзалъ отозваться такого подвергалъ смерти, губилъ. Князья Шуйскіе, самые сильные и знатнѣйшіе въ семъ государствѣ, искали разныхъ средствъ для низверженія его, но тщетно; потому что Борисъ и при царѣ Ѳеодорѣ и въ свое царствованіе обезсилилъ ихъ. Онъ лишилъ жизни князя Ивана Петровича Шуйскаго, знатнѣйшаго въ семъ родѣ, человѣка пользовавшаго уваженіемъ всего Московскаго народа и защищавшаго Псковъ отъ Стефана Баторія; заключилъ въ темницу князя Василія Шуйскаго, впослѣдствіи сдѣлавшагося царемъ, и князя Ивана его роднаго брата; умертвилъ князя Александра, роднаго брата двухъ послѣднихъ; онъ поступилъ бы также съ Василіемъ и Иваномъ Шуйскими, если бы ихъ не спасло родство Бориса съ княземъ Димитріемъ Шуйскимъ, четвертымъ братомъ (изъ двухъ родныхъ сестеръ Скуратовыхъ, одна была за Борисомъ, а другая за княземъ Димитріемъ Шуйскимъ, которая и теперь находится здѣсь съ мужемъ своимъ съ княземъ Димитріемъ Шуйскимъ). Кромѣ князей Шуйскихъ, онъ истребилъ много другихъ знатныхъ людей, выдумывая разныя обвиненія. Многіе ненавидѣли его жестокости и презирали за старость и разстроенное здоровье (онъ страдалъ водяною болѣзнію)*.

(*) Въ подлинникѣ (był hidropicus).

ГЛАВА II.

Появленіе самозванца въ предѣлахъ Московскаго государства. — Его успѣхи. Царствованіе самозванца. — Его посольство къ королю Польскому. — Умерщвленіе Лжедимитрія.

Въ такомъ состояніи находились дѣла, когда пріѣхалъ воевода Сендомирскій съ Гришкою *Разстригою* (какъ его называютъ Москвитяне); и когда появился съ нимъ на границѣ, то Московская чернь по привязанности къ крови своихъ законныхъ государей, начала стекаться къ нему. У Гришки было довольно ума, краснорѣчія и смѣлости; онъ умѣлъ обходиться со всѣми, выдавая себя за того, кѣмъ онъ не былъ. Дѣла Московскаго государства начали приходить въ безпорядокъ; Черниговъ, замокъ Украинскій принялъ его; но Новгородокъ [Новгородъ Сѣверскій] защищаемый нѣкимъ Босманомъ * сопротивлялся; Борисъ послалъ съ княземъ Мстиславскимъ для защиты Новгорода, свое войско, которому хотя и не посчастливилось, однакожъ Басмановъ удержалъ Новгородъ. Путивль, главный замокъ въ землѣ Сѣверской, возмутившись противъ Бориса, сдался обманщику. Было нѣсколько сраженій въ разныхъ мѣстахъ; пораженный обманщикъ ушелъ въ Путивль; къ счастію его, болѣзнь Бориса усиливалась. Онъ выслалъ большое войско подъ предводительствомъ князя Василія Шуйскаго, которое уже приблизилось къ Кромамъ (имя замка къ Сѣверской землѣ), какъ пришло извѣстіе, что Борисъ умеръ [1605 года апрѣля 15 стар. ст.]. Въ войскѣ воз-

(*) Т. е. *Басмановъ*; гдѣ встрѣтится имя Босманъ, мы будемъ замѣнять оное Басмановымъ.

никъ безпорядокъ; князь Василій Шуйскій, собравши всѣхъ долго говорилъ, доказывая самозванство Гришки; въ свидѣтели онъ представлялъ бывшаго тутъ же роднаго дядю самозванца, у коего онъ воспитывался по смерти отца, и который клятвенно увѣрялъ, что своими руками положилъ въ гробъ Димитрія царевича. Шуйскій просилъ и увѣщевалъ не переходить на сторону обманщика; но лучше помня присягу, данную умершему Борису, хранить вѣрность и присягу сыну его Θеодору Борисовичу. Успокоивъ войско, поручилъ оное князю Василью Голицыну и Басманову, который защитой Новгородка пріобрѣлъ большое уваженіе; а самъ отправился поспѣшно въ Москву, желая посовѣтоваться съ княземъ Мстиславскимъ, и съ братомъ своимъ княземъ Димитріемъ, и съ другими боярами, бывшими въ столицѣ, объ утвержденіи Θеодора Борисовича и объ укрощеніи сихъ возмущеній. Войско, оставшееся съ Голицынымъ, само ли по себѣ, или по наущенію, какъ сказываютъ, Голицына, взбунтовалось. Ненависть вельможъ и народа къ Борису за жестокости, по смерти его, пала на его сына. Голицынъ же и Басмановъ отправились немедленно въ Путивль къ обманщику и отъ имени всего войска изъявили повиновеніе. Самозванецъ тотчасъ отправилъ въ Москву преданныхъ ему людей. Θеодоръ, сынъ Бориса, и мать его происками какого-то Татищева были выданы, а самозванецъ былъ провозглашенъ царемъ. Отъ Путивля до Москвы, гдѣ онъ былъ коронованъ, сопровождало его съ величайшими почестями всё Московское государство, и присягнуло

ему въ вѣрности. Я не описываю этой войны подробно, избѣгая длинноты разсказа.

Посольства къ королю были отправляемы и отъ Бориса по случаю наѣзда воеводы Сендомирскаго, а также и отъ обманщика, по восшествіи его на престолъ. Нельзя не вспомнить о хитрости Москвитянъ, уже многимъ извѣстной. Самозванецъ намѣревался отправить къ королю посла; князья Шуйскіе предлагали для сего какого-то Ивана Безобразова, человѣка расторопнаго, съ которымъ они тайно сговорились. Безобразовъ нарочно отказывался отъ этого посольства, представляя разныя причины, но князь Василій выбранилъ его въ присутствіи самозванца, а сему послѣднему сказалъ, что не легко найти человѣка способнѣе Безобразова къ этому посольству; и такъ Безобразовъ, какъ будто противъ воли, принялъ на себя сію обязанность.

Безобразовъ заставъ короля въ Краковѣ, * исправлялъ посольство, *публично* отъ имени самозванца, по обычаю сохранившемуся между государями, извѣщая, что онъ съ помощію Божіею возсѣлъ на престолѣ предковъ; благодаря короля за его благосклонность и доброжелательство и предлагая сосѣдскую дружбу: *тайно* же объявилъ канцлеру Литовскому, что желаетъ переговорить съ нимъ на единѣ; но для избѣжанія подозрѣнія, и потому, что здѣсь находились Москвитяне, прибывшіе съ Безобразовымъ, не угодно было королю, чтобы канцлеръ запирался съ Безобразовымъ; рѣшили наконецъ, чтобы сей послѣдній сообщилъ просьбы свои, если у не-

---

(*) Безобразовъ пріѣхалъ въ Краковъ $^{4}/_{14}$ янв. 1606 г. См. Дневникъ Марины стр. 11, издан. въ русскомъ переводѣ Н. Устряловымъ въ 1834 г.

го были какія, старостѣ Велижскому господину Гонсѣвскому. Когда удалились свидѣтели, то онъ открылъ порученіе данное ему отъ Шуйскихъ и Голицыныхъ, приносившихъ жалобу королю, что онъ далъ имъ человѣка низкаго и легкомысленнаго, жалуясь далѣе на жестокость, распутство и на роскошь его, и что онъ вовсе недостоинъ занимать Московскаго престола; что они думаютъ, какимъ бы образомъ свергнуть его, желая ужъ лучше вести дѣло такъ, чтобы въ этомъ государствѣ царствовалъ королевичь Владиславъ. Вотъ въ чемъ заключались всѣ порученія отъ бояръ.

Безобразову отвѣчали *публично*, какъ слѣдуетъ: *тайно же* король велѣлъ сказать боярамъ, что онъ сожалѣетъ о томъ, что этотъ человѣкъ, котораго онъ считалъ истиннымъ Димитріемъ, занялъ то мѣсто, и что обходится съ ними такъ жестоко и неприлично, и что онъ король не препятствуетъ дѣйствовать по собственному ихъ усмотрѣнію. Что жъ касается до королевича Владислава, то король не увлекается властолюбіемъ, и желалъ бы сына своего склонить къ такой же умѣренности, предоставляя все дѣло Божію промыслу *.

Въ то время никто не зналъ о семъ кромѣ канцлера Литовскаго [Льва Сапѣги] чрезъ котораго шло это дѣло.

Здѣсь слѣдуетъ привести еще вотъ что: въ то время выѣхалъ изъ Москвы одинъ Шведъ, который привезъ королю его величеству извѣстіе отъ царицы Мареы, матери покойнаго Димитрія, что хотя она изъ своихъ видовъ явно и призналасъ къ этому обманщику, но что онъ

(*) Иванъ Безобразовъ, взявъ отпускъ, выѣхалъ вмѣстѣ съ воеводою Сендомирскимъ $^{12}/_{22}$ января 1606 года.

не ея сынъ. Она имѣла при себѣ воспитанницу Лифляндку по имени Розенъ, взятую во время Лифляндской войны въ плѣнъ ребенкомъ. Марѳа чрезъ нее сообщила сію тайну Шведу, желая, чтобы отъ него узналъ король *. Этотъ ея поступокъ былъ слѣдствіемъ того, что обманщикъ Растрига хотѣлъ вынуть тѣло ея сына Димитрія изъ гроба въ Углицкой церкви, гдѣ онъ былъ погребенъ, и выбросить кости его, какъ бы ложнаго или мнимаго Димитрія, что ей какъ матери родной, было прискорбно; однакожъ стараніемъ своимъ она не допустила чтобы останки сына ея были потревожены **. Въ царствованіе Шуйскаго они были перенесены въ столицу.

Воевода Сендомирскій зналъ и объ этомъ извѣщеніи матери истиннаго Димитрія; но полагая, что власть самозванца непоколебима, не покинулъ своего намѣренія. Разыгрывалась трагедія: бракъ праздновали въ Краковѣ съ великолѣпіемъ; *** невѣста отправилась въ Москву съ многочисленною свитою дѣвицъ и женщинъ, въ колякахъ и каретахъ; † свадебный пиръ кончился, и чрезъ нѣсколько дней обманщикъ былъ убитъ, и наши много потерпѣли, даже честь женщинъ не была пощажена ††.

(*) Это обстоятельство, хотя и извѣстное Нѣмцевичу, выпущено имъ въ его сочин. Panowanie Zygmunta III. Видѣвшись съ нимъ въ 1840 г. въ Парижѣ, я упрекалъ его за это. – (**) То же самое разсказываетъ и Петрей, стр. 373.—(***) Обрученіе Марины въ Краковѣ (12 ноября 1605 года) описано современными стихотворцами, а именно *Забчицемъ* въ стихотвореніи подъ заглавіемъ: Poseł Moskiewski w Krakowie, у Шареренбергера, 1608 г., *Юрковскимъ* въ стихотвореніи: Hymenaeus Naiasnieyszego Monarchy Dymitre Jwanowicza z łaski Bożey Wielkiego Czara Moskiewskiego Wolodimirskiego, Rezanskiego, Nowogrodskiego, etc. – (†) Путь Марины описанъ въ ея Дневникѣ, изданномъ Н. Устряловымъ въ русскомъ переводѣ, (С. Пб. 1834), и въ другомъ Дневникѣ, приведенномъ Когновицкимъ въ его: Zycia Sapiehow, Т. II. стр. 128. Этотъ послѣдній повторенъ Нѣмцевичемъ въ сочиненіи: Panowanie Zygmunta III. –(††) Лубенскій въ сочиненіи,

ГЛАВА III.

Воцареніе Шуйскаго.—Болотниковъ. — Появленіе втораго самозванца.— Вмѣшательство короля Польскаго въ дѣла Московскія. — Приготовленія короля къ походу. — Подвиги Скопина-Шуйскаго.

Князь Василій Шуйскій вмѣстѣ съ своими братьями, князьями Голицыными, и многими боярами былъ виновникомъ всего этого; князь Мстиславскій объ этомъ ничего не зналъ, ибо не смѣли ввѣриться ему. Этотъ же князь Василій Шуйскій съ помощію тѣхъ же, кои ему въ этомъ дѣлѣ помогали, на третій день вступилъ на престолъ Московскій, и задержавъ въ Москвѣ пословъ короля, пріѣхавшихъ на свадьбу, послалъ воеводу Сендомирскаго съ дочерью въ Ярославль, а прочихъ въ разные города Московской земли. Онъ послалъ чиновниковъ для принятія присяги во всѣ области Московскаго государства; но такое овладѣніе престоломъ по волчьему праву не понравилось многимъ, что всегда случается, когда счастіе кого-нибудь внезапно возвыситъ; такой человѣкъ не избѣгнетъ зависти тѣхъ, которые видѣли его равнымъ себѣ. Нѣкоторые желали установить свободное избраніе, подобное нашему, за что потомъ были наказаны Шуйскимъ, который, склонивъ на свою сторону народъ и стрѣльцевъ, подавилъ тѣхъ, кои отзывались съ свободнымъ избраніемъ.

изданномъ по его смерти, подъ заглавіемъ: Stanislai Lubienski episkopi Plocensis opera posthuma historica, historo-politica etc. edita ab executoribus testamenti, Antverpiae apud Joannen Meursium, MDCXLIII, подробно описалъ причины умерщвленія самозванца и ненависти къ нему русскаго народа. Возведеніе на престолъ Лжедимитрія, котораго авторъ называетъ обманщикомъ, приписываетъ онъ болѣе проискамъ самихъ Русскихъ, нежели помощи и желаніямъ Польскихъ вельможъ (стр. 155).

Хотя большая часть областей присягнула ему и повиновалась, однакожъ нѣкоторыя не хотѣли, а въ особенности въ Сѣверской землѣ Путивль, главный городъ; по примѣру его и нѣкоторые другіе не хотѣли ни присягать его имени, ниже ему повиноваться, а изъ ненависти къ Шуйскому распустили слухъ, что самозванецъ ушелъ. Эти слухи наиболѣе распространялъ князь Григорій Шаховскій, человѣкъ знатнаго происхожденія и незазорнаго поведенія, который съ помощію священниковъ и хитрыхъ происковъ внушалъ народу, что Димитрій живъ. Шуйскій послалъ потомъ войско въ землю Сѣверскую, но Сѣверяне разбили его.

Надлежало бы написать длинную исторію, чтобы разсказать все сдѣланное нѣкіимъ Болотниковымъ, человѣкомъ низкаго происхожденія, который, какъ бы отъ имени Димитрія собравъ множество войска, подступилъ къ Москвѣ, и привелъ въ большое затрудненіе Шуйскаго, и чтобы описывать всѣ битвы, осады и взятіе городовъ Тулы, Калуги и многихъ другихъ.

Бояре Московскіе, противники Шуйскаго, разослали людей по разнымъ мѣстамъ, въ особенности въ Самборъ, чтобы распрашивать о Димитріи. Между тѣмъ появился другой самозванецъ въ Стародубѣ, вовсе не похожій на перваго (развѣ тѣмъ, что былъ человѣкъ), однако Сѣверяне по ненависти къ Шуйскому охотно приняли его сторону; къ нимъ присоединились еще Велегловскіе съ Мѣховицкимъ. Потомъ князь Романъ Рожинскій * сво-

(*) Князь Иванъ Романъ Рожинскій изъ рода князей Наримунтовичей (Наримунтъ, сынъ Гедимина), послѣдній потомокъ сего имени. Набравши отрядъ изъ 1000 человѣкъ конницы, князь Рожинскій отправился къ самозванцу I, а по его убіеніи помогалъ второму самозванцу;

имъ прибытіемъ усилилъ партію втораго самозванца; поразивъ войско Шуйскаго при Болховѣ, онъ подступилъ къ Москвѣ, послѣ чего города и области начали сдаваться ему, такъ что наконецъ только нѣсколько главныхъ городовъ придерживались стороны Шуйскаго.

Видя это Шуйскій и бояре, которые при немъ находились, испугались и начали искать средствъ къ отклоненію нашихъ отъ самозванца. Василій освободилъ пословъ е. в. короля, и воеводу Сендомирскаго, заключивши съ нимъ такой уговоръ, какого только самъ желалъ, и повелѣлъ имъ противъ воли учинить присягу въ исполненіи онаго. Воевода Сендомирскій также присягнулъ, что не будетъ вступать ни въ какія сношенія съ этимъ самозванцемъ. И такъ они отправились въ путь, и ѣхали тою дорогою, гдѣ могли быть внѣ опасности отъ войскъ самозванца; но воевода Сендомирскій, забывъ о присягѣ только что данной имъ, а наиболѣе дочь его, которой очень хотѣлось царствовать, не смотря на то, что многіе достовѣрные люди извѣщали, что это совсѣмъ не тотъ обманщикъ, который былъ прежде, и даже не похожъ на него, не хотѣли ѣхать тою дорогою, которую назначилъ имъ Шуйскій, но нарочно замедляли походъ

умеръ 8 апрѣля 1610 года (н. с.) въ лагерѣ, похороненъ съ великими почестями въ Кіевѣ, по обрядамъ Греческой Церкви. Рожинскій отличался необыкновенною храбростію, но слишкомъ предавался горячимъ напиткамъ, и потому имѣлъ весьма вредное вліяніе на войско, состоявшее подъ его начальствомъ, ибо оно подражало въ семъ случаѣ своему начальнику, и вмѣстѣ съ нимъ безчинствовало. Вспыльчивый до безумія, Рожинскій въ спорѣ съ Мѣховецкимъ, сподвижникомъ Лжедимитрія, поразивъ мечемъ, убилъ его на мѣстѣ; другаго противника, ротмистра Зборовскаго, защитили только стальныя латы. Старосту Усвятскаго Яна Сапѣгу смертельно ненавидѣлъ и никогда не хотѣлъ признавать его даже равнымъ себѣ, не только что начальникомъ, при осадѣ Троицкой Лавры.

и тайно извѣстили войско самозванца, гдѣ можно было бы ихъ перехватить. И дѣйствительно случилось такъ, что послали за нимъ Александра Зборовскаго съ Іоанномъ Стадницкимъ, которые настигнувъ ихъ, нѣсколько сотъ Русскихъ приставленныхъ Шуйскимъ для конвоя, частію убили, частію же разогнали, а воеводу Сендомирскаго съ его дочерью, Малаговскаго [т. е. Николая Олесницкаго, кастеляна Малогостскаго], посла е. в. короля, помогавшаго имъ, и прочихъ съ ними находившихся отвели въ свой станъ, расположенный подъ Москвою. Прочіе же послы, ѣхавшіе дорогою, указанною имъ Шуйскимъ, благополучно прибыли на границы Великаго Княжества Литовскаго.

О договорѣ, въ соблюденіи котораго Шуйскій велѣлъ присягать посламъ е. в. короля противъ ихъ воли, я не скажу ничего: бумаги о семъ хранятся въ канцеляріи; упомяну только, что во время сихъ переговоровъ бояре Московскіе, и между прочими самъ князь Димитрій, родной братъ Василія Шуйскаго (въ чемъ онъ потомъ не сознался, напротивъ въ присутствіи гетмана и канцлера утверждалъ и говорилъ, что этого отъ него никто не слыхалъ), условливаясь съ послами е. в. короля, упоминали, что хотятъ до того довести, что Василій добровольно откажется, еслибы только король вступился въ это дѣло и далъ имъ на царство сына своего Владислава; ибо они полагали, что такимъ образомъ скорѣе бы прекратилось кровопролитіе и водворились бы въ царствѣ Московскомъ тишина и веселіе.

Еще съ дороги гг. послы писали, давая знать объ этомъ е. в. королю, и потомъ пріѣхавши еще сильнѣе

увѣряли короля и представляли ему желанія Московскаго народа. И не одни послы, но и нѣкоторыя частныя особы, пріѣхавшія изъ Москвы, какъ-то: Андрей Стадницкій и Домарацкій, такъ какъ предъ тѣмъ Безобразовъ и послы е. в. короля, утверждали, что они слышали это отъ бояръ. Посредствомъ чиновниковъ, находившихся при е. в. королѣ, просили и побуждали короля не оставлять сего дѣла.

Послѣ чего дѣло сіе начало сильно занимать короля, учинивъ совѣщаніе съ находящимися въ то время при дворѣ сенаторами, е. в. король послалъ къ гетману ксендза Фирлея, коронннаго референдарія, съ вѣрительнымъ письмомъ. Гетманъ до того времени вовсе ничего не зналъ объ этомъ дѣлѣ; онъ собирался въ походъ на Украйну, и оставивъ уже свой домъ, отправился къ войску. На дорогѣ, за нѣсколько миль не доѣзжая до Збаража, его настигнулъ ксендзъ референдарій. Вручивъ вѣрительное письмо, онъ разсказалъ ему обо всемъ томъ, что произошло и что было донесено е. в. королю объ этомъ обстоятельствѣ изъ царства Московскаго, прибавляя, что сенаторы, находящіеся при е. в. королѣ, совѣтуютъ королю не упускать сего случая, для умноженія славы и распространенія владѣній Рѣчи Посполитой, притомъ онъ требовалъ, чтобы гетманъ снесся о семъ съ воеводою Брацлавскимъ (который не давно умеръ), бывшимъ въ то время старостою Каменецкимъ *, къ коему онъ также далъ вѣрительное письмо, чтобы они вмѣстѣ собрали людей служивыхъ, и чтобы дѣятельно

(*) Янъ Потоцкій, воевода Брацлавскій, умеръ подъ Смоленскомъ 29 апр. (н. ст.) 1611 г.

помогли въ семъ предпріятіи е. в. королю. Ксендзъ референдарій упомянулъ и то, что долго было бы дожидаться собранія сейма, а дѣло въ томъ, чтобы не упустить благопріятнаго случая. А посему-то е. в. король намѣревался въ непродолжительномъ времени отправиться въ Люблинъ, а потомъ чрезъ Кіевъ въ Сѣверскую землю, изъявляя притомъ желаніе, чтобы гетманъ съ войскомъ встрѣтилъ е. в. короля въ Кіевѣ *.

Поелику дѣло сіе было предложено гетману внезапно и неожиданно, безъ всякаго предварительнаго до того времени сообщенія, то онъ объявилъ ксендзу референдарію, что желалъ бы, чтобы сіе дѣло было ведено съ утвержденія сейма; однакожъ, ежели опасность состоитъ въ замедленіи, то если только таково мнѣніе другихъ гг. сенаторовъ, онъ, какъ слуга и военный чиновникъ, не хочетъ отклонять е. в. короля отъ сего похвальнаго предпріятія, и охотно желаетъ собирать войско и всѣми силами, по возможности, споспѣшествовать оному предпріятію. Спросилъ однакожъ, имѣются ли въ готовности деньги, такъ какъ для этого дѣла онѣ нужны. Ксендзъ референдарій сказалъ, что е. в. король предви-

---

(*) Причины, побудившія короля къ объявленію войны Россіи, оффиціально изложенныя въ посланіи къ императору Матвѣю, приводитъ Лубенскій въ сочиненіи своемъ: Opera posthuma, о которомъ сказано выше. См. стр. 12.

Война была объявлена Сигизмудомъ III. 1608 года сентября 8-го дня ст. стр. (Голиковъ, Дополненія къ Дѣяніямъ Петра В. Т. I. стр. 355).

Во всемъ этомъ дѣлѣ принимали дѣятельное участіе іезуиты. Этому мы находимъ положительное доказательство въ современныхъ запискахъ и дѣлахъ. Къ сожалѣнію, большая часть оныхъ остаются доселѣ необнародованными, – не трудно догадаться по какимъ побужденіямъ.

Такимъ образомъ «рукопись Жолкевскаго болѣе двухъ сотъ лѣтъ скрывалась и гнила въ польскихъ библіотекахъ» — какъ выразилъ польскій ученый Сенькевичъ въ издаваемомъ въ Парижѣ Skarbiec historii polskiej.

дѣлъ, что гетманъ будетъ о семъ спрашивать, и повелѣлъ сказать ему, что с. в. король можетъ припасти нѣсколько сотъ тысячъ злотыхъ. Послѣ сего объясненія ксендзъ референдарій уѣхалъ отъ гетмама. Но изъ этого ничего не воспослѣдовало; видно, что епископъ Краковскій, [Бернардъ Мацѣевскій], пріѣхавши въ Краковъ, отклонилъ е. в. короля отъ этого, совѣтуя сдѣлать о семъ предложеніе на сеймѣ. Не смотря на то, е. в. король много думалъ о семъ дѣлѣ, и писалъ къ гетману письмо, доставленное ему коморникомъ Клементовскимъ въ лагерѣ. Въ письмѣ семъ е. в. король писалъ, что онъ дѣло сіе отсрочиваетъ, но не оставляетъ; и потомъ послалъ къ гетману Витовскаго, заставшаго его въ Кіевѣ. Витовскій подробнѣе разсказалъ гетману то, что говорили съ нимъ объ этомъ Московскіе бояре, и какъ они увѣряли его въ своемъ расположеніи къ е. в. королю, и что это дѣло оставлено было на разсмотрѣніе сейму, который уже собрался. Витовскій былъ отправленъ обратно гетманомъ съ одними только увѣреніями въ готовности служить въ семъ дѣлѣ е. в. королю и Рѣчи Посполитой.

Между тѣмъ начались сеймики, на которыхъ во всемъ королевствѣ была одобрена Московская экспедиція; однакожъ кромѣ того, что сіе дѣло было представлено въ тайномъ совѣтѣ, оно предложено также было на сеймѣ, и въ полномъ собраніи мнѣнія всѣхъ сенаторовъ, исключая только троихъ или четверыхъ, согласны были въ томъ, чтобы е. в. король не упускалъ сего случая. Въ посольской палатѣ не было никакого предложенія, ни рѣчи объ этомъ, и только въ молчаніи позволено

было давать эксценты тѣмъ, которые бы принимаемы были въ военную е. в. короля службу *.

Въ то время, когда разъѣзжались съ сейма (какъ это мнѣ извѣстно), гетманъ въ частной аудіенціи спрашивалъ е. в. короля, чего онъ долженъ ожидать, и ежели желаетъ исполнить сіе предпріятіе, то какими способами, какое имѣетъ войско, и сколько его, когда и какою дорогою идти. Поелику же въ прошедшемъ году е. в. король намѣревался идти чрезъ Сѣверскую землю, то гетманъ полагалъ, что и теперь, еслибы сіе намѣреніе было приведено въ исполненіе, лучше отправиться именно этою дорогою; ибо Смоленскъ, древняя крѣпость, коей укрѣпленія еще болѣе усилены Борисомъ **, еслибы не сдался добровольно, то остановилъ бы и затруднилъ е. в. короля. Таковое предпріятіе, т. е. взятіе Смоленска, требовало бы много пѣхоты и большаго снаряда орудій. Сѣверскіе же замки, деревянные, еслибы не хотѣли добровольно, то принуждены были бы покорить-

---

(*) По законамъ, съ 1562 г. и позднѣйшихъ лѣтъ, а именно, 1578, 1609, 1611 и др. люди, записывавшіеся въ военную службу, освобождались на все время войны отъ всѣхъ судовъ вообще (in genere), за исключеніемъ тяжебныхъ дѣлъ, касающихся изгнанія изъ имѣнія, насилія и исполненія судебныхъ приговоровъ. Такое освобожденіе называлось *эгземптою* или *эксцептою*, т. е. изъятіемъ.—(**) Защитивъ югъ въ Россіи новыми твердынями, Борисъ (въ царствованіе Θеодора) для безопасности нашей границы Литовской, основалъ въ 1596 г. каменную крѣпость въ Смоленскѣ, куда онъ самъ ѣздилъ, чтобы назначить мѣста для рвовъ, стѣнъ и башенъ. Θеодоръ посылалъ туда каменщиковъ изъ всѣхъ городовъ ближнихъ и дальнихъ. Строеніе кончилось въ 1600 году. И. Р. Г. Карамзина. Т. X. стр. 20. Въ Никоновской Лѣтописи (Т. VII. стр. 30) описано это заложеніе каменной крѣпости въ Смоленскѣ: Государь царь (Θеодоръ) въ Смоленскъ посла дворянъ честныхъ и повелѣ градъ дѣлати наспехъ, во всѣ же грады посла повелѣ имати каменщиковъ и кирпичниковъ, да не токмо каменщиковъ, ино повелѣ и горшешниковъ поимать и повелѣ ихъ послать въ Смоленскъ для каменново и кирпичново дѣла.

ся передъ симъ вооруженіемъ, (недостаточнымъ для взятія Смоленска). Е. в. король сказалъ въ отвѣтъ гетману, что еще онъ и самъ не рѣшилъ, какъ быть; но съ дороги, или, тотчасъ пріѣхавши въ Краковъ, объявитъ свою волю какъ касательно сего предпріятія, такъ равно и на счетъ другихъ вещей, до сего относящихся. Что же касается до дороги, кончится тѣмъ, что онъ пойдетъ на Смоленскъ; ибо его обнадеживали, что Смоленскъ добровольно хочетъ ему покориться, и что теперь объ этомъ хлопочетъ староста Велижскій [Гонсѣвскій], которому уже для осады сего города обѣщано нѣсколько сотъ людей конныхъ и пѣшихъ. Было упомянуто и о панѣ Сапѣгѣ, что когда онъ шелъ мимо Смоленска въ Москву, то еще въ то время эта крѣпость покорилась бы ему, еслибы онъ захотѣлъ занять ее именемъ е. в. короля, а не обманщика. Гетманъ прибавилъ только, что е. в. король долженъ приказать тщательно о семъ развѣдать, чтобы въ этомъ не обмануться.

И такъ е. в. король выѣхалъ изъ Варшавы въ Краковъ. Поелику же наступала весна и благопріятное для веденія войны время года, гетманъ дожидался съ нетерпѣніемъ весь великій постъ окончательнаго рѣшенія, обѣщаннаго е. в. королемъ, безпокоясь о томъ, чтобы не упустить времени [благопріятнаго], и тѣмъ не испортить всего дѣла. На той недѣлѣ * предъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ пріѣхалъ къ гетману коморникъ съ письмомъ отъ короля; письмо это заключалось въ томъ, что е. в. хочетъ поддержать это предпріятіе,

(*) Пасха Католическая, т. е. по новому стилю, въ 1609 году была 19 апрѣля.

при чемъ былъ присланъ списокъ, сколько и какихъ людей должны были набрать гетманъ коронный и гетманъ Литовскій; ибо въ то время такое намѣреніе было у е. в. короля, чтобы и гетманъ Литовскій [Карлъ Ходкевичъ] тамъ же находился. Было также назначено время выступленія короля. Сколько ни было людей въ Краковѣ, никто не надѣялся, чтобы сбылось намѣреніе короля отправиться въ путь; ибо было одно только желаніе короля, но не видно и не слышно было ни о достаточномъ количествѣ денегъ, ни о малѣйшемъ приготовленіи, котораго требовало подобное предпріятіе.

Гетманъ, видя, какъ медленно шло это дѣло, и не было слышно ни о какомъ возбновленіи [увѣренія], что Московскіе бояре остаются при томъ же расположеніи къ е. в. королю, и видя, что изъ людей военныхъ, конницы былъ небольшой отрядъ, а пѣхоты чрезвычайно мало, хотя вслѣдствіе сего и сомнѣвался въ успѣхѣ, но отклонить отъ этого е. в. короля было невозможно, ибо онъ объ этомъ и въ Римѣ и по всему свѣту объявилъ и разгласилъ; а самъ [гетманъ] съ радостію желалъ бы уклониться отъ этого, и потому послалъ къ е. в. королю Тарновскаго, извиняясь лѣтами и изнуреннымъ здоровьемъ, тѣмъ болѣе, что тамъ долженъ былъ находиться гетманъ Литовскій, который особенно при столь маломъ войскѣ, могъ бы управиться одинъ; что онъ однако употребитъ все стараніе, чтобы отправить, какъ можно скорѣе, тотъ отрядъ воиновъ, который е. в. король хочетъ имѣть, только бы выдать имъ немедленно деньги, ибо уже время выступать въ походъ. Е. в. король не хотѣлъ принять отговорокъ гетмана, непремѣн-

не желая, чтобы онъ служилъ въ сей экспедиціи, и обѣщался въ скоромъ времени прислать деньги для этой горсти солдатъ. Послѣ такого рѣшенія ничего болѣе не оставалось гетману, какъ только садиться на коня (т. е. готовиться къ походу), ибо еслибъ онъ самъ не захотѣлъ отправиться, то не легко было бы набрать солдатъ, и въ семъ случаѣ, вся эта экспедиція едвали не была оставлена: тогда онъ подвергся бы и немилости короля и сильной ненависти прочихъ; ибо могли бы выдумать, что онъ по нерасположенію своему къ этому дѣлу (такъ въ то время о семъ думали), помѣшалъ е. в. королю и Рѣчи Посполитой; что благопріятныя обстоятельства для умноженія славы и распространенія владѣній Рѣчи Посполитой по его причинѣ остались безъ пользы, и такимъ образомъ на него бы одного пала ненависть. И такъ, хотя онъ зналъ, что не сдѣлано надлежащихъ приготовленій и что нельзя было даже ожидать оныхъ, и потому по многимъ различнымъ обстоятельствамъ и уважительнымъ причинамъ, не имѣлъ надежды на желаемый успѣхъ, но пришлось ему положиться на одну милость Божію, которая чудеснымъ образомъ не рѣдко была оказываема е. в. королю. Онъ однакоже писалъ письмо къ е. в. королю, что его отговорки уступаютъ волѣ и повелѣніямъ е. в., что онъ желаетъ служить; но онъ высказалъ все то, въ чемъ считалъ за нужное предостеречь е. в. короля. Письмо это ходило по рукамъ, ибо самъ гетманъ разослалъ копіи съ онаго къ знатнѣйшимъ панамъ сенаторамъ, духовнымъ и свѣтскимъ, * На письмо данъ былъ краткій отвѣтъ, въ ко-

(*) Это письмо напечатано въ концѣ сей книги. См. приложеніе № 12.

торомъ король благодарилъ гетмана за предложеніе услугъ и совѣты, и требовалъ чтобы онъ, какъ можно скорѣе, набиралъ солдатъ, и старался, чтобы каждый изъ нихъ согласился служить въ эту экспедицію за двадцать злотыхъ.

Выѣздъ е. в. короля изъ Кракова былъ отлагаемъ въ другой и въ третій разъ, но и тогда никто не надѣялся, чтобы онъ когда нибудь отправился въ дорогу. Но напослѣдокъ е. в. король собрался въ путь; за день передъ своимъ отъѣздомъ, писалъ къ гетману, чтобы онъ къ Духову дню * на встрѣчу ему пріѣхалъ въ Люблинъ; что тамъ онъ хочетъ съ нимъ поговорить и окончательно постановить о выдачѣ денегъ.

Въ тотъ же день, въ который принесено письмо въ Жолкевь **, гетманъ отправился въ путь; ибо время не терпѣло отлагательства. Въ субботу передъ Духовымъ днемъ, онъ съѣхался въ Бѣлжицахъ съ е. в. королемъ, который въ сей же день пріѣхалъ въ Люблинъ. Въ слѣдующій день, въ Воскресеніе послѣ обѣда, на частной аудіенціи онъ представилъ е. в. королю то, о чемъ писалъ къ нему въ письмѣ, и о многихъ другихъ нужныхъ предметахъ, докладывая, сколь важное сіе предпріятіе,

---

(*) Духовъ день въ 1609 г. былъ по нов. ст. 7 іюня. (**) Жолкевъ, нынѣ главный городъ въ Жолкевскомъ округѣ въ Галиціи, имѣетъ около 6000 жителей.

Въ 1707 году, во время Шведской войны, Петръ Великій жилъ въ Жолквѣ 4 мѣсяца, съ января по май, и оттуда разослалъ по всей Польшѣ универсалъ (манифестъ), въ которомъ объявляетъ, что согласно заключенному имъ съ Рѣчью Посполитою союзу, обязался онъ принудить общаго врага Карла XII къ выгодному миру, или вытѣснить его изъ Польскихъ предѣловъ, что съ этою цѣлью онъ не только привелъ многочисленное войско, но и самъ лично поспѣшилъ, чтобы этимъ доказать свою доброжелательность Рѣчи Посполитой.

что оно требуетъ приготовленій и большихъ суммъ, что уже время года слишкомъ позднее, что путь далекъ, что войско не готово, что оно не получало жалованья, и не можетъ никакимъ образомъ иначе выступить какъ только около времени жатвы, что пока оно дойдетъ до Московской границы, то осень и морозы, которые тамъ скоро настанутъ, отнимутъ возможность вести войну. Онъ приводилъ въ примѣръ Казиміра, прадѣда е. в. короля *, который, имѣя весьма большое войско, совокупно съ сыномъ своимъ Владиславомъ, королемъ Чешскимъ, со стыдомъ остановился въ походѣ своемъ противъ Матвѣя, при Бреславлѣ, единственно потому, что поздно отравился на войну. Гетманъ, упомянулъ и о томъ, что онъ примѣчалъ въ е. в. королѣ, что е. в. можно бы было отвести отъ сего, еслибы дѣло не началось; но такъ какъ вѣсть объ немъ пронеслась далеко, и оно сдѣлалось извѣстнымъ почти всему свѣту, то рѣшился поддерживать и привести къ концу это предпріятіе. За деньгами для войска, король велѣлъ послать вслѣдъ за собою; и дѣйствительно Бродецкій получилъ въ Парчовѣ жалованье на двѣ тысячи съ половиною гусаръ и казаковъ; но и этихъ не привезъ во Львовъ, а только довольно не скоро вмѣстѣ съ квартными деньгами **.

(*) Венгерцы, недовольные правленіемъ Матвѣя Корвина, предложили корону Св. Стефана сыну Казиміра IV, короля Польскаго, именемъ Казиміру. Король Польскій отправился съ войскомъ въ Венгрію, но дошелъ только до Бреславля, а между тѣмъ Матвѣй, пользуясь медленностью сего похода, примирился съ Венгерцами и утвердился на престолѣ.—(**) Квартный (kwarciany) отъ кварты (quarta); то есть четвертой части доходовъ съ имѣній королевскихъ, назначенныхъ на содержаніе стола. Изъ этой кварты отпускалось жалованье регулярному или квартному войску, учрежденному въ царствованіе Сигизмунда Августа въ 1562 году на Петрковскомъ сеймѣ, для обереженія границъ государства отъ нападеній Татаръ.

Въ это время въ землѣ Московской произошелъ переворотъ и большая въ дѣлахъ перемѣна, ибо обманщикъ хотѣлъ царствовать самовластно, налагать невыносимые налоги и взыскивать большія подати. Наши же, находившіеся при немъ, жили развратно, убивая, насилуя и не щадя не только чего нибудь инаго, но даже церквей. Въ слѣдствіе этого, тѣ, кои уже приняли сторону обманщика, не будучи въ состояніи перенести сихъ злоупотребленій, начали отъ него переходить къ Шуйскому, еще болѣе придали имъ (Русскимъ) смѣлости, счастіе и успѣхи князя Михаила Васильевича Шуйскаго-Скопина сперва противъ Кернозицкаго, недалеко отъ Новгорода,* а потомъ подъ Тверью, противъ Зборовскаго и прочихъ бывшихъ съ нимъ.

Сей Шуйскій-Скопинъ хотя былъ молодъ, ибо ему было не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, но, какъ говорятъ люди, которые его знали, былъ надѣленъ отличными дарованіями души и тѣла, великимъ разумомъ не по лѣтамъ, не имѣлъ недостатка въ мужественномъ духѣ, и былъ прекрасной наружности; этотъ Скопинъ, будучи воеводою Великаго Новгорода, видя, что въ Московскихъ людяхъ слабая и невѣрная защита, прибѣгнулъ къ переговорамъ съ Карломъ, княземъ Судерманскимъ **. Карлъ, за деньги, присланныя ему изъ Москвы, отправилъ къ нему Якова Понтуса и Христофора

(*) Близь Старой Руссы при селѣ Каменкахъ. 25 апрѣля, Москвитяне взяли 9 пушекъ, знамена и плѣнниковъ. *Далинъ*, стр. 450. *Кар*. Т. XII стр. 121, примѣч. 378.—(**) Т. е. съ королемъ Шведскимъ Карломъ, котораго Жолкевскій называетъ княземъ Судерманскимъ [т. е. Зюдерманландскимъ]. Извѣстно, что Сигизмундъ III считалъ себя королемъ Шведскимъ; поэтому Жолкевскій не даетъ Карлу титулъ короля.

Шума *, съ шестью тысячами Нѣмцевъ, Французовъ, Англичанъ, Шотландцевъ и Шведовъ. Съ этими людьми и соединеннымъ съ ними Московскимъ войскомъ, Скопинъ началъ вытѣснять нашихъ, какъ уже было упомянуто, Керпозицкаго и Зборовскаго; и хотя наши имѣли довольно силы, такъ, что удобно могли бы противустать этому войску, но имъ недоставало должнаго устройства, по причинѣ зависти и вражды между княземъ Рожинскимъ, гетманомъ того войска, которое стояло подъ столицею, и Яномъ Сапѣгою, который съ отдѣломъ войска стоялъ подъ Троицкимъ монастыремъ **. Такимъ образомъ отъ ихъ несогласія возрастали успѣхи и слава Скопина, и какъ Москва прежде находилась въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и терпѣла голодъ, такъ съ приближеніемъ Скопина, начали подвозить изъ Рязани съѣстные припасы. До прибытія Скопина бочка ржи (равняющаяся четыремъ Краковскимъ корцамъ) продавалась слишкомъ по двадцати злотыхъ; теперь же, такъ много оной было привезено, что бочка продавалась по три злота ***.

(*) Маршалокъ Кристеръ Сумъ (см. Дѣла Шведскія, № 9 л. 2 и далѣе. Карам. Т. XII. стр. 117 прим. 371. Христіернъ Соме. Румянцовское собраніе грам. и договор. Т, II, 374, № 188).— (**) Въ 68 верстахъ отъ Москвы.— (***) Обыкновенный корецъ содержитъ въ себѣ 32 гарнца; Краковскій же, содержащій только половину, т. е. 16 гарнцевъ, равняется четвертой долѣ русской четверти, или двумъ четверикамъ; бочка же равняется русской четверти. Что касается цѣны ржи, то при Сигизмундѣ III червонецъ содержалъ въ себѣ 4 злота, слѣдовательно, до прибытія Скопина, бочка ржи стоила около 15 нынѣшнихъ рублей; потомъ же продавалась по 2 руб. 25 коп. сер. Въ Никон. лѣт. ч. VIII, стр. 112 сказано: «На Москвѣ бысть хлѣбная дороговь великая, покупаху четверть ржи семь рублевъ».

ГЛАВА IV.

Осада Смоленска. — Описаніе Смоленской крѣпости. — Защита Москвы. — Смерть Скопина-Шуйскаго. — Бѣгство Поляковъ изъ подъ Іосифова монастыря. — Возобновленіе переговоровъ Польскаго сената съ Москвою.

Таково было состояніе Москвы, когда е. в. король изъ Вильны отправился къ Оршѣ. Гетманъ, не заѣзжая въ Вильно, изъ Бреста прямо чрезъ Слонимъ направилъ путь къ Минску, гдѣ до десяти дней простоялъ подъ городомъ, послѣ чего пріѣхалъ туда е. в. король. Тамъ же тотчасъ на частной аудіенціи [гетманъ] спрашивалъ е. в. короля, на чемъ основывается е. в. въ семъ предпріятіи, есть ли какія нибудь отъ бояръ новыя подтвержденія [прежде] изъявленныхъ желаній, что извѣстно о Смоленскѣ, и о другихъ нужныхъ предметахъ. Тѣ, кои обнадеживали короля, говорили, что пока е. в. находится далеко, то боярамъ трудно отзываться въ его пользу, но когда услышатъ, что король уже въ Московскихъ границахъ, то они обнаружатъ свои желанія и хорошія расположенія къ е. в. королю.

Туда же въ Минскъ пришли письма отъ старосты Велижскаго [Гонсѣвскаго], который настаивалъ, чтобы какъ можно скорѣе идти далѣе, что въ Москвѣ дѣла въ замѣшательствѣ, что съ каждымъ днемъ открывается удобнѣйшій случай, что Скопинъ вывелъ войско изъ Смоленска, а потому есть надежда, что Смоленскъ, не имѣя людей для обороны, покорится. Е. в. король, двинувшись 52
съ мѣста, нигдѣ двухъ ночей въ одномъ мѣстѣ не отдыхалъ; и въ Минскѣ также не мѣшкая, переночевавъ только, поспѣшно чрезъ Борисовъ пошелъ къ Оршѣ, въ нѣ-

которыхъ мѣстахъ соединяя два ночлега [перехода] въ одинъ. Кромѣ людей Станислава Стадницкаго, кастелана Перемышльскаго, у котораго наиболѣе было Венгровъ, довольно распутныхъ и своевольныхъ и одной роты гетмана, никого другаго не было впереди; ибо время для собранія солдатъ было трудное, не скоро получали деньги и не могли такъ скоро отправляться, а путь былъ далекъ; однакожъ по возможности спѣшили, наиболѣе побуждалъ ихъ гетманъ, разсылая по трактамъ частые универсалы, * что е. в. король уже впереди и что военное время проходитъ.

Въ Оршѣ канцлеръ Литовскій въ особенности побуждалъ, какъ можно скорѣе, отправиться къ Смоленску. — Уже подоспѣли его люди въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, коихъ онъ привелъ на службу къ е. в. королю, и нѣкоторыя другія роты; по этому настаивалъ, чтобы король долго не оставался въ Оршѣ. Ибо хотя не отвѣчали на письмо, которое Оршанскій подстароста писалъ въ Смоленскъ, давая знать, что е. в. король идетъ; но такъ какъ вопреки Московскимъ обычаямъ, посланный съ письмомъ былъ принятъ хорошо, то и надѣялись, что военные люди вышли изъ Смоленска и что Смоленскъ намѣренъ былъ сдаться. Въ слѣдствіе сего, поспѣшно, не дожидаясь людей, которые подоспѣвали, е. в. король двинулся изъ Орши. Канцлеръ [Левъ Сапѣга] съ своею ротою и съ нѣсколькими стами человѣкъ конницы и пѣхоты шелъ впереди, и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще писалъ записки къ гетману, чтобы какъ можно скорѣе поспѣвать

(*) Т. е. объявленія, разсылаемыя для общаго свѣдѣнія.

за нимъ и не упускать случая завладѣть Смоленскомъ, потому что люди, которые должны были защищать сію крѣпость, удалились изъ нея. Эта поспѣшность очень не нравилась гетману и воеводѣ Брацлавскому, [Яну Потоцкому] который встрѣтился съ е. в. королемъ въ Оршѣ. Но такъ какъ канцлеръ подвигался все далѣе и далѣе, то, отправивъ за нимъ вслѣдъ Перемышльскаго, [т. е. Стадницкаго, Перемышльскаго кастелана] и мы должны были всѣ идти за нимъ.

Въ день Св. Михаила [1609 года 29 сент. н. с.] канцлеръ и Перемышльскій подступили подъ крѣпость, остерегаясь, чтобы имъ не подвергнуться какой-нибудь опасности; гетманъ съ тѣми ротами, которыя находились при немъ, тоже на другой день явился подъ Смоленскомъ. Е. в. король, дождавшись роты воеводы Брацлавскаго и нѣкоторыхъ другихъ, на третій день потомъ прибылъ въ лагерь; черезъ недѣлю, двѣ или три пришло еще нѣсколько другихъ ротъ.

Многіе описали и начертали положеніе крѣпости Смоленской; я кратко скажу объ этомъ. Снаружи она кажется довольно обширна; окружность ея стѣнъ полагаю до восьми тысячъ локтей, болѣе или менѣе, не считая окружности башенъ; воротъ множество; вокругъ крѣпости, башенъ и воротъ тридцать восемь, а между башнями находятся стѣны длиною во сто и нѣсколько десятковъ локтей. Стѣны Смоленской крѣпости имѣютъ толстоты въ основаніи десять локтей, въ верху же съ обсадомъ * можетъ быть однимъ локтемъ

(*) Вѣроятно зубцы, между коими бойницы.

менѣе; вышина стѣны, какъ можно заключить на глазомѣръ, около тридцати локтей.

Сперва мы посылали письма, желая ихъ склонить къ сдачѣ замка; но это было напрасно, потому что Михаилъ Борисовъ Шеинъ, тамошній воевода, не хотѣлъ входить съ нами въ переговоры и совѣщанія. Это была правда, что не мало бояръ и стрѣльцовъ вышло съ княземъ Яковомъ Борятинскимъ къ войску Скопина, и что Борятинскій, оставивъ въ Бѣлой нѣсколько сотъ Смоленскихъ стрѣльцовъ, съ боярами присоединился къ войску Скопина, подъ Торжкомъ, тамъ, гдѣ Скопинъ имѣлъ съ Зборовскимъ первое (счастливое для нашихъ) сраженіе. Но не смотря на то, въ Смоленскѣ осталось также не малое число стрѣльцовъ и бояръ. Всего же по переписи было тамъ разныхъ людей старыхъ и молодыхъ, какъ оказалось послѣ, болѣе двухъ сотъ тысячъ. Перешелъ въ Смоленскъ негодяй одинъ переметчикъ изъ Могилева или изъ Орши, который сказалъ имъ, что при е. в. королѣ нѣтъ осьми тысячъ войска. Они говорили между собою: у насъ есть болѣе нежели сорокъ тысячъ способныхъ къ бою, выступимъ и поразимъ ихъ. Это пересказывали намъ тѣ, которые въ послѣдствіи переходили къ намъ изъ крѣпости. Полагаясь на сію толщину стѣнъ, приготовленія и военные снаряды, которые были не малы; на триста почти пушекъ, кромѣ другихъ орудій; достаточное количество пороха, ядеръ и множество съѣстныхъ припасовъ, осажденные не хотѣли входить ни въ какіе переговоры.

Гетманъ созвалъ совѣтъ, по соизволенію е. в. короля; на немъ присутствовали всѣ сенаторы, сколько

нхъ было въ станѣ; спрашивали мнѣнія всякаго, кто только могъ понимать что нибудь, какимъ образомъ брать крѣпости. Въ нѣмецкой пѣхотѣ, которую привелъ староста Пуцкій, было нѣсколько иностранцевъ, которые по своему званію почитали себя свѣдущими въ этомъ дѣлѣ. Былъ одинъ старый полковникъ родомъ шотландецъ, который, вопрошенный о мнѣніи, долго говорилъ, утверждая что это звѣринецъ, а не крѣпость, что легко взять его; нѣкоторые вопрошенные надѣялись взять его ничтожными какими-то шутками. Не заключая ничего рѣшительнаго, и гетманъ явно обнадеживалъ для того, чтобы люди не теряли духа; но на единѣ королю сказалъ, что огнестрѣльный снарядъ, у него находящійся, не въ состояніи сдѣлать проломъ въ столь толстой стѣнѣ, чтобы онъ не надѣялся на петарды и подкопы, какъ нѣкоторые совѣтовали; эти хитрости удаются только тогда, когда есть возможность употребить оныя украдкою; здѣсь же непріятель взялъ свои предосторожности, и мы ничего не сдѣлаемъ ему этими хитростями. Послѣ чего онъ предостерегалъ е. в. короля, чтобы онъ не полагался на это, и чтобы лучше послѣдовалъ иному совѣту. Король, будучи убѣжденъ нѣкоторыми особами, что хитрости могутъ произвести хорошій успѣхъ, приказалъ непремѣнно оныя испытать.

Такимъ образомъ дѣло дошло до того, что устроивъ войско въ порядокъ, мы сдѣлали приступъ съ петардами къ двумъ воротамъ * : панъ Вайгеръ, староста Пуцкій, къ Копычинскимъ (Копытинскимъ), но это осталось безъ

(*) $^{2}/_{12}$ октября (Дневн. Маскевича, стр. 21).

успѣха, а Новодворскій къ Авраамовскимъ. Передъ воротами къ полю, непріятель построилъ срубы, на подобіе избъ, такъ что за сими срубами не было прямаго прохода, но должно было обходить кругомъ подлѣ стѣны, небольшимъ тѣснымъ заулкомъ, которымъ могъ только пройти одинъ человѣкъ и провести лошадь. Дошедши до этого сруба, пришлось Новодворскому съ петардою идти этимъ узкимъ заулкомъ, и то наклоняясь, по причинѣ орудій, находившихся внизу стѣны. Онъ прикрѣпилъ петарду къ первымъ, другую ко вторымъ воротамъ, и выломилъ тѣ и другія; но такъ какъ при этомъ дѣйствіи происходилъ большой трескъ, частая пальба изъ пушекъ и изъ другаго огнестрѣльнаго оружія, то мы не знали, произвели ли петарды какое нибудь дѣйствіе; ибо невозможно было видѣть воротъ за вышеупомянутымъ срубомъ, закрывавшихъ ихъ. По этому тѣ, которые были впереди, не пошли въ тотъ узкій заулокъ, не зная что тамъ происходило, тѣмъ болѣе, что условились съ Новодворскимъ, чтобы трубачи, находившіеся при немъ, подали сигналъ звукомъ трубъ, что петарды произвели дѣйствіе, но трубачи с. в. короля, которыхъ Новодворскій для сего взялъ съ собою, при всеобщемъ смятеніи неизвѣстно куда дѣвались. Сигналъ не былъ поданъ войску; такимъ образомъ конница, полагая, что петарды не произвели дѣйствія, ибо не было слышно трубнаго звука, отступила; также и королевская пѣхота, которая была уже у воротъ, отступила отъ нихъ.

Таково было слѣдствіе большой надежды на петар-

ВАРІАНТЫ. Строки 21—22 с. в. короля..... съ собою Б нѣтъ.

сы; однако потеря въ людяхъ была не велика; это происходило до разсвѣта, еще не было видно; а какъ непріятель стрѣлялъ тогда, когда мы уже были къ сему приготовлены, то по этому и потеряли мы не болѣе двадцати человѣкъ.

Послѣ сего е. в. королю заблагоразсудилось придвинуть къ стѣнѣ орудія, а послѣ испытать дѣйствіе минъ или подкоповъ. Гетманъ совѣтовалъ не прибѣгать къ этимъ средствамъ, ибо зналъ, что они не произведутъ никакого дѣйствія; но доложилъ, что если иначе быть не можетъ, и е. в. король прикажетъ, онъ при этомъ не пощадитъ трудовъ и не устрашится опасности. Громить же стѣны этими орудіями для сдѣланія такого пролома, въ какомъ предстояла надобность, почиталъ онъ безполезнымъ, что въ послѣдствіи оказалось и на самомъ дѣлѣ; на успѣшное дѣйствіе подкоповъ еще менѣе было надежды, ибо непріятель принялъ нужныя противъ этого предосторожности; отъ одного переметчика изъ крѣпости узнали мы, что непріятель вокругъ стѣнъ, со стороны поля подъ землею, подлѣ самаго фундамента, учредилъ слухи и симъ предостерегся отъ опасности.

Такъ какъ у насъ было достаточно войска, ибо почти въ это же самое время прибылъ Олевченко съ Запорожскими казаками, коихъ было до 30,000, то гетманъ совѣтовалъ лучше, окруживъ Смоленскъ укрѣпленіями, итти къ столицѣ, какъ къ главѣ государства. Тамъ при внезапномъ нападеніи, посреди страха, могъ бы представиться благопріятный случай, чтобы тѣ бояре, ко-

Варіанты. Строки 22—24 почти... до 30,000 Б *также прибыло около 50 тысячъ Запорожскихъ казаковъ.*

торые предъ симъ предложили е. в. королю свои желанія, съ приближеніемъ короля, отозвались въ пользу е. в. Что же касается до тѣхъ бояръ, которые были при обманщикѣ, а было ихъ не мало, и притомъ людей знатныхъ, то мы имѣли достаточное извѣстіе о готовности ихъ предаться къ е. в. королю. Обращалось вниманіе на то, что пребываніе подъ Смоленскомъ требуетъ и много времени и большихъ денегъ, которыхъ при самомъ уже началѣ намъ не очень доставало. Отступленіемъ отъ Смоленска, когда мы оставимъ его въ осадѣ, не сдѣлаемъ себѣ безчестія. Гетманъ приводилъ въ примѣръ, что такимъ образомъ мы поступили съ Сочавою: подступивъ подъ этотъ городъ, и видя, что у насъ нѣтъ орудій для пролома стѣнъ, а сила была въ городѣ великая, мы окружили его войскомъ, и сдѣлали укрѣпленія такъ, что наши не дали непріятелю выходить изъ крѣпости, а за собою имѣли свободный проходъ для гонцовъ, купцовъ и другихъ пріѣзжающихъ *. Эта мѣра и здѣсь могла бы быть нами употреблена, ибо ежели мы оставимъ въ трехъ укрѣпленіяхъ какую нибудь тысячу человѣкъ, то они не дадутъ никому выйти изъ Смоленска, ибо въ Смоленскѣ для защиты стѣнъ людей было довольно, но вовсе не было такого войска, которое бы они могли вывести въ поле. По этому для проходящихъ позади войска, путь будетъ безопасенъ.

Варіанты. Строки 5—6 готовности..... королю Б *что они были къ намъ расположены*.

(*) Сочава, тогдашняя столица Молдавіи, была осаждена королемъ Яномъ Альбрехтомъ въ 1497 году. Подробности военныхъ дѣйствій подъ Сочавою изложены въ книгѣ: Panowanie Kazimierza Jana Alberta i Alexandra Jagiellonczykow, wyjęte z rękopismow Jana Albertrandego. Warszawa. 1827. T. II. стр. 221.

Сначала это предложеніе понравилось е. в. королю и онъ часто вспоминалъ, сожалѣя, что такъ не сдѣлалъ. Его обнадеживали, что можно взять Смоленскъ дѣйствіемъ огнестрѣльнаго снаряда или подкопами; но эта надежда, какъ выше было упомянуто, не сбылась.

Когда времени было потеряно много, лучшія орудія, бывшія безпрестанно въ дѣйствіи, испортились, пѣхота въ шанцахъ частію заболѣла, частію же разбѣжалась; нѣкоторые были убиты и ранены.

Нѣсколько разъ напоминалъ гетманъ е. в. королю, что намъ нужно бо̀льшее количество орудій и пѣхоты (которой было весьма не много), если хочетъ взять эту крѣпость. Напоминалъ также, что нужно послать за мастерами, для перелитія сихъ испорченныхъ орудій. Но касательно умноженія пѣхоты, король отговаривался недостаткомъ, что не только не на что принять новой, но даже и этой горсти не чѣмъ платить. Объ орудіяхъ также были разныя совѣщанія, и уже е. в. король велѣлъ выписать хорошаго мастера изъ Риги, но къ несчастію, мастеръ сей былъ убитъ тамъ же въ Ригѣ и кончилось тѣмъ, что эта передѣлка орудій не состоялась. Но какъ въ Ригѣ было нѣсколько готовыхъ орудій, то е. в. король приказалъ ихъ привезти, что и было сдѣлано по рѣкѣ Двинѣ, а потомъ вверхъ по Касплѣ, выгрузивъ оныя за шесть только миль отъ Смоленска.

Варіанты. Строки 10 — 24 Нѣсколько..... а Б *Часто напоминалъ гетманъ е. в. королю, что для взятія этой крѣпости нужно сильнѣйшей артиллеріи и бо̀льшее количество пѣхоты, и что необходимо починить испорченныя орудія; а какъ въ Ригѣ было нѣсколько готовыхъ орудій, то е. в. король приказалъ привезти ихъ водою, по рѣкѣ Двинѣ.*

Подъ Москвою же, какъ я выше упомянулъ, Скопинъ очень тѣснилъ нашихъ (bardzo faldów naszym przysiadal) построеніемъ укрѣпленій, отрѣзывалъ имъ привозъ съѣстныхъ припасовъ, а въ особенности тѣмъ, кои съ Сапѣгою стояли подъ Троицею. Они нѣсколько разъ покушались подъ Колязинымъ монастыремъ и при Александровской слободѣ, но прикрываемый укрѣпленіями, Скопинъ отражалъ ихъ, избѣгая сраженія, и стѣснялъ ихъ сими укрѣпленіями [grodkami, острожками?], которыя были на подобіе отдѣльныхъ укрѣпленій или замковъ (kastellow), каковой хитрости Москвитянъ научилъ Шумъ *. Ибо въ полѣ наши были имъ страшны; за этими же укрѣпленіями, съ которыми наши не знали что дѣлать, Москвитяне были совершенно безопасны; дѣлая безпрестанно изъ нихъ вылазки на фуражировъ, не давали нашимъ ни куда выходить.

Какое было посольство е. в. короля подъ Москву **, какое отъ тамошнихъ нашихъ братій къ королю, легко узнать изъ копій. Они требовали отъ е. в. короля вещей невозможныхъ. И наше посольство причинило намъ болѣе вреда нежели пользы; ибо обманщикъ, испугавшись бѣжалъ, отъ чего воспослѣдовала страшная путаница. Обманщикъ, находясь въ Калугѣ, былъ какъ и всегда весьма щедръ на обѣщанія, а во время сихъ безпоряд-

---

Варіанты. Строки 17—19 Какое..... копій Б нѣтъ. – Строка 19 Они Б *Братья.*

(*) Начальникъ иноземной пѣхоты, приведенный Скопинымъ. См. Дневникъ Яна Сапѣги и эти записки стр. 26.

(**) Въ Дневникѣ Яна Сапѣги подъ числомъ 18/23 ноября: «Получено извѣстіе, что посланники отъ короля приближаются къ Вязьмѣ».

ковъ, города стали отставать отъ него. Щепусовъ (Серпуховъ ?), Боровскъ передались Шуйскому, потомъ и Можайскъ. Сапѣга не будучи въ состояніи устоять долѣе *, отправился изъ лагеря подъ Троицей къ Дмитрову, а потомъ, хотя Скопинъ не дѣлалъ на него нападеній, вышелъ изъ Дмитрова. Наши же въ лагерѣ подъ Москвою, не довольствуясь отвѣтомъ е. в. короля, который отказалъ имъ въ тѣхъ невозможныхъ вещахъ, зажегши лагерь, отошли къ Осипову (Іосифовъ монастырь) и Волоку (Волоколамску), орудія, которыя у нихъ были въ лагерѣ, перевезли въ Осиповъ **. Отправили снова посольство къ е. в. королю, требуя тѣхъ несправедливыхъ и невозможныхъ вещей. Король позволилъ, что можно было позволить; но они, такъ какъ князь Рожинскій (1610 г. 8 апр. н. с.) умеръ во время этого посольства, не желая поступать согласно съ волею е. в. короля, начали раздѣляться; часть, состоящая изъ знатнѣйшихъ, перешла съ Зборовскимъ къ королю, часть же, несравненно бо́льшая, отправилась къ обманщику, полагаясь на его обыкновенныя обѣщанія; а когда онъ не исполнялъ оныхъ, то Янковскій далъ знать гетману, что еслибы это было къ лучшему для е. в. короля, они отрубили бы обманщику голову, а Калугу удержали для е. в. короля. По нѣкоторымъ причинамъ не заблагоразсудилось королю убить его, ибо нѣкоторые

Варіанты. Строка 5 хотя... нападеній Б *когда Скопинъ дѣлалъ на него нападеніе.*

(*) $^{12}/_{22}$ Января. (Аврам. Палиц. Глава 57).

(**) Іосифовъ монаст. находится въ 18 верстахъ отъ Волоколамска, и былъ основанъ въ 1469 г. преп. Іосифомъ, ученикомъ св. Пафнутія, Боровскаго чудотворца. Этотъ монастырь имѣлъ въ послѣдствіи 11,422 души крестьянъ.

города и множество Московской черни придерживались самозванца; и когда бы онъ былъ убитъ, то весьма легко могло бы случиться, что эти города скорѣе покорились бы Шуйскому, нежели намъ.

Между тѣмъ Скопинъ, въ то время, когда онъ наилучшимъ образомъ приготовлялся вести дѣла, умеръ [1610 г. апр. 23 ст. с.], отравленный (какъ на первыхъ порахъ носились слухи) по навѣтамъ Шуйскаго, въ слѣдствіе зависти, бывшей между ними *; между тѣмъ, если начнешь разспрашивать, то выходитъ, что онъ умеръ отъ лихорадки [febrą umarł.] **.

Однако, такъ какъ Скопинъ къ находившимся при немъ иностранцамъ снова призвалъ на службу нѣсколько тысячъ Французовъ, Англичанъ, Шотландцевъ, то тѣ идучи отъ Новгорода, выгнали наѣздниковъ казаковъ изъ Рзова [Ржева] и Старицы, потомъ, подступивъ подъ Осиповъ, выломили ворота петардою, но наши, бывшіе тамъ съ Руцкимъ, мужественно отразили ихъ; но потомъ по причинѣ происходившихъ между ими безпорядковъ и бунтовъ, не будучи ни кѣмъ тѣснимы, оставили это мѣсто и сами доставили непріятелю случай погубить ихъ безъ всякой пользы; другіе, которые только могли, по-

---

(*) О зависти, которую питалъ царь Шуйскій къ племяннику своему Скопину Шуйскому, упоминаетъ также король Сигизмундъ въ письмѣ своемъ къ сенаторамъ. Сообщая имъ довольно подробно о тогдашнемъ состояніи Россіи, Сигизмундъ между прочимъ говоритъ слѣдующее: (Окружное письмо Сигизмунда III къ сенаторамъ): «что касается самаго столичнаго города Москвы, то и тамъ видны большіе раздоры и бываютъ частыя смятенія, по причинѣ великой ревности между Скопинымъ Шуйскимъ и теперешнимъ Василіемъ, присвоившимъ себѣ правленіе». (Дѣянія царствованія Сигизмунда III, соч. Нѣмцевича. Т. II, стр. 589 и 592).

(**) Различныя показанія историковъ о смерти князя Михайла Васильевича Шуйскаго — Скопина см. въ приложеніи № 23.

стыдно бѣжали, много было поймано и перебито; все это произошло безъ всякой причины, ибо непріятель не нападалъ на нихъ и находился въ нѣсколькихъ миляхъ, а Зборовскій и Казановскій готовы были подать имъ помощь и уже собрались было для этого.

Когда уже такіе были успѣхи Шуйскаго, наши же дѣла были стѣснены и совершенно разстроены, въ сенатѣ происходилъ совѣтъ, чтобы съ помощію трактатовъ отступить съ честію, и положено было, чтобы сенаторы на всякій случай написали письмо къ думнымъ боярамъ о прекращеніи между государствами кровопролитія и заключеніи договора. Письмо сіе было сочинено и послано чрезъ Слизня, коморника е. в. короля. По пріѣздѣ Слизня въ Царево Займище, Дуниковскій, стоявшій тамъ съ полкомъ Людовика Вейгера, послалъ въ Можайскъ, увѣдомляя, что идетъ гонецъ и чтобы выслали къ нему на встрѣчу. Въ то время были уже въ Можайскѣ съ не малымъ войскомъ князь Андрей Голицынъ и князь Данило Мезецкій, которые, получивъ наставленіе отъ Шуйскаго, отвѣчали, чтобы Слизень не пріѣзжалъ, ибо если пріѣдетъ, то сдѣлаетъ это во вредъ самому себѣ; прибавили въ письмѣ, что государь великій ни какихъ пословъ не хочетъ принимать отъ е. в. короля, и не хочетъ имѣть съ ними сношенія до тѣхъ поръ, пока онъ не выйдетъ изъ Московскаго государства. До такой степени возгордился онъ сими успѣхами и иностраннымъ войскомъ, коего при немъ было до осьми тысячъ; онъ еще болѣе набиралъ Московскаго войска и назначилъ начальникомъ надъ всѣми войсками князя Димитрія,

своего брата; ожидалъ также Татаръ, за коими было послано и былъ увѣренъ въ несомнѣнной побѣдѣ.

Такъ какъ ему удалось легко возвратить другіе города, то онъ надѣялся также взять Бѣлую, и послалъ туда князя Александра Хованскаго и князя Якова Борятинскаго съ Московскимъ войскомъ, а Эдуарда Горностайна [Эверстъ Горнъ] съ чужестранцами, которые недавно взяли Осиповъ и Волокъ. Городъ Бѣлая недавно достался въ руки е. в. короля, будучи взятъ старостою Велижскимъ [Гонсѣвскимъ], который голодомъ принудилъ Московское войско къ сдачѣ. Тамъ же находился и въ то время староста Велижскій, имѣвшій при себѣ нѣсколько сотъ солдатъ, казаковъ же около тысячи. Онъ имѣлъ съ ними [съ Русскими] стычку, нашимъ посчастливилось въ полѣ; и когда они [Русскіе] начали сильно подступать къ городу, онъ вредилъ имъ орудіями. Староста Велижскій, имѣя весьма мало пороха и съѣстныхъ припасовъ, писалъ безпрестанно, прося, чтобы его выручили и извѣщая, что онъ не болѣе одной недѣли можетъ выдержать осаду.

Было уже упомянуто, что войско, находившееся при обманщикѣ подъ столицею, послѣ его бѣгства въ Калугу и отступленія Сапѣги отъ Троицы, пришло въ замѣшательство и отступило къ Осипову и Волоку. Съ смертію [1610 г. 8 апр. н. с.] князя Рожинскаго произошло еще большее смятеніе, даже въ Хлипинѣ раздѣлившись (какъ было упомянуто), одни пошли къ обманщику, а меньшая, но лучшая часть ихъ съ полковникомъ своимъ Зборовскимъ согласились перейти въ службу е. в. короля на извѣстныхъ условіяхъ и послѣ полученія отъ короля въ подарокъ 100,000. Между тѣмъ вышеупомянутые ихъ

товарищи (т. е. преданные обманщику) пошли къ Калугѣ, они [т. е. передавшіеся теперь на сторону короля), будучи недавно приведеннымъ иноземнымъ войскомъ Скопина выгнаны какъ изъ Ржева, такъ равно изъ Старицы и изъ Зубцова, перешли на сторону е. в. короля. Казаки ушли изъ Хлипина въ Шуйскъ *, находящійся между Вязьмою и Царевымъ Займищемъ.

ГЛАВА V.

Осада Царева Займища Поляками. — Битва подъ Клушинымъ. — Пораженіе и бѣгство Димитрія Шуйскаго.

Въ Вязьмѣ былъ полковникъ Мартинъ Казановскій, имѣвшій съ собою до 800 людей вольныхъ; Самуилъ Дунико́вскій, при коемъ было также около 700 человѣкъ, стоялъ въ Царевѣ Займищѣ. Поелику наши стояли въ разныхъ мѣстахъ, и слышно было, что Московскія войска болѣе и болѣе собирались, то обстоятельства показывали, что нужно было послать кого нибудь облеченнаго властью, для соединенія и приведенія нашихъ войскъ въ порядокъ. Положено было, чтобы е. в. король далъ порученіе воеводѣ Браславскому идти съ отрядомъ для соединенія съ бывшими впереди и для отраженія непріятеля. Имѣлось еще въ виду и то, что когда бы тамъ былъ кто нибудь облеченный властью, то Московскіе бояре, вѣроятно, обнаружили бы прежде изъявленныя желанія. Воевода Брацлавскій [Янъ Потоцкій] принялъ это на себя **, но

(*) Селеніе на рѣкѣ Каснѣ въ Вяземскомъ уѣздѣ.

(**) Непріязненныя отношенія, бывшія между гетманомъ Жолкевскимъ и воеводою Брацлавскимъ, объясняютъ намъ невыгодное для воеводы прибавленіе, сдѣланное въ спискѣ М. Приводимъ о семъ об-

или по слабости здоровья, или по другой какой либо причинѣ торговался съ е. в. королемъ на счетъ войска, которое хотѣлъ взять съ собою, и о наградахъ, какъ для себя, такъ и для тѣхъ, коимъ надлежало идти съ нимъ; такимъ образомъ этотъ походъ не состоялся. Когда Московское войско вмѣстѣ съ иностранцами стало сильно напирать и выгнало нашихъ, какъ уже было упомянуто, изъ Волока и Осипова и разгромило ихъ, о князѣ же Димитріѣ было слышно, что онъ въ Можайскѣ собиралъ войско; то е. в. король, видя, что дѣла въ опасномъ положеніи, ибо, еслибы Москвитяне одержали побѣду надъ войскомъ, находящимся въ Вязьмѣ, въ Шуйскѣ, въ Царевѣ Займищѣ, что могло случиться по причинѣ своевольства сего войска и отдаленности различныхъ постовъ, то весьма трудно было бы удержаться и подъ Смоленскомъ, приказалъ гетману, взявъ съ собою отрядъ (который былъ гораздо малочисленнѣе предлагаемаго воеводѣ Брацлавскому), отправиться и присоединиться къ тѣмъ войскамъ и обще съ ними дѣйствовать противъ непріятеля. Хотя гетманъ чувствовалъ, что съ малою

Варіанты. Строки 1—5 или по слабости..... состоялся Б *по слабости здоровья онъ не могъ согласиться на то.* Строки 13—19 что..... и обще Б *приказалъ гетману взять съ собою отрядъ войска, идти и присоединиться къ тѣмъ войскамъ и вмѣстѣ.*

стоятельствѣ слова Маскевича, почерпнутыя изъ его Дневника (стран. 33, Русское изданіе Устрялова 1834): «И такъ рѣшено было отправить войско. Въ то самое время возникъ споръ между паномъ гетманомъ и панами Потоцкими, кому итти противъ непріятеля. Король хотѣлъ, чтобы выступили Потоцкіе съ своимъ полкомъ, а гетмана желалъ оставить при себѣ подъ Смоленскомъ. Но Потоцкіе, помышляя только о собственной славѣ и надѣясь присвоить себѣ честь покоренія Смоленска, который скоро долженъ былъ сдаться, не хотѣли выступить въ поле, и чтобы найти предлогъ къ неповиновенію, возмутили товарищество: они оправдывались непослушаніемъ войска. Панъ гетманъ, видя ихъ

горстію людей надлежало ему идти на вѣрную и явную опасность, однакожъ лучше желалъ пуститься на удачу, нежели оставаться подъ Смоленскомъ, взятіе коего всегда казалось ему труднымъ, ибо не было приготовленій и такой силы, съ которою можно бы надѣяться взять эту крѣпость. Воевода Брацлавскій имѣлъ опытность въ полѣ, но былъ несвѣдущъ въ осадѣ крѣпостей: онъ считалъ эту крѣпость ничтожною, называлъ ее курятникомъ и радовался тому, что за отъѣздомъ гетмана поручено ему было взять оную.

Гетманъ, написавъ полковникамъ, бывшимъ впереди, чтобъ они собрались въ одно мѣсто, употребилъ только четыре дня для осмотра челяди, собранной изъ разныхъ деревень, для подкованія лошадей и для починки повозокъ, пустился въ эту дорогу. Въ тотъ самый день, когда онъ готовился сѣсть на коня, получено отъ старосты Велижскаго извѣстіе объ осадѣ Бѣлой и вмѣстѣ привезено нѣсколько плѣнныхъ Шотландцевъ. Тотчасъ извѣстивши объ этомъ е. в. короля, онъ обратилъ назадъ пѣхоту съ орудіями и обозами, отправившуюся по дорогѣ къ Вязьмѣ и направилъ оную на Бѣлую для поданія помощи своимъ. Москвитяне и иностранцы, видя, что тутъ дѣла идутъ иначе чѣмъ подъ Ржевомъ и Осиповымъ, и что староста Велижскій твердо противъ нихъ

Варіанты. Строки 6 — 7 опытность..... крѣпостей Б *имѣлъ большую опытность въ полѣ, но въ осадѣ крѣпостей, прежде сего чтобы дѣлалъ какой либо опытъ — неизвѣстно.*

притворство, и зная, сколь необходимъ былъ предназначенный походъ, вопреки обыкновенію и приличію, оставилъ станъ и короля подъ Смоленскомъ, а самъ отправился въ поле съ своимъ полкомъ и съ полкомъ II. Струся».

стоялъ, притомъ услыша о приближеніи гетманова отряда, оробѣли, и въ тоже время нѣсколько Англичанъ передались въ городъ [Бѣлую], а прочее войско какъ иностранное, такъ и Московское, начало поспѣшно отступать къ Ржеву, и переправилось за рѣку.

Гетманъ пришелъ подъ Бѣлую 14-го Іюня; тамъ отдохнувъ два дня, на шестый присоединился къ своему войску, которое уже собралось подъ Шуйскомъ и остановилось надъ протекавшею тамъ рѣкою, окружилъ свой лагерь рогатками. Къ нимъ присоединились, въ слѣдствіе письма гетмана, два полка вольныхъ казаковъ, одинъ съ Пясковскимъ, слугою князей Збаражскихъ, а другой съ нѣкоторымъ Ивашинымъ. Въ этихъ полкахъ находилось болѣе трехъ тысячъ людей разныхъ.

Близость непріятеля была причиною тому, что наши окружили себя рогатками, ибо хотя князь Димитрій Шуйскій еще находился въ Можайскѣ, ожидая Понтуса, оставшагося въ Москвѣ и торговавшагося съ царемъ о деньгахъ, но прислалъ въ Царево-Займище, лежащее въ двухъ миляхъ только отъ Шуйска, войско съ княземъ Елецкимъ и Григоріемъ Волуевымъ, котораго войска, какъ потомъ расказывалъ самъ Волуевъ, распоряжавшій всѣмъ, было десять тысячъ. Мы полагали его въ восемъ тысячъ конницы и пѣхоты.

Князь Димитрій намѣревался вытѣснять насъ успѣшнымъ *фортелемъ*, употребленнымъ Скопинымъ *; поэтому онъ приказалъ Волуеву построить городокъ [укрѣпленіе] при Царевѣ [Займищѣ], что и было сдѣлано Волуевымъ съ большою поспѣшностію.

(*) См. стран. 36.

Переночевавъ только подъ Шуйскимъ, на слѣдующій день гетманъ двинулся къ Цареву [Займищу], ибо поспѣшалъ, дабы не дать Волуеву укрѣпиться въ этомъ городкѣ. Обходя мосты, которые тамъ весьма длинны, гетману пришлось сдѣлать крюкъ. Поелику солдаты полка Зборовскаго были непослушны, привыкнувъ къ этому во время долгаго пребыванія въ своевольномъ войскѣ, гетманъ принужденъ былъ останавливаться и посылать къ нимъ; но не смотря на то, они все таки съ нимъ не пошли. Гетманъ, взявъ съ собою полки Казановскаго и Дуниковскаго и казаковъ, успѣлъ только пройти одну милю въ направленіи къ Цареву [Займищу]. Разставивъ войско, желая собрать свѣдѣнія, чтобы не идти слѣпо на удачу, и лично разсмотрѣть, какъ расположился непріятель, гетманъ подъ вечеръ взялъ съ собою около тысячи человѣкъ, и подъѣхалъ къ Цареву.

Царево Займище основано Борисомъ надъ рѣкою, близъ которой онъ устроилъ прудъ и насыпалъ плотину чрезвычайно широкую (великолѣпную, какъ и всѣ его строенія) такъ, что по ней могутъ идти рядомъ около ста лошадей; за этою плотиною, на разстояніи нѣсколькихъ стадій, на выстрѣлъ изъ хорошаго фалконета, Волуевъ построилъ городокъ.

На пути отъ нашего стана пришлось намъ спускаться къ мѣстечку, которое было зажжено. Волуевъ, увидѣвъ насъ на этой горѣ, вывелъ до трехъ тысячъ конницы и пѣхоты на упомянутую плотину, на которой начали сражаться съ нашими; нашимъ удалось убить до десяти Москвитянъ и захватить одного ротмистра и дру-

Варіанты. Строки 19—20 (великолѣпную..... строенія) Б нѣтъ.

гаго стрѣльца, а наши не понесли никакой потери, только двое или трое ранено, и то легко. Москвитяне не узнали бы о томъ, кто мы таковы, еслибы отъ насъ не передался къ нимъ измѣнникъ Москвитянинъ; узнавъ отъ него, что здѣсь гетманъ, они опасались засады, которой не было; въ послѣдствіи опытные воины порицали гетмана за то, что онъ подвергся такой опасности. Однако Волуевъ, опасаясь засады, не смѣлъ напасть; а напротивъ того, приказалъ людямъ возвратиться къ городку. Гетманъ, который уже разсмотрѣлъ все, что ему было нужно, приказалъ дать сигналъ трубою къ отступленію. Въ часъ отъ начатія ночи мы возвратились въ свой станъ.

На слѣдующій день, 24-го Іюня, т. е. въ день Св. Іоанна, гетманъ двинулъ войско къ Цареву. Станъ расположился на той горѣ, съ которой видно было мѣстечко; на сказанномъ выше пепелищѣ въ концѣ плотины онъ приказалъ остановиться пѣхотѣ. Казаки стали нѣсколько ниже на другой сторонѣ мѣстечка подлѣ болота. Намѣреніе гетмана было, днемъ стоять на этомъ мѣстѣ, а уже ночью перейти чрезъ плотину и тамъ за городкомъ на Можайской дорогѣ расположить войско, чтобы отнять у Волуева средства и надежду на помощь. Но какъ въ прочихъ дѣлахъ, а въ особенности въ дѣлахъ военныхъ, не всегда такъ бываетъ, какъ кто задумаетъ, то и въ это время случилось тоже. Волуевъ держалъ своихъ людей въ городкѣ, можетъ быть числомъ до ста всадниковъ, которые разъѣзжали подлѣ самаго городка.

Варіанты. Строки 5—9 которой..... возвратиться Б *не смѣли напасть и напротивъ того приказали возвращаться.*

На плотинѣ надъ спускомъ былъ мостъ, который онъ велѣлъ разобрать, а на самой плотинѣ въ сторонѣ, въ рытвинахъ, образовавшихся отъ дождевой воды и въ чащѣ, которая была внизу плотины и почти какъ бы стѣною соединялася съ ней, засадилъ нѣсколько сотъ стрѣльцовъ, которыхъ намъ видѣть было невозможно, пока они не начали двигаться. Волуевъ, зная стремительность нашихъ людей, сдѣлалъ это, въ надеждѣ что они въѣдутъ на эту плотину, такъ какъ вчера, безпечно, и претерпятъ пораженіе отъ стрѣльцовъ, находящихся въ засадѣ. Но это не удалось, ибо хотя не было видно людей на плотинѣ, но гетманъ, коему чаща, находящаяся подлѣ нея, казалась подозрительною, запретилъ выходить и выѣзжать на эту плотину. Москвитяне, находившіеся въ засадѣ въ этихъ рытвинахъ подлѣ плотины, видя, что наши останавливаются и не идутъ на плотину, соскучивши начали изъ рытвинъ перебѣгать другъ къ другу. Наши, которые за этимъ наблюдали, примѣтили ихъ; потомъ чтобы не осрамить себя и не впасть въ подозрѣніе у непріятеля за то, что мы, стоя такъ близко, не осмѣливаемся на него напасть, панъ гетманъ велѣлъ пѣхотѣ стать въ боевой порядокъ; нѣсколько сотъ казаковъ спѣшилось, одни зашли съ другой стороны плотины, какъ бы черезъ прудъ, ибо мѣсто было доступно, потому что прудъ былъ прорванъ. Москвитяне, находившіеся на другой сторонѣ плотины, не замѣтили, что наши къ нимъ подкрадываются, и какъ скоро поровнялись съ ними, то одни подскочили къ нимъ открыто на плотину, а другіе изъ подъ плотины выбѣжали на нее,

---

Варіанты. Строки 19—20 чтобы..... у непріятеля Б нѣтъ.

начали стрѣлять, сражаться; Москвитяне тотчасъ бросились бѣжать тою чащею, наши стали ихъ преслѣдовать. Пѣхота быстро напала, пройдя рѣку, чрезъ которую конные не могли пройти, ибо мостъ, какъ было упомянуто, былъ разобранъ непріятелемъ. Гетманъ, опасаясь, чтобъ пѣхота отъ своей быстроты не подверглась опасности, приказалъ скорѣе устроить мостъ, что было исполнено немедленно; онъ велѣлъ тотчасъ конницѣ проходить рѣку для поданія помощи пѣхотѣ и немедленно переправилось тысяча конныхъ. Когда Волуевъ увидѣлъ, что его пѣхота бѣжитъ отъ плотины, наши же быстро преслѣдуютъ ее, то онъ, желая и своимъ подать помощь и истребить нашу пѣхоту, видя ее одну безъ конницы, вывелъ изъ городка до трехъ тысячъ людей конныхъ и пѣшихъ. Но такъ какъ наша конница переправилась скоро, то наши и вступили съ ними въ бой на томъ полѣ, которое находилось подъ городкомъ, и поразили ихъ такъ, что одни побѣжали въ городокъ, а другіе въ сторону около городка; такъ пѣхота наша была спасена.

Однако въ этой стычкѣ не обошлось безъ урона; нашихъ убитыхъ и раненыхъ было слишкомъ двадцать, а между прочими былъ застрѣленъ и положилъ голову Мартинъ Вайгеръ, любезный юноша, придворный е. в. короля. Москвитяне потеряли несравненно болѣе, притомъ десятокъ человѣкъ ихъ было взято въ плѣнъ.

Поелику это сраженіе произошло болѣе случайно, нежели съ намѣреніемъ, и наши завладѣли плотиною, взятіе коей, по предположенію гетмана, было сопряжено съ большею трудностію, то онъ велѣлъ какъ наилучше починить мостъ, и тотчасъ на противоположной сторонѣ

плотины противъ городка поставилъ отрядъ; на слѣдующій же день со всѣмъ войскомъ перешедши черезъ плотину, расположился на большой дорогѣ, идущей отъ Можайска, откуда Волуевъ ожидалъ подкрѣпленія; полкъ Зборовскаго услышавъ, что гетманъ сражается съ непріятелемъ, въ тотъ же день къ нему присоединился; въ этомъ полку было много храбрыхъ людей, которые сожалѣли, что не участвовали въ сраженіи.

Мнѣніе нѣкоторыхъ было штурмовать городокъ; въ доказательство представляли, что непріятель, приведенный въ смятеніе, не выдержитъ нападенія; но гетманъ видя, что дѣло опасно и сопряжено съ большими трудностями, (ибо непріятель хорошо укрѣпился, а Московскій народъ весьма упорно защищается), и зная отъ плѣнныхъ, что войска имѣютъ весьма большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, ибо они тѣмъ только и питались, что каждый изъ нихъ принесъ съ собою въ сумахъ или мѣшкахъ [саквахъ], гетманъ хотѣлъ обложеніемъ принудить ихъ къ сдачѣ. Чтобы воспрепятствовать привозу съѣстныхъ припасовъ, какъ для нихъ такъ и для лошадей, приказалъ строить небольшіе городки [укрѣпленія], въ мѣстахъ удобныхъ и окопать ихъ рвомъ; эти укрѣпленія, окруженныя рвами, могли вмѣщать до ста человѣкъ, особенно противъ того мѣста, откуда брали воду. Въ этихъ укрѣпленіяхъ помѣстилъ частію пѣхоту, частію казаковъ, а по недостатку пѣхоты конница, видя необходимость, пахоликами своими * препятство-

Варіанты. Строки 7—8 въ этомъ..... сраженіи Б нѣтъ. Строки 19—21 Чтобы ..... лошадей Б нѣтъ.

(*) Пахоликами назывались оруженосцы товарищей, для отличенія отъ лагерной челяди или отъ простыхъ служителей. Каждый гусаръ

вала выходить непріятелю. Ибо они покушались каждый день, дѣлая по нѣскольку разъ вылазки, но весьма неудачно, ибо наши изъ оныхъ городковъ отстрѣливались отъ нихъ, въ особенности у рѣчки. Какъ послѣ разсказывалъ самъ Волуевъ, у нихъ было убито до пяти сотъ человѣкъ; и у насъ, особенно въ пѣхотѣ, при частыхъ стычкахъ, не обошлось безъ урона.

Волуевъ, будучи стѣсненъ такимъ образомъ, посылалъ и посылалъ гонцевъ, которые ночью прокрадывались лѣсами, къ князю Димитрію Шуйскому, находившемуся подъ Можайскомъ, на разстояніи двѣнадцати миль оттуда, давая знать о своей опасности, и увѣдомляя, что ежели вскорѣ его не выручатъ, то по недостатку съѣстныхъ припасовъ, онъ не будетъ въ состояніи удержать войска, ибо и теперь уже нѣкоторые начали совѣщаться съ Москвитянами, находящимися при гетманѣ.

Послѣ чего князь Димитрій Шуйскій, собравшись какъ съ своимъ, такъ и съ иноземнымъ войскомъ, (ибо

Варіанты. Строка 9 и посылалъ Б нѣтъ. Строки 9—10 которые..... лѣсами Б нѣтъ.

имѣлъ обыкновенно двухъ или не болѣе трехъ пахоликовъ или рядовыхъ. Они были вооружены также, какъ и гусары копьями, но не имѣли латъ; на плечахъ вмѣсто тигровой кожи носили мѣхъ изъ бѣлаго медвѣдя и крыло изъ орлиныхъ перьевъ. Долгое время сохранялись на древнихъ картинахъ изображенія пахоликовъ съ двумя таковыми крыльями за плечами. Они также участвовали въ сраженіи и иногда употреблялись для собранія съѣстныхъ припасовъ: «Прежде выступленія пана гетмана изъ подъ Смоленска, отправлено было изъ всего войска въ деревни *за съѣстными припасами 1800 пахоликовъ*, и для большаго порядка послано съ ними по два товарища изъ роты (Дневникъ Маскевича, стр. 35)

У королей были также пахолики, званіе соотвѣтственное пажамъ. Марина, во время пребыванія ея въ Москвѣ, имѣла также своихъ пахоликовъ (Дневникъ Маскевича стр. 177 и 190).

Понтусъ изъ Москвы уже пришелъ вслѣдъ за ними), двинулся къ Цареву-Займищу, полный доброй надежды, что многочисленности и силѣ его рати, на которую онъ весьма полагался, не будетъ въ состояніи противустоять наша, коей незначительное число ему было извѣстно. Онъ пошелъ не по большему тракту, но сдѣлавъ небольшой крюкъ къ Клушину; ибо съ той стороны ему было удобнѣе имѣть сношенія съ Волуевымъ; по той же причинѣ избралъ сію дорогу и Эдуардъ Горностаинъ, съ иностраннымъ войскомъ, съ которымъ онъ недавно пришелъ изъ Ржева къ Погорѣлой *.

Распространилась молва въ нашемъ войскѣ объ огромности и силѣ непріятельскаго войска, и нѣкоторые боялись, чтобы оно не подавило насъ своею громадою. Въ войскѣ также происходили неблагопріятные толки о гетманѣ, что ему постыла жизнь, и что онъ вмѣстѣ съ собою хочетъ погубить и свое войско. Гетманъ же, зная что въ трудныхъ обстоятельствахъ, какъ для е. в. короля, такъ и для Рѣчи Посполитой, все зависѣло отъ успѣха, съ коимъ Богъ сподобитъ окончить дѣло съ Димитріемъ Шуйскимъ, рѣшился испытать съ нимъ счастія; ибо отступленіе не только было бы постыдно, но и опасно. Чрезъ посланныхъ гетманъ развѣдывалъ безпрестанно о движеніи князя Шуйскаго отъ Можайска. Ротмистръ Невѣдоровскій, отправленный для полученія извѣстій о непріятелѣ, захвативъ нѣсколько боярскихъ дѣтей, посланныхъ въ сторону за съѣстными припасами,

Варіанты. Строка 22 ибо ..... опасно Б нѣтъ. Строка 27 посланныхъ..... припасами Б нѣтъ.

(*) *Погорѣлов* городище, древній городъ, нынѣ село въ Тверской губерніи.

возвратился утромъ 3-го Іюля съ сими плѣнными, отъ которыхъ достаточно узнали, что въ слѣдующую ночь князь Димитрій будетъ ночевать подъ Клушинымъ.

Въ это время пристали къ намъ пять Французовъ и Шотландцевъ; они принадлежали къ тому войску, надъ которымъ начальствовалъ Эдуардъ Горнъ, и также извѣстили насъ, что войска уже собрались *.

Еще передъ этимъ въ Бѣлой, какъ выше было упомянуто, нѣсколько человѣкъ, а потомъ и нѣсколько десятковъ этихъ иноземныхъ воиновъ, передались къ намъ, и обнадеживали, что еще большее число ихъ сотоварищей послѣдовали бы за ними, еслибы только гетманъ написалъ къ нимъ. Гетманъ, желая воспользоваться случаемъ, чтобы привести ихъ въ замѣшательство или поссорить, наградивъ одного Француза, который взялся за это дѣло, написалъ къ нимъ письмо на Латинскомъ языкѣ, которое по краткости его я передаю здѣсь слово въ слово:

«Между нашими народами никогда никакой не происходило вражды. Короли наши всегда были и теперь остаются во взаимной дружбѣ. Когда вы не оскорблены со стороны нашей никакою обидою, то несправедливо, чтобы вы дѣйствовали противъ насъ, и подавали помощь Москвитянамъ, природнымъ врагамъ нашимъ. Что

(*) Здѣсь мы находимъ разногласіе въ извѣстіяхъ двухъ очевидцевъ: Жолкевскаго и Маскевича, изъ коихъ послѣдній говоритъ: (см. Дневн. Маск. стр. 39) «Нѣмцы объявили, что они *нарочно передались къ намъ*» и увѣдомили подробно о всѣхъ «намѣреніяхъ непріятеля»; замѣтьте, *наканунѣ* главнаго сраженія. Жолкевскій упоминаетъ о Нѣмцахъ вскользь, сказавъ: «къ намъ *пристали* и проч.,» а главными виновниками собранныхъ свѣдѣній дѣлаетъ боярскихъ дѣтей, взятыхъ будто бы отрядомъ его (смотр. стр. 51), о коихъ Маскевичъ вовсе не упоминаетъ.

касается до насъ, то мы всегда готовы на то и на другое; вы же сами разсудите, желаете ли лучше быть нашими врагами или друзьями. Прощайте.»

Этотъ Французъ былъ отведенъ къ войску Горна, еще передъ соединеніемъ сего послѣдняго съ княземъ Димитріемъ, но бѣдняку не посчастливилось, ибо Горнъ, узнавъ объ немъ, приказалъ его повѣсить. Слѣдствіемъ сего было однакожъ то, что возникли сѣмена раздора между солдатами и вождемъ ихъ.

Когда такимъ образомъ, какъ выше было упомянуто, и отъ Французовъ и отъ захваченныхъ языковъ были собраны свѣдѣнія о приближеніи непріятельскаго войска, гетманъ созвалъ все рыцарство на совѣтъ *; на коемъ представивши полученныя уже извѣстія, что часть непріятельскаго войска находится при Клушинѣ, ** отстоявшемъ на четыре мили, предлагалъ вопросъ: выгоднѣе ли выступить, оставивъ для осады городка часть войска, и встрѣтить непріятеля на дорогѣ, или дожидаться его на мѣстѣ.

Мнѣнія были различны, какъ это обыкновенно бываетъ, ибо одни, по малочисленности нашего войска, утверждали, что его раздроблять невозможно, потому что когда мы раздѣленіемъ ослабимъ наши силы, непріятель можетъ насъ истребить, и къ тому же по вы-

(*) Маскевичъ (стр. 39) разсказывая о бывшемъ совѣтѣ, прибавляетъ: «Москвитяне думали напасть на насъ на слѣдующій день, а мы рѣшились ударить на нихъ сегодня. Они стояли отъ насъ только въ 4 миляхъ.»

(**) Клушино, село казенное, Смоленской губ., Гжатскаго уѣзд. на Тверскомъ транспортномъ трактѣ, при рѣчькѣ Дубнѣ, отъ Гжатска въ 19-ти верстахъ. Въ 1868 г. дворовъ 146, жителей муж. и жен. пола 901. (Списки населенныхъ мѣстъ Рос. Имп. Смолен. губ. 1868 г. стр. 158).

ступленіи нашего отряда, Москвитяне, находящіеся въ городкѣ, узнавъ о томъ, и полагая, что въ лагерѣ нашемъ слабая защита, могли бы напасть на оный. Однакожъ не мало было такихъ, которые предлагали, оставивъ, по возможности, отрядъ въ лагерѣ, встрѣтить непріятеля на маршѣ, ибо, ежели позволишь ему приблизиться, то онъ, можетъ быть, не вступая въ сраженіе, сталъ бы тѣснить насъ городками, и отнялъ бы возможность получать съѣстные припасы, какъ это случилось подъ Александровскою слободою, подъ Троицею и подъ Дмитровымъ, и такимъ образомъ, не принимаясь за оружіе, могъ бы легко насъ побѣдить.

Гетманъ не преклоняясь окончательно ни на ту, ни на другую сторону, предоставилъ это себѣ на дальнѣйшее размышленіе, однако приказалъ, чтобы были готовы къ походу, ежели онъ будетъ объявленъ. Хотя собственно въ умѣ своемъ рѣшилъ онъ встрѣтить непріятеля на маршѣ, однакожъ медлилъ, сколько возможно, открыться въ этомъ, опасаясь чтобы какой нибудь измѣнникъ (онъ болѣе всего остерегался Москвитянъ, которыхъ въ лагерѣ было не мало) не предостерегъ и не далъ знать войску князя Шуйскаго и Волуева. За часъ только предъ выступленіемъ, онъ разослалъ приказы войску двинуться безъ трубъ и барабаннаго боя, въ такомъ порядкѣ, какой былъ назначенъ въ письменныхъ повелѣніяхъ, данныхъ полковникамъ; ибо Волуевъ, услышавъ барабанный бой, легко могъ бы догадаться, что наши тронулись съ мѣста.

Изъ тѣхъ, кои были въ виду городка, никто не двинулся, чтобы не подать непріятелю ни малѣйшаго подо-

зрѣнія. Гетманъ поручилъ лагерь и осаду городка ротмистру, Якову Бобовскому, оставивъ при немъ семь сотъ человѣкъ конницы, всю пѣхоту е. в. короля и два полка казаковъ *; самъ же онъ за два часа до захожденія солнца, соблюдая тишину, двинулся съ войскомъ, приготовленнымъ къ бою. Въ это время ночи бываютъ коротки; всю ночь мы шли лѣсомъ эти четыре мили; дорога была дурная; мы однако подошли къ непріятелю, когда еще не начало разсвѣтать. Непріятель пренебрегалъ нами по причинѣ малочисленности нашего войска, и никакъ не ожидалъ, чтобы у насъ достало смѣлости отважиться противъ столь великой силы; напротивъ того онъ полагалъ, что мы намѣревались бѣжать, не дожидаясь ихъ подъ Царевымъ-Займищемъ. Съ вечера Понтусъ ** былъ у князя Шуйскаго на пиру, и при полученіи денегъ, ибо въ этотъ день дано было иноземцамъ триста тысячъ съ половиною злотыхъ, говорилъ съ хвастовствомъ: «когда я былъ взятъ въ плѣнъ съ воинами Карла въ Вольмарѣ ***, гетманъ подарилъ мнѣ рысью

Варіанты. Строки 7 — 8 дорога была дурная Б нѣтъ.

(*) О числѣ оставленныхъ войскъ, Маскевичъ говоритъ опредѣлительнѣе, почему и приводимъ здѣсь его слова (Дневникъ стр. 37). «Оставивъ въ ономъ (въ лагерѣ) двѣ роты, въ коихъ считалось 700 всадниковъ, а именно роту старосты Брацлавскаго Калиновскаго и роту Бобовскаго; сверхъ того 400 Запорожскихъ казаковъ и 200 человѣкъ пѣхоты.»

(**) Жолкевскій постоянно называетъ его Понтусомъ; между тѣмъ извѣстно, что Понтусъ дела-Гарди, начальствовавшій Шведскими войсками во время Ливонской войны Ивана Грознаго, утонулъ въ морѣ, 5 Ноября 1585 г., на возвратномъ пути изъ Нарвы въ Швецію. Тотъ, который начальствовалъ надъ вспомогательнымъ Шведскимъ отрядомъ, былъ сынъ Понтуса, Яковъ, дѣйствовавшій въ послѣдствіи противъ Русскихъ.

(***) Въ 1601 году. При осадѣ города Вольмара, въ которомъ защи-

шубу; а у меня теперь есть для него соболья, которой я его отдарю.» Онъ надѣялся захватить въ плѣнъ гетмана.

Такъ какъ непріятели пренебрегали нами, то и не приняли противъ насъ ни какихъ предосторожностей; мы застали ихъ спящихъ, и еслибы все войско наше подоспѣло, то мы бы разбудили ихъ еще не одѣтыхъ; но наше войско не могло выбраться изъ лѣса; два фальконета, взятые гетманомъ съ собою, загородили дорогу такъ, что войско не могло пробраться. Было и другое препятствіе, помѣшавшее намъ немедленно ударить на нихъ, именно: все поле, чрезъ которое нужно было проходить къ непріятельскому лагерю, было перегорожено плетнями, между которыми находились двѣ деревни. По этому пришлось намъ дожидаться, пока не подоспѣло все войско и пока не изломали этихъ плетней. Гетманъ приказалъ зажечь эти двѣ деревни, обращенныя къ полю, опасаясь, чтобы непріятель не занялъ ихъ застрѣльщиками, которыхъ у него было много, и чтобы не вредилъ намъ изъ за тыновъ. Только тогда пробудился непріятель; но какъ Москвитяне и иноземцы не знали причины, по которой нападеніе наше было такъ замедлено, то и приписывали это великодушію гетмана, который, имѣя возможность, не хотѣлъ напасть на спящихъ, но подалъ

щались Шведы подъ командою незаконнорожденнаго Карлова сына, именемъ Гилленгильма, и Якова дела-Гарди. Польское войско состояло подъ предводительствомъ великаго гетмана короннаго Яна Замойскаго и гетмана польнаго Станислава Жолкевскаго. Оба шведскіе полководца достались въ руки побѣдителей; сынъ Карла былъ отосланъ въ Польшу; дела-Гарди, въ уваженіе его отмѣнной храбрости, былъ съ честью угощаемъ Поляками; но только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ плѣна отпущенъ въ отечество.

имъ знакъ и далъ время приготовиться; но еслибы не вышеупомянутыя причины, то кажется, не случилось бы это замедленіе.

Между тѣмъ прежде, нежели подоспѣло остальное наше войско, полкъ Зборовскаго, шедшій впереди, выстроился въ боевой порядокъ на правомъ крылѣ; подошелъ потомъ полкъ Струся, старосты Хмѣльницкаго, который сталъ на лѣвомъ крылѣ, полки Казановскаго и Людовика Вайгера, надъ коими начальствовалъ Самуилъ Дуниковскій, расположились въ боковыхъ и запасныхъ колоннахъ праваго крыла, гетманскій полкъ, состоявшій подъ начальствомъ князя Януша Порыцкаго, занялъ позицію на лѣвой сторонѣ, также въ боковыхъ колоннахъ; въ густыхъ колоннахъ, на всякій случай, стояли нѣкоторыя роты, какъ бы въ строю, гетманъ наблюдалъ повсюду. Были также легко вооруженные казаки, человѣкъ до четырехъ сотъ: они назывались Погребищанами, потому что въ этомъ отрядѣ наиболѣе было людей изъ Погребищъ, имѣнія князей Збаражскихъ, надъ коими начальствовалъ Пясковскій. Гетманъ приказалъ казакамъ стоять при кустарникѣ, какъ бы возлѣ лѣваго крыла; пѣхотная гетманская хоругвь съ двумя фальконетами еще не прибыла.

Когда войско такимъ образомъ уже было устроено къ бою, гетманъ объѣзжалъ всѣ отряды, одушевлялъ ихъ, представляя, сколь затруднительно ихъ положеніе, и что вся надежда въ мужествѣ, а спасеніе въ побѣдѣ; послѣ

Варіанты. Строки 17 — 19 они ..... Збаражскихъ Б *князей Збаражскихъ.*

чего приказалъ барабаннымъ боемъ и трубами подать знакъ къ бою.

Непріятель уже приготовился къ битвѣ; иноземное Шведское войско, вѣроятно состоявшее не болѣе какъ изъ восьми тысячъ, (хотя считалось и получало деньги на 10,000 конныхъ и пѣшихъ), расположилось по правую руку, а Московское по лѣвую, котораго, по словамъ самаго князя Димитрія Шуйскаго, было болѣе 40,000 конницы и пѣхоты.

Между нами, какъ было выше упомянуто, находился длинный плетень съ небольшими промежутками и намъ, когда мы повели атаку, пришлось проходить сквозь сіи промежутки. Сей плетень былъ для насъ большимъ препятствіемъ: ибо и Понтусъ поставилъ при немъ же свою пѣхоту, которая весьма вредила нашимъ, какъ наступавшимъ чрезъ сіи промежутки, такъ и возвращавшимся черезъ оные назадъ. Битва продолжалась долго; какъ наши, такъ и непріятель, особенно же иноземцы нѣсколько разъ возобновляли бой. Тѣмъ изъ нашихъ, которые сразились съ Московскими полками, было гораздо легче; ибо Москвитяне, не выдержавъ нападенія, обратились въ бѣгство, наши же преслѣдовали ихъ. Въ это время подоспѣли къ намъ фальконеты съ небольшимъ числомъ пѣхоты и принесли большую пользу. Ибо пушкари выстрѣлили изъ малыхъ пушекъ въ Нѣмецкую пѣхоту, стоявшую подлѣ плетня, а подоспѣвшая наша пѣхота хотя не многочисленная, но опытная и бывшая во многихъ сраженіяхъ, бросилась на нихъ, и тот-

Варіанты. Строки 3—7 иноземное..... руку Б *иноземное войско, восемь тысячъ, все по правую руку.*

часъ между Нѣмцами пало нѣсколько человѣкъ, убитыхъ выстрѣлами нашихъ малыхъ пушекъ и изъ ружей; Нѣмцы также выстрѣлили въ оную пѣхоту и убили двоихъ или троихъ изъ гетманова полка, но увидѣвъ, что наши смѣло къ нимъ подступаютъ, бросились бѣжать отъ плетня къ лѣсу, который былъ неподалеку. Конница Французская и Англійская подкрѣпляя другъ друга, сражалась съ нашими ротами; но когда удалилась Нѣмецкая пѣхота, которая, стоя подлѣ плетня, была для насъ большимъ препятствіемъ, на эту иноземную конницу соединившись напали нѣсколько нашихъ ротъ вооруженныхъ копьями (у тѣхъ, у кого еще были)*, саблями и кончарами **. Конница, не поддержанная Москвитянами и Нѣмецкою пѣхотою, не могла устоять, пустилась бѣжать въ свой станъ, но и тамъ наши на нихъ напали, и рубя гнали чрезъ собственный ихъ станъ; тогда Понтусъ и Горнъ обратились въ бѣгство. Еще оставалось иноземцевъ до трехъ тысячъ или болѣе; они стояли на краю подлѣ лѣса. Гетманъ началъ обдумывать, какимъ бы образомъ выгнать ихъ изъ сей крѣпкой позиціи. Но они, будучи уже безъ начальниковъ, помышляя о своей безопасности, послали къ гетману, прося его вступить съ ними въ

(*) О потерѣ гусарами копій вотъ извѣстіе, почерпнутое изъ Дневника Маскевича (стр. 42): что вмѣстѣ съ силою мы потеряли и необходимыя для гусаръ копья, коими вредили непріятелю.

(**) Кончаръ (koncerz, koncyrz) родъ меча. Линде приводитъ выписки, изъ коихъ оказывается, по однимъ, что кончаремъ называлъ особеннаго рода копье, по другимъ, прямой и широкій мечъ. Что дѣйствительно онъ имѣлъ второе, а не первое значеніе, явствуетъ изъ словъ постановленія Стефана Баторія въ 1587 г. о войскѣ: «а тѣ солдаты, которые будутъ служить въ гусарахъ, должны имѣть хорошихъ лошадей; выходя на войну, долженъ онъ (гусаръ) садиться на коня съ копьемъ, въ латахъ, въ налокотникахъ, въ шлемѣ, съ короткимъ ружьемъ, съ саблею, *съ кончаремъ* или съ палашемъ.»

переговоры; они видѣли себя въ необходимости рѣшиться на сіе еще и потому, что Москвитяне бѣжали и только не многіе изъ нихъ остались въ деревнѣ, обнесенной частоколомъ и находившейся подлѣ лагеря князя Димитрія, тамъ былъ и самъ князь Димитрій. Гетманъ видя, что дѣло было преисполнено трудности и что не легко выбить ихъ изъ упомянутаго кустарника, согласился на ихъ желаніе вступить въ переговоры; кончилось тѣмъ что они сдались добровольно; большая часть ихъ обѣщались поступить на службу е. в. короля *. всѣ же они присягнули и утвердили присягу сперва поданіемъ руки знатнѣйшими капитанами, а потомъ и письменно, что никогда не будутъ служить въ Московскомъ государствѣ противъ е. в. короля. Гетманъ обѣщался оставить имъ какъ жизнь, такъ и имущество; а тѣмъ, кои бы не пожелали служить, обѣщалъ исходатайствовать у е. в. короля свободный пропускъ въ ихъ отечество.

Между тѣмъ какъ дѣлался сей договоръ, князья Андрей Голицынъ и Данило Мезецкій, которые съ поля битвы убѣжали въ лѣса, и сдѣлавъ объѣздъ, такъ чтобы не встрѣтиться съ нашими, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ явились снова въ деревню, обнесеную частоколомъ, въ коей, какъ было упомянуто, остался самъ князь Димитрій;

(*) Число передавшихся Нѣмцевъ во время Клушинскаго сраженія было значительно, ибо въ числѣ оставленныхъ въ Москвѣ войскъ гетманомъ при выѣздѣ его изъ сего города было: «6000 Нѣмцевъ, передавшихся намъ послѣ Клушинской баталіи (*Дневникъ Маскевича стр. 53*) Сими Нѣмцами начальствовалъ въ Москвѣ Борковскій большой. Здѣсь показаніе Маскевича не сходствуетъ съ показаніемъ Жолкевскаго; послѣдній говоритъ, что онъ оставилъ при себѣ около трехъ тысячъ иноземцевъ, а прочихъ, которые не хотѣли служить, отправилъ подъ Смоленскъ

съ ними возвратились Понтусъ и Горнъ, и видно, что Понтусъ готовъ былъ заключенный договоръ объявить недѣйствительнымъ, но солдаты сохраняли его настойчиво. Князь Димитрій и князь Голицынъ, видя (ибо это происходило предъ ихъ глазами), что иноземные воины пересылаются съ гетманомъ, быстро побѣжали въ лѣсъ заднею стороною деревни, чрезъ свой лагерь, который находился позади деревни, — разложивъ на виду въ своемъ лагерѣ драгоцѣннѣйшія вещи, кубки, серебряныя чаши, одежды, собольи мѣха; хотя наши пустились въ погоню, не многіе однакожъ преслѣдовали непріятеля, бросившись въ лагерѣ на эту добычу, ибо Москвитяне сдѣлали это для отклоненія нашихъ отъ преслѣдованія. При нашемъ выступленіи [изъ подъ Царева-Займища], съ нами находились только небольшія пушки и карета гетмана; а на возвратномъ пути повозокъ, колясокъ, было числомъ едва ли не болѣе насъ самихъ; ибо Московскія повозки стояли запряженныя, которыя наши, нагрузивъ добычею, увезли съ собою; множество ихъ завязло въ томъ трудномъ для прохода лѣсѣ, такъ что конницѣ съ трудомъ приходилось обходить ихъ. Гетманъ, опасаясь, чтобы во время его отсутствія лагерь не подвергся какой нибудь опасности отъ Волуева, спѣшилъ и возвратился въ тотъ же день въ станъ.

Князь Димитрій бѣжалъ поспѣшно, хотя не многіе его преслѣдовали, онъ увязилъ своего коня въ болотѣ, потерялъ также обувь, и босой, на тощей крестьянской клячѣ, пріѣхалъ подъ Можайскъ въ монастырь. Доставъ тамъ лошадь и обувь, немедленно отправился въ Москву. Жителямъ Можайска, которые къ нему пришли, прика

залъ просить милости и пощады у побѣдителя, ибо защищаться не было средствъ; и дѣйствительно жители Можайска послали къ гетману, предлагая ему покорность отъ своего имени и отъ имени другихъ городовъ: Борисова, Вереи и Рузы.

Битва сія происходила 4-го Іюля [24 Іюня 1610 года по стар. ст.]. Иноземцевъ погибло до 1,200 человѣкъ, Москвитянъ же наиболѣе погибло во время преслѣдованія оныхъ, въ разныхъ мѣстахъ; и у насъ также не обошлось безъ потери; былъ убитъ ротмистръ Ланцкоронскій; однихъ товарищей, кромѣ пахоликовъ, погибло болѣе ста, лошадей строевыхъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ вылечили, погибло болѣе четырехъ сотъ *.

Волуевъ ничего не зналъ о выступленіи и возвращеніи гетмана до тѣхъ поръ, пока ночью пѣхота не начала кричать изъ за окоповъ, извѣщая ихъ объ успѣхѣ битвы. Они не вѣрили этому, пока на слѣдующій день утромъ гетманъ не приказалъ показать имъ знамена и плѣнниковъ, совѣтуя Волуеву, ежели онъ не вѣритъ, послать на то мѣсто, гдѣ происходило сраженіе; и дѣйствительно Волуевъ посылалъ туда.

Между тѣмъ на слѣдующій день пришли иноземные воины, которые оставались при знаменахъ, ибо множество ихъ разбѣжалось по лѣсамъ, не зная, что происходило съ ихъ товарищами; они скитались по разнымъ мѣстамъ и медленно по немногу, по нѣскольку десятковъ присоединялись къ своимъ; Понтусъ же и Горнъ,

Варіанты. Строки 10—11 Ланцкоронскій Б Банкъ. Строка 12 строевыхъ Б *почтовыхъ*.

(*) Донесеніе Жолкевскаго королю, см. приложеніе № 27.

бывъ соучастниками измѣны, учиненной е. в. королю въ Швеціи, и опасаясь за то наказанія, подговорили слишкомъ сто человѣкъ, и ушли къ Великому Новгороду, бывъ однакожъ обобраны своими солдатами, которые послѣ отъѣзда гетмана, укоряя ихъ въ томъ, что завладѣли ихъ жалованьемъ, бросились на нихъ, ограбили и едва не убили.

Волуевъ, увидѣвъ иностранныхъ воиновъ, которыхъ зналъ хорошо, ибо съ ними, какъ выше упомянуто, бралъ у нашихъ Осиповъ и другіе города, просилъ вступить въ переговоры. Гетманъ видя, что брать сей городокъ дѣло трудное, ибо въ послѣдствіи при осмотрѣ нами шанцовъ, которыми они окопались и защитили себя, мы нашли оные весьма хорошими, и мы потерпѣли бы большой уронъ, еслибы надлежало, какъ нѣкоторые совѣтовали, брать ихъ приступомъ. Дабы принудить ихъ голодомъ къ сдачѣ, для этого нужно было бы много времени, ибо Московскій народъ (въ чемъ ни одинъ съ нимъ не сравнится) довольствуется весьма малымъ. Гетманъ же по двумъ важнымъ причинамъ (о которыхъ будетъ сказано ниже), преимущественно помышлялъ о томъ, чтобы немедленно подступить къ столицѣ. Онъ согласился вступить съ Волуевымъ * въ переговоры тѣмъ охотнѣе, что предлагались хорошія условія, ибо Москвитяне довольствовались тѣмъ, на что уже согласился е. в. король въ переговорахъ подъ Смоленскомъ съ

Варіанты. Строки 9—11 ибо ..... города Б нѣтъ. Строка 24 тѣмъ ..... условія Б нѣтъ.

(*) См. приложеніе № 25.

Салтыковымъ [Михаиломъ] и другими боярами *. На тѣхъ же самыхъ условіяхъ гетманъ заключилъ съ ними договоръ**, и они присягнули королевичу Владиславу на вѣрность и подданство. Въ слѣдствіе сего они немедленно присоединились къ нашему войску, и остались довольно вѣрными (хотя Шуйскій имѣлъ еще верховную власть) и доброжелательными. Они часто приносили гетману изъ столицы многія извѣстія, входя въ сношенія съ своими, и переносили письма, которыя гетманъ писалъ въ столицу къ нѣкоторымъ лицамъ, какъ равно и универсалы, писанные съ намѣреніемъ погубить Шуйскаго***.

ГЛАВА VI.

Движеніе Жолкевскаго къ Москвѣ. — Низложеніе Василія Шуйскаго. — Переговоры Московскихъ бояръ съ Жолкевскимъ объ избраніи на царство Владислава. – Бѣгство втораго самозванца изъ подъ Москвы въ Калугу.

Въ войскѣ было столь много раненыхъ, что не доставало мѣста для помѣщенія, надобно было везти ихъ на подводахъ, ибо они не могли сидѣть на конѣ, и великое множество ихъ умирало. Хотя сіе было и прискорно для гетмана, но видя, что если онъ будетъ медлить, одержанная побѣда не принесетъ никакой пользы, онъ хотѣлъ преслѣдовать Шуйскаго, дабы не дать ему времени оправиться отъ недавняго страха. У Шуйскаго было много денегъ и сокровищъ, которыми онъ могъ бы поддержать войну и дѣла свои, еслибы только дано было ему времени опомниться отъ прежней неудачи. Это была первая причина поспѣшности гетмана; другая та,

Варіанты. Строки 19 — 20 Хотя ..... если Б *если по причинѣ сей.*

(*) См. Прилож. № 20 и 26. — (**) См. Прилож. № 24 и 26 — (***) См. Прил. № 31.

что самозванецъ, называвшійся Димитріемъ, хотѣлъ воспользоваться нашею побѣдою въ своихъ дѣйствіяхъ противъ Шуйскаго. Онъ пришелъ изъ Калуги, соединился съ нашими соотечественниками, надъ которыми начальствовалъ Сапѣга, при рѣкѣ Угрѣ, въ разстояніи семи миль отъ насъ, и давъ на каждаго всадника по $4^1/_2$ злотыхъ, двинулся чрезъ Медынь къ Боровску (городъ [замокъ], но въ то время бывшій безъ войскъ) къ монастырю Св. Пафнутія *, который былъ окруженъ малою стѣнкою. Окрестныхъ поселянъ собралось такое множество, что они не могли помѣститься въ монастырѣ, и множество ихъ расположилось около онаго за рогатками. Наши, находившіеся съ самозванцемъ, увидѣвъ это, напали на нихъ, крестьяне пустились бѣжать въ монастырь, по такою массою, что нельзя было затворить воротъ; за ними вторгнулись наши и убили въ церкви князя Волконскаго **, котораго Шуйскій назначилъ туда воеводою: перебили иноковъ, чернецовъ и всю толпу, ограбили монастырь и церковь ***. Оттуда самозванецъ отправился въ Серпуховъ, городъ лежащій на Окѣ, занятый войсками Шуйскаго. Самозванецъ обманулъ гарнизонъ, говоря, что гетманъ ведетъ войну въ его пользу: такимъ образомъ защищавшіе городъ, не полагаясь на свою силу и страшась такой же участи, какой подвергнулся монастырь

Варіанты. Строка 5 при рѣкѣ Угрѣ Б нѣтъ.
Строки 14—15 крестьяне ..... воротъ Б нѣтъ.

(*) См. Приложеніе № 28.

(**) Михаила. См. Никонов. лѣтоп. стр. 137.

(***) По словамъ самого Сапѣги, участвовавшаго въ этомъ штурмѣ, изъ 80 чернецовъ осталося въ живыхъ только 10. См. Zycia Sapiehow, Т. II, стр. 242.

Св. Пафнутія, сдались обманщику. Изъ Серпухова обманщикъ пошелъ къ Москвѣ, гдѣ напало на него около 3,000 Татаръ, которые внезапно устремившись на лагерь, произвели въ немъ ужасъ; но когда наши сѣли на коней, то Татары кинулись вплавь чрезъ Оку въ свой таборъ.

Шуйскій употреблялъ всѣ средства, какія только могъ: онъ призвалъ и Татаръ, сдѣлавши имъ подарки; двое знаменитыхъ татарскихъ мурзъ, Батербій и Кантемиръ мурза, привели съ собою до 15,000 Татаръ и почти во время самой битвы при Клушинѣ, узнавъ отъ взятыхъ языковъ о потерѣ сего сраженія, не хотѣли переправиться съ таборомъ на ту сторону Оки, хотя Шуйскій побуждалъ ихъ къ тому, а выслали только, какъ мы выше упомянули, 4,000 человѣкъ. Когда же узнали отъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ войскѣ самозванца, что гетманъ собравъ отборное войско, намѣревается идти противъ нихъ, они, уже обремененные добычею, ушли со всевозможною скоростію тою же дорогою, которою прибыли. Оттуда самозванецъ двинулся прямо къ столицѣ, надѣясь во время сего смятенія, устроить дѣла въ свою пользу.

Гетманъ, какъ выше было упомянуто, не дремалъ въ дѣлахъ, касающихся до е. в. короля и Рѣчи Посполитой и, какъ скоро сдѣлалъ съ Московскими людьми договоръ, отправилъ къ е. в. королю подъ Смоленскъ съ своими послами воеводу князя Елецкаго *, который знатностью происхожденія превосходилъ Волуева, но не могъ сравняться съ нимъ умомъ и опытностію въ дѣлахъ, почему гетманъ и оставилъ его при себѣ и довольно испы-

(*) См. Приложеніе № 25.

талъ вѣрность и приверженность его. Перебравъ все иностранное войско, онъ оставилъ при себѣ около 3,000, а прочихъ которые не хотѣли служить, отправилъ подъ Смоленскъ, давъ имъ приставовъ, и ходатайственныя письма къ е. в. королю, дабы они (сіи иноземцы) были свободно пропущены чрезъ владѣнія Рѣчи Посполитой, а самъ поспѣшилъ къ столицѣ.

Каждый день приходили извѣстія изъ Москвы о большемъ смятеніи, которое приготовлялось тамъ *; наконецъ доставлено извѣстіе, что Шуйскій низвергнутъ съ престола и сперва былъ посаженъ въ своемъ боярскомъ домѣ, а потомъ постриженъ въ монахи въ Чудовѣ монастырѣ **. Низведеніе съ престола монарха, неограниченно царствовавшаго, вещь весьма рѣдкая. Упомянемъ вкратцѣ, какъ до этого дошло.

Гетманъ посылалъ тайнымъ образомъ въ Москву много писемъ съ универсалами для возбужденія ненависти противъ Шуйскаго, указывая, какъ въ царствѣ Московскомъ, во время его правленія, все идетъ дурно, и какъ чрезъ него и за него безпрестанно проливалась христіанская кровь; эти универсалы разбрасывали по улицамъ; въ частныхъ же письмахъ онъ дѣлалъ обѣщанія нѣкоторымъ лицамъ и обнадеживалъ ихъ; отъ чего умы волно-

(*) См. Прилож. № 21.

(**) По словамъ Маскевича это извѣствіе доставлено гетману передъ 12 іюня (стр. 471. Въ Лѣтописи о мятежахъ (стр. 188) находимъ слѣдующее: «гетману же Желтовскому съ Русскими людьми стоящу въ Можайскѣ, пріидоша къ нему Смольяне и возвѣстиша ему, что царя Василья съ царства ссадили. Гетманъ же Желтовской поиде изъ Можайска и хотяше стати въ Звенигородѣ, пріидоша же къ нему и достальные Смольяне съ Москвы и возвѣстили ему, что царя Василья постригли. Онъ же поиде къ Москвѣ, и ста на Хорошовскихъ лугахъ на Москвѣ рѣкѣ,» т. е. въ 7 верстахъ отъ столицы.

вались, особенно послѣ недавняго страха; жители опасались новой осады, которая имъ надоѣла при самозванцѣ. Когда уже Шуйскій самъ почувствовалъ опасность, то какъ прежде не хотѣлъ допустить гонца е. в. короля, такъ теперь началъ думать о томъ, какимъ бы образомъ отправить своего гонца къ гетману, и призвавъ къ себѣ Слонскаго, одного изъ нашихъ (это былъ слуга воеводы Сендомирскаго, находившійся тамъ въ заключеніи), началъ спрашивать его, не хочетъ ли онъ принять на себя посольство къ гетману; когда Слонскій предложилъ ему для сего свои услуги, Шуйскій сталъ спрашивать, не лучше ли подождать, чтобы прежде гетманъ прислалъ къ нему?—и такъ сіе посольство было отложено; между тѣмъ, 22-го іюля пришли къ нему большою толпою дворяне, которыхъ тамъ было нѣсколько тысячъ; прежде всѣхъ выступилъ нѣкто Захарій Ляпуновъ, и началъ говорить ему сурово: долго ли за тебя будетъ проливаться христіанская кровь? земля наша опустѣла, въ царствѣ ничего добраго въ твое правленіе не дѣлается, сжалься надъ упадкомъ нашимъ, положи посохъ (т. е. скипетръ), пусть мы постараемся о себѣ другими средствами. Тяжки были эти слова для Шуйскаго, онъ началъ ругать его срамными м...... словами: какъ ты мнѣ это смѣлъ сказать, когда бояре (т. е. сенаторы) * не говорятъ мнѣ сего?

(*) Гетманъ о семъ дѣйствіи Ляпунова говоритъ ниже (стр. 70): «пошлась молва, что это сдѣлалось по наущенію Голицыныхъ.»

Показаніе гетмана подтверждается и лѣтописью о мятежахъ (стр. 181): «Прокофей же (Ляпуновъ) наипаче нача съ князъ Васильемъ Голицынымъ умышляти, какъ бы царя Василья ссадити.» Въ Берѣ (Московская лѣтопись, стр. 182) находимъ слѣдующее: «среди всеобщаго уныпія, три отважные боярина, уже давно бывшіе въ согласіи съ Жолкевскимъ: Захарій Ляпуновъ, Михайло Молчановъ и Иванъ Резецкій, составили за-

и онъ бросился на Ляпунова съ ножемъ (Москвитяне имѣютъ обыкновеніе носить длинные ножи); Ляпуновъ былъ мужчина большаго роста, дюжій и смѣлый; онъ закричалъ на него громко: не бросайся на меня, — какъ возьму тебя въ руки, такъ всего изомну Другіе дворяне, находившіеся при Ляпуновѣ, особенно нѣкто Хомутовъ и Иванъ Никитичъ Салтыковъ сказали тогда: пойдемъ, пойдемъ, — вышли изъ комнаты прямо на лобное мѣсто; сіе лобное мѣсто находится въ Китай-Городѣ между лавками, (тамъ же въ Китай-Городѣ) очень красиво выстроенными Борисомъ, и стѣнами Крымъ-города [Кремля] *. Площадь сія не весьма большая, посреди которой находится пространство около десяти локтей, окруженное каменною стѣною. Оттуда обыкновенно государь, если нужно, говоритъ къ народу. Эти дворяне, пришедши въ то время туда, послали за патріархомъ и думными боярами; а какъ стеченіе народа было столь велико, что онъ не могъ помѣститься на оной площади, то вышеупомянутые Ляпуновъ, Хомутовъ и Салтыковъ закричали, чтобы всѣ шли въ поле за городъ, и вышед-

---

говоръ противъ царя Василія Ивановича: 14-го іюля они вышли на лобное мѣсто, созвали народъ и объявили, въ какомъ горестномъ состояніи находится земля Русская.» (стр. 115).

(*) Въ тогдашнее время Поляки называли Кремль *Krymgrod*. (См. Дневн Маск. и Дневн. Таннера). Францискъ Таннеръ, родомъ Богемецъ, находился въ свитѣ Польскаго посла князя Михаила Чарторижскаго и во время путешествія своего въ Москву (въ 1678 году) велъ Дневникъ, изъ коего извлеченіе напечатано въ V Томѣ Собранія Памятниковъ о древней Польшѣ. Нѣмцевичъ заимствовалъ оное изъ слѣдующей книги: Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam potentissimi Poloniae Regis ac Reipublicae mandato et consesu A. 1678 feliciter suscepta ie nunc breviter sed accurate quiad singula notabilice descripta, a teste oculato Bernhardo Leopoldo Francisco Tannero Boemo Pragense, Dn. Legati Principis Camerario Germanico Norimbergae, sumptibus Johannis Liegeri A. 1689. 4° стр. 191.

ши за заставу, тамъ отрѣшили отъ власти Шуйскаго. Они послали къ нему, чтобы онъ удалился въ свой собственный домъ, что онъ и сдѣлалъ; тотчасъ приставили стражу къ нему, и къ братьямъ его князю Димитрію и князю Ивану; сундуки и кладовыя ихъ опечатали.

Носилась такая молва, что это сдѣлалось по наущенію Голицыныхъ *, ибо вышеупомянутые были кліентами ихъ, и одинъ изъ старшихъ Голицыныхъ князь Василій, когда Шуйскій былъ низвергнутъ, по знатности своего происхожденія, благородству, вліянію и уму, которымъ обладалъ, явно питалъ надежду на обладаніе государствомъ, но онъ имѣлъ большое препятствіе въ князѣ Мстиславскомъ, который ему недоброжелательствовалъ. Князь Мстиславскій былъ въ сіи времена именитѣйшій человѣкъ въ Москвѣ, честный, добродѣтельный, весьма умѣренный; хотя ему предъ прочими, по его знатности, открытъ былъ путь къ престолу, но онъ никогда не былъ честолюбивъ, напротивъ объявилъ публично, что какъ онъ самъ не желаетъ быть государемъ, такъ равнымъ образомъ не хочетъ имѣть государемъ никого изъ равной себѣ братьи (подъ симъ онъ разумѣлъ Голицына); полагая лучшимъ избрать себѣ государя откуда нибудь изъ царскаго племени (подъ этимъ онъ разумѣлъ королевича Владислава, къ которому онъ былъ весьма расположенъ).

Шуйскій, отправясь въ свой домъ, хотя и былъ подъ стражею, но имѣлъ сношенія съ людьми, которыхъ считалъ приверженными къ себѣ и своему дому; онъ хотѣлъ

(*) Сравни выше, примѣч. стран. 68.

подкупить деньгами стрѣльцовъ, — а у нихъ много зависитъ отъ стрѣльцовъ, ибо ихъ было до осьми тысячъ; вообще онъ искалъ средствъ усилиться противъ непріязненной партіи *. Какъ скоро это дошло до бояръ, они прислали къ нему того же Захарія Ляпунова; онъ имѣлъ съ собою чернца изъ Чудова монастыря и крытыя сани (ибо въ городѣ женщины, особенно знаменитаго происхожденія, и мужчины ѣздятъ въ саняхъ). Когда оный чернецъ спрашивалъ у Шуйскаго, хочетъ ли онъ быть чернцемъ, то онъ объявилъ, что не имѣетъ сего желанія; но это не помогло ему, ибо Ляпуновъ съ нѣсколькими другими, крѣпко держалъ его въ рукахъ, а чернцу велѣли постригать, и положивъ его въ сани отвезли въ монастырь, и тамъ уже держали его подъ стражею.

Гетманъ, получивъ извѣстіе о низверженіи Шуйскаго съ престола, и зная, что самозванецъ, ждущій въ семъ дѣлѣ благопріятнаго случая, спѣшитъ къ Москвѣ, написалъ письмо къ думнымъ боярамъ, похваляя, что низложили Шуйскаго съ престола, давая имъ знать, что самозванецъ подступаетъ къ столицѣ, что онъ, по приказанію е. в. короля, хочетъ помогать имъ противъ обманщика и защищать отъ всякой опасности; часто присовокуплялъ, что е. в. король пришелъ тронутый однимъ только христіанскимъ состраданіемъ, слыша, какое смятеніе происходитъ въ этой землѣ, желая усмирить и остановить кровопролитіе и водворить спокойствіе и тишину въ государствѣ. До Москвы оставалось только восемь миль, когда принесли ему отвѣтъ на его письмо;

(*) Разнесся было даже слухъ, что Шуйскій вновь вступилъ на престолъ.

отвѣтъ этотъ въ себѣ заключалъ: что они не требуютъ помощи, и чтобы гетманъ не приближался къ столицѣ. Но гетманъ не взирая на это, продолжалъ свой путь и 3 августа [24 іюля ст. ст.] сталъ подъ Москвою, куда уже приспѣлъ съ своими обманщикъ, и въ тотъ день, когда пришелъ гетманъ, подступивъ подъ городъ Коломенскою и Серпуховскою дорогами, зажегъ слободы и деревни, которыя были вблизи города. Москвитяне также выступили изъ города противъ него и начали сражаться уже не наступательнымъ боемъ, а наѣздниками; однако съ коней валилось ихъ не мало.

Думные бояре видя, что съ одной стороны по Серпуховской дорогѣ наступаетъ обманщикъ, а съ другой стороны отъ Можайска войско съ гетманомъ, выслали двухъ боярскихъ дѣтей къ гетману, спрашивая, приходитъ ли онъ какъ другъ, или какъ недругъ. Гетманъ отвѣчалъ сообразно съ тѣмъ, что написалъ въ письмѣ, что онъ не думаетъ о предпринятіи чего либо непріязненнаго, но что напротивъ, если склонятъ къ тому свои мысли, какъ нѣкоторые извѣщали, что примутъ королевича Владислава за государя, то онъ хочетъ имъ помогать противъ самозванца. Угостивъ и одаривъ боярскихъ дѣтей, онъ ихъ отпустилъ.

Въ тотъ же день изъ войска обманщика пріѣхали послы, отъ Сапѣги и прочихъ нашихъ, къ гетману: Янковскій съ нѣсколькими товарищами и сказавъ, что они посланы отъ товарищества къ е. в. королю *, просили свободнаго проѣзда, представляя гетману главныя статьи

(*) Въ Дневникѣ Яна Сапѣги также упоминается объ отправленіи 3 августа пословъ къ королю.

своего посольства. Въ оныхъ находилось, что они довели до того царя Димитрія (какъ они его называли), пана своего, что онъ хочетъ ударить челомъ предъ е. в. королемъ, давать ежегодно извѣстную сумму денегъ и уступить Сѣверскую землю, только бы е. в. король помогъ ему возсѣсть на царство. Сказывали также, что онъ хочетъ отправить посольство съ подарками къ гетману, желая снискать его благосклонность и дружбу *.

Гетманъ хотя и видѣлъ, что сіе посольство къ е. в. королю не заключало въ себѣ ничего постояннаго, ничего вѣрнаго, однакоже послѣ внимательнаго разсмотрѣнія, позволилъ оному безопасный проѣздъ и далъ приставовъ для провожденія пословъ; но объявилъ, что подарковъ отъ пана ихъ не приметъ, ибо довольно было времени ихъ пану снестись прежде съ е. в. королемъ, если онъ хотѣлъ того; въ слѣдствіе чего могла бы быть дана гетману инструкція отъ е. в. колоря, а теперь какъ онъ не имѣетъ никакой, то и не хочетъ и не можетъ входить ни въ какія дѣла съ ихъ паномъ.

Потомъ думные бояре назначили день для переговоровъ съ гетманомъ; разбили Московской наметъ противъ Дѣвичьяго монастыря, давъ съ обѣихъ сторонъ заложниковъ, съѣхались въ равномъ числѣ; сперва поклонились взаимно, сидя на коняхъ, потомъ сошедъ съ лошадей, здоровались; съ гетманомъ были нѣкоторые полковники, ротмистры; изъ столицы пріѣхалъ самъ князь Өеодоръ Мстиславскій, Өеодоръ Шереметевъ, князь Данила Мезецкій и два думные дьяка, (тоже что у насъ печат-

(*) См. въ Приложеніи 33 письмо Лжедимитрія къ Я. П. Сапѣгѣ, открывающее намъ намѣренія самозванца.

ники) Василій Телепневъ и Томило Лаговскій. Всѣ они имѣли власть дѣйствовать, врученную отъ всѣхъ *чиновъ* по нашему становъ. И сдѣлавъ въ семъ наметѣ засѣданіе, объявили отъ имени всего царства, что желаютъ въ цари себѣ королевича Владислава, но хотятъ, чтобъ гетманъ обезпечилъ ихъ присягою, что королевичь Владиславъ исполнитъ нѣкоторыя *статьи*, по нашему артикулы. Былъ то большой свитокъ, (ибо они такимъ образомъ свертываютъ въ трубку); Василій Телепневъ читалъ оный.

Гетманъ, сколько мнѣ извѣстно, хотя посылалъ къ е. в. королю тотчасъ послѣ Клушинскаго сраженія, надѣясь что дѣло дойдетъ до переговоровъ, и просилъ, чтобы е. в. король прислалъ изъ сенаторовъ и другихъ, къ тому способныхъ; ибо онъ не имѣлъ никакого наставленія на подобный случай; — однакожъ за болѣзнью ли е. в. короля, которую онъ въ то время былъ одержимъ, или по какой нибудь другой причинѣ, не было прислано гетману никакого наставленія. Дѣла же не терпѣли отлагательства, и Москвитяне должны были немедленно принять надлежащія мѣры. Обманщикъ, который былъ близко, своими происками старался о себѣ, и большая часть Московской черни была къ нему весьма хорошо расположена, а патріархъ побуждалъ, чтобы (и представлялъ одного изъ двухъ) избрали или князя Василія Голицына или Никитича Романова, сына Ростовскаго митрополи-

---

Варіанты. Строка 1 Василій..... Лаговскій Б нѣтъ. Строки 2—3 чиновъ по нашему Б нѣтъ. Строка 11 сколько ..... хотя Б нѣтъ.

та *, это былъ юноша, можетъ быть, пятнадцати лѣтъ. Представлялъ же онъ его потому, что митрополитъ Ростовскій, отецъ его, былъ двоюродный братъ (по матери) царя Θеодора: потому что царь Θеодоръ родился отъ царя Іоанна тирана и отъ родной сестры Никиты Романовича, Ростовскій же митрополитъ сынъ сего послѣдняго; однакожъ къ патріаршему мнѣнію болѣе склонялся народъ, а все почти духовенство было на сторонѣ Голицына.

Гетманъ, имѣя слѣдовательно тогда опасеніе, чтобы не сдѣлался перевѣсъ на чью нибудь сторону и чтобы обстоятельства не затруднились, особенно имѣя въ виду то, что не было достаточныхъ средствъ для приведенія дѣлъ къ концу войною, хотя не имѣлъ отъ е. в. короля инструкціи, долженъ былъ объявить, что хочетъ заключить съ ними договоръ, и крестнымъ цѣлованіемъ утвердить сообразно съ статьями, которыя были представлены е. в. королю, Салтыковымъ и прочими боярами подъ Смоленскомъ, и въ силу которыхъ заключенъ былъ у нихъ съ сенаторами договоръ, уже подтвержденный подписью и приложеніемъ печати е. в. короля**. Поелику же о прочихъ статьяхъ или артикулахъ передъ е. в. королемъ ничего не было упомянуто ни Салтыковымъ, ниже кѣмъ либо другимъ, а потому-то гетманъ не имѣетъ никакой инструкціи и слѣдовательно не можетъ согласиться на такія дѣла, совѣтовалъ чтобы лучше чрезъ

(*) т. е. Михаила, сына Θеодора Никитича Романова, Ростовскаго митрополита (Филарета).

(**) Договоръ этотъ заключенъ 1610 года февраля 24 дня. Онъ напечатанъ въ Приложеніи подъ № 20. См. также въ Прилож. № 26.

пословъ своихъ уговаривались съ е. в. королемъ; касательно Русской вѣры и многихъ другихъ несообразностей, гетманъ не хотѣвши удалить ихъ отъ себя отказомъ, обращалъ ихъ къ е. в. королю.

На этомъ первомъ засѣданіи не пришлось даже долго говорить, ибо обманщикъ подступилъ почти во время этого совѣщанія подъ городъ, тамъ была стычка; прибѣгали безпрестанно къ князю Мстиславскому, извѣщая о томъ, что тамъ происходитъ; бояре спѣшили, чтобы подать своимъ совѣтъ и помощь въ сраженіи, и гетманъ былъ радъ замедленію, ибо самъ имѣлъ время для размышленія, и, надѣясь, что придетъ наставленіе отъ е. в. короля, сколько могъ дѣлалъ проволочку.

Когда же наконецъ приступили къ нему бояре и посольство, а воины съ своей стороны роптали, говоря, что они не намѣрены служить безъ денегъ, — тогда послѣ частыхъ съѣздовъ сношеній, 27 августа съѣхался гетманъ въ полѣ съ тѣми же боярами, которыхъ прежде высылали, но и другихъ было до 10,000 и больше, которые присягали на подданство королевичу Владиславу. Послѣ чего также и гетманъ съ полковниками, ротмистрами и другими знатнѣйшими особами въ войскѣ, присягали на исполненіе заключенныхъ условій, которыхъ такъ какъ онѣ ходятъ по рукамъ, я не почитаю за нужное вписывать здѣсь *. Всѣ несообразности были унич-

Варіанты. Строка 2 Русской вѣры Б *перекрещенія* ЕМ *королевича въ Русскую вѣру.*

(*) Этотъ договоръ напечатанъ въ Румянц. Собраніи Грамотъ т. II, стр. 391. См. также Приложеніе № 26.

тожены или отосланы на разрѣшеніе е. в. королю *. Всѣ же прочія [условія] вошедшія въ заключенный договоръ, сообразны были съ записью е. в. короля, данною боярамъ подъ Смоленскомъ; одна только была статья касательно городовъ [замковъ], за которую упорно стояли Москвитяне, требуя чтобы имъ были возвращены города, взятые во время этого смятенія; они же приняли на себя заплатить всему войску все заслуженное [жалованіе]. На сеймѣ, котораго мы въ скоромъ времени ожидали, должны были происходить переговоры съ Московскими послами о старыхъ спорахъ между короною и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ и государствомъ Московскимъ, то есть о Смоленскѣ и Сѣверской землѣ.

Хотя договоръ былъ заключенъ такимъ образомъ, что удовлетворялъ каждаго, но гетманъ не довольствовался этимъ, ибо онъ обращалъ вниманіе на то, чтобы завистники не упрекнули его, что онъ въ сихъ дѣлахъ не довольно сдѣлалъ для Рѣчи Посполитой. Въ самомъ дѣлѣ за день (т. е. 26 августа) до заключенія договора, созвавъ все рыцарство, разсказавъ и представивъ въ какомъ состояніи дѣла, просилъ ихъ объявить, хотятъ ли они помочь ему и остаться на службѣ е. в. короля, хотя бы и пришлось подождать до нѣкотораго времени денегъ, ибо ежели бы они остались, то можно бы было съ помощію Божіею принудить этотъ народъ къ условіямъ болѣе полезнымъ для Рѣчи Посполитой. И такъ ежели

(*) Статьи, на которыя гетманъ не хотѣлъ или не смѣлъ согласиться, вписаны въ Наказъ, данный при отправленіи къ Сигизмунду III Россійскихъ пословъ, Ростовскаго митрополита Филарета, князя Василья Васильевича Голицына и проч. См. Румянц. собр. Госуд. Грам. и Договор. Т. II, стр. 417.

бы они не хотѣли остаться на зиму, по причинѣ неплаты (до окончанія же четверти года оставалось только пять недѣль), то дѣла Рѣчи Посполитой находились бы въ трудномъ положеніи, ежели бы они, какъ угрожали, прибѣгнули къ конфедераціи; — а чтобъ декларація войска не сдѣлалась извѣстною этому народу [Русскимъ], гетманъ приказалъ дать оную отъ каждой роты письменно. Ротмистры съ своимъ товариществомъ, отправившись каждый въ свой наметъ, предъявили деклараціи, что никакимъ образомъ не останутся безъ денегъ; и всѣ знатнѣйшіе говорили гетману, что такъ какъ возможенъ честный и выгодный миръ, то чтобы онъ не вовлекалъ Рѣчь Посполитую въ долгую войну, но кончилъ и заключилъ договоръ. Эта декларація войска наиболѣе заставила гетмана, не ожидая инструкціи е. в. короля, заключить договоръ съ боярами, такимъ образомъ, какъ выше было упомянуто; къ чему онъ былъ притомъ вынужденъ какъ жителями столицы, такъ равно и обманщикомъ, который радѣлъ о своихъ дѣлахъ *.

Чрезъ два дни [т. е. 29 августа н. ст.] послѣ окончанія всѣхъ дѣлъ, пріѣхалъ изъ Смоленска нѣкто Москвитянинъ Федоръ Андроновъ **, который доставилъ гетману письмо отъ е. в. короля, заключавшее въ себѣ то, что-

---

(*) Самозванецъ находился тогда близь Москвы (см. стр 72) и выжидалъ благопріятной для себя минуты, которою бы безъ сомнѣнія воспользовался, тѣмъ болѣе, что чернь Московская была къ нему хорошо расположена (см. стр 74).

(**) Объ Андроновѣ смотри Карамзина Т. XII прим, 641. *Въ лѣтописи о мятежахъ. стр. 197* сказано: «гетманъ же Желтовскій егда бысть на Москвѣ, и государевою казною всею нача владѣти и Литовскимъ людемъ давати, а король присла въ *казначеи* Московскаго измѣнника, *торговаго мужика* гостиной сотни, Ѳедьку Андронова.

бы гетманъ принималъ власть не на имя королевича, а на имя самого е. в. короля. Потомъ пріѣхалъ черезъ нѣсколько дней староста Велижскій [Гонсѣвскій] съ письмомъ и инструкціею е. в. короля, которая въ себѣ заключала то же самое. Но поелику дѣла уже были устроены, то гетманъ и не хотѣлъ въ этомъ открываться, и староста Велижскій, хотя пріѣхалъ съ этою инструкціею, однакоже самъ не совѣтовалъ, видя (какъ хорошо свѣдущій въ дѣлахъ Московскихъ), что это вещи невозможныя: напротивъ ему нравилось и онъ весьма радовался, что дѣла были приведены гетманомъ въ такое положеніе, и такъ почли за нужное не открывать этого, боясь чтобы Москвитяне (коимъ имя е. в. короля было ненавистно), не возстали и не обратили желаній своихъ къ самозванцу или къ кому нибудь другому.

Оставалось дѣло съ обманщикомъ и войсками, при немъ бывшими. Въ условіяхъ было постановлено, чтобы гетманъ взялъ на себя отвлечь отъ самозванца Сапѣгу и войско Польское и Литовское, присоединившееся къ нему, а еслибы не захотѣли добровольно отстать отъ него, то дѣйствовать противъ нихъ силою и вмѣстѣ съ Московскими боярами стараться объ истребленіи и уничтоженіи обманщика. И такъ чтобы удовлетворить требованіямъ договора, гетманъ послалъ къ Сапѣгѣ и къ тому войску, съ увѣщаніемъ, чтобы они зная, что столица Московскаго царя присягнула и отдалась на имя королевича Владислава, довольствовались бы этимъ и не затрудняли дѣлъ е. в. короля и Рѣчи Посполитой, своего отече-

Варіанты. Строки 8—9 видя ..... Московскихъ Б нѣтъ.

ства, въ которомъ они родились, а чтобы этого человѣка самозванца, при которомъ они до сего времени оставались, бывъ имъ обманываемы, или бы довели добрыми способами до того, чтобы онъ изъявилъ покорность е. в. королю (гетманъ говорилъ, что хотѣлъ употребить свое ходатайство у е. в. короля, и выпросить ему у е. в. Гродно или Самборъ), но если бы самозванецъ не захотѣлъ сдѣлать сего добровольно, чтобы или выдали его, или отъ него отложились.

Гетманъ поступилъ такъ потому, что князь Василій Шуйскій, бывшій царь, и братья его к. Димитрій и к. Иванъ были ему выданы въ слѣдствіе договора *, и ему хотѣлось бы и этого самозванца отправить къ е. в. королю, дабы освободить эту страну отъ сихъ людей; въ послѣдствіи же е. в. король во всякомъ случаѣ могъ воспользоваться ими, смотря по обстоятельствамъ. Сапѣга охотно бы желалъ согласоваться съ волею гетмана, но товарищество имѣлъ упрямое, своевольное, дерзкое, которое давало дерзкіе отвѣты гетману, и объявило, что не хочетъ отступить отъ Москвы и желаетъ съ этимъ своимъ паномъ (то есть самозванцемъ), испытать счастія.

Гетманъ увидѣвъ тогда, что справедливыя увѣщанія и убѣжденія его не дѣйствуютъ, согласившись съ думными боярами, занявъ бдительными стражами броды и прочія мѣста, для того, чтобы не дошла до нихъ [т. е. до партіи самозванца] о семъ вѣсть, двинулся ночью съ хорошо устроеннымъ войскомъ, оставивъ станъ на мѣстѣ и на разсвѣтѣ былъ уже съ войскомъ, устроеннымъ въ

(*) См. Приложенія № 35.

боевой порядокъ предъ ихъ лагеремъ. Бояре Московскіе также вывели изъ Москвы въ поле до пятнадцати тысячъ войска, оставивъ гарнизонъ въ Москвѣ сколько его требовалось; ибо такъ было имъ приказано гетманомъ, дабы не оставить города безъ войскъ (гетманъ зналъ, что тамъ было множество людей, приверженныхъ къ самозванцу). Не смотря на то, что занятъ былъ войсками столь обширный городъ, каковымъ была Москва, все таки собралось въ полѣ до пятнадцати тысячъ добрыхъ людей, способныхъ къ бою. Князь Мстиславскій, пріѣхавши къ гетману съ знатнѣйшими боярами, со всѣми головами, привѣтствовалъ его какъ правителя (что на Латинскомъ языкѣ называютъ губернаторомъ), желая повиноваться ему.

Гетманъ отправилъ къ Сапѣгѣ краткое письмецо, которое написалъ еще на мѣстѣ. Это письмецо заключало въ себѣ, что онъ не жаждетъ крови ихъ, но будучи вынужденнымъ ихъ безразсудными отвѣтами, пришелъ сюда съ войскомъ, желая уговариваться съ ними не чрезъ пословъ, но лично, дабы сегодня положить конецъ въ пользу той или другой стороны; а посему приглашаетъ пріѣхать Сапѣгу и съ знатнѣйшими для словеснаго съ нимъ объясненія *.

Варіанты. Строки 7—10 Не ..... бою Б нѣтъ.

(*) Въ дневникѣ Яна Сапѣги сказано: «5 сентября (н. с.) Сапѣга намѣревался собрать генеральный совѣтъ (koło generalne), но тому воспрепятствовалъ коронный гетманъ (Жолкевскій), ставъ противъ насъ со всѣмъ своимъ войскомъ, а равно съ Москалями и Нѣмцами. Того же дня Жолкевскій прислалъ къ намъ письмо, въ коемъ обязывался, что ежели царь его милость (т. е. самозванецъ) прибѣгнетъ къ его к. милости и не будетъ мѣшать его дѣламъ, то король его милость отдастъ ему Самборъ или Гродно, и на будущемъ сеймѣ обязанъ это подтвердить согласіемъ всѣхъ чиновъ (omnium Ordinum).» Zycia Sapiehow T. II, стр. 246.

Сапѣга, или, лучше сказать, войско его, увидѣвъ предъ собою войско гетмана и Московскую рать, весьма устрашилось. Москвитяне были того мнѣнія и просили гетмана, чтобы онъ позволилъ имъ напасть на испуганныхъ и не готовыхъ; но гетманъ не согласился.

Между тѣмъ, прежде нежели дошло до Сапѣги письмецо гетмана, прибылъ Побѣдинскій съ пятью ротмистрами, прося гетмана съ величайшею покорностію, чтобъ онъ не велѣлъ наступать войску. Гетманъ и самъ не думалъ дѣйствовать противъ нихъ непріязненно; а только хотѣлъ симъ страхомъ заставить ихъ послѣдовать правому дѣлу.

Дѣйствительно, Сапѣга выѣхалъ тотчасъ, и тамъ сообразно съ тѣмъ, что было предложено гетманомъ, объявили и пожатіемъ руки подтвердили: что еслибы панъ ихъ не захотѣлъ довольствоваться тѣмъ, что предложено гетманомъ (а касалось сіе до Гродна и Самбора), они не хотѣли болѣе оставаться съ нимъ. Самозванца въ то время, не было въ лагерѣ: онъ находился за двѣ мили оттуда, у своей жены въ монастырѣ, который Москвитяне называютъ Нове — гроши * И такъ они отложили до слѣдующаго дня увѣдомленіе гетмана, доволенъ ли этимъ обманщикъ, или нѣтъ. Но онъ не думалъ симъ удовольствоваться, а тѣмъ болѣе жена его, которая будучи женщиною властолюбивою, довольно грубо отозва-

---

Варіанты. Строка 17 а ..... Самбора Б нѣтъ.
Строки 19—21 онъ..... гроши Б *былъ у жены своей въ монастырѣ.*
Строки 23—24 симъ удовольствоваться Б *удовольствоваться Гродномъ и Самборомъ.*

(*) Обитель Никола на Угрѣшѣ.

лась: пусть е. в. король уступитъ е. в. царю Краковъ, а е. в. царь отдастъ королю Варшаву.

Гетманъ, услыша объ этомъ, снесся съ думными боярами, имѣя намѣреніе двинуться ночью, настигнуть этого злодѣя въ монастырѣ и стараться поймать его. И такъ мы двинулись въ часъ ночи; намъ надлежало изъ лагеря идти чрезъ самый городъ Москву, а бояре, прежде нежели мы пришли (ибо намъ надобно было идти двѣ мили до города), вывели до 30,000 войска въ поле. Наше войско вошло въ городъ, въ замки почти пустые [т. е. безъ войскъ], но мы прошли не причинивъ никакого вреда, и не сходя съ лошадей; въ слѣдствіе этого Москвитяне возъимѣли большую довѣренность къ гетману и къ намъ за то, что мы вошедши со всѣмъ войскомъ и имѣя въ рукахъ городъ и укрѣпленія, обошлись съ нимъ такъ добросовѣстно.

Сіе предпріятіе не было бы тщетно, еслибы одинъ измѣнникъ Москвитянинъ, ушедшій изъ Москвы къ обманщику, не предостерегъ его. Самозванецъ, узнавши тогда отъ этого Москвитянина, что гетманъ идетъ съ войскомъ противъ него, вскочилъ на коня, и посадивъ на коней свою барыню и женщинъ, бѣжалъ изъ монастыря; съ нимъ отправился одинъ только Заруцкій съ нѣсколькими сотнями Донскихъ казаковъ; бѣжалъ же онъ какъ послѣ оказалось чрезъ Серпуховъ, къ Калугѣ, ибо многіе думали, да и онъ самъ распустилъ такой слухъ, что отправляется къ Коломнѣ. Этотъ городъ (Калуга) имѣетъ хорошія укрѣпленія на подобіе Смоленска, каменныя, половиною меньше Смоленска, но на весьма выгодномъ мѣстѣ, при впаденіи рѣки Москвы въ Оку

Неизвѣстность о дорогѣ, которою отправился обманщикъ, помѣшало войску тотчасъ выступить за нимъ въ погоню, — наступила ночь, — и около шести часовъ имѣлъ онъ впереди.

И такъ гетманъ возвратился въ лагерь, а бояре въ городъ. На другой день тотчасъ бояре и всѣ знатнѣйшіе вельможи Московскіе, которые оставались въ войскѣ обманщика (коихъ было немалое число), пріѣхали къ гетману, поручая себя его покровительству; присягу же желали дать такую, какъ принималась въ столицѣ на имя королевича Владислава, и просили о томъ, чтобы ихъ оставили при боярскомъ т. е. сенаторскомъ званіи, которое они имѣли при самозванцѣ, ибо предвидѣли, что столичные бояре сдѣлали бы имъ трудности въ этомъ отношеніи.

Гетманъ принялъ ихъ ласково, велѣлъ выслушать присягу, данную королевичу, и обѣщалъ постараться о примиреніи ихъ со столичными боярами. И дѣйствительно, онъ уговаривалъ столичныхъ бояръ, чтобы они посредствомъ амнистіи простивъ, и приписавъ прошлыя дѣла несчастнымъ временамъ, приняли ихъ братски: представлялъ и пользу отъ этого, ибо когда прочіе находящіеся въ городахъ, держащихъ сторону самозванца, услышатъ, что обходимся ласково и благосклонно съ этими, всѣ присоединятся къ намъ и съ городами, чѣмъ можетъ быть ускорена погибель обманщика. Напротивъ того, еслибы мы обошлись съ ними сурово и приняли ихъ презрительно, то надобно опасаться, что

Варіанты. Строка 27 сурово Б нѣтъ. Строка 28 и ..... презрительно Б нѣтъ.

они, будучи раздражены, опять убѣгутъ къ обманщику и еще сильнѣе убѣдятъ другихъ, которые его придерживаются, Столичные бояре, будучи противъ нихъ весьма раздражены, никакъ не соглашались признать себѣ равными тѣхъ, которые (какъ они говорили) находились при ворѣ. И такъ они согласились принять ихъ какъ заблудшихъ братьевъ, но не хотѣли допустить ихъ до боярскаго достоинства, къ мѣстамъ сенаторскимъ, даннымъ имъ самозванцемъ. Послѣдніе не довольствовались симъ и нѣсколько изъ нихъ опять убѣжало къ обманщику.

ГЛАВА VII.

Присяга Русской земли на вѣрность Владиславу. — Посольство Московскихъ бояръ къ Сигизмунду подъ Смоленскъ. — Жолкевскій занимаетъ Москву. — Отношенія Жолкевскаго къ второму самозванцу и его приверженцамъ.

Однакожъ всѣ почти города, какъ только услышали, что въ Москвѣ присягали королевичу, съ ревніемъ присягали такимъ же образомъ, какъ и въ столицѣ, именно: Новгородъ Великій, Чаранда *, Устюгъ, Переяславль-Рязанскій, Ярославль, Вологда, Бѣло-озеро [Бѣлозерскъ], Сильйскіе города [замки] **, и весь тотъ трактъ къ Архангельскому порту и къ Ледовитому морю, также вся Рязанская земля до Нижняго Новгорода, находящагося при соединеніи рѣкъ Волги и Оки, также города, державшіе сторону обманщика, Коломна, Тула, Серпуховъ, и

(*) Чаранда или Чаронда, бывшій городъ прежней Новгородской губерніи Бѣлозерской провинціи, нынѣ слобода и принадлежитъ къ дворцовымъ волостямъ. См. приложеніе № 36.

(**) См. приложеніе № 36.

всѣ прочіе, кромѣ Пскова, который колебался, и нѣкоторыхъ Сѣверскихъ городовъ, которые еще признавали обманщика за царя, и за то были весьма тревожены Запорожскими казаками. Изъ Казани и Астрахани, по причинѣ отдаленности, еще не было вѣстей о томъ, довольны ли они симъ поступкомъ. Но во всѣхъ прочихъ близкихъ областяхъ, какъ выше было упомянуто, отъ Великихъ Лукъ, отъ Торопца и другихъ городовъ весьма были довольны, что имъ, какъ они говорили, Господь Богъ далъ государемъ королевича Владислава.

Освободили всѣхъ, находившихся въ разныхъ городахъ въ тяжкомъ заключеніи; ихъ всѣхъ съ тѣми, которые были выпущены въ столицѣ, было около двухъ тысячъ съ половиною; многіе между ними были дворянскаго происхожденія; однихъ отсылали въ столицу, а другихъ, которымъ было ближе, какъ изъ Новгорода Великаго, изъ Чаранды * и прочихъ, подъ Смоленскъ.

Когда гетману довелось уговариваться о прочихъ дѣлахъ съ боярами, то онъ склонялъ къ тому, чтобы послы къ е. в. королю какъ наискорѣе были высланы. А поелику тѣ лица, которыя имѣли притязаніе на царство (т. е. Никитичъ Романовъ, молодой сынъ митрополита Ростовскаго, и князь Василій Голицынъ), были подозрительны тѣмъ, чтобы, по какому нибудь случаю, не пріобрѣли вновь прежняго расположенія [народа], то гетманъ старался и уговаривалъ Голицына принять на себя по-

---

Варіанты. Строки 7—8 какъ ..... городовъ Б нѣтъ. Строка 12 тяжкомъ Б нѣтъ. Строки 16—17 какъ... прочихъ Б нѣтъ.

(*) См. примѣчаніе на стр. 85.

сольство, представляя ему, что великія дѣла должны быть совершаемы великими, какимъ онъ есть, мужами; увѣряя притомъ, что чрезъ это посольство онъ будетъ имѣть первое мѣсто и первый доступъ къ милости е. в. короля и королевича. Это предложеніе понравилось Голицыну и онъ принялъ на себя посольство. Никитичъ Романовъ, (какъ упомянуто выше), былъ юноша, а потому никакъ нельзя было включить его въ посольство; но гетманъ постарался, чтобы назначили посломъ отъ духовнаго сословія, отца его (дабы имѣть какъ бы залогъ). Онъ представлялъ, что на такое дѣло нуженъ человѣкъ *честный*, по нашему почтенный, не только по достоинству, но и по происхожденію, а этимъ указывалъ какъ бы пальцемъ на отца Никитича, Филарета, митрополита Ростовскаго; ибо знаменитостію происхожденія никто изъ духовныхъ не былъ ему равенъ, равно какъ и саномъ митрополита, занимающимъ второе мѣсто между митрополитами Московскими [т. е. царства Моск.].

Такимъ образомъ, когда уже объявили этихъ двухъ начальниками посольства, назначили и другихъ *, кото-

---

(*) Именно, окольничаго князя Данилу Ивановича Мезецкаго, думнаго дворянина Сукина и дьяковъ Томилу Луговскаго и Васильева.

Въ Румянцов. собраніи Госуд. Грам. и договоровъ (Т. II, стр. 4) находится весьма длинный, данный Россійскимъ посламъ наказъ при отправленіи ихъ подъ Смоленскъ. Владиславъ избранъ былъ на Русскій престолъ на съѣздѣ гетмана съ боярами $^{17}/_{17}$ августа 1610 года. Актъ избрнія сдѣланъ тѣмъ же числомъ; въ немъ положено отправить къ Сигизмунду III посольство. Взглянувъ на число, выставленное въ наказѣ (17 августа), рождается вопросъ: какимъ образомъ могъ быть написанъ въ продолженіи одного дня столь длинный актъ, занимающій столбецъ въ *восемьдесятъ пять* листовъ? (Румянцов. соб грам. и дог. стр. 438). Можно сдѣлать два предположенія: актъ могъ быть написанъ послѣ отъѣзда пословъ и посланъ къ нимъ послѣ, число же выставлено *заднее*; или у бояръ еще до съѣзда *сговорившихся обо всемъ съ гетманомъ* былъ уже заготовленъ наказъ посламъ. Кажется, послѣднее предположеніе вѣроятнѣе.

рыхъ Голицынъ самъ, почти всѣхъ, избралъ по своему усмотрѣнію, чтобы располагать ими произвольно: и такъ послы съ большою свитою, около четырехъ тысячъ человѣкъ *, отправились въ путь къ Смоленску**. Гетманъ далъ имъ въ приставы Николая Гербута, старосту Тломацкаго, съ которымъ отослалъ условія заключенныя съ боярами, за печатями ихъ и подписями. Гербутъ отвезъ ихъ къ е. в. королю въ цѣлости ***; но самъ же юноша, достойный болѣе долгой жизни, пріѣхавъ подъ Смоленскъ, занемогъ и умеръ.

Е. в. король принялъ пословъ съ благосклонностію; на встрѣчу имъ выходило почти все войско, и въ полѣ привѣтствовалъ ихъ Яковъ Потоцкій, каштелянъ Каменецкій, съ княземъ Христофоромъ Збаражскимъ. Помѣстили ихъ противъ лагеря, подъ Троицкимъ Монастыремъ, на другой сторонѣ Днѣпра, и снабдили большимъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ. А какъ я выше упомянулъ, что было ихъ столь большое число, (четыре тысячи), то е. в. король далъ имъ трехъ приставовъ: Януша Скумина Тышкевича старосту Брацлавскаго, Яна Кохановскаго ловчаго и Войцѣха Мясковскаго, придворнаго своего, и, давъ сему послѣднему сто человѣкъ пѣ-

---

Варіанты. Строки 6 — 8 съ которымъ ..... самъ же Б *сей отвезъ ихъ къ е. в. королю, гдѣ самъ.*

Строки 17—19 А какъ..... тысячи Б нѣтъ.

(*) У Голикова во II Томѣ Дополненій Дѣян. Петра Вел. (стр. 21) находится подробный списокъ пословъ и бывшей при нихъ свиты, по которому видно, что все посольство вмѣстѣ съ конвоемъ (Русскимъ) состояло изъ 1194 человѣкъ.

(**) Послы поѣхали 11 сентября.

(***) Русскіе послы прибыли подъ Смоленскъ 7 Октября стар. ст. (Голиковъ, Дополненія къ Дѣяніямъ Петра В. Т. II. стр. 37).

хоты своей, приказалъ стоять съ ними на другой сторонѣ Днѣпра.

Гетману оставалось въ столицѣ два дѣла. Онъ думалъ о томъ, какъ бы съ тѣмъ войскомъ, какое при немъ было, безъ опасности занять столицу; ибо, какъ иначе и быть не могло, были такіе (особенно имѣвшіе въ виду обманщика и доброжелательствовавшіе ему), которые производили замѣшательства. Гетманъ обращалъ вниманіе на то, чтобы Московская чернь, склонная къ возмущеніямъ, не произвела мятежа, не призвала бы обманщика, и не разстроила бы всего, въ случаѣ ежели бы онъ отвелъ войско отъ столицы. Онъ замѣтилъ въ предусмотрительныхъ боярахъ, что и они опасались того же; ибо свѣжее было тому доказательство: когда князь Василій Шуйскій, возсѣвъ на престолѣ Московскаго царства, послалъ въ Псковъ Шереметева, мужа знаменитаго, воеводою, и Шереметевъ уже находился тамъ около полугода, вдругъ, безъ всякаго повода, чернь возмутилась и убила Шереметева съ его приверженцами. Бояре опасались того же и въ столицѣ, и желали, чтобы подъ защитою войска е. в. короля, они могли быть безопасны отъ ярости народа. Патріарха и чернь, которые сопротивлялись этому введенію войска, преодолѣли различными способами. Наконецъ дѣла были доведены до того, что войско вошло: гетманъ выбралъ ему мѣста, удобныя на всякій случай, такъ что войско полками и отрядами расположилось въ особенныхъ дворахъ, чтобы при всякой нечаянности одни другимъ могли подавать взаимную помощь. Полкъ Александра Зборовскаго расположился въ Китай-Городѣ, всѣ вмѣстѣ, въ близкомъ

одинъ отъ другаго разстояніи; полкъ Казановскаго и Вейгера въ Бѣлъ-Городѣ, также по близости другъ отъ друга; самъ гетманъ со старостою Велижскимъ остановился въ главной крѣпости, Крымгродѣ [Кремлѣ] *, во дворѣ, бывшемъ нѣкогда царя Бориса, въ то время, когда онъ еще былъ правителемъ при царѣ Ѳеодорѣ.

Гетманъ приказалъ тщательно наблюдать за тѣмъ, чтобы наши не заводили ссоръ съ Москвитянами; постановилъ судей какъ изъ нашихъ, такъ и изъ Москвитянъ, которые разрѣшали всякіе споры; наши жили такъ смирно, что бояре и чернь, знавшіе своевольство нашего народа, удивлялись и хвалили, что мы жили такъ спокойно, не причиняя никому малѣйшей обиды. Боярами, на то назначенными, распредѣлены были на все войско волости, кто откуда долженъ былъ получать съѣстные припасы. И такъ мы жили тамъ въ добромъ порядкѣ и при всѣхъ удобствахъ; ни въ чемъ не было недостатка, и за извѣстную цѣну доставали съѣстные припасы и все нужное; ибо мы открыли большія дороги отъ Вологды, Ярославля и съ другихъ сторонъ; отъ Коломны вверхъ по рѣкѣ Москвѣ приплыли суда съ хлѣбомъ и съ различными потребностями.

Другую заботу гетманъ имѣлъ съ войскомъ Сапѣги, которое, оставшись послѣ бѣгства самозванца, хотѣло непремѣнно участвовать во всемъ томъ, чѣмъ пользовалось войско королевское, служившее подъ начальствомъ гетмана. Они хотѣли также жить въ столицѣ, и когда отказали имъ въ этомъ, намѣревались идти въ Рязань (а

(*) Смотри примѣчаніе на стран. 69.

страна та Рязанская весьма обильна); однако мы и это воспретили имъ, и были готовы сражаться съ ними въ случаѣ, ежели бы они туда пошли; ибо изъ той страны мы наиболѣе ожидали съѣстныхъ припасовъ для нашего войска. Наконецъ кончилось тѣмъ, что гетманъ далъ имъ на бумагѣ, что по прежнему обѣщанію своему желаетъ исходатайствовать у е. в. короля, чтобы они въ платѣ уравнены были съ полкомъ Зборовскаго; но чтобы за то не опустошали уже Рязани и другихъ областей, присягнувшихъ на имя королевича Владислава, но чтобы лучше отправились въ Сѣверскую землю, державшую еще сторону самозванца и приводили ее къ повиновенію е. в. королю. Поелику это войско терпѣло великій недостатокъ и находилось въ немъ большое число больныхъ и раненыхъ; то, для снабженія его и успокоенія, гетманъ приказалъ выдать 10,000 злотыхъ изъ казны Московской, и тайно нѣкоторымъ изъ начальниковъ далъ по нѣскольку сотъ злотыхъ *, чтобъ только безъ хлопотъ избавиться отъ нихъ честнымъ образомъ, и направить туда, гдѣ они были нужны. Въ самомъ дѣлѣ они такъ сдѣлали, и пошли въ Сѣверскую землю ** мимо Калуги, не въ дальнемъ разстояніи отъ коей, ожидая морозей, остановились при Мосальскѣ и Мещайскѣ [Мещовскѣ].

(*) 23 Сентября «гетманъ коронный (т. е Жолкевскій) прислалъ Сапѣгѣ тысячу рублей для больныхъ и раненыхъ товарищей.» Дневникъ Сапѣги, стр. 248).

(**) «24 сентября. Выступилъ Сапѣга съ войскомъ изъ подъ столицы въ землю Сѣверскую» (Тамъ же). Далѣе въ томъ же Дневникѣ (стр. 249) читаемъ: «5 октября (1610 г.) войско расположилось въ 10 миляхъ отъ Кременска. Пришло письмо отъ царя, писанное къ нѣкоторымъ лицамъ съ приглашеніемъ прибыть къ нему. Въ тотъ день пріѣхалъ къ Сапѣгѣ изъ Москвы Өедоръ Плещеевъ, а съ нимъ человѣкъ сто русскихъ. Гет-

Гетманъ, какъ всегда, такъ и въ это время, не переставалъ дѣйствовать съ тонкостію, разными уловками. Когда уже Сапѣга отступалъ съ войскомъ своимъ, онъ позволилъ какому то Валявскому, бывшему первымъ и почти главнымъ наперсникомъ самозванца, отправиться къ самозванцу и обнадеживать его въ милости е. в. короля, обѣщая предстательство за него гетмана; приказывая убѣждать его, дабы онъ съ полною надеждою прибѣгнулъ къ милости е. в. короля, добровольнымъ образомъ. Но это было тщетно; обманщикъ и жена его не согласились на то.

ГЛАВА VIII.

Отъѣздъ Жолкевскаго изъ Москвы подъ Смоленскъ.—Причины отъѣзда. — Сожалѣніе бояръ и народа Московскаго объ отъѣздѣ Жолкевскаго.

По удаленіи отъ Москвы войска Сапѣги, гетманъ тѣмъ усерднѣе думая отправиться къ е. в. королю, съ величайшимъ прилежаніемъ приготовлялъ все нужное для устройства войска и столицы. Онъ очистилъ чужестранное войско, которое оставалось еще до двухъ тысячъ съ половиною, опасаясь, чтобы оно, служа безъ платы, не измѣнило въ вѣрности. А какъ платить жало-

---

Варіанты. Строки 1—5 Гетманъ . . .. самозванца Б *Гетманъ позволилъ какому то Валявскому, бывшему первымъ наперстникомъ самозванца.*

манъ послалъ къ Сапѣгѣ своего казака съ письмами, въ которыхъ пишетъ, что Московскіе бояре дозволили войску стать въ Москвѣ, и о томъ, что онъ посылаетъ къ Сапѣгѣ Нѣмецкое и Русское войско, которые соединившись общими силами, дѣйствовали бы противъ царя Димитрія.»

ванье столь многимъ войскамъ не было откуда, то, вмѣсто помощи, отъ нихъ могла приключиться опасность; и такъ онъ оставилъ изъ нихъ только восемь сотъ пѣхоты; прочихъ же отправилъ, выплативъ имъ изъ казны Московской. Это отправленіе Нѣмцевъ было весьма пріятно Московскимъ боярамъ, помнившимъ еще своеволія, какія они производили при Шуйскомъ; очень радовались, что освободились отъ нихъ.

Многое также зависѣло отъ того, кто бы начальствовалъ надъ Московскими стрѣльцами: ибо должность начальника стрѣльцевъ у Москвитянъ столь же важна какъ у Турокъ Янычаръ-Аги; цари никому не вѣряютъ ея, кромѣ братьевъ или приближенныхъ. Въ царствованіе Василія Ивановича должность сію исправлялъ братъ его князь Иванъ Шуйскій. Этотъ вакантный постъ е. в. король, по ходатайству нѣкоторыхъ приближенныхъ, поручилъ было Ивану Салтыкову, который былъ вѣрнымъ и доброжелателемъ е в. королю, что и доказалъ своею смертію. Но прежде нежели прислано было ему назначеніе къ сей должности изъ подъ Смоленска, гетманъ уже послалъ его въ Великій Новогородъ * для охраненія той страны и для очищенія крѣпости Ладоги отъ занявшихъ ее Шведовъ **: и дѣйствительно, онъ испол-

Варіанты. Строка 17 Ивану Салтыкову Б прибавлено: *молодому человѣку.*

(*) Салтыковъ, какъ видно изъ его донесенія присланнаго изъ Новгорода къ Сигизмунду III и Владиславу (Румянцов. Соб. Гос. грам. и догов. Т. II, № 209) выѣхалъ 4 сентября 1610 года (стар. стил.), а пріѣхалъ въ Новгородъ 4 октября.

(**) Въ Рус. Лѣтописяхъ приводится иная причина отправленія Ивана Салтыкова. См. приложеніе № 37.

нилъ это: но послѣ, когда уже въ Москвѣ (о чемъ будетъ сказано ниже) дѣла пришли въ разстройство, въ Новѣгородѣ во время мятежа былъ убитъ чернію.

Что касается должности начальника стрѣльцевъ, то гетманъ такъ повелъ дѣла, что по добровольному согласію бояръ, переговоря съ ними о томъ прежде, начальство надъ стрѣльцами поручилъ старостѣ Велижскому, на что и сами стрѣльцы добровольно согласились; ибо гетманъ всевозможною обходительностію, подарками и угощеніями такъ привлекъ ихъ къ себѣ, что мужичье это готово было на всякое его мановеніе. Они сами охотно приходили спрашивать: не знаютъ ли гдѣ либо измѣнниковъ, говоря, что желаютъ ихъ изловить, и оказывали признаки великой вѣрности своей и доброжелательства. Когда староста Велижскій былъ поставленъ надъ ними начальникомъ, то они охотно изъявили согласіе и желаніе свое повиноваться ему *.

Съ патріархомъ, человѣкомъ весьма старымъ, ради религіи (опасаясь въ ней перемѣны) сопротивлявшимся дѣламъ нашимъ, гетманъ сносился сперва пересылаясь, а потомъ, самъ у него бывая, пріобрѣлъ, (повидимому), великую дружбу его, и различными способами ухаживалъ до того за нимъ, что старецъ, какъ было слышно, возъимѣлъ къ намъ противное прежнему расположеніе **.

(*) О назначеніи Гонсевскаго начальникомъ стрѣльцевъ *въ дѣлахъ Польскихъ* (№ 30, л. 134) сказано: «А ты Александръ (Гонсевскій) по королевской грамотѣ сверхъ всего уряду учинился бояриномъ въ Стрѣлецкомъ Приказѣ» (Карамзина Ист. Рос. Гос. Т. XII, стр. 193, примѣч. 624).

(**) Здѣсь прерывается копія М. (Муханова), и что слѣдуетъ далѣе, печатается съ списка рукописи Жолкевскаго, находящагося въ Импер. Публ. Библіотекѣ.

Устроивъ и распорядивъ все такъ какъ требовало время, онъ торжественно объявилъ думнымъ боярамъ, что желаетъ отправиться къ е. в. королю, представляя имъ различныя причины своего отъѣзда: отдать отчетъ лично е. в. королю о всемъ, что случилось и по какой причинѣ, посламъ ихъ помочь въ желанномъ и скорѣйшемъ отправленіи, и переговорить наконецъ о надлежащемъ содержаніи войска и уничтоженіи Калужскаго обманщика. Но причины эти были поверхностныя, о дѣйствительной же причинѣ онъ умолчалъ, храня ее въ великой тайнѣ, а именно, что е. в. король, какъ письмомъ такъ и чрезъ старосту Велижскаго, объявилъ свое желаніе пріобрѣсть государство Московское не для королевича Владислава, но для самого себя. Гетманъ, имѣя достаточную опытность касательно воли народа Московскаго, который ни коимъ образомъ на это не согласится, предвидѣлъ, что должны наступить великія замѣшательства и затрудненія, когда намѣреніе е. в. короля будетъ открыто. Ибо сперва еще, когда Салтыковъ и другіе, преданные е. в. королю, бояре прибыли въ первый разъ подъ Смоленскъ, то, уговариваясь тамъ съ сенаторами, они твердили при каждомъ собраніи, что ежели король желаетъ пріобрѣсть это государство для королевича Владислава, въ такомъ случаѣ онъ успѣетъ безъ большихъ усилій; если же для себя самого, то не обойдется безъ великаго кровопролитія. Писать о всѣхъ таковыхъ обстоятельствахъ казалось, что будетъ безуспѣшно; послать же не было столько способнаго человѣка, коему было бы можно это ввѣрить, и кто бы все е. в. королю, по причинѣ важности дѣла, представилъ надлежащимъ

образомъ. А какъ е. в. король, не смотря на обѣщаніе свое, данное подъ Смоленскомъ Салтыкову и другимъ боярамъ стороны королевича Владислава, увѣдомлялъ теперь гетмана о противномъ, — то различныя были мнѣнія въ сужденіяхъ людскихъ объ этомъ обстоятельствѣ, когда оно сдѣлалось гласнымъ. Большая часть виновникомъ этого почитала Яна Потоцкаго, воеводу Брацлавскаго, который, какъ самъ собою, такъ и посредствомъ брата своего Стефана Потоцкаго, бывшало Спальникомъ * у е. в. короля, безпрестанно твердилъ королю не довольствоваться условіями, заключенными подъ Москвою, представляя, что вся слава останется при одномъ гетманѣ, ежели тѣмъ кончится, и что король возвратится изъ этой экспедиціи съ безславіемъ; посему доказывалъ королю, что онъ совершилъ бы болѣе, если бы за однимъ предпріятіемъ овладѣлъ Москвою, ибо собраться на вторую подобную экспедицію будетъ трудно, а завладѣвъ Москвою съ великими ея богатствами (о которыхъ, какъ обыкновенно бываетъ, слава больше сущности) указывалъ на средства, помощію коихъ можно бы было преодолѣть всѣ могущія представиться затрудненія. И такъ, Потоцкій употреблялъ всѣ возможныя средства для преклоненія воли е. в. короля къ своему мнѣ-

(*) Въ подлинникѣ названъ онъ pokojowym; мы рѣшились перевести это слово *спальникомъ.* Этотъ Стефанъ извѣстенъ въ Польской исторіи своимъ легкомысліемъ и самоуправствомъ, накликавшими много бѣдъ на Польшу. Вступясь за брата жены своей, Константина Могилу, свергнутаго съ Валашскаго престола, Стефанъ Потоцкій, въ противность приказаніямъ королевскимъ, собралъ 6000 войска, и вторгнулся въ 1612 г. въ Молдавію, На берегахъ Прута войско его на голову поражено Турками; нѣсколько сотъ человѣкъ только успѣло спастись бѣгствомъ; самъ Стефанъ Потоцкій достался въ руки Турокъ.

нію, какъ казалось изъ ревности, что у гетмана дѣла пошли такъ счастливо, его же подъ Смоленскомъ напротивъ; а потому онъ желалъ, чтобы все это [т. е. устроенное гетманомъ] не состоялось, и совѣтовалъ привести въ исполненіе дѣло сіе противъ мнѣнія другихъ сенаторовъ, особенно Льва Сапѣги, канцлера Литовскаго, всѣми способами старавшагося и совѣтовавшаго королю утвердить эти условія и внести ихъ на сеймъ. Е. в. королю понравился совѣтъ воеводы Брацлавскаго и обнадеживаніе силою достигнуть цѣли и, какъ бываетъ въ дѣлахъ человѣческихъ, чего желаемъ, тому охотно вѣримъ, король, принявъ его совѣты, послѣдовалъ его мнѣнію.

Въ то время, когда гетманъ долженъ былъ выѣзжать изъ Москвы, пришелъ къ нему Мстиславскій, и съ нимъ около ста знатнѣйшихъ бояръ, и, запершись съ гетманомъ, просили его о двухъ вещахъ: вопервыхъ: не предстоитъ ли возможности, чтобъ онъ не уѣзжалъ отъ нихъ, ибо, говорили они, теперь въ присутствіи твоемъ мы живемъ *смирно* и согласно, а по отъѣздѣ твоемъ опасаемся, чтобы люди ваши, какъ своевольные, съ нашими людьми не произвели *ссоры;* во-вторыхъ, ежели иначе быть не можетъ, и онъ долженъ ѣхать, то въ такомъ случаѣ, чтобы войско свое оставилъ въ хорошемъ управленіи. Они же [бояре] съ своей стороны обѣщали стараться до прибытія королевича удержать дѣла ненарушимо и въ спокойствіи; но только чтобы гетманъ поѣхавши просилъ е. в. короля сколь возможно скорѣе отправиться на сеймъ, присовокупляя: «знаемъ, что у васъ не можетъ быть ничего прочнаго безъ утвержденія сейма; а потому, пусть е. в. король, уговорившись и

определивъ съ послами нашими всѣ дѣла, касающіяся обоихъ государствъ, послѣ сейма, какъ наискорѣе пріѣзжаетъ къ намъ съ государемъ нашимъ королевичемъ Владиславомъ, ибо мы знаемъ, что королевичъ, по молодости своей не совладаетъ еще съ столь великими дѣлами, то чтобы король до совершеннолѣтія управлялъ государствомъ». Гетманъ отвѣчалъ имъ, что иначе не можетъ сдѣлать, какъ только отправиться; однако такъ уѣзжаетъ, что войско будетъ содержаться въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ присутствіи его; просьбу ихъ касательно отправленія е. в. короля на сеймъ обѣщалъ представить, напоминая постоянно пребывать въ утвержденной присягою вѣрности, и обѣщалъ, (что было имъ [боярамъ] пріятно), отдѣлавшись у е. в. короля, возвратиться немедленно назадъ. Гетманъ собравшись въ дорогу *, поручилъ войско полковникамъ, подъ главнымъ начальствомъ старосты Велижскаго, и расположилъ также часть войска въ Можайскѣ, Борисовѣ и Вереѣ, поручивъ оное Струсю, старостѣ Хмѣльницкому. Князь Мсти-

(*) Гетманъ не говоритъ, котораго именно числа онъ выѣхалъ; весьма вѣроятно, что онъ оставилъ Москву въ послѣднихъ числахъ Октября, ибо 2-го Ноября (стар. стил.) онъ уже находился на конференціи Московскихъ пословъ съ министрами польскими (смот. Голикова Допол. къ Дѣяніи Петра Вел. томъ II. стр. 102). См. примѣч. на стр. 106.

Въ Дневникѣ Яна Петра Сапѣги подъ 6-мъ числомъ Ноября (нов. стил.), между иными происшествіями, сказано: «Гетманъ коронный (Жолкевскій) поѣхалъ подъ Смоленскъ, повѣривъ управленіе надъ всѣми Гонсевскому.» (Жизнь Яна Петра Сапѣги, стр. 250). Передъ отъѣздомъ гетманъ, собравъ все рыцарство, произнесъ рѣчь, помѣщенную у Кобѣржицкаго (стр. 352). Считаемъ не излишнимъ упомянуть о слѣдующемъ распоряженіи гетмана: «Гетманъ сей, укрѣпя Кремль и Китай всевозможно, свезя въ оные всѣ бывшія въ войскѣ Русскомъ и на площадяхъ градскихъ пушки, и нарядъ пушечной и пищальной (слова лѣтописи Палицыной) весь отъемше и внесше внутрь града Кремля и Китая. (Голикова Допол. къ дѣян. Петра Вел. Т. II. стр. 98.

славскій и другіе первостатейные бояре проводили гетмана около доброй мили, а пока ѣхалъ онъ чрезъ городъ міръ, вся чернь по улицамъ, забѣгала ему дорогу, прощаясь (żegnaiąc) * и благословляя.

Здѣсь, должно упомянуть, что дѣлалось подъ Смоленскомъ, ибо прежде казалось неумѣстнымъ прерывать нить происшествій, бывшихъ по выѣздѣ гетмана изъ подъ Смоленска до самаго возврата его туда.

ГЛАВА IX.

Свѣдѣнія объ осадѣ Смоленска въ отсутствіе Жолкевскаго. — Смертность въ Русскомъ гарнизонѣ. — Представленіе Русскаго посольства Польскому королю. — Неудачи переговоровъ. — Причина этой неудачи. — Пріѣздъ Жолкевскаго въ лагерь подъ Смоленскомъ. — Его аудіенція у короля. — Его старанія убѣдить короля принять предлагаемые Московскими боярами условія.

Воевода Брацлавскій [Янъ Потоцкій], надѣясь легко взять Смоленскъ, коль скоро исправлены были орудія, приказалъ ставить и насыпать туры, за которыми постановлены были пушки, идучи съ поля, на лѣво отъ Копыцинскихъ [копытинскихъ] воротъ, при помощи проведеннаго рва, изъ котораго безопасно можно было ходить къ шанцамъ и другимъ турамъ. Онъ не принималъ въ соображеніе того, что за стѣною тутъ же непосредственно былъ старый валъ, вышиною болѣе десяти локтей, во времена предковъ нашихъ, бывшій сильнѣйшимъ оплотомъ крѣпости, нежели эта каменная стѣна, построенная въ царствованіе царя Θеодора; и хотя бы стѣну инспро-

(*) Слово żegnać имѣетъ два значенія — крестить и прощаться; мы приняли оное въ послѣднемъ значеніи.

вергнули, что сдѣлать хорошими орудіями нетрудно, то все таки оный столь высокій валъ служилъ препятствіемъ ко входу въ крѣпость, какъ оказалось послѣ и на самомъ дѣлѣ. Къ тому же еще не собраны были люди, которыми должно было осаждать крѣпость, и орудія, безъ всякаго дѣйствія, по пустому стояли въ шанцахъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, пока наконецъ изъ Сѣверской земли и еще, со старостою Велижскимъ, изъ Бѣлой не выступило всего на все около пятнадцати тысячь козаковъ. Потомъ, когда собрались всѣ, воевода приказалъ изъ всѣхъ орудій разбивать прежде башни,— куртину состоявшую изъ каменной стѣны *; и въ самомъ дѣлѣ, при дѣятельномъ дѣйствіи пушекъ на среднюю бойницу [или амбразуру] какъ бы въ средину стѣны, имѣвшей впадину согласно желанію стрѣлявшихъ, стѣна не могла устоять противъ пальбы, и наконецъ обрушалась, сдѣлавъ довольно широкій проломъ; этимъ однако проломомъ войти въ крѣпость не было никакой возможности, ибо какъ не были еще уничтожены боковыя обороны, (которыхъ нельзя было миновать безъ явной опасности), такъ равно, имѣя сроку нѣсколько недѣль и зная откуда будетъ нападеніе, укрѣпились Русскіе еще впереди помянутаго вала, такъ что, ходя вокругъ всей крѣпости, нигдѣ не найдешь мѣста сильнѣе этого.

Воевода Брацлавскій, видя разрушеніе стѣны и считая уже въ рукахъ своихъ побѣду, непремѣнно хотѣлъ тотчасъ же начать штурмъ. Михаилъ Шеинъ, хотя не

(*) Здѣсь кажется видно намѣреніе гетмана выказать ошибку Потоцкаго, который вмѣсто того, чтобы разбивать башни и уничтожить симъ фланговую оборону, сосредоточилъ дѣйствіе своей артиллеріи противъ куртины.

слишкомъ опасался этого приступа, однако, услышавъ что произошло съ войскомъ Шуйскаго и съ самимъ Шуйскимъ, (чего передъ тѣмъ никогда не дѣлалъ) теперь выѣхалъ изъ крѣпости въ намѣреніи начать переговоры съ воеводою Брацлавскимъ и канцлеромъ, ибо видѣлъ, что когда наши предпримутъ штурмъ, то въ такомъ случаѣ не обойдется безъ потери людей, чѣмъ не хотѣлъ раздражать противъ себя нашихъ, а потому, на совѣщаніи съ канцлеромъ, объявилъ, что какой будетъ договоръ въ Москвѣ съ боярами, такъ и онъ поступитъ. Но воевода Брацлавскій бывъ весьма нетерпѣливымъ, думая, что Шеина побуждала къ тому боязнь, не дозволивъ ему дальнѣйшей отсрочки, прервалъ совѣщаніе, и чрезъ нѣсколько часовъ началъ приступъ *, который Москвитяне съ валу и съ оныхъ башенъ отразили безъ всякой со стороны своей опасности. Тогда воевода снова приказалъ разбивать башни, по разрушеніи коихъ хотѣлъ предпринять штурмъ вновь, который сверхъ потерянныхъ уже тысячи слишкомъ человѣкъ, кромѣ большей погибели солдатъ не принесъ бы никакой пользы; но выпавшій сильный дождь въ то время, когда хотѣли начинать приступъ, воспрепятствовалъ оному, и спасъ тѣмъ отъ дальнѣйшей потери людей.

Е. в. король, въ это время занемогъ и лежалъ въ постели, а въ противномъ случаѣ онъ вѣрно бы на приступъ не согласился, ибо и послѣ того часто упоминалъ, что приступъ оный произведенъ былъ необдуманно; по-

(*) Военныя дѣйствія, бывшія подъ Смоленскомъ, описаны довольно подробно въ II-мъ томѣ Голикова Дополненій къ дѣяніямъ Петра Великаго.

томъ также и самъ воевода Брацлавскій, увидѣвъ, что ничего тѣмъ не сдѣлаетъ, предпріятіе свое оставилъ. Однако орудія оставались на томъ же мѣстѣ, за турами, безъ всякой основательной причины; пѣхотѣ, (которой не весьма много было), докучали частые караулы, и мало при нихъ оной находилось, а посему орудія сіи стояли въ великой опасности, такъ что въ случаѣ вылазки непріятеля, безъ всякаго сомнѣнія, эта горсть пѣхоты не могла бы ихъ удержать. Но Москвитяне въ продолженіе всей осады, кромѣ нѣсколькихъ вылазокъ конницею, пѣхотою ихъ не дѣлали, потому что, какъ уже упомянуто выше, запершись вдругъ въ крѣпости въ столь большомъ количествѣ, постигнуты были чрезвычайно большою смертностію; и такъ вскорѣ, по прибытіи нашемъ подъ Смоленскъ, ихъ тотчасъ стало убывать во множествѣ отъ болѣзни, начинавшейся въ ногахъ и распространявшейся потомъ по всему тѣлу. Столь ужасной и частой смерти Москвитянъ, умиравшихъ по нѣскольку сотъ ежедневно, причиною былъ не столько недостатокъ въ продовольствіи, (котораго и послѣ, по взятіи крѣпости — ржи, овса — нашлось въ достаточномъ количествѣ), какъ особенно бывшая между ними какая-то язва, не вредившая намъ нисколько *; Москвитянъ выходило изъ крѣпости весьма много; они спускались различными способами и уловками со стѣны и выскакивали изъ оконъ: находясь между нами, они были чрезвычайно блѣдны, но насъ ни что не коснулось.

(*) Болѣзнь сія, начинавшаяся въ ногахъ, и распространявшаяся потомъ по всему тѣлу, была ничто иное какъ цынга: «и грѣхъ же ради нашихъ, пріиде въ Смоленскъ на людей болѣзнь великая цынга.» (Лѣт. о Мятежахъ, стр. 218).

Такимъ образомъ, какъ упомянуто, воевода Брацлавскій, оставивъ приступъ и доставши одного Русскаго бѣглеца изъ крѣпости, работавшаго тамъ около подкоповъ и обѣщавшаго ему служить въ семъ дѣлѣ, сталъ размышлять о взятіи крѣпости подкопами. Предпріятіе это было однакожъ затруднительно, потому что Москвитяне предупредили его заботливостію своею; и такъ вмѣсто успѣха оно приносило больше вреда, ибо Москвитяне, имѣя вездѣ около стѣнъ подъ землею слухи, какъ скоро услышали, откуда наши подкапываются, предупреждали подкладывая подъ нашихъ порохъ, и выгоняли ихъ вонъ. Наконецъ помянутый Москвитянинъ сталъ уже копать въ самыхъ шанцахъ на подобіе глубокихъ колодезей, и подошелъ такимъ образомъ подъ слухи крѣпости, идя подъ ними такъ низко, что осажденные не могли того замѣтить; уже въ декабрѣ мѣсяцѣ подложенные нѣсколько десятковъ центнеровъ пороху, вопреки великому ожиданію отъ этого подкопа, не произвели никакого успѣха; ими была поднята на воздухъ таже самая избитая стѣна, но валъ остался невредимъ. Слѣдовательно входъ въ крѣпость не былъ открытъ и эта великая надежда исчезла.

Припомнимъ себѣ, что выѣхавшіе изъ столицы послы Московскіе, по причинѣ худыхъ дорогъ, въ тогдашнюю мокрую осень, долго находились въ пути, и только въ послѣднихъ дняхъ октября прибыли подъ Смоленскъ; имъ отвели становье, какъ сказано выше, по ту сторону Днѣпра противъ лагеря и почти противъ Троицкаго монастыря, въ которомъ стоялъ Щепсный Крицкій, подъканцлеръ коронный. Еще прежде пословъ пріѣхали двое боярскихъ дѣтей: Молчановъ и Соловецкій, принесшіе

е. в. королю отъ думныхъ бояръ поклонъ и всѣ договоры. Они имѣли также письмо къ Шеину, извѣщавшее его о принятіи за государя всею землею Русскою королевича Владислава и объ учиненной ему присягѣ, поручая тоже исполнить и Шеину; Шеинъ тотчасъ объявилъ, что готовъ сіе сдѣлать, и выслалъ къ е. в. королю нѣкоторыхъ дѣтей боярскихъ, извѣщая о готовности своей подобно боярамъ Московскимъ, учинить присягу королевичу Владиславу. Е. в. король отвѣчалъ ему: что положеніе Смоленска совсѣмъ иное, чѣмъ другихъ городовъ; что здѣсь самъ король своею особою; посему и потребно, чтобы самому е. в. королю и королевичу присягали и немедленно бы сдали крѣпость, полагая между прочими причинами и славу свою, ужъ будто бы е. в., находясь лично столь долгое время подъ крѣпостію, не могъ покорить ее. Вышедшіе изъ крѣпости Москвитяне начали было дружиться съ нашими, покупать и продавать, но послѣ, когда ихъ не допустили къ покупкѣ соли и другихъ потребностей, услышавъ непріятный для себя отвѣтъ, они перетревожились и заперлись въ крѣпости.

Великіе послы, будучи допущены къ е. в. королю, по отданіи поклона и челобитіи отъ всего царства, отправили посольство, согласно данной имъ инструкціи, по которой они особенно должны были просить о королевичѣ Владиславѣ, и объ утвержденіи статей, о коихъ было условлено съ гетманомъ. Король отвѣчалъ имъ благосклонно чрезъ канцлера Литовскаго, принимая доброжелательство, съ которымъ они отзывались относительно е. в. короля и королевича Владислава, и приказалъ совѣщаться имъ о статьяхъ съ сенаторами; послы

имѣли нѣсколько совѣщаній съ сенаторами, но большая часть статей (даже и тѣ, которыми они довольствовались, или которыхъ не отстаивали упорно) отложена была до сейма *. А какъ на счетъ позволенія е. в. короля дать Владислава не было помина, и сенаторы напротивъ того настаивали, чтобы присяга относилась вмѣстѣ къ королю и къ королевичу, и чтобы тотчасъ былъ сданъ Смоленскъ; то все это весьма потревожило Московскихъ пословъ и находившихся при нихъ дѣтей боярскихъ, особенно же бывшихъ тамъ около тысячи бояръ Смоленскаго уѣзда, которымъ канцлеръ Литовскій приказалъ именемъ е. в. короля, чтобы они присягали вмѣстѣ королю и королевичу, ежели не хотятъ лишиться своихъ помѣстьевъ **; наши, приведши нѣкоторыхъ такимъ образомъ къ присягѣ произвели между ними великое смущеніе и перемѣну въ образѣ мыслей.

Гетманъ встрѣчалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ еще въ пути своемъ, которые по недостатку продовольствія, и

(*) Переговоры Московскихъ пословъ, веденные подъ Смоленскомъ съ Польскими министрами, весьма подробно изложены Голиковымъ во II Т. Доп. къ дѣян. Петра Вел. Голиковъ почерпнулъ сіи свѣдѣнія частію изъ рукописи Филарета, частію же изъ Архива Министер. Иностр. Дѣлъ.

15 Октября былъ первый съѣздъ или конференція пословъ съ панами радными, которые были: гетманъ Потоцкій, маршалъ Литовскій Дорогостайскій, великій канцлеръ Левъ Сапѣга, подканцлеръ Щенсной—Крицкій, королевскій писарь Скуминъ, и съ ними же были два попа Римскихъ. (Голик. Допол. къ Дѣян. Петра Вел. II. стр. 53).

(**) Русскіе послы, еще до пріѣзда въ Смоленскъ, съ дороги увѣдомляя Московскихъ бояръ о несоблюденіи договора, заключеннаго съ гетманомъ, между прочимъ отъ 30-го сентября (стар. стил) писали о слѣдующемъ: «Многіе Русскіе дворяне пріѣзжаютъ къ королю подъ Смоленскъ, и по волѣ королевской присягаютъ уже не одному королевичу, но и ему королю, и король за то ихъ жалуетъ и даетъ грамоты на помѣстья и вотчины; а тѣмъ, которые хотя и присягнули королевичу, велитъ вновь присягать себѣ; противляющіеся же сему отдаются подъ стражу. Голикова Допол. къ Дѣян. Петра Вел. Т II стр. 35).»

раздраженные отвѣтомъ, противнымъ данному имъ обѣщанію, во множествѣ ѣхали обратно въ столицу; тогда же стали они разсѣвать по всему государству слышанную ими волю и декларацію е. в. короля подъ Смоленскомъ, и по этому первому уже поводу Москвитяне начали возмущаться и бунтовать, какъ о семъ будетъ упомянуто ниже. Пріѣхавъ подъ Смоленскъ *, гетманъ сперва на частной аудіенціи у е. в. короля давалъ отчетъ о всемъ, что сдѣлано было и по какимъ причинамъ, а особенно представлялъ, что извѣстіе о волѣ короля дошло не прежде какъ по совершеніи уже всего; что онъ, гетманъ, не имѣя другаго наставленія, поступалъ согласно съ декларацією е. в. короля, данною уже прежде Салтыкову и другимъ боярамъ, и что наконецъ, должно было согласоваться съ желаніемъ народа. Ибо, еслибы объявить то, что было привезено старостою Велижскимъ, то этотъ народъ, навѣрное бы вспыхнулъ и выбралъ бы себѣ за государя кого либо другаго, а намъ осталась бы такимъ образомъ въ прибыли только война, которую не захотѣли бы поддерживать не удовлетворенные жалованіемъ солдаты.

Гетманъ излагалъ также другія сильнѣйшія причины своихъ совѣтовъ; вопервыхъ, что полезно было бы какъ Рѣчи Посполитой, такъ и самому е. в. королю и потомству его не пренебрегать и не отвергать условій, которыя самъ Богъ послалъ; вовторыхъ, что е. в король,

---

(*) Гетманъ пріѣхалъ подъ Смоленскъ 8-го Нояб пов. ст. (см. Жизнь Яна Петра Сапѣги, стр. 267). Гетманъ вѣроятно по скромности, не говоритъ о сдѣланной ему подъ Смоленскомъ великолѣпной встрѣчѣ, о рѣчи, произнесенной канцлеромъ Литовскимъ Львомъ Сапѣгою; все это подробно описано Кобѣржицкимъ.

поставленный Богомъ на столь высокой степени, обязанъ же отвращать заранѣе бѣдствія, могущія постигнуть Рѣчь Посполитую; онъ указывалъ сколь гибельны были для Рѣчи Посполитой три междуцарствія, бывшія на нашей памяти, одно другаго хуже, изъ коихъ послѣднее довольно и кровью обагрилось, и одна только чудотворная милость Божія предохранила отъ грозившихъ величайшихъ бѣдствій; а потому гетманъ просилъ во избѣжаніе сего и помня о смерти, чтобы е. в. король позаботился о Рѣчи Посполитой, ибо въ случаѣ смерти е. в., чего Боже сохрани, неминуемо воспослѣдуютъ великія смятенія; а сдѣлается ли тотчасъ королемъ Владиславъ королевичъ, того никто не можетъ навѣрно обѣщать, потому что много осталось раздраженнаго народа изъ прошлаго возмущенія и много можетъ произвести недовольныхъ свѣжая ненависть *.

Гетманъ припоминалъ также примѣръ короля Сигизмунда I, который хотя пользовался укоренившимся и продолжительнымъ уваженіемъ, однакоже вѣдая, что въ состояніи сдѣлать неизгладившаяся еще ненависть, старался короновать сына своего въ молодыхъ лѣтахъ **; въ то время, это не было еще воспрещено законами, но теперь, когда уже путь пресѣченъ, такъ что ни е. в. король

(*) Гетманъ напоминаетъ королю о большомъ и продолжительномъ возмущеніи, бывшемъ въ Польшѣ, которое было прекращено пораженіемъ противниковъ королевскихъ въ сраженіи при Гузовѣ 6-го Іюля 1607 года.

(**) Литва въ 1529 году избрала себѣ въ государи десятилѣтняго Сигизмунда Августа, сына короля Сигизмунда I-го; примѣру сему послѣдовали и Поляки, провозгласивъ его на Піотрковскомъ сеймѣ наслѣдникомъ послѣ отца, съ условіемъ, чтобы онъ при его жизни не вмѣшивался въ правленіе. Торжественное коронованіе юнаго короля происходило въ 1530 году.

ни коимъ образомъ не можетъ приложить о томъ старанія, иначе мы съ своей стороны дать согласія, чтобы во время жизни е. в. назначить на царствованіе другаго короля, то пребываніе королевича Владислава на престолѣ Московскомъ споспѣшествовало бы миру и спокойствію Рѣчи Посполитой. Тогда другіе соискатели лишились бы надежды, а Рѣчь Посполитая освободилась бы тѣмъ отъ опасенія возмущеній, ибо ни одинъ изъ соискателей не могъ бы доставить республикѣ такихъ выгодъ, какія бы открылись ей отъ соединенія съ государствомъ Московскимъ. Сверхъ того припоминалъ, что легче было бы тогда завоевать обратно Швецію, ежели бы королевичъ возсѣлъ на престолѣ этого государства.

Дальше продолжалъ, что не можетъ вдругъ статься такъ, какъ бы мы предполагали себѣ, желали и хотѣли, — что конецъ должно предоставить времени, ибо одинъ только Господь Богъ можетъ въ совершенствѣ исполнять то что хочетъ, напротивъ, при человѣческихъ средствахъ, по естественному ходу, дѣла имѣютъ въ извѣстное время начало свое и возрастаніе: такъ дитя становится со временемъ человѣкомъ, а изъ малаго прутика выростаетъ въ послѣдствіи большое дерево. Отъ соединенія Великаго Княжества Литовскаго королемъ Ягеллою минуло 160 лѣтъ прежде нежели оно слилось съ Короною настоящимъ образомъ.

Гетманъ приводилъ не мало и другихъ причинъ, совѣтуя дѣйствовать сообразно со склонностію этого народа, и положить конецъ войнѣ, поелику изъ условій, заключенныхъ теперь подъ Москвою, могли проистекать великія выгоды для Рѣчи Посполитой. Если же ко-

роль не захочетъ этимъ довольствоваться, тогда, кромѣ другихъ неудобствъ, необходимо завяжется продолжительная война, которой неизвѣстно когда и какой будетъ конецъ. Надобно, говорилъ также, обратить вниманіе и на солдатъ, склонныхъ къ бунтамъ и мятежамъ въ случаѣ, еслибы имъ не могло быть выплачиваемо жалованье, чтобы, по уничтоженіи сихъ трактатовъ, они не взбунтовались и не вступили въ области Рѣчи Посполитой, съ требованіемъ отъ нея заслуженной платы, которую по уговору должны были получить изъ казны Московской.

Но уши е. в. короля были закрыты для убѣжденій гетмана, послѣ пріѣзда котораго съ послами Московскими было снова нѣсколько совѣщаній *; пріѣзжали также изъ крѣпости тѣ, коихъ присылалъ Шеинъ, но какъ со стороны сенаторовъ, такъ равно и Москвитянами повторяема была одна и та же пѣсня.

ГЛАВА X.

Пребываніе втораго самозванца въ Калугѣ. — Его тайныя сношенія съ Московскими приверженцами. — Намѣреніе самозванца укрѣпиться въ Воронежѣ. — Убіеніе имъ царя Касимовскаго. — Умерщвленіе самозванца.

Въ это время, какъ упомянуто выше, самозванецъ находился въ Калугѣ, посылая, однако, въ Москву, чрезъ своихъ повѣренныхъ, тайнымъ образомъ письма и не переставая тѣмъ возмущать народъ. Съ таковыми его

(*) По пріѣздѣ гетмана подъ Смоленскъ, назначенъ былъ посламъ 2/12 Ноября съѣздъ съ Польскими министрами; на этой шестой конференціи присутствовалъ и самъ гетманъ.

Подробности объ этой конференціи можно видѣть во II Томѣ Голикова Доп. къ Дѣян. Петра Вел. стр. 102.

письмами поймань быль попъ; въ числѣ писемъ было одно изъ нихъ къ почетнѣйшему боярину, князю Воротынскому; этотъ же попъ, на пыткѣ, оговорилъ князя Андрея Голицына, (роднаго брата Василія, бывшаго посломъ) сказавъ, что онъ о томъ знаетъ, да и о самомъ князѣ Василіѣ объявилъ, что съ дороги, ѣдучи въ Смоленскъ, писалъ будто къ самозванцу письмо. Князей Воротынскаго и Андрея Голицына тотчасъ взяли подъ стражу, а помянутый попъ наказанъ съ другими, оказавшимися виновными.

Самозванецъ, видя, что наши твердою ногою расположились въ столицѣ и что сверхъ того полкъ Сапѣги, поставленный въ Можайскѣ и Мещовскѣ, — близко примыкалъ къ нему, не имѣя при себѣ никого изъ вѣрныхъ людей и не полагаясь на свои дѣла, думалъ уходить къ низовьямъ Дона въ Воронежъ; ибо онъ зналъ, что это войско Сапѣги догаваривалось въ е. в. королемъ о нѣкоторыхъ статьяхъ, и былъ увѣренъ, что, получивъ требуемое, оно было намѣрено покуситься противъ него. Крѣпость Воронежъ, построенная царемъ Борисомъ на Дону, была на дорогѣ, которою ходили обыкновенно въ Москву Татары: ее то, на всякой случай, укрѣпилъ было самозванецъ и снабдилъ всѣми потребностями въ надеждѣ имѣть тамъ убѣжище при клонившихся къ упадку дѣлахъ своихъ. Однако не пришлось ему сіе исполнить, ибо много было при немъ такихъ людей, которые, узнавъ обманъ самозванца, желали истребленіемъ его возвратить странѣ миръ и тишину. Къ тому же онъ, какъ человѣкъ безразсудный, царствовалъ нагло и жестоко: не-

задолго умертвилъ царя Касимовскаго * изъ Ногайской Орды, находящейся подъ правленіемъ великаго хана, Москвитянами Золотымъ царемъ называемаго; во власти сего великаго хана былъ этотъ царь, называвшій себя царемъ Казацкой Орды. Онъ былъ еще молодъ, когда во время войны съ Москвитянами, взятъ былъ въ сраженіи въ плѣнъ княземъ Петромъ Горчаковымъ, теперь вторымъ воеводою послѣ Шеина

Царь Иванъ, въ царствованіе коего онъ былъ взятъ въ плѣнъ, не предалъ его смерти, во уваженіе знатности происхожденія, но напротивъ того даровалъ ему Касимовъ, подарокъ достойный, отъ коего Москвитянами названъ царемъ Касимовскимъ; у царя Ивана онъ былъ въ великой почести, и получилъ первое мѣсто предъ всѣми боярами; такимъ же образомъ обходились съ нимъ царь Ѳеодоръ, царь Борисъ и первый самозванецъ Растрига; по умерщвленіи же послѣдняго, онъ жилъ въ своемъ помѣстьѣ.

Послѣ, когда второй самозванецъ остановился подъ Москвою въ Тушинѣ съ княземъ Рожинскимъ, и когда многія области и города передавались къ нему отъ Шуйскаго, тогда же пріѣхалъ къ нему и царь Касимовскій съ немалымъ числомъ людей и блестящею свитою; какъ онъ былъ человѣкъ щедрый, въ чемъ соглашаются знавшіе его, то и роздалъ болѣе 300,000 ** солдатамъ, а еще болѣе самому самозванцу. Послѣ бѣгства обманщика изъ подъ Москвы, царь Касимовскій поѣхалъ къ е. в. королю подъ Смоленскъ, оставивъ много любимаго имъ

(*) Уразъ-Магметъ (Кар. Т. XII. стр. 270).

(**) Вѣроятно злотыхъ.

сына въ станѣ подъ Москвою при князѣ Рожинскомъ. Но этотъ сынъ не столько любилъ отца, сколько отецъ сына, ибо, когда стали наши раздѣляться на двѣ партіи, онъ предпочелъ ѣхать съ тѣми, которые шли къ самозванцу въ Калугу, гдѣ имѣлъ также мать и бабку.

Потомъ царь Касимовскій ѣхалъ съ гетманомъ изъ Смоленска и въ продолженіе всего этого времени велъ себя степенно и вѣрно. По заключеніи трактатовъ, въ то время, когда самозванецъ бѣжалъ изъ Москвы въ Калугу, царь Касимовскій, соскучившись по женѣ и по сынѣ, скрытно уѣхалъ въ Калугу, гдѣ помня однако милость е. в. короля и обходительность, оказанную ему гетманомъ и рыцарствомъ, принялъ намѣреніе уѣхать оттуда, уговаривалъ и сына ѣхать съ собою; но сынъ не только не хотѣлъ съ нимъ ѣхать, но напротивъ того, предувѣдомилъ о томъ самозванца, который и приказалъ умертвить его, ускоривъ этимъ собственную свою гибель; — весьма многіе сожалѣли о семъ царѣ Касимовскомъ, особенно Юртовскіе Татары, между коими былъ нѣкто князь Петръ Урусовъ, человѣкъ воинственный и отважный; онъ сговорился съ нѣсколькими десятками Татаръ на его жизнь и воспользовался противъ самованца слѣдующимъ случаемъ. Самозванецъ любилъ обыкновенно, проѣзжаться. Напившись до пьяна за обѣдомъ какъ это онъ часто дѣлалъ, (а случилось это 20 Декабря 1610 года) *, приказалъ онъ запречь сани, положивъ въ оныя фляги съ медомъ, и пилъ съ нѣкоторыми боярами.

Князь Петръ Урусовъ съ нѣсколькими десятками

(*) По словамъ Бера 11-го Декабря стар. стиля.

тѣхъ, сговорившихся съ нимъ, всадниковъ, ѣхалъ за самозванцемъ, будто провожая его, и когда самозванецъ съ боярами подпилъ, Урусовъ, прискочивъ къ санямъ, сначала выстрѣлилъ въ него и ранилъ, а потомъ, отрубивъ саблею голову и руку, пустился въ обратный путь въ Калугу*. Нѣкоторые думали, что на сіе навелъ Урусова гетманъ; подозрѣвали же въ семъ вѣроятно потому, что гетманъ, послѣ бѣгства самозванца изъ подъ Москвы, обращался съ Урусовымъ обходительно и ласково. Какъ бы то ни было, бездѣльничества самозванца прекратились и, по убіеніи его, бояре, между коими были князь Димитрій Трубецкой и князь Григорій Шаховской, запершись въ Калугѣ и снесясь съ боярами столичными, учинили также присягу на имя королевича Владислава. Жену самозванца и всѣхъ ея слугъ, родомъ Поляковъ, взяли подъ бдительную стражу; госпожа эта выдавала себя за беременную, и въ Калугѣ же, въ заточеніи, родила сына, котораго, для снисканія расположенія Москвитянъ, приказала окрестить въ Русскую вѣру.

ГЛАВА XI.

Вѣсть о томъ, что Сигизмундъ не хочетъ дать Владислава на Русское царство, волнуетъ народъ. — Прокофій Ляпуновъ призываетъ народъ для изгнанія Поляковъ изъ Россіи. — Патріархъ Гермогенъ. — Заруцкій. — Взятіе подъ стражу Русскаго посольства подъ Смоленскомъ и отсылка его въ Польшу. Отъѣздъ Жолкевскаго изъ лагеря на Русь. — Сожженіе Москвы и битва Русскихъ съ Поляками.

Между тѣмъ, извѣстія, что е. в. король не хочетъ дать на царство Московское сына своего королевича Владислава, болѣе и болѣе распространялись по землѣ

(*) См приложеніе № 38.

Московской, въ слѣдствіе чего въ разныхъ мѣстахъ начинались бунты и измѣны, усилившіеся наиболѣе отъ нѣкоего Прокофія Ляпунова, роднаго брата Захарія, который былъ первый поводомъ къ низложенію съ царства Шуйскаго. Этотъ Прокофій Ляпуновъ, еще при Шуйскомъ, былъ воеводою Рязанскимъ, но во время сихъ смутъ, онъ ненавидѣлъ обманщика; Шуйскому также повиновался, когда хотѣлъ, за что въ области, въ которой былъ воеводою, (многолюдной и весьма плодородной) имѣлъ у народа великую довѣренность, и Шуйскій, находясь отъ самозванца въ затруднительномъ положеніи, ничего ему не могъ сдѣлать. Онъ былъ изъ числа тѣхъ, которые не желали царствованія какъ самозванца, такъ и Шуйскаго; радовался, услышавъ, что бояре сдѣлали съ гетманомъ договоръ о королевичѣ: тотчасъ присягнувъ самъ на имя королевича, привелъ къ присягѣ и всю область Рязанскую. Послалъ къ гетману сына своего Владиміра, бывшаго въ совершенномъ возрастѣ, котораго гетманъ, почтивъ благоволеніемъ, угостивъ и одаривъ, отослалъ къ нему обратно.

Въ такомъ расположеніи Ляпуновъ пребывалъ довольно долгое время, приказывая доставлять изъ Рязани нашимъ людямъ въ Москву съѣстные припасы; когда же стали сомнѣваться въ пріѣздѣ королевича, писалъ къ думнымъ боярамъ письмо, спрашивая: какое они имѣютъ извѣстіе, и будетъ ли королевичъ или нѣтъ, по условію учиненному съ гетманомъ? объявляя, при томъ, отъ имени своего и всей Рязанской земли, что, согласно присягѣ своей, съ готовностію желаютъ имѣть государемъ королевича. Письмо это было весьма длинно и начинено

изрѣченіями изъ священнаго писанія, но смыслъ былъ окончательно такой. Бояре отослали оное къ е. в. королю подъ Смоленскъ. Когда же извѣстіе, что е. в. не даетъ королевича, еще больше распространилось въ народѣ, по разнымъ мѣстамъ царства Московскаго, тогда Ляпуновъ снова написалъ къ боярамъ второе уже очень суровое письмо, объявляя, что хочетъ изгнать нашихъ изъ столицы, и сочиняя универсалы въ непріязненномъ духѣ противъ насъ и противъ тѣхъ, которые бы намъ благопріятствовали, разсылалъ отъ имени своего и всей земли Рязанской, призывая къ себѣ, какъ долженствующему потушить всеобщій пожаръ. И этотъ универсалъ былъ дли́ненъ и заключалъ въ себѣ все, что только могло послужить къ возженію ненависти противъ насъ и думныхъ бояръ; особенно возбуждалъ страхъ и опасеніе со стороны вѣры, говоря, что мы намѣрены ихъ вѣру искоренить и ввести свою, и присовокупляя многія другія сему подобныя обстоятельства.

Побудительною причиной къ тому былъ также патріархъ, возбуждавшій и подстрекавшій его на таковой поступокъ, ибо патріархъ самъ сознался, что дѣлалъ это. Иные обвиняли въ томъ и Василія Голицына, который будто бы возбуждалъ и подстрекалъ Ляпунова, но Голицынъ упорно стоялъ въ томъ, что онъ не имѣлъ ни какихъ сообщеній съ Ляпуновымъ; сознаваясь въ томъ однако, что писалъ къ патріарху, что е. в. король, не хочетъ дать королевича Владислава и желаетъ лучше самъ быть государемъ. Патріархъ, уже увѣдомленный о семъ Голицынымъ и митрополитомъ Ростовскимъ, разсѣвалъ и сообщалъ письмами эту вѣсть въ города, ускоривъ та-

кимъ образомъ кровопролитіе, о которомъ сказано будетъ ниже. За симъ послѣдовало бо́льшее замѣшательство въ дѣлахъ, чернь возмутилась въ столицѣ, и города: Ярославль, Переяславль, Вологда, Новгородъ Великій, Коломна, Серпуховъ, Тула и другіе города стали отлагаться.

Ляпуновъ также открыто взялся за оружіе: послалъ сына Владиміра съ первымъ войскомъ въ Коломну, а самъ оставался въ Переяславлѣ-Рязанскомъ, въ ожиданіи большихъ подкрѣпленій, сносясь и сговариваясь съ Заруцкимъ, начальствовавшимъ при обманщикѣ Донскими казаками. Объ этомъ Заруцкомъ, какъ о человѣкѣ игравшемъ важную роль въ сей комедіи, надобно сказать нѣсколько словъ. Отецъ его былъ родомъ изъ Тарнополя. Романовскіе Татары, воевавшіе Русскія земли, захватили его небольшимъ еще мальчикомъ; въ Ордѣ онъ достигъ совершеннаго возраста и какимъ то случаемъ ушелъ отъ Татаръ къ Донскимъ казакамъ. Потомъ, во время смутъ, пришелъ съ Донцами къ первому самозванцу, по умерщвленіи коего, въ числѣ первыхъ присталъ къ другому, и въ первыхъ порахъ славы этого самозванца Заруцкій былъ ему великою помощію; какъ неугомонная голова, ему доставало сердца и смысла на все, особенно, ежели предстояло сдѣлать что либо злое. Въ послѣдствіи, когда партія самозванца пришла въ силу, онъ имѣлъ большой доступъ къ его милости, и предводительствовалъ Донцами; ежели нужно было кого взять, убить или утопить, исполнялъ это съ довольно великимъ стараніемъ. Въ станѣ Тушинскомъ достаточно примѣтна была неусыпность его, ибо, при всегдашней

почти нетрезвости князя Рожинскаго, онъ завѣдывалъ передовыми стражами, подкрѣпленіями, а также собираніемъ извѣстій; когда же самозванецъ ушелъ изъ стана и съ нимъ почти всѣ Донцы, Заруцкій остался при насъ и пріѣхалъ къ е. в. королю подъ Смоленскъ, а потомъ съ гетманомъ въ Бѣлую; былъ въ Клушинскомъ сраженіи и при взятіи острожка, гдѣ и отличилъ себя. Но по причинѣ питаемой имъ ревности къ молодому Салтыкову, который, какъ человѣкъ знатнаго происхожденія и въ милости гетмана и во всемъ имѣлъ предъ нимъ преимущество, Заруцкій, не въ состояніи будучи стерпѣть этого, когда пришли подъ Москву, снова передался къ самозванцу и находился при немъ до самой его смерти.

Послѣ, когда Ляпуновъ, какъ сказано выше, предпринялъ войну, Заруцкій, съ давними своими друзьями и со многими державшимися его, много вредилъ нашимъ, о чемъ будетъ говорено ниже. Однако нашимъ не легко было и теперь: съѣстные припасы доставали они съ большею трудностію, ибо города, изъ коихъ былъ подвозъ, заперлись. Желая пособить симъ бѣдствіямъ, вознамѣрились разсѣять толпы, стекавшіяся къ Ляпунову. Для исполненія сего высылали полки людей: ротмистръ Казановскій у Переяславля-Залѣскаго поражалъ нѣкоего Просовицкаго *. Врещъ также ходилъ съ войскомъ въ Коломну; но сего было недостаточно и не принесло никакой пользы, ибо Москвитянамъ, знав-

---

(*) «Атаманъ Просовицкій, бывъ клевретомъ и ставъ непріятелемъ Лисовскаго..... вдругъ явился въ Суздалѣ, какъ честный слуга Россіи, привелъ Ляпунову тысячъ шесть казаковъ и сдѣлался однимъ изъ главныхъ воеводъ народнаго ополченія». (Карамзинъ Ист. Рос. госуд. Т. XII стр. 283).

шимъ проходы въ своей землѣ, наши не могли воспрепятствовать стекаться и приготовляться къ уничтоженію нашихъ.

Въ таковой нуждѣ, стѣснявшей нашихъ въ столицѣ, спасало ихъ то, что бояре дали имъ изъ казны царской на нѣсколько мѣсяцевъ на харчи около 300,000 злотыхъ; на эти деньги они покупали себѣ съѣстные припасы, которыхъ тогда еще въ городѣ было въ изобиліи. Староста Велижскій часто писалъ къ е. в. королю, увѣдомляя о таковыхъ опасностяхъ, и просилъ пѣхоты, которой и подъ Смоленскомъ не такъ было много, чтобъ не нуждались въ ней еще. Въ это время пришли также извѣстія отъ воеводы Русскаго * и отъ господаря Волошскаго, что Гавріилъ Баторій, воевода Седмиградскій, вступилъ съ войскомъ въ землю Молдавскую и вытѣснилъ оттуда Радулу **, бывшаго тамъ господаремъ; воевода Волошскій съ заботливостію писалъ о своей опасности. Многіе сенаторы опасались, чтобы во время сего отсутствія е. в. короля, сверхъ вреда, понесеннаго по поводу самозванцевъ, Баторій, увлеченный таковымъ завладѣніемъ земли Молдавской, не отважился на что либо большее противъ Рѣчи Посполитой, а потому часто писали и совѣтовали е. в. не считать этого маловажнымъ: въ пись-

(*) Русскимъ воеводствомъ называлась Червонная Русь, т. е. Галиція.

Гавріилъ Баторій, племянникъ Стефана Баторія, былъ закоренѣлымъ врагомъ Сигизмунда III, и еще во время Рокоша (см. 1-е примѣч. на стр. 107) намѣревался завладѣть короною Польскою.

(**) Въ рукописи поставлено Padutę, но должно быть Radulę. Радула Бозовскій еще въ 1601 году игралъ важную роль въ Молдавіи: мы это видимъ изъ инструкціи, данной Сигизмундомъ послу своему Кохановскому, посланному къ Турецкому султану. (См. Собр. памятниковъ древней Польши, Нѣмцевича, Т. V, стр. 389).

махъ нѣкоторыхъ сенаторовъ были слова, чтобы е. в. король размыслилъ о томъ, дабы Рѣчь Посполитая не потерпѣла какого либо ущерба.

Извѣстія сіи безпокоили е. в. короля и находившихся при е. в. сенаторовъ. Дѣло состояло въ томъ, что сенаторы совѣтовали для укрощенія сказанныхъ опасностей, отправить въ столицу гетмана, на что соглашался и е. в. король; но гетманъ, поелику совѣты его были отвергнуты, вѣдая, что ничего тамъ своимъ пріѣздомъ не сдѣлаетъ, не хотѣлъ въ это дѣло вступаться: также и здоровье его трудами и безпокойствіями ослабленное и истощенное не позволяло ему вдаваться ни въ какія распоряженія и дѣла, почему и находился въ лагерѣ какъ праздный человѣкъ *; и такъ, по совѣту сенаторовъ, е. в. король приказалъ ему отправиться на Русь ** для предупрежденія опасностей, еслибы оказались какія со стороны Баторія.

Тогда е. в. король, имѣя въ подозрѣніи пословъ Московскихъ и думая, что они были возжигателями раздоровъ по землѣ Московской, которыя были уже извѣстны; также полагая, что они же причиною, что не сдается Смоленскъ, приказалъ взять ихъ подъ крѣпчайшую стражу, и вести ихъ потомъ въ Минскъ, изъ Минска же въ Вильно, и наконецъ въ Каменку подъ Львовъ препроводилъ ихъ староста Брацлавскій Скуминъ, при помощи Мясковскаго, который и находился тамъ при нихъ болѣе полугода, покамѣстъ, наконецъ, зимою послѣ новаго года, по приказанію е. в. короля, не привезъ ихъ въ Вар-

(*) См. приложеніе № 39.
(**) См. 1-е примѣч. на стр. 118.

шаву, откуда потомъ они были разосланы по разнымъ городамъ *.

Гетманъ послѣ Ѳоминой недѣли ** пустился по Днѣпру къ Оршѣ. Здѣсь нагналъ его коморникъ съ письмомъ е. в. короля, приказывающимъ ему до дальнѣйшаго увѣдомленія, обождать тамъ, гдѣ письмо застанетъ. Потомъ пріѣхалъ и другой коморникъ съ письмомъ е. в., предписывающимъ ему, оставивъ тяжести, налегкѣ прибыть въ лагерь, для чего и высланы были на встрѣчу ему, на половину дороги, три цуга лошадей. Охотно бы исполнилъ то гетманъ и воротился бы, но, пославъ своихъ лошадей изъ Смоленска прямо въ Могилевъ, не могъ достать въ скудномъ городѣ ни наемныхъ лошадей, ни подводъ, ниже найти кого либо такого, ктобъ могъ одолжить лошадей на время. И такъ онъ отвѣчалъ е. в. королю, что воротится изъ Могилева, достигнувъ тамъ своихъ лошадей съ людьми ***; но чрезъ прибывшаго послѣ въ Могилевъ посланца, е. в. приказалъ ему продолжать путь къ Руси.

Причина, по которой е. в. король хотѣлъ было во-

(*) Отъ Смоленска ѣхали послы водою (вѣроятно до Орши): «И такъ посадя пословъ и дворянъ ограбленныхъ въ одно судно, окруженныхъ Польскими солдатами съ заряженными ружьями, того жъ 13 Апрѣля (ст. ст.) повезли. Поелику жъ не могли всѣ помѣститься въ одномъ суднѣ, то остальная свита посольская повезена за ними въ двухъ негодныхъ суднишкахъ. Утѣсненія по пути ихъ были имъ повсюду крайнія; въ одномъ только владѣніи гетмана Желковскаго (Жолкевскаго) показана имъ была нѣкая учтивость, и гетманъ сей прислалъ къ нимъ спросить о здоровьѣ». (Допол. къ Дѣян. Петра Вел. Т. II, стр. 236).

(**) То есть между $^{7}/_{17}$ и $^{14}/_{24}$ Апрѣля. По словамъ Кобѣржицкаго, гетманъ выѣхалъ $^{13}/_{23}$ Апрѣля 1611 г.

(***) Безъ малѣйшаго сомнѣнія, представляемыя тутъ причины не настоящія, – сіи послѣднія отчасти изложены гетманомъ на стр. 119 (Смот. также приложеніе № 39).

ротить его, была та, что пріѣхалъ изъ подъ столицы товарищъ роты гетмана Глосковскій, посланный отъ старосты Велижскаго и прочаго рыцарства съ извѣстіемъ о битвахъ и сожженіи Москвы. Ибо Ляпуновъ, желая привести въ дѣйствіе замыслы свои касательно изгнанія нашихъ изъ столицы, собравъ ожидаемыхъ имъ людей, согласясь съ Заруцкимъ и съ расположенными къ предпріятію его Москвитянами, разсылалъ тайно во время ночи стрѣльцовъ, которыхъ скрывали соумышленники въ домахъ своихъ. Что усмотрѣвъ наши, (было также много доброжелательствовавшихъ намъ Москвитянъ, которые насъ предостерегали,) не разсудили ожидать большей бури; потому что приближался уже и самъ Ляпуновъ *, стянулось сильное войско бояръ, въ числѣ коихъ былъ князь Василій Масальскій, человѣкъ почетный и воинственный, (бывшій, подобно предкамъ своимъ, вѣрнымъ нашимъ доброжелателемъ) **, находился только за милю или за двѣ отъ столицы. Тогда опредѣ-

(*) Изъ Дневника Маскевича видно, что Поляки были заранѣе увѣдомлены о приближеніи Русскихъ войскъ: «На другой день послѣ Вербнаго Воскресенья, въ понедѣльникъ (28 Марта нов. стил.), лазутчики извѣщаютъ насъ: одинъ, что изъ Рязани идетъ Ляпуновъ съ 80,000 человѣкъ и уже въ 20 миляхъ отъ столицы; другой, что изъ Калуги приближается Заруцкій съ 50,000 и также находится недалеко; третій, что Просовецкій спѣшитъ къ Москвѣ съ 15,000» (Днев. Маскев. стр. 75). Далѣе въ семъ же Дневникѣ (стр. 83) находимъ слѣдующее: «На другой день, т. е. во вторникъ 5-го Апрѣля (нов. ст.) прибылъ изъ Рязани Ляпуновъ съ 80,000 войска; а за нимъ, 6-го Апрѣля, съ 50,000 Заруцкій..... къ нимъ присталъ и Просовецкій, собравъ разсѣянную рать свою.»

(**) При взятіи Смоленска въ 1514 году Вел. Кн. Василіемъ Ивановичемъ, большая часть гражданъ оставили городъ и переселились въ Польшу; изъ таковыхъ выходцевъ значительнѣйшіе были *Князья* Ожирецкіе и *Масальскіе*. Фамилія К. Масальскихъ раздѣлялась на разныя отрасли: Князья Масальскіе-Рубцы, К. Масальскіе Литвиновы. Король Сигизмундъ I далъ имъ волости около Уцянъ. (См. Бандтке, Ист. Гос. Польск. стр. 88).

лили наши между собою: выжечь Деревянной и Бѣлый городъ и, запершись въ Кремлѣ и въ Китай-городѣ, перебить какъ помянутыхъ стрѣльцовъ, такъ и всѣхъ кого ни попало *. Въ самомъ дѣлѣ, въ среду предъ Пасхою и сдѣлали слѣдующимъ образомъ: расположивъ и устроивъ полки, зажгли вдругъ Деревянный и Бѣлый городъ; самъ староста Велижскій вышелъ воротами въ правую сторону на рѣку, на ледъ; Александръ Зборовскій съ полкомъ своимъ пошелъ срединой; полковникъ Мартынъ Казановскій влѣво, къ Бѣлому Городу, и близь него Самуилъ Дуниковскій. Прежде всѣхъ былъ убитъ, находившійся до сихъ поръ подъ стражею, князь Андрей Голицынъ, и кто ни попадался, никому не было пощады.

Множество Москвитянъ, (не взирая на то, что скорою рѣшительностію нашихъ и пожаромъ были встревожены), бросились къ оружію и овладѣли было воротами и большою частію Бѣлаго — города, но Мартынъ Казановскій выгналъ и вытѣснилъ ихъ оттуда; схватывались также съ нашими въ нѣсколькихъ мѣстахъ по улицамъ, однако были вездѣ преодолѣваемы нашими. Въ чрезвычайной тѣснотѣ людей, происходило великое убійство: плачь, крикъ женщинъ и дѣтей представляли нѣчто, подобное дню страшнаго суда; многіе изъ нихъ съ женами и дѣтьми сами бросались въ огонь, и много было убитыхъ и погорѣвшихъ; большое число также спасалось

(*) Вотъ что говоритъ о семъ Маскевичъ (стр. 80): «Отданъ былъ приказъ: завтра т. е. въ среду (30 Марта нов. стил.), зажечь весь городъ, гдѣ только можно. Въ назначенный день, часа за два до разсвѣта, мы вышли изъ Кремля, распростившись съ тѣми, которые остались въ крѣпости, почти безъ надежды когда либо увидѣться. Жечь городъ поручено было 2,000 Нѣмцамъ, при отрядѣ пѣшихъ гусаръ нашихъ, съ двумя хоругвями конницы».

бѣгствомъ къ войскамъ, о которыхъ знали, что находятся близко.

О таковой грозящей опасности, староста далъ знать старостѣ Хмѣльницкому, призывая его на помощь, который, въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ съ людьми, расположенными въ Можайскѣ, Борисовѣ и Вереѣ, снарядивъ слишкомъ тысячу всадниковъ, безъ повозокъ и обычныхъ тяжестей, отправился для поспѣшности верхомъ къ своимъ на помощь. Онъ пришелъ тогда, когда Москва дымилась, догадываясь по дыму о происшедшемъ, поспѣшалъ тѣмъ болѣе; однако въ этотъ день прибытіе его, кромѣ увеличенія страха бѣгущихъ, не произвело ничего. Но на слѣдующій день, то есть въ Великій Четвергъ, освѣдомясь о войскѣ князя Димитрія Трубецкаго, князя Василія Масальскаго и другихъ поспѣшавшихъ бояръ, но не могшихъ такъ скоро поспѣть своимъ на помощь, Струсь, староста Хмѣльницкій, и Зборовскій, взявъ каждый часть людей своего полка, пошли противъ нихъ, встрѣтили ихъ всего въ одной милѣ отъ города и, давъ сраженіе, разсѣяли все помянутое Московское войско.

Такимъ образомъ, столица Московская сгорѣла съ великимъ кровопролитіемъ и убыткомъ, который и оцѣнить нельзя. Изобиленъ и богатъ былъ этотъ городъ, занимавшій обширное пространство; бывавшіе въ чужихъ краяхъ говорятъ, что ни Римъ, ни Парижъ, ни Лиссабонъ величиною окружности своей не могутъ равняться сему городу. Кремль остался совершенно цѣлъ, но Китай-городъ, во время такого смятенія, негодяями и кучерами разграбленъ былъ и расхищенъ; не пощадили

даже и храмовъ: церковь св. Троицы, бывшая у Москвитянъ въ величайшемъ почитаніи, которая весьма искусно построена квадратомъ (*), и находится въ Китай-городѣ тутъ же направо предъ воротами Кремля, также была ободрана и ограблена негодяями.

ГЛАВА XII.

Приступъ и взятіе Смоленска Поляками. — Отъѣздъ короля Сигизмунда въ Вильно.

И такъ, по прибытіи Глосковскаго подъ Смоленскъ съ таковыми извѣстіями, предъ самою смертію воеводы Брацлавскаго (**), е. в. король размышлялъ: призвать ли обратно гетмана или нѣтъ; однако (о чемъ было уже

(*) Сообразивъ описаніе сей церкви, сдѣланное гетманомъ, съ описаніемъ церкви Св. Троицы, помѣщенномъ въ дневникѣ Маскевича, не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что здѣсь идетъ рѣчь о соборѣ *Василія Блаженнаго* что *на рву;* сей соборъ назывался также и *Покровскимъ*, построеніе онаго начато царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1554 году;— на томъ же основаніи заложено было десять церквей, въ числѣ коихъ: входъ Христовъ во Іерусалимъ и *Живоначальная Троица*. Отъ сей последней церкви вѣроятно въ то время и все зданіе носило названіе церкви *Св. Троицы*. — Изъ церкви Входъ Христовъ во Іерусалимъ, въ прежнія времена въ Вербное Воскресеніе были крестные ходы, представлявшіе Спасителевъ входъ во Іерусалимъ, и во время хода патріархъ ѣздилъ на ослѣ, котораго цари обыкновенно водили за поводъ; но эта церемонія отмѣнена при послѣднемъ патріархѣ Адріанѣ. При царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, въ 1680 году при той же церкви построены еще восемь церквей, (въ числѣ оныхъ Василія Великаго), вмѣсто бывшихъ на красной площади деревянныхъ церквей. Въ послѣдствіи времени пристроены еще двѣ церкви. (См. Путеводитель къ древностямъ и достопамятностямъ Московскимъ, напечатанный въ Москвѣ въ 1792 году, Т. II. стр. 7).

Выраженіе z kwadratu robioną, мы объяснить иначе не умѣемъ, какъ: построена квадратомъ, но легко можетъ быть, что оно имѣетъ значеніе, наприм. «изъ квадратнаго тесоваго камня», или какое либо другое.

(**) У Голикова въ Доп. къ Дѣян. Петра Вел. Т. II, стр. 227. сказано,

упомянуто), такъ какъ онъ доѣхалъ уже до Могилева, то е. в. написалъ къ нему, приказывая продолжать сей путь. Е. в. король, хотя съ великимъ неудобствомъ, по причинѣ недостатка во всѣхъ запасахъ, вышедшихъ при столь долговременной осадѣ, однако съ большимъ постоянствомъ духа продолжалъ осаду Смоленска и настаивалъ на дальнѣйшемъ поддержаніи войны. Для удовлетворенія солдатъ, находившихся въ столицѣ, приказалъ въ счетъ заслуженнаго жалованья, отдать бывшее въ казнѣ царской имущество, котораго стало почти на двѣ четверти года, но еслибы оно расходовано было съ надлежащею оцѣнкою, то было бы достаточно его на гораздо большее время. Солдатъ же, которые были подъ Смоленскомъ, обходительностію и привѣтливостію своею укротилъ такъ, что они готовы были на все, что ему было угодно.

А поелику сеймъ созванъ былъ на послѣднія числа сентября мѣсяца, то е. в. король думалъ однако, передъ отъѣздомъ на сеймъ, попытать счастья, ибо передававшіеся изъ крѣпости извѣщали, что уже весьма мало осталось людей способныхъ къ защитѣ, что одни вымерли, а другіе удручены болѣзнями. Для поданія помо-

---

что съ извѣстіями о разореніи Москвы прибылъ подъ Смоленскъ Алексѣй Безобразовъ; (тоже и въ лѣт. о мятеж.); сія горестная вѣсть была сообщена Русскимъ посламъ $^{8}/_{18}$ Апрѣля 1611 г. канцлеромъ Сапѣгою.

Янъ Потоцкій, (воевода Брацлавскій и польный писарь Коронный), сынъ Николая Потоцкаго, генерала Подольскаго, умеръ не оставивъ потомства отъ Елисаветы дочери подкоморія Русскаго (Pamiętniki do Historyi Stefana przez Edwarda Hr. Raczyńskiego, str. 4]. Янъ Потоцкій умеръ 1611 года, Апрѣля 29-го дня, на 56 году своего возраста. Погребенъ въ наслѣдственномъ владѣніи своемъ Паntовкѣ при Каменецъ-Подольскѣ (Patr. Orbis Polonus, Simonte Okolski. Cracowiae, Tomus II. 1641 Str. 403).

щи солдатамъ, остававшимся въ столицѣ, которыхъ Ляпуновъ съ Трубецкимъ и другими боярами и съ Заруцкимъ уже осадили, е. в. употребилъ гетмана Литовскаго [Ходкевича] съ Ливонскими солдатами, съ намѣреніемъ, во время отсутствія своего, поручить ему завѣдываніе дѣлъ въ столицѣ.

На валахъ, гдѣ прежде было множество людей, теперь, по причинѣ недостатка ихъ, видно было уже не много стражи; какъ послѣ говорилъ и самъ Шеинъ, что не оставалось всего на все и двухъ сотъ человѣкъ годныхъ къ оборонѣ. * Шеинъ исполненъ былъ мужественнымъ духомъ и часто вспоминалъ отважную смерть отца своего, павшаго при взятіи Сокола въ царствованіе короля Стефана; также говаривалъ часто предъ своими, что намѣренъ защищать Смоленскъ до послѣдняго дыханія. Можетъ быть, что поводомъ къ этому былъ мужественный духъ его, однако участвовало тутъ и упорство; ибо не имѣя надежды на помощь, при такомъ недостаткѣ въ людяхъ и видя ежедневно смерть ихъ, все еще упорствовалъ въ своемъ намѣреніи.

Тогда е. в. король Якову Потоцкому, каштеляну Каменецкому (которому по смерти брата его, воеводы Брацлавскаго, поручилъ начальство надъ войскомъ) приказалъ приготовить лѣстницы и все нужное для приступа. Для раздѣленія осажденныхъ, казалось лучшимъ пустить людей на приступъ съ четырехъ сторонъ; самъ Каменецкій избралъ для себя мѣсто отъ Духовнаго мо-

---

(*) «При взятіи Смоленска, нашлось не болѣе 300 или 400 здоровыхъ людей, которые уже не могли защищать его обширныхъ укрѣпленій, имѣвшихъ цѣлую милю въ окружности». (Бера лѣтоп. Моск. стр. 148).

настыря *, (въ которомъ стояли казаки), ниже Авраамовской заставы; староста Фелинскій, братъ его, противъ пролома, то есть противъ дыры, пробитой орудіями; Нѣмецкая пѣхота, числомъ около шести сотъ, близь стѣны, обращенной къ нашему лагерю, маршалъ же Великаго Княжества Литовскаго возлѣ Крылоссовскихъ воротъ, не вдалекѣ отъ которыхъ было мѣсто, на подобіе свода, куда спускаема была нечистота. Новодворскій, кавалеръ Малтійскій, со словъ одного Москвича **, переправясь и потомъ ночью разсмотрѣвъ этотъ сводъ, взялся подложить въ него пороху, въ надеждѣ (какъ и сдѣлалось), что порохъ сей взорветъ стѣну.

Когда уже все нужное такимъ образомъ было приготовлено, въ полночь Каменецкій приступилъ съ своей стороны къ стѣнѣ, и потихоньку взлѣзали на оную посредствомъ лѣстницъ, влѣзъ и самъ Каменецкій, на стѣнѣ не было кому и примѣтить ихъ; и когда уже взошло нашихъ большое количество и стали расходиться по стѣнамъ и башнямъ, тогда показалось только малое число Москвитянъ при воротахъ Авраамовскихъ; они хотѣли было защищаться, но, увидѣвъ большое число нашихъ, бросились бѣжать внизъ. Нѣмецкая пѣхота съ своей стороны взлѣзла также на валы почти въ одно и то же время, но тамъ, въ недалнемъ разстояніи, находился самъ Шеинъ съ нѣсколькими десятками человѣкъ, какъ бы между пробитою стѣною, чрезъ которую влѣзли

(*) Монастырь Св. Духа?

(**) «Врагомъ же наущенный Смольянинъ Андрей Делишинъ бысть въ тѣ поры у короля въ таборахъ, и сказа королю, что въ другую сторону градъ худъ, и дѣланъ въ осень». (Лѣт. о мятеж. стр. 214).

Нѣмцы, и примѣтивъ ихъ, началъ перестрѣливаться съ ними. Но услышавъ пальбу въ той сторонѣ, гдѣ былъ Каменецкій, пришелъ въ безпокойство и поспѣшилъ зажечь порохъ, подложенный подъ помянутый сводъ. И въ самомъ дѣлѣ зажженный имъ порохъ взорвалъ большой кусокъ стѣны, такъ что проломомъ симъ открылся довольно удобный входъ въ крѣпость, которымъ и вошолъ маршалъ съ тѣми, кои при немъ находились. Москвитяне, объятые страхомъ, послѣ сего вовсе не думали уже о сопротивленіи; но кто зажегъ — наши ли, — или Москвитяне — неизвѣстно; приписываютъ это послѣднимъ. Такимъ образомъ Смоленскъ, утраченный при королѣ Сигизмундѣ, внукомъ его королемъ Сигизмундомъ былъ завоеванъ обратно, 11-го Іюня 1611 года *.

Огонь достигнулъ до запасовъ пороха, (коего достаточно было бы на нѣсколько лѣтъ), который произвелъ чрезвычайное дѣйствіе: взорвана была половина огромной церкви ** (при которой имѣлъ свое пребываніе архіепископъ), съ собравшимися въ нее людьми, которыхъ

(*) Показанія историковъ касательно дня, въ который былъ взятъ Смоленскъ, несходны между собою; приводимъ объ этомъ слова Карамзина: «Въ рукописи Филаретовой сказано: Того же лѣта, Маія 26-го дня Литовскій король Смоленскъ взялъ. Кобержицкій (на стр. 404 и 412), а за нимъ и Нѣмцевичъ (Т. III. 15) пишутъ, что городъ взятъ 13-го Іюня (3-го Іюн. стар. ст.) въ день Св. Антонія. То же число означено и у Бера (впрочемъ не весьма опредѣлительно, ибо сказано: король осадилъ Смоленскъ и простоялъ подъ нимъ около 2-хъ лѣтъ, т. е. до 13 Іюня 1611), но вѣроятно ошибкою, ибо онъ слѣдовалъ старому стилю. Сказаніе Польскихъ историковъ достовѣрнѣе: оно согласно съ надписью на медали, выбитой въ память сего событія. См. Нѣмцевича, Т. II. 21.» (Ист. Рос. Гос. Т. XII. стр. 222, примѣч. 770). По этому взятіе Смоленска Карамзинъ полагаетъ 3-го Іюня (стар. стил.) По сказанію гетмана, Смоленскъ былъ взятъ $^{1}/_{11}$ Іюня.

(**) Соборъ Пречистыя Богородицы, Лѣт. о мятеж. стр. 219.

Король Польскій на развалинахъ соборной церкви повелѣлъ устроить каменный костелъ, съ деревяннымъ верхомъ и куполомъ, и при немъ домъ бискупскій. Щекатова Геогр. Слов. Часть V. стр. 1046,

неизвѣстно даже куда дѣвались разбросанные остатки и какъ бы съ дымомъ улетѣли. Когда огонь распространился, многіе изъ Москвитянъ, подобно какъ и въ Москвѣ [см. стр. 122] добровольно бросились въ пламя за православную, говорили они, вѣру. Самъ Шеинъ, запершись въ одной изъ башенъ, съ которой какъ сказано, стрѣляя въ Нѣмцевъ, такъ раздражилъ ихъ, убивъ болѣе десяти, что они непремѣнно хотѣли брать его приступомъ; однако не легко бы пришлось имъ это, ибо Шеинъ уже рѣшился было погибнуть, но находившіеся при немъ старались отвратить его отъ этого намѣренія. Отвратилъ же его, кажется, отъ сего больше всѣхъ, бывшій съ нимъ — еще дитя — сынъ его; и такъ онъ приказалъ громко звать Каменецкаго, который когда пришелъ и удалилъ Нѣмцевъ, весьма раздраженныхъ, коимъ по сей причинѣ не довѣрялъ Шеинъ, сей послѣдній вышелъ къ нему съ сыномъ и со всѣми при немъ находившимися. Въ это же время, раненъ былъ пулею (полка старосты Феллинскаго) знатный ротмистръ Горецкій, отъ которой раны и умеръ.

Крѣпость почти вся выгорѣла, мало осталось строеній; какъ уже сказано, сгорѣли также и пороховые запасы, пороху осталось однако отчасти по башнямъ. Ядеръ нашлось тамъ такое множество, что достаточно было бы ихъ на нѣсколько важнѣйшихъ крѣпостей; изъ съѣстныхъ же припасовъ, не смотря на то, что много ихъ погорѣло, однако осталось отчасти ржи, овса, гусей, куръ и павлиновъ.

Здѣсь надобно упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, достойномъ удивленія. Во время взрыва пороха,

щебнемъ забросало двоихъ людей: крестьянина и дѣвку; на 16-й день послѣ того, когда гайдуки, по обыкновенію, желая поживиться чѣмъ нибудь, шарили тамъ, отбрасывая и переворачивая щебень, тѣ двое людей стали подавать голосъ и были такимъ образомъ откопаны. Дѣвка, лишь только вышла на открытый воздухъ, сейчасъ умерла, крестьянинъ же, довезенный въ лагерь, просился въ баню и спрашивалъ водки; дали ему вина, котораго какъ только напился — сейчасъ умеръ: однако удивительно, что они могли прожить въ такомъ состояніи 16-ть дней.

Е. в. король, воздавъ благодареніе Господу Богу, поблагодарилъ также и солдатъ, угощалъ ихъ тамъ же — въ замкѣ. Каменецкаго наградилъ, (упразднившимися послѣ смерти брата его) воеводствомъ Брацлавскимъ и старостомъ Каменецкимъ; наградилъ также и другихъ, сообразно представлявшемуся для каждаго случаю. Нѣкоторыя осадныя орудія, коихъ было тамъ достаточное количество, приказалъ спустить по Днѣпру въ Оршу, куда отправился и самъ, Днѣпромъ же, а изъ Орши поѣхалъ сухимъ путемъ въ Вильно на сеймъ. Въ Толочинѣ * съѣхался съ е. в. королемъ, гетманъ Литовскій, [Ходкевичъ] и получивъ тамъ свое отправленіе, пустился въ Шкловъ, а оттуда, коль скоро прибыли его люди, тотчасъ направилъ путь къ Москвѣ.

(*) Мѣстечко въ Могилевской Губерніи Копысскаго уѣзда, въ 71 верстѣ отъ Могилева.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

О подлинности Записокъ Жолкевскаго и о времени ихъ сочиненія.

Эта статья была напечатана въ первомъ изданіи рукописи Жолкевскаго (1836); тогда она была необходима, ибо упомянутая найденная мною рукопись являлась въ первый разъ въ печати, на польскомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ. Нынѣ доказывать подлинность вовсе излишне; но такъ какъ въ этой статьѣ находятся нѣкоторыя полезныя свѣдѣнія, то я и перепечатываю ее здѣсь.

1. Показанія Польскихъ ученыхъ:

a) Кобѣржицкій, въ исторіи Владислава IV, которая напечатана имъ въ 1655 году, сообщая разныя любопытныя свѣдѣнія о Жолкевскомъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

Confecit quoque etsi praelio non commiserit, belli Moschovitici sub Sigismundo Rege gesti commentarium, linguâ vernaculâ, stylo quidem militari, at qui rem gestam non minus verè quâm prudenter explicaret, ac inter tot curas negotiáque publica, pulcherrimum saepius à literis petiit avocamentum. См. Historia Vladislai. Dantisci, in 4º. An. 1655. Стр. 706.

b) Первѣйшій польскій историкъ Нарушевичь говоритъ въ исторіи Ходкѣвича т. I, стр. 427: «Сей драгоцѣнный манускриптъ находится въ библіотекѣ Залусскихъ № 601, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Начало и успѣхъ Московской войны въ царствованіе е. в. короля Сигизмунда III подъ начальствомъ его милости, пана Станислава Жолкевскаго, воеводы Кіевскаго, напольнаго коронпаго гетмана; писанъ самимъ его милостію паномъ гетманомъ Жолкевскимъ и съ собственной его руки переписанъ».

c) Нѣмцевичь также признаетъ безпрекословно собственныя записки Жолкевскаго въ своей исторіи царствованія Сигизмунда III-го (которая у Поляковъ считается классическою) и безпрестанно ссылается на оныя *.

d) Ф. Сярчинскій, въ сочиненіи своемъ: Изображеніе вѣка царствованія Сигизмунда III, говоритъ слѣдующее: «Жолкевскій оказалъ заслугу и литературѣ нашей: какъ свидѣтель всѣхъ дѣйствій, участникъ и предводитель въ войнѣ Московской до самаго взятія въ 1611 году Смоленска, онъ точнымъ образомъ описалъ намъ ея исторію и оставилъ въ рукописи».

* Здѣсь кстати сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: Самозванство Дмитрія въ полной мѣрѣ признано и обличено гетманомъ, который приводитъ на то важныя доказательства. Нѣмцевичь въ своей жизни Сигизмунда III, вездѣ слѣпо слѣдуя рукописи Жолкевскаго, отступаетъ отъ оной, когда дѣло идетъ о самозванцѣ; желая затмить сіе дѣло какимъ нибудь образомъ и заставить думать, что самозванецъ былъ дѣйствительно царевичъ Дмитрій, онъ не только отступаетъ отъ расказа гетмана, но одно его доказательство преходитъ молчаніемъ, а другому даетъ превратный смыслъ. Кто желаетъ въ семъ удостовѣриться можетъ сличить показанія гетмана — современника (стр. 9 и 10) со слѣдующими словами Нѣмцевича — историка, о семъ же обстоятельствѣ:

е) Свенскій, въ своемъ Описаніи древней Польши, изданіе второе, т. II, стр. 378, говоритъ слѣдующее: «Музы не были чужды для Жолкевскаго: онъ любилъ заниматься чтеніемъ, сочиненіями и науками, онъ на отечественномъ языкѣ написалъ коментаріи о войнѣ Россійской, имъ веденной; рукописи сего коментарія находятся до сего времени въ нѣкоторыхъ рукахъ».

2. Незабвенный нашъ историкъ Карамзинъ ссылается весьма часто на сію же рукопись, называя оную рукописью Жолкевскаго; хотя ея не было у Карамзина подъ руками, но она была ему извѣстна по сочиненіямъ Нарушевича и Нѣмцевича, и онъ, какъ видно по его частымъ указаніямъ ни мало не сомнѣвался въ ея подлинности.

3. Въ рукописи нѣтъ описанія даннаго гетману обѣда московскими боярами, на коемъ онъ раздарилъ все что имѣлъ *; не упоминается о встрѣчѣ и пышномъ пріемѣ, сдѣланномъ ему по пріѣздѣ въ Смоленскъ изъ Москвы **; не сказано ни слова о представленіи имъ королю несчастнаго Шуйскаго.

«По совѣту Шуйскаго, назначенный въ Польшу посломъ, Афонасій (??) Безобразовъ пріѣзжаетъ въ Краковъ съ двоякимъ порученіемъ: заключить союзъ съ королемъ Сигизмундомъ, и просить для царя руку Марины Мнишекъ, дочери воеводы Сандомирскаго. Человѣкъ этотъ (Безобразовъ) былъ искусный, опытный уже въ посольствахъ, но тайнымъ образомъ совершенно преданный сторонѣ Шуйскихъ. Изложивъ на публичной аудіенціи содержаніе своего посольства, скрытнымъ образомъ сталъ разсѣвать подозрѣнія, что Дмитрій не былъ тѣмъ, за кого выдавалъ себя; но шопоты сіи, какъ королю, такъ и Мнишку не казались заслуживающими вѣроятія, тѣмъ болѣе, быть можетъ, что увидѣли намѣреніе после дѣйствовать соотвѣтственно другимъ, предпринятымъ имъ видамъ. т. II, стр. 270».

* Днев. Маскевича, стр. 51.

** См. Кобѣржицкаго кн. I стр., 354, и Жизнь Яна Петра Сапѣги, т. II, стр. 267.

Еслибъ сочинилъ сіи записки кто другой, то, безъ сомнѣнія, описалъ бы сіи обстоятельства, но со скромностію и достоинствомъ гетмана не совмѣстны были описанія такого рода.

4. Въ рукописи встрѣчаемъ мы нѣсколько разъ объясненіе сокровенныхъ мыслей Жолкевскаго, описаніе того что происходило на совѣщаніяхъ его съ королемъ, бывшихъ безъ свидѣтелей, — кто могъ знать объ этомъ, какъ не самъ гетманъ?

Жолкевскій, какъ кажется, обратилъ вниманіе на это обстоятельство, и говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ, слѣдующую фразу списка Б «гетманъ посылалъ къ е. в. королю», въ спискѣ М онъ передѣлалъ такимъ образомъ: «гетманъ, сколько мнѣ извѣстно, хотя посылалъ къ е. в. королю» и проч., чтобъ придать болѣе естественности своему разсказу.

5. Въ слогѣ писемъ и донесеній гетмана (см. приложенія) и въ слогѣ записокъ примѣчается большое сходство: въ сихъ послѣднихъ, особенно въ спискѣ М, слогъ правда болѣе отдѣланъ, но не надо терять изъ виду, что донесенія и письма были писаны въ походѣ, наскоро.

Кажется приводимыхъ доказательствъ достаточно для удостовѣренія, что печатаемыя записки были написаны дѣйствительно самимъ гетманомъ.

Теперь остается намъ опредѣлить, когда именно были написаны сіи записки; хотя ни на одной изъ рукописей не выставлено года, но очевидно, что записки написаны въ 1611 году, нѣсколько времени спустя по выѣздѣ гетмана изъ Россіи *, ибо мы находимъ въ нихъ

* Жолкевскій оставилъ королевскій лагерь (расположенный подъ Смоленскомъ) въ апрѣлѣ 1611 года (Kobierzycki. 396), и отправился въ свои помѣстья. Когда семейство Шуйскихъ было въ тріумфѣ представляемо королю, по пріѣздѣ его въ Вар-

(см. стр. 6) слѣдующія слова: «Двѣ родныя сестры, изъ фамиліи Скуратовыхъ, были одна за Борисомъ (Годуновымъ), а другая за Княземъ Дмитріемъ (Шуйскимъ), которая и теперь находится здѣсь (т. е. въ Варшавѣ) съ своимъ мужемъ».

Извѣстно, что Шуйскіе привезены въ Варшаву въ октябрѣ 1611 года, откуда они чрезъ нѣсколько времени были отправлены въ Гостинскій замокъ, гдѣ и кончилъ жизнь свою Василій (10-го сентября 1612 года); тамъ же умерли и братья его.

Что повѣствованіе сіе написано дѣйствительно въ 1611 году, можно вывести также изъ слѣдующихъ словъ Жолкевскаго (см. стр. 16): «притомъ онъ требовалъ, чтобы гетманъ снесся о семъ съ воеводою Брацлавскимъ (который недавно умеръ), бывшимъ въ то время старостою Каменецкимъ...»

Извѣстно, что Янъ Потоцкій, воевода Брацлавскій, умеръ въ 1611 году 29-го апрѣля, во время осажденія Сигизмундомъ III Смоленска *).

№ 2.

Письмо Сигизмунда III къ канцлеру Яну Замойскому.

Это письмо и слѣдующія за нимъ до № 10 включительно, напечатаны въ слѣдующей книгѣ: Listy Stanisława Żółkiewskiego, 1584—1620, w Krakowie, 1868. Они посвящены памяти Маріи Потоцкой, умершей въ 1866 г. Имя издателя книги не показано; по его словамъ, всѣ письма къ Замойскому напечатаны съ подлинниковъ. Это письмо и помѣщенныя вслѣдъ за нимъ нѣсколько другихъ, относящихся къ смутному времени, составляютъ какъ бы введеніе къ запискамъ Жолкевскаго и пополняютъ ихъ, по этому я и предпринялъ печатаніе оныхъ.

(Переводъ съ польскаго).

Сигизмундъ III, Божіею милостію король Польскій, великій князь Литовскій (титулъ сокращаемъ).

Ясновельможный, любезный нашему сердцу.

Есть обстоятельство и случай, достойный большаго вниманія, о которомъ Мы хотѣли написать къ вамъ и узнать о немъ ваше мнѣніе. Въ предѣлахъ нашего государства показался московскій человѣкъ, который первоначально проживалъ по русскимъ монастырямъ, потомъ объявилъ себя сыномъ умершаго великаго князя Московскаго, Ивана Васильевича, Димитріемъ. У Ивана, уже послѣ войнъ, которыя онъ велъ съ предкомъ нашимъ, королемъ Стефаномъ, былъ сынъ Димитрій, который остался, по смерти его, младенцемъ. Онъ, въ царствованіе брата своего Θеодора, недавно умершаго великаго князя Московскаго, какъ извѣстно, умеръ. Одни говорили, что онъ былъ убитъ, — другіе причиною смерти его выставляли иныя обстоятельства. Тотъ, который въ настоящее время выдаетъ себя за сына Иванова, передаетъ слѣдующее: его учитель, человѣкъ благоразумный, замѣтивши, что умышляютъ на жизнь того, который порученъ былъ его опекѣ, взялъ— при появленіи тѣхъ, которые должны были убить Димитрія—другаго младенца, отданнаго ему на воспитаніе, который ничего не зналъ объ этомъ обстоятельствѣ, и положилъ его въ постель Димитрія; такимъ образомъ, этотъ младенецъ, неузнанный, ночью въ по-

шаву, гетманъ находился тогда въ семъ же городѣ. См. Pamiętnik Lwowski, 1818 г. № 3.

*) См. Orbis Polonus T. II стр. 403. Книга сія издана Окольскимъ и напечатана въ Краковѣ въ 1641 году.

стели былъ убитъ, — а того учитель укрылъ, потомъ отдалъ въ надежное мѣсто для воспитанія; подросши, уже по смерти учителя, онъ—для прикрытія себя—поступилъ въ монахи и за тѣмъ отправился въ наши предѣлы; отсюда, признавшись и объявивши, что онъ сынъ великаго князя, отправился къ князю Адаму Вишневецкому, который далъ намъ знать о немъ, а мы приказали, чтобы онъ прислалъ его къ намъ; до сего времени онъ не присылалъ его и до насъ доходитъ слухъ, будто бы Димитрій отправился къ Низовымъ казакамъ съ тѣмъ, чтобы при помощи ихъ занять Московскій престолъ. Это обстоятельство учинило въ Москвѣ не малую тревогу и, вѣроятно, теперешній князь, Борисъ Годуновъ, обративъ вниманіе на этого князька, и видя также подданныхъ не очень къ себѣ расположенными, тревожится и шлетъ къ нашей границѣ людей, замки занимаетъ людьми надежными, или родственниками, или такими, которые обязаны ему его благодѣяніями. Лазутчики принесли извѣстіе съ границы Смоленской, что тамъ тревога великая; также и одинъ знатный москвитянинъ, убѣгшій изъ Смоленска, тоже разсказываетъ, что въ Москвѣ идетъ молва объ этомъ Димитріѣ и что тамъ всѣ поражены этимъ обстоятельствомъ. Есть одинъ инфлянтецъ, который прислуживалъ сыну покойнаго Ивана, Димитрію, въ дѣтствѣ его, и былъ при этомъ обстоятельствѣ, когда напали на дитя и совершили убійство истиннаго ли сына или подложеннаго младенца—не зналъ онъ объ этомъ ничего; теперь онъ ѣздилъ къ тому, что находится у князя Вишневецкаго и — по извѣстнымъ ему знакамъ на тѣлѣ Димитрія и по многимъ обстоятельствамъ, упомянутымъ въ это время въ разговорѣ Димитріемъ, онъ находитъ его истиннымъ сыномъ Ивана. Нѣкоторые изъ нашихъ пановъ-радъ указываютъ намъ, что этотъ важный случай послужитъ къ добру, славѣ и увеличенію Рѣчи-посполитой: ибо, еслибы этотъ Димитрій, при нашей помощи, былъ посаженъ на царство, много бы выгодъ произошло изъ этого обстоятельства и Швеція, въ такомъ случаѣ, легче могла бы быть освобождена и Инфлянты были бы успокоены и силы, сравнительно съ каждымъ непріятелемъ, могло бы много прибыть; съ другой стороны, дѣло идетъ о нарушеніи союза, о трудностяхъ, которыя бы пали на Рѣчь-посполитую, къ тому не только на время настоящее. Въ этомъ дѣлѣ, на той и на другой сторонѣ, есть много такого, на что нужно обратить вниманіе; почему мы обращаемся къ вамъ за вашими совѣтами и желаемъ, чтобы вы написали намъ свое мнѣніе по этому предмету. За тѣмъ желаемъ вамъ добраго здравія отъ Господа Бога.

Данъ въ Краковѣ, мѣсяца февраля 15 дня, лѣта 1604, царствованія нашего—Польскаго 17, Шведскаго 10-го года. Сигизмундъ король.

№ 3.

Письмо Канцлера Яна Замойскаго къ кн. Адаму Вишневецкому.

Примѣчаніе. См. примѣчаніе къ приложенію № 2-му. Объ этомъ письмѣ издатель книги говоритъ: «напечатано съ черноваго (z brulionu»). Datum на письмѣ нѣтъ, вѣроятно оно написано вслѣдствіе письма короля (см. № 2), по этому въ февралѣ или апрѣлѣ 1604 г.

(Переводъ съ польскаго).

Милостивый князь Вишневецкій! Усердно поручая услуги и пр.

Если в. м. изволитъ припомнить объ извѣстномъ моемъ расположеніи

къ вамъ и вашему дому, то в. м. никогда не обманется въ этой моей пріязни. Какъ всегда, я съ удовольствіемъ служилъ вамъ, такъ есмь в. м. благосклонный другъ, и къ чему бы ни были пригодны мои услуги, в. м. всегда найдетъ меня къ нимъ готовымъ. Что касается находящагося у в. м. москвитянина, который называетъ себя сыномъ Московскаго князя Ивана Васильевича, то весьма часто подобныя вещи бываютъ правдивы, но часто также и вымышленны. Каково ни есть настоящее дѣло, все-таки хорошо было бы, еслибы в. м. потрудилась извѣстить о немъ его королевское величество. Узнавши волю его королевскаго величества, в. м. можетъ послать къ нему этого человѣка, такъ какъ его королевское величество изволитъ познакомиться съ этимъ дѣломъ и сдѣлать, по поводу него, свое опредѣленіе. Еще и еще препоручаю себя м. в. А еслибы в. м. угодно было прислать его ко мнѣ, то я поприсмотрѣлся бы къ нему и разузналъ бы его, и что узналъ бы, о томъ сообщилъ бы его величеству королю.

№ 4.

Письмо Юрія Мнишка къ канцлеру Яну Замойскому.

Примѣчаніе. См. примѣчаніе къ приложенію № 2-му.

(Переводъ съ польскаго).

Ясновельможный!

Въ то время, какъ зять мой, его милость князь Вишневскій, ѣхалъ къ его величеству королю съ тѣмъ человѣкомъ, который назвалъ себя истиннымъ наслѣдникомъ Московскаго государства, нужно было и мнѣ, по собственнымъ дѣламъ, отправиться къ его величеству королю. Потомъ случилось такъ, что, отъѣзжая изъ Кракова, онъ оставилъ его при мнѣ. Съ чѣмъ въ то время отправленъ былъ этотъ человѣкъ, я не сомнѣваюсь, что в. м., мой милостивый государь, имѣете объ этомъ достаточныя свѣдѣнія. Я вижу, что хотя онъ и доволенъ милостію, оказанной ему его величествомъ королемъ, но — видя медленное теченіе своихъ дѣлъ — онъ находится въ уныніи. А такъ какъ онъ посылаетъ къ в. м. своего посланца, то я нашелъ необходимымъ написать къ в. м., милостивому моему государю, о причинахъ сего. Первая причина: я чтобы предложилъ в. м., милостивому моему государю, свои скромныя услуги. Вторая: чтобы я далъ знать в. м. о томъ, что я, находясь вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ, узналъ о немъ. Сколько возможно, тщательно всмотрѣвшись въ дѣло, я замѣтилъ то, о чемъ иначе и передать не могу вамъ, милостивый государь мой, какъ такъ: онъ именно то лицо, за которое выдаетъ себя. Посему достойно вниманія и то обстоятельство, что ему пишутъ изъ Украйны, давая знать, что кромѣ небольшаго количества московскихъ приверженцевъ царствующаго тамъ въ настоящее время Бориса, весь народъ тамошній ожидаетъ его съ великою охотою; съ прибытіемъ его, пишутъ также, была бы большая надежда — овладѣть государствомъ безъ кровопролитія. Однако онъ желалъ бы поступать въ этомъ случаѣ осмотрительно и не желалъ бы начинать дѣла безъ значительной помощи: онъ намекнулъ мнѣ, чтобы я написалъ

в. м., милостивому моему государю, о томъ, чтобы вы обратили вниманіе на его справедливое дѣло, попомнили бы, что ему нужна будетъ скорая помощь, и о семъ потрудились бы доложить его величеству—вотъ третья причина моего письма къ вамъ, милостивый государь мой. Не сомнѣваясь, такимъ образомъ, что в. м., обративши вниманіе на всѣ эти обстоятельства, признаете его дѣло справедливымъ, и это будетъ не потому, чтобы я высказалъ ему содержаніе этого моего письма: имѣя случай предложить в. м., милостивому моему государю, свои услуги, и извѣстивши васъ о томъ, что мнѣ удалось узнать отъ него о его справедливомъ дѣлѣ, льщу себя надеждой, что в. м., какъ христіанинъ и человѣкъ, одаренный отъ Бога великими дарами, соизволилъ своимъ совѣтомъ предъ его величествомъ королемъ подвинуть его дѣло впередъ, такъ, чтобы при выгодахъ и извлеченіи изъ всего этого добра для Рѣчи-посполитой, онъ (Димитрій) видѣлъ, что помощь оказывается ему в. м. При этомъ и о томъ даю знать в. м., милостивому моему государю, чтобы вы благоволили постоянно имѣть у себя вѣрнаго человѣка, съ которымъ бы можно было сноситься о своихъ предпринятыхъ дѣлахъ. Все это предлагая вниманію в. м., еще разъ поручаю услуги мои вамъ, милостивый государь мой. Данъ въ Краковѣ, 23 апрѣля 1604 г. В. м., милостиваго моего государя, другъ и покорный слуга Юрій Мнишекъ, воевода Сандомірскій.

№ 5.

Письмо перваго Лжедимитрія къ канцлеру Яну Замойскому.

См. примѣчаніе къ № 2.

(Подлинникъ на польскомъ языкѣ).

Ясневельможный. Поручаю благосклонности вашей мою доброжелательность, желая вамъ, милостивый государь, здравія и всякаго благополучія отъ Господа Бога на многія лѣта Хотя я давно намѣренъ былъ писать м. в., но мои затрудненія и хлопоты не позволили мнѣ, до сихъ поръ, этого сдѣлать, а потому и прошу извинить меня. Теперь пишу м. в. нарочно и прошу м. в. соблаговолить представить усерднѣйше мои дѣла (которыя, я думаю, давно уже м. в. извѣстны), на милостивое благоусмотрѣнію е. к. в.; и обращаюсь къ м. в. за этимъ, какъ знатнѣйшему сенатору польской короны, котораго Господь Богъ взыскалъ, больше всѣхъ, разными благами, распространилъ у многихъ народовъ славу и любовь къ отечеству, и котораго храбрость, доблесть и счастіе возбуждаютъ во всѣхъ удивленіе, а во мнѣ, притомъ, любовь и благосклонность. Хотя, во время моего пребыванія въ Кра овѣ, я уже испыталъ большую милость е. в., за которую дай мнѣ Богъ, со временемъ, отблагодарить, — тѣмъ не менѣе, я и теперь нуждаюсь въ скорой помощи, что м. в., какъ человѣкъ проницательный, могли усмотрѣть изъ обстоятельствъ, въ какихъ находятся мои дѣла. Поэтому я не сомнѣваюсь въ любезной готовности м. в. склонять е. к. в. къ тому, чтобы онъ милостиво принялъ во вниманіе правоту моего дѣла, и питаю надежду, что м. в. будете, въ этомъ отношеніи, моимъ усер-

дпымъ ходатаемъ передъ е. в. к. Во всякомъ случаѣ, какова бы ни была благосклонность, оказанная мнѣ м. в., я сочту себя всегда обязаннымъ стараться всячески возблагодарить м. в. за нее. Не желая долѣе занимать м. в. своимъ письмомъ, я вторично поручаю себя м. в. Въ Краковѣ, 25 апрѣля 1694. Вашъ, милостивый государь, доброжелательный другъ Димитрій Ивановичъ, царевичъ Великой Россіи, Углицкій, Дмитровскій, Городецкій и пр. государь и дѣдичъ всѣхъ государствъ, Московской монархіи подвластныхъ.

№ 6.

Письмо Юрія Мнишка къ канцлеру Яну Замойскому.

См. примѣчаніе къ № 2.

(Подлинникъ на польскомъ языкѣ).

Ясневельможный. Поручаю милости вашей мои услуги. Царевичъ не былъ доволенъ высказанными причинами, изъ за которыхъ вы ему не отвѣтили. Однако же трудно было не передать ему мнѣнія, какое вы изволили выразить объ его дѣлѣ, въ вашемъ ко мнѣ письмѣ. Послѣ чего онъ снова самъ писалъ къ вамъ, не для того, какъ мнѣ кажется, чтобы вступать въ какія нибудь пренія или вызвать отъ васъ отвѣтъ, но, чтобы, письмомъ своимъ, объяснить вамъ свое дѣло, и снова просить васъ о дальнѣйшемъ поддерживаніи правоты этого дѣла. Я не нахожу нужнымъ повторять въ своемъ письмѣ то, что онъ самъ пишетъ. По многимъ, конечно, причинамъ мнѣ бы желательно было быть у васъ, еслибъ только позволило мнѣ слабое мое здоровье, тѣмъ болѣе, что у меня есть надобность быть въ Трибуналѣ и мнѣ не трудно-бъ было заѣхать къ вамъ по пути, чтобы лично сказать о томъ, что можно передать болѣе надлежащимъ образомъ только устно. Но такъ какъ я пишу вамъ теперь наскоро, то, буде въ чемъ нибудь не угодилъ вамъ, прошу васъ, не извольте обижаться.

Велики и достойны уваженія тѣ причины медленности успѣха предпринимамаго дѣла, которыя, какъ я понялъ изъ вашего письма, вы, сперва е. в. королю, а теперь мнѣ, выразить изволили. Но такъ какъ благопріятное время вещь дорогая, благодаря которой можно много выиграть и проиграть, то было бы желательно, и по христіанскому долгу къ этому человѣку, и для пользы нашего отечества, не упускать такого благопріятнаго въ этомъ дѣлѣ времени. Вы изволите знать, что были примѣры, которые показываютъ, что не всегда приходилось ждать созванія сейма, когда нужно было воспользоваться благопріятными обстоятельствами для пользы Рѣчи-посполитой. Впрочемъ, хотя на сеймѣ самыя важныя дѣла Рѣчи посполитой не всегда хорошо рѣшаются, но такъ какъ е. к. в., по совѣту гг. сенаторовъ, ссылается на него, то человѣкъ этотъ готовъ ждать, не желая ничего дѣлать противъ воли е. к. в. Онъ опасается только, чтобъ, при проволочкѣ, терпѣливостью своею не причинить себѣ затрудненій. Съ своей стороны, и мы должны справедливо опасаться, чтобы не упустить столь благопріятнаго для Рѣчи посполитой случая. Не менѣе важнаго и серіознаго вниманія достойно и то обстоятельство, что Бо-

рисъ, какъ теперь положительно извѣстно, путемъ договоровъ добивается союза съ Карломъ, съ домами: Бранденбургскимъ, Датскимъ и, особенно, Ракускимъ, будучи даже готовъ, при извѣстныхъ условіяхъ, уступить имъ нѣкоторыя области Московскаго царства. Благоволите же, милостивый государь, обсудить, не приметъ ли это дѣло крайне опасный для нашего отечества оборотъ? ибо въ таковыхъ дѣлахъ вся сила заключается въ томъ, чтобы дѣйствовать немедленно, а между тѣмъ доходятъ извѣстія, что Борисъ, тревожась за несправедливо захваченный имъ престолъ, и зная дурное расположеніе своихъ подданныхъ, которыхъ онъ старается удержать только своимъ тиранствомъ, — торопится заключать упомянутые договоры, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣщаетъ г. Дерпскій е. в. короля, и мнѣ теперь пишетъ (письмо котораго вамъ посылаю), смуты съ Москвой не прекращаются. Ясно, что безотлагательное прибытіе истиннаго государя, котораго обыкновенно каждый народъ желаетъ, и извѣстіе о которомъ особенно въ настоящее время необходимо, послужитъ помѣхою договорамъ Бориса. Я пріѣхалъ сюда съ этимъ человѣкомъ, чтобы проводить его къ князьямъ Вишневецкимъ. Не сомнѣваюсь, что, по пріѣздѣ туда, онъ не захочетъ дѣлать ничего такого, что могло бы вовлечь Рѣчь посполитую въ опасность; но лишь бы только онъ постарался о томъ, чтобы, подвинувшись какъ нибудь къ границѣ, войдти въ сношенія съ благопріятствующими ему Москвитянами, ибо онъ думаетъ и, вообще, не сомнѣвается, что, какъ только онъ огласитъ о себѣ вблизи границы, на встрѣчу къ нему сбѣжится множество Москвитянъ, — такъ какъ и теперь уже есть у него посланцы, отъ подданныхъ его Донскихъ казаковъ, съ извѣщеніемъ, что эти послѣдніе ожидаютъ его въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ. Я полагаю, вы изволите знать и то, что въ его правахъ на престолъ нѣтъ никакого сомнѣнія; да еслибъ и было таковое, то, по извѣстіямъ изъ Москвы, тамъ его признаютъ за истиннаго государя и ждутъ его съ большимъ къ нему доброжелательствомъ. Но, пока тиранъ царствуетъ, никто не смѣетъ ничего предпринять, за исключеніемъ тѣхъ, которымъ удалось сюда къ нему ускользнуть. И дѣйствительно, нѣсколько десятковъ Москвитянъ, оставивъ своихъ женъ и дѣтей, прибыли къ нему. Правда, между ними нѣтъ людей знатныхъ фамилій, но это потому, что, при неизвѣстности о его приближеніи, убѣгать и бросать свои имѣнія было бы для нихъ затруднительно. И то, что писалъ ему г. староста Островской, съ границъ московскихъ, посылаю вамъ. Благоволите же, милостивый государь, разсудить это и, принявъ во вниманіе дѣла нашего отечества, не оставьте этого человѣка, потому что, при большомъ количествѣ людей, по безъ средствъ, ему будетъ трудно и опасно приблизиться къ границѣ. Этотъ человѣкъ—богобоязненный, легко соглашающійся на то, что ему разумно указываютъ, склонный къ заключенію всякихъ договоровъ и трактатовъ, возлагающій надежду на Господа Бога, е. в. короля и на его сенатъ. Благоволите же споспѣшествовать этому предпріятію, и не полагаться на людей, которые обыкновенно тормозятъ дѣло на сеймѣ. По истинѣ, мнѣ кажется, это дѣло требуетъ болѣе поспѣшнаго обсужденія, чѣмъ какъ это дѣлается на сеймѣ. Въ пользу этого предпріятія говорятъ: благо Рѣчи посполитой, правота этого человѣка, наконецъ и то, что насталъ конецъ для этого тирана, который, путемъ вѣроломства, въ ущербъ природнымъ государямъ, вступилъ на престолъ, не

открытыми дверьми, но потаеннымъ ходомъ. Время намъ благопріятствуетъ, ибо, встревоженный своими дѣяніями, Борисъ не посмѣлъ бы, вѣроятно, защищаться; вслѣдствіе своего тиранства и уже начавшихся смутъ, онъ, безъ сомнѣнія, или не могъ бы, или не посмѣлъ бы собрать войско, которое, по всей вѣроятности, прежде всего, обратилось бы на него самого. Я не полагаю, что было бы приличнымъ входить въ сношенія съ человѣкомъ, который вступилъ на престолъ съ такимъ лукавствомъ, и который, еще недавно, самъ нарушилъ договоръ, пославъ войска въ государство е. к. в. и въ имѣнія князей Вишневецкихъ. Дѣло это поручается вашему благоусмотрѣнію, милостивый государь, котораго Господь Богъ надѣлилъ великимъ благоразуміемъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что Господь Богъ настраиваетъ сердце е. в. короля благочестиваго и его совѣты, къ святой своей славѣ и ко благу нашего отечества. Я прошу васъ вторично, буде написалъ что не осторожно, не обижаться на меня, но благоволили бы пребывать ко мнѣ благосклоннымъ. Въ Самборѣ; дня 10 мая 1604 г. Вашъ, милостивый государь, пріятель и покорный слуга Юрій Мнишекъ, воевода Сандомирскій.

№ 7.

Письмо канцлера Яна Замойскаго къ Юрію Мнишку.

См. примѣчаніе къ № 2.

(Подлинникъ на польскомъ языкѣ).

Издатель упоминаетъ, что это письмо списано съ черновой (z brulionu).

Искренно и т. д. Я думалъ, что на сеймѣ состоится соглашеніе всѣхъ чиновъ относительно дѣла московскаго государьчика (hospodarczyka); по этому, когда е. к. в. спрашивалъ мое мнѣніе, я совѣтовалъ отложить это дѣло до сейма. Такъ разумѣю я и теперь, какъ я вамъ объ этомъ неоднократно заявлялъ. Кость падаетъ иногда недурно, но, бросать ею, когда дѣло идетъ о важныхъ предпріятіяхъ не совѣтуютъ (опасно). Дѣло идетъ объ опасности (славѣ) и вредѣ государства, объ ущербѣ славы е. в. короля и нашихъ народовъ. Можетъ .... сдѣлаетъ нападеніе на коронныя владѣнія, жечь оныя, опустошать, а тутъ нѣтъ ничего готоваго дать отпоръ. Можетъ и самые конфедераты изъ разныхъ мѣстъ..... И безъ того уже не мало подымается нарѣканій на людей, вами принимаемыхъ безъ моего вѣдома, какъ военнаго начальника, чего никогда не бывало. Въ случаѣ дальнѣйшаго обремененія народонаселенія, а тѣмъ болѣе опасности или какого либо вреда отъ непріятеля, въ чемъ васъ бы обвинили, я полагаю, вамъ есть еще время подумать. Много значительныхъ лицъ и такъ уже на это указываютъ, и, недавно еще, извѣщали меня объ этомъ, объявляя притомъ, что въ Москвѣ уже чувствуютъ и, вообще, хорошо знаютъ, и готовы (къ отпору), и притомъ съ большими средствами, чѣмъ какъ отъ васъ это слышимъ. Далѣе, самая присяга е. к. в. можетъ ли быть кѣмъ нибудь, частнымъ образомъ (privatim) истолкована; разсудите это хорошенько сами. Сохрани Богъ потерпѣть пораженіе, тогда можетъ послѣдовать мщеніе за то, что мы первые нарушили договоръ. Прибавлю еще и то,

что, по мнѣнію всѣхъ, вы дѣйствуете вопреки воли е. к. в., и я, будучи военнымъ начальникомъ, не получалъ ни малѣйшей объ этомъ отъ короля деклараціи, и, напротивъ, изъ получаемыхъ отъ е. к. в. отвѣтовъ, совсѣмъ другое усматривалъ. Я уже нѣсколько разъ писалъ къ вамъ относительно этого дѣла, и, въ настоящее время, не могу сказать ничего другаго.

№ 8.

Письмо перваго Лжедимитрія къ канцлеру Яну Замойскому.

См. примѣчаніе къ № 2-му.

(Подлинникъ на польскомъ языкѣ).

Ясневельможный. Поручаю милости вашей мою доброжелательность. Я не удивляюсь тому, что м. в. не изволили отвѣтить мнѣ на мое письмо: дѣла мои, по усмотрѣнію и глубокому ихъ изслѣдованію милостію вашею кажется, повлекли бы за собою затрудненія и какія-то опасныя для короны распри, возбужденныя съ Московскимъ государствомъ и другими коронными сосѣдями. Усматривая все это, м. в., какъ блюститель (stróż) Рѣчи посполитой и какъ, по большей части, свѣдующій въ такихъ дѣлахъ и опытный, изволили принять оныя на основательное обсужденіе, — чего порицать не могу. Однако я нашелъ приличнымъ написать м. в. вторично, вслѣдствіе письма м. в. къ его милости г. воеводѣ Сандомірскому,—такъ какъ нѣкоторыя мѣста въ письмѣ м. в. касаются меня лично и моихъ дѣлъ. Хотя въ этомъ договорѣ (przymierzu) мнѣ не приличествуетъ разсматривать (discurrowacz) стороны, касающейся совѣсти е. к. в., но разсудите сами, м. в., долженъ ли я изъ за этого оставить правоту своего дѣла. Что касается могущества Бориса и сокровищъ, я утверждаю, что у него ихъ находится не малое количество, которое онъ забралъ послѣ блаженной памяти брата моего Ѳеодора. Овладѣлъ преступно моимъ отечествомъ и въ мирѣ (w pokoiu) пребывая, онъ накопилъ ихъ еще больше. Но, зато, своими тиранскими поступками и дѣлами, пересчитывать которыя не хватило бы времени, онъ лишился доброжелательства и любви моихъ, теперь же его, подданныхъ,— тѣмъ болѣе, что онъ не спустилъ и собственнымъ своимъ роднымъ. Вслѣдствіе чего всѣ должны воздавать ему почтеніе, потому что онъ покорилъ ихъ себѣ жестокостью и лукавствомъ (sztukami). Не взирая на то, что онъ занялъ укрѣпленныя мѣста, друзей и самого себя окружилъ людьми преданными, женъ и дѣтей иныхъ удерживаетъ заложниками, — все это дѣлаетъ онъ какъ человѣкъ, на сторонѣ котораго нѣтъ справедливости. Но вѣрьте мнѣ, м. в., онъ этимъ не пріобрѣлъ себѣ любви у народа; мнѣ извѣстно каковы тамъ учрежденія и какъ онѣ разнятся отъ здѣшнихъ; они не обратятся ему въ пользу. Люди, которые кажутся ему преданными, вѣроятно, по причинѣ большой стражи, поставленной въ Москвѣ Борисомъ, не знаютъ что теперь со мною дѣется и съ какою силою и помощію сталъ я на границѣ; еслибъ только они провѣдали объ этомъ, сердца ихъ тотчасъ бы измѣнились. Нѣтъ сомнѣнія, что, услышавъ о своемъ природномъ государѣ, всѣ они отступились бы отъ этого тирана и пристали бы

ко мнѣ. Онъ ищетъ дружбы у посторонпихъ владѣтелей, вступая для этого въ разные договоры и, такимъ образомъ, онъ дѣйствуетъ какъ человѣкъ, не имѣющій никакой правоты, и лишившійся любви у своихъ. Онъ хочетъ уже брататься и съ нехристями, потому что думаетъ привлечь къ себѣ царя Татарскаго. Но, уповая на Господа Бога и свою правоту, въ которой Господь Богъ никого не оставляетъ, я не сомнѣваюсь, что Онъ поразитъ моихъ враговъ. Хотя многіе и сознаютъ могущество моего врага, однако правота моя, и по ихъ мнѣнію, остается за слабымъ. Такимъ образомъ поступая, я уповаю на Господа Бога, которому и предаю всѣ дѣла мои; да будетъ Онъ мнѣ покровителемъ. Я не сомнѣваюсь также и въ милости е. к. в., который, по совѣту именитаго сената своего, не оставитъ меня. И такъ, хотя м. в. и не желали меня утруждать своимъ письмомъ, которое однако доставило бы мнѣ утѣшеніе, я все таки не сомнѣваюсь, что м. в. благоволите спомоществовать мнѣ въ моей правотѣ. Молю Господа Бога, чтобы ему угодно было явственнѣе и совершеннѣе показать мою правоту не только Польской коронѣ, но и всему свѣту, и укрѣпилъ бы сердца тѣхъ, которые сомнѣваются въ моей правотѣ. Я чистосердечно желаю Рѣчи посполитой всякихъ благъ, и потому мнѣ не желательно, чтобы, изъ-за какихъ нибудь моихъ дѣлъ, она подверглась бы какой либо опасности. Того же самаго и отъ нея относительно себя желаю. Если м. в. находитъ неудобнымъ писать ко мнѣ изъ-за титуловъ, которые однакожъ употребляются мною не иначе, какъ только тѣ, кои предоставлены мнѣ Господомъ Богомъ и моими предками; я вторично прошу, м. в. оказать мнѣ, въ такой моей скорби, по крайней мѣрѣ, хоть какой нибудь знакъ доброжелательства и любви ко мнѣ. За что я вмѣняю себѣ въ непремѣнную обязанность заслужить в. м. Не желая долѣе занимать м. в. своимъ письмомъ, вторично поручаю м. в. мою доброжелательность. Въ Самборѣ, 11 мая 1604. Милости в. доброжелательный другъ Дмитрій Ивановичъ, царевичъ Великой Россіи, Углицкій, Дмитровскій, Городецкій и пр. государь и дѣдичъ всѣхъ государствъ, Московской монархіи подвластныхъ, рукою собственною.

№ 9.

Письмо Юрія Мнишка къ канцлеру Яну Замойскому.

Примѣчаніе. См. примѣчаніе къ приложенію № 2.

(Переводъ съ польскаго).

Ясновельможный!

Поручаю услуги мои в. м., милостивому моему государю. Мнѣ кажется, не вѣрно то, чтобы его милость царевичъ много наскучилъ в. м. своими письмами. Однако, видя его обезпокоеннымъ думой, будто бы онъ оставленъ в. м., я ни какимъ образомъ не могъ разубѣдить его въ томъ. При томъ и въ настоящее время его милость панъ Краковскій, не отвѣчая ему, не допуская его до границъ, написалъ чрезвычайно запальчивое письмо, что его очень оскорбило. Я убѣжденъ, что никакой опасности не вышло бы изъ того, еслибъ дѣлу данъ былъ дальнѣйшій ходъ. Онъ думаетъ— и я вѣрю этому—что въ это время на

границахъ Московскихъ распространятся слухи, которые повредятъ справедливому дѣлу его — истиннаго наслѣдника престола. Я очень удивляюсь тому, что его милость панъ Краковскій, не замѣтивши, что его дѣло справедливо, распространяетъ о немъ неблагопріятныя новости. Пусть же самъ Господь Богъ (если ужъ ни откуда онъ не можетъ видѣть помощи) попечется о его справедливомъ дѣлѣ. Затѣмъ поручаю мои услуги в. м., милостивому моему государю. Данъ въ Самборѣ іюля 1-го, 1604 года. В. м. милостиваго моего государя, другъ и покорный слуга Юрій Мнишекъ, воевода Сандомірскій.

№ 10.

Письмо Юрія Мнишка къ канцлеру Яну Замойскому.

Примѣчаніе. См. примѣчаніе къ приложенію № 2.

(Подлинникъ на польскомъ языкѣ).

Милостивый государь, канцлеръ и гетманъ коронный, милостивый государь и другъ нашъ!

Поручаю в. м., милостивому моему государю, мои покорныя услуги. Послѣ столь долгихъ размышленій его милости царевича Московскаго, я рѣшился отпустить его въ дорогу, къ Московской границѣ, такъ что теперь онъ находится уже въ пути; хотя многія обстоятельства и удерживали его отъ этого предпріятія, однако я имѣлъ на то свои причины, по которымъ ему не приходилось далѣе откладывать этого путешествія. Считаю долгомъ сообщить в. м., милостивому моему государю, о тѣхъ причинахъ, по которымъ я отправилъ его въ путь: первая та, что я хотѣлъ оказать ему — при отъѣздѣ его изъ моего дома — сердечное мое расположеніе къ нему; вторая та, что я, при его опасномъ положеніи, хотѣлъ подать ему помощь въ его трудномъ положеніи; третья причина состоитъ въ томъ, что я вмѣстѣ съ другими — изъявленіемъ ему своего благорасположенія — хотѣлъ снискать народу польскому и нашему отечеству славу добросердечія; кромѣ того, я клонилъ дѣло къ тому, чтобы онъ (прежде нежели Господь Богъ посадитъ его на престолѣ предковъ его, если это предопредѣлено ему) за все оказанное ему предложилъ нашему отечеству полезныя для него условія, и я не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ сдѣлалъ бы это, если бы у меня были средства для выполненія этого. Въ такомъ случаѣ я прошу и ищу совѣта у в. м., моего милостиваго государя: ибо, дѣйствительно, приведенная мною третья причина отправленія его — причина весьма важная, и—я знаю—хотя многіе желали бы посовѣтоваться объ этихъ обстоятельствахъ на сеймѣ, но, такъ какъ этого не случилось, то все-таки было-бы не лишнимъ поддержать его въ его стремленіи къ удовлетворенію справедливаго дѣла его.

Поручаю все это вниманію в. м., моему милостивому государю, не сомнѣваясь, что в. м., принявши это мое искреннее письмо, соблаговолитъ милостиво сообщить мнѣ свое мнѣніе о немъ. Данъ въ Сокольникахъ августа 28 дня, 1604 года. В. м. милостиваго моего государя, другъ и покорный слуга, Юрій Мнишекъ, воевода Сандомірскій.

№ 11.

Грамота втораго Лжедимитрія къ Яну Петру Сапѣгѣ.

Эта грамота равно какъ и напечатанныя подъ №№ 13, 14, 16, 17, 18 и 39, отысканы въ архивѣ Рожанскомъ (Гродеп. губ. Слонимскаго уѣзд.) и были напечатаны Когнѣвецкимъ въ слѣдующей изданной имъ книгѣ: Zycia Sapiehow y listy od monarchow, kziąząt y roznych panuiancych do tychże pisane. W Warszawie, 1791. На подлинныхъ письмахъ, напечатанныхъ подъ №№ 11, 13, 14, 15, 16 и 18 находились печать и подпись втораго Лжедимитрія, на № 39 подпись короля. Упомянутыя выше грамоты были напечатаны въ моемъ Сборникѣ, но какъ оба изданія этой книги изчерпнуты и въ продажѣ уже не находятся, а такъ какъ эти акты относятся до нѣкоторой степени къ предметамъ, описываемымъ въ настоящихъ запискахъ Жолкевскаго; по этому я и перепечатываю ихъ здѣсь.

Это примѣчаніе относится и къ №№ 13, 14, 15, 16, 17, 18 и 39.

(Подлинникъ на польскомъ языкѣ)

Дмитрій Ивановичъ, Божіею милостію царь Московскій и всея Россіи, князь Дмитровскій, Углицкій, Городецкій и пр. и пр. и пр., и иныхъ многихъ государствъ и ордъ Татарскихъ, Московской монархіи подвластныхъ, государь и дѣдичъ.

Передъ симъ писали мы къ благосклонности вашей, дабы благосклонность ваша, оставивъ при наияснѣйшей супругѣ нашей сто гусаровъ, сто Пятигорцовъ, 200 человѣкъ пѣхоты въ красной одеждѣ, съ остальными войсками шли благосклонность ваша въ нашъ станъ, не мало не сомнѣваясь въ милости нашей, касательно представленія всего войска въ сборѣ, о коемъ мы знать желаемъ. Дана въ большомъ нашемъ станѣ, въ Тушинѣ, сентября 3-го дня, лѣта Господня 1608.

Димитрій царь.

№ 12.

Письмо Жолкевскаго о Московскомъ походѣ.

Рукопись, съ которой сіе письмо было напечатано, находилась въ библіотекѣ мѣстечка Пулавы (въ 111 вер. отъ Варшавы) принадлежавшей фамиліи к. Чарторижскихъ; во время смутъ 1830 года, всѣ драгоцѣнныя рукописи и фамильный архивъ были вывезены въ Галицію.

Извѣстившись объ окончательной резолюціи В. К. Величества, чтобы я служилъ В. К. Величеству въ предпріятіи касательно государства Московскаго, хотя я имѣлъ нѣкоторыя уважительныя причины, предложенныя мною В. К. Величеству, однакожъ, такъ какъ прошедшаго года, когда В. К. Величество изволили сообщить мнѣ объ этомъ предпріятіи своемъ, чрезъ его милость ксендза референдарія, тотчасъ объявилъ свою готовность служить В. К. Величеству; такъ равно и теперь, не взирая на то, что время измѣнило многія обстоятельства, помянутыя уваженія мои уступаютъ волѣ и повелѣнію В. К. Величества. По обязанности моей, обыкновенной готовности и долгу службы В. К. Величества, я охотно радъ посвятить жизнь свою и всѣ силы мои на эту В. К. Величества службу; въ особенности же прошу, въ недостойныхъ моихъ молитвахъ, Господа Бога милосердо благословить это предпріятіе В. К. Величества. Я увѣренъ однако, что В. К. Величество о сред-

ствахъ и способахъ, необходимыхъ для столь великаго и смѣлаго дѣла, изволите размыслить, сообщивъ и снесясь о томъ съ сенаторами, коихъ отмѣнная вѣрность и доброжелательство къ особѣ вашей, В. К. В. извѣстны. Отъ этого, милостивѣйшій государь нашъ, можетъ зависѣть многое; особенно-же потому, что на сеймѣ, въ общемъ совѣтѣ, ни что не показываетъ, чтобы В. К. Величество настоящее свое предпріятіе изволили вести по предварительному согласію и намѣренію Сената. Думаю, что В. К. Величество слышите объ этомъ и отъ другихъ, однако я съ моей стороны, поелику посвящаю себя на это служеніе, доношу о семъ В. К. Величеству. Носятся также слухи въ народѣ, что В. К. Величество изъ предстоящей экспедиціи намѣрены искать пользы не столько для республики, сколько собственно для особы вашей. А посему-то происходитъ, что злорѣчіемъ исполненъ не только низшій классъ народа, какъ я уже докладывалъ В. К. Величеству, но и здѣсь неблагопріятные слухи возникали между тѣми, кои собрались было въ Красный-Ставъ, по удаленіи Людвига Вейера; да и вездѣ, между народомъ и даже между сенаторами, сихъ слуховъ не оберешься: какъ то непріятно о семъ говорятъ и жалуются на сей В. К. Величества замыселъ. По моему мнѣнію, необходимо по крайней мѣрѣ, чтобы сенаторы, какъ знатнѣйшія особы въ государствѣ, знали о намѣреніяхъ В. К. Величества и уничтожали тѣмъ народные толки; ибо, во всякомъ случаѣ, отъ хорошаго расположенія народа многое зависитъ. Сохрани Господи, чтобы дѣла не пошли бы тотчасъ по желанію; но хотя бы даже (чего дай Боже) пошло какъ наилучше, не вдругъ однако можетъ быть конецъ: проволочка же времени будетъ требовать большихъ издержекъ; отъ людей же недовольныхъ трудно ожидать помощи: упоминаю о семъ для предостереженія В. К. Величества. По моему мнѣнію, для окончанія сего, одной четверти года, кажется, будетъ недостаточно; на дальнѣйшее же время потребно имѣть наличныя деньги. Ибо, нынѣ—дурныя времена: ежели бы, по истеченіи одной четверти года, не стало наличныхъ денегъ на другую, то кто можетъ поручиться въ томъ, что солдаты не сдѣлаютъ бунта, а тогда пришлось бы остановиться на срединѣ пути. Не дѣлали этого прежде Польскіе солдаты, и на моей уже памяти, заслуженнаго жалованья ожидали терпѣливо, не взирая на великіе труды и нужды, но въ теперешнее время весь свѣтъ развратился. Съ теперешнимъ предпріятіемъ сопряжена честь и здравіе В. К. Величества,—поелику изволите присутствовать тамъ своею особою, то и долженъ я заботиться о семъ; а для того припоминаю В. К. Величеству, что походъ этотъ великихъ требуетъ суммъ, которыя трудно получить отъ людей недовольныхъ. Если же, напротивъ, сдѣлается извѣстнымъ и распространится въ народѣ, что В. К. Величество ищете не увеличенія собственнаго только достоянія, но распространенія областей Рѣчи-Посполитой, то это возбудитъ въ немъ совсѣмъ иное расположеніе, нежели съ какимъ теперь онъ слушаетъ объ этомъ дѣлѣ: и также войско, (котораго списокъ составленный подкоморіемъ собственноручно, прислапъ имъ ко мнѣ), В. К. Величество будете имѣть на все болѣе готовымъ. Не безъ основанія сказано, что у Бога все возможно: неизвѣстно кому поможетъ: немногимъ или многочисленнымъ? Однако, сообразуясь съ ходомъ дѣлъ человѣческихъ, и какъ проведшій въ войнахъ почти всю жизнь мою, могу предсказывать, если дойдетъ до того, что миролюбиво (о чемъ должно ста-

раться) ничего не уладится и придется рѣшать оружіемъ, счастливый успѣхъ, сколько знаю по преданности В. К. Величеству войска, о которомъ шло дѣло, и о чемъ не стану теперь распространяться. Я желалъ бы прибавить пѣхоты, въ которой можетъ быть великая потребность для гарнизоновъ, особенно при введеніи новой верховной власти. Здѣсь однако В. К. Величество изволите принять во вниманіе отдаленность пути, и что уже далеко подвинулись мы въ лѣтнюю пору, и неизвѣстно, какъ скоро мы можемъ выступить. Я съ моей стороны не терялъ до сихъ поръ времени, уговариваясь съ воинствомъ, чтобы, получивъ за одну четверть, мы могли выступить въ походъ не дожидаясь кварты за вторую, а теперь, по приказанію В. К. Величества, посылаю къ тѣмъ, которые внесены въ присланный ко мнѣ реэстръ; ибо желаю лучше уговаривать ихъ такимъ образомъ по одиначкѣ, (хотя это придется мнѣ съ бóльшею затруднительностію), нежели созывать ихъ всѣхъ вмѣстѣ, что довольно опасно. Что только узнаю, по полученіи мною отвѣтовъ, немедленно сообщу в. к. величеству. До сихъ поръ однако ничего хорошаго отъ нихъ не слышу: не имѣютъ охоты выступить въ скоромъ времени, выставляя причиною не столько ожиданіе цѣлый годъ заслуженнаго жалованья (въ чемъ переувѣритъ ихъ теперь присланное отъ В. К. Величества обезпеченіе), но въ особенности, какъ это будетъ передъ новымъ хлѣбомъ, — опасаясь голода; во время жатвы они пошли бы охотно, ибо по истинѣ вижу ихъ хорошее расположеніе. Не перестаю представлять имъ то, что В. К. Величество изволите предпринимать эту экспедицію не съ такимъ намѣреніемъ, какъ распространяютъ злые люди, но съ цѣлію увеличенія областей Рѣчи-посполитой, что это будетъ не нападеніе на находящихся тамъ братьевъ, * но дѣлается для собственной ихъ же пользы, и что они безразсудною вспыльчивостію ничего не сдѣлаютъ; что В. К. Величество намѣрены основательно и милостиво обдумать какъ выгоды Рѣчи-Посполитой, такъ равно и награду за ихъ заслуги. Таковыя рѣчи склоняютъ умы солдатъ къ готовности на эту В. К. Величества службу; что же касается жалованья, тѣмъ менѣе имѣю надежды, чтобы они остались довольными чѣмъ либо другимъ, какъ только положеннымъ конституціею прошедшаго сейма. В. К. Величество изволите спрашивать мнѣнія моего относительно воеводы Брацлавскаго (Яна Потоцкаго): остаться ли ему здѣсь на Украйнѣ, или же онъ долженъ ѣхать съ В. К. Величествомъ. Думаю, что ѣхать ему съ В. К. Величествомъ весьма кстати: имѣя въ сихъ дѣлахъ хорошій навыкъ, онъ можетъ служить В. К. Величеству хорошею помощію. Я уже въ лѣтахъ и здоровье мое разслаблено всегдашними трудами, а по этому, ежели-бы по волѣ Господней и пришлось-бы которому нибудь изъ насъ умереть, то другой пусть будетъ всегда готовъ на службу В. К. Величеству. Здѣсь же остается воевода Русскій (Станиславъ Гульскій), который хорошо знаетъ Татаръ, бывалъ раненъ холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, бывалъ и при побѣдахъ и при пораженіяхъ, и я увѣренъ, что онъ будетъ умѣть сослужить В. К. Величеству.

За симъ нижайшее почтеніе и проч. Изъ Жолквы, 11 Мая, 1609.

---

*) Т. е. Поляковъ, находившихся уже въ Россіи, коими предводительствовали: Янъ Петръ Сапега, Кн. Ружинскій, Зборовскій и пр.

№ 13.

Грамота втораго Лжедимитрія къ Яну Петру Сапѣгѣ.

См. примѣчаніе къ № 11.

(Подлинникъ на польскомъ языкѣ).

Примѣчаніе. Янъ Сапѣга стоялъ подъ Троицкою Лаврою, и 5-го Маія захватилъ двухъ боярскихъ дѣтей, которые были отправлены изъ Великаго Новгорода съ грамматами отъ князя В. М. Шуйскаго-Скопина въ Москву къ царю съ извѣстіемъ о вступленіи вспомогательнаго шведскаго войска *). Вѣроятно упомянутыхъ плѣнныхъ отправилъ Янъ Сапѣга къ второму Лжедимитрію.

Димитрій Ивановичъ, Божіею милостію царь Московскій и всея Россіи, князь Дмитровскій, Углицкій, Городецкій и пр. и пр. и пр., и иныхъ многихъ государствъ и ордъ Татарскихъ, Московской монархіи подвластныхъ, государь и дѣдичъ.

Изъявляя признательность нашу за попечительность и бдительность благосклонности вашей, благодаримъ благосклонность вашу за присылку плѣнныхъ, и во всякое время обѣщаемъ благосклонность вашу не оставить нашею царскою милостію.

Желаемъ, чтобы благосклонности вашей начатое раченіе до конца было непрерывно. При семъ желаемъ благосклонности вашей добраго отъ Господа Бога здравія. Дана въ стану нашемъ подъ столицею въ областяхъ нашихъ. Маія 12-го дня, лѣта Господня 1609.

Димитрій царь

№ 14.

Грамота втораго Лжедимитрія къ Яну Петру Сапѣгѣ.

См. примѣчаніе къ № 11.

(Подлинникъ на польскомъ языкѣ).

Примѣчаніе. Янъ Сапѣга стоялъ съ войскомъ своимъ подъ Троицкою Лаврою, которую готовился штурмовать; вспомогательныя войска шведскія, шедшія на помощь царю Василію, находились въ окрестностяхъ Твери; противъ этихъ войскъ стоялъ Зборовскій.

Димитрій Ивановичъ, Божіею милостію царь Московскій и всея Россіи, князь Дмитровскій, Углицкій, Городецкій и пр. и пр. и пр., и иныхъ многихъ государствъ и ордъ Татарскихъ, Московской монархіи подвластныхъ, государь и дѣдичъ.

Искренно и вѣрно намъ любезный! Пишетъ къ намъ благосклонность ваша, что рыцарство единогласно согласилось выступить для присоединенія съ паномъ Зборовскимъ, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобы Запорожскихъ казаковъ отсюда—туда послать; а такъ какъ намъ извѣстно, что едва-ли ихъ пришло и въ половину противъ того числа, о коемъ благосклонность ваша писать изволитъ, и къ тому же бо́льшая часть ихъ разъѣхалась за продовольствіемъ (т. е. на фуражировку), то и не можемъ въ теперешнее время отправить туда никакого подкрѣпленія. А по этому ежели-бы

*) См. Dziennik Iana Piotra Sapichi, стр. 214.

рыцарство въ другихъ полкахъ отъ похода уклонялось, желаемъ мы настоятельно, дабы благосклонность ваша какъ наискорѣе сами поспѣшали, что для насъ весьма важно, и что большую принесетъ пользу, чѣмъ штурмы, ибо дошло до свѣдѣнія нашего, что благосклонность ваша имѣете доброе знакомство съ начальниками оныхъ чужеземныхъ людей, съ коими еслибъ вступили въ сношенія, много бы добраго могло произойти *); однакоже желаемъ, чтобы благосклонность ваша привели съ собою и другіе полки, за что мы милостію нашею царскою щедро наградить даемъ обѣщаніе. Папа Зборовскаго благосклонность ваша нигдѣ иначе не застанетъ какъ на Твери; желаемъ только, чтобы вы въ упомянутый день выступить благоволили. Ядеръ, пуль, пороху, что только откуда будетъ привезено, безъ замедленія въ тотъ станъ отправимъ. За симъ желаемъ благосклонности вашей добраго здравія. Дана въ станѣ Іюля 10-го дня, 1609 года.—Димитрій царь.

№ 15.

Грамота втораго Лжедимитрія къ Яну Петру Сапѣгѣ.

Примѣчаніе. Этого письма не находилось въ Рожанскомъ архивѣ, по этому и не попало оно въ книгу Когнѣвецкаго: Życia Sapiehow и проч., оно найдено мною въ Варшавѣ и было напечатано въ изданныхъ мною 1834 г. «Подлинныхъ свидѣтельствахъ о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши, преимущественно во время самозванцевъ» Я перепечатываю его здѣсь для связи письма, напечатаннаго подъ № 14, съ письмомъ, помѣщеннымъ подъ № 16.

О воен. дѣйствіяхъ подъ Тверью см. Лѣт. Никон. т. VIII стр. 120 и Карамз. т. XII стр. 156.

(Подлинникъ на польскомъ языкѣ).

Димитрій Ивановичъ, Божіею милостію царь Московскій и всея Россіи, князь Дмитровскій, Углицкій, Городецкій и пр. и пр. и пр., и иныхъ многихъ государствъ и ордъ Татарскихъ, Московской монархіи подвластныхъ, государь и дѣдичъ.

Искренно и вѣрно намъ любезный! Получивъ ложное извѣстіе, что измѣнники и непріятели наши разбиты на голову, мы писали къ вамъ о семъ торжествѣ нашемъ. Но за тѣмъ воспослѣдовали противныя вѣсти: непріятель не только не разбитъ, но, напротивъ, почти на плечахъ нашего войска вошелъ въ Тверь, и такъ разсѣялъ оное, что едва иной въ рубашкѣ успѣлъ прибѣжать въ лагерь. Мы не разъ писали уже, напоминая, что не должно терять времени за курятниками, которые безъ труда будутъ въ нашихъ рукахъ, когда Богъ удостоитъ благословить предпріятія наши. Теперь же, при перемѣнѣ счастья, мы тѣмъ болѣе просимъ благосклонность вашу оставить тамъ все, и спѣшить, какъ можно скорѣе, со всѣмъ войскомъ вашимъ къ главному стану, давая между тѣмъ знать и другимъ, чтобы и они спѣшили сюда-же. Просимъ, желаемъ непремѣнно, и подтверждаемъ, чтобы благосклонность ваша иначе не дѣйствовали. За тѣмъ желаемъ благосклонности вашей добраго здоровья. Дано 24-го іюля 1609.—Димитрій царь.

Чтобы спѣшилъ какъ можно скорѣе *).

*) Зборовскій всячески старался поссорить Шведовъ съ Русскими; онъ писалъ изъ Твери (11 іюня 1609) къ Делегарди о правахъ мнимаго Димитрія. См. Карамз. Т. XII. стр. 157.

*) Собственноручная приписка Самозванца.

№ 16.

Грамота втораго Лжедимитрія къ Яну Петру Сапѣгѣ.

См. примѣчаніе къ № 11.

(Подлинникъ на польскомъ языкѣ).

Димитрій Ивановичъ, Божіею милостію царь Московскій и всея Россіи, князь Дмитровскій, Углицкій, Городецкій и пр. и пр. и пр., и иныхъ многихъ государствъ и ордъ Татарскихъ, Московской монархіи подвластныхъ, государь и дѣдичъ.

Искренно и вѣрно намъ любезный! Третье пишемъ уже письмо къ благосклонности вашей, прося убѣдительно, дабы благосклонность ваша какъ наипоспѣшнѣе присоединилися къ большому стану, увѣдомляя и о томъ, что измѣнники почти на плечахъ нашихъ вошли въ Тверь и такъ разгромили, что наши и до сего времени собраться (skupić) не могутъ. А поэтому наше желаніе есть, чтобы ваша благосклонность, обративъ вниманіе на сіе пораженіе нашихъ, придумали, какимъ бы образомъ воспрепятствовать непріятелю пользоваться до конца своимъ успѣхомъ, ибо дѣло идетъ о славѣ нашего народа и сохраненіи насъ всѣхъ; послѣ этой удачи непріятеля не случилось бы еще чего худшаго.

Не усматривая въ настоящее время ничего спасительнѣйшаго, лишь только какъ наипоспѣшнѣе соединиться, желаемъ настоятельно, чтобы благосклонность ваша, оставивъ всѣ тѣ предпріятія (т. е. осаду Троицкаго монастыря), выступили на присоединеніе къ намъ.

За симъ желаемъ благосклонности вашей добраго здравія. Дана въ станѣ, 24-го іюля, 1609 года. Димитрій царь.

№ 17.

Грамота втораго Лжедимитрія къ Яну Петру Сапѣгѣ.

См. примѣчаніе къ № 11.

(Подлинникъ на польскомъ языкѣ).

Димитрій Ивановичъ, Божіею милостію царь Московскій и всея Россіи, князь Дмитровскій, Углицкій, Городецкій и пр. и пр. и пр., и иныхъ многихъ государствъ и ордъ Татарскихъ, Московской монархіи подвластныхъ, государь и дѣдичъ.

Искренно и вѣрно намъ любезный! Пишетъ намъ благосклонность ваша, что Скопинъ, занявъ Колязинъ, переправясь на другую сторону (Волги), непремѣнно имѣетъ намѣреніе, соединившись съ Шереметевымъ *), ит-

*) Боярину Ѳедору Ивановичу Шереметеву было послано отъ царя Василія Шуй-

ти прямо къ столицѣ. А какъ мы имѣемъ извѣстіе, которое намъ за достовѣрное сообщено, что Нѣмцы отъ него отдѣлились, и возвращаются назадъ, да и Шереметевъ не имѣетъ столько войскъ, чтобы на нихъ слѣдовало обращать вниманіе, ибо у него, какъ слышно, всего-на-все только нѣсколько сотъ человѣкъ; опасаясь однакожъ, чтобы не сдѣлать въ этомъ какого либо промаху, — лучше имѣть осторожность со всѣхъ сторонъ, и бдительное на нихъ потребно имѣть око, и о всемъ давать намъ знать какъ наипоспѣшнѣе, дабы мы имѣли обстоятельнѣйшее соображеніе о этомъ непріятелѣ; также прилагать стараніе, дабы поспѣшно достигнувъ его, съ помощію Божьею, какъ наискорѣе могли бы уничтожить; все съ большею и большею заботливостью желаемъ, чтобы благосклонность ваша, всѣми силами, помогли нашему предпріятію.

За подъятыя же вашею благосклонностію эти труды и попеченіе, обѣщаемся нашею царскою милостію щедро наградить.

За симъ желаемъ добраго здравія отъ Господа Бога благосклонности вашей. Августа 8-го дня, 1609 года.

Димитрій царь.

№ 18.

Грамота втораго Лжедимитрія къ Яну Петру Сапѣгѣ.

См. примѣчаніе къ № 11.

(Подлинникъ на польскомъ языкѣ).

Димитрій Ивановичъ, Божіею милостію царь Московскій и всея Россіи, князь Дмитровскій, Углицкій, Городецкій и пр. и пр. и пр., и иныхъ многихъ государствъ и ордъ Татарскихъ, Московской монархіи подвластныхъ, государь и дѣдичъ.

Искренно и вѣрно намъ любезный! Извѣстились мы, что благосклонность ваша снова замышляете о штурмованіи Троицкаго монастыря; мы же, отъ приведенныхъ къ намъ языковъ, за достовѣрное знаемъ, что Скопинъ переправляется черезъ рѣку Костеръ между Дмитровымъ и Кохачевымъ (Корчевою?). А посему убѣдительно просимъ, дабы благосклонность ваша, отложивъ штурмы, какъ наискорѣе приложили попеченіе—надъ этимъ непріятелемъ имѣть бдительное око, дабы онъ какимъ нибудь образомъ не подступилъ къ столицѣ, чрезъ что весьма бы увеличились затрудненія. За симъ желаемъ благосклонности вашей добраго здравія отъ Господа Бога. Дана въ станѣ, 12 августа 1609 года.

Димитрій царь.

ского приказаніе: оставить Астрахань, взять ратныхъ людей въ Низовыхъ городахъ и спѣшить къ столицѣ. См. Никон. Лѣтоп. Т. VIII, стр. 110, и Карамзина т. XII, стр. 119.

№ 19.

Письмо Жолкевскаго къ канцлеру Льву Сапѣгѣ.

Примѣчаніе. Это письмо и письма подъ №№ 34 и 42 найдены мною въ Варшавѣ, въ огромномъ фоліантѣ, въ которомъ находилось большое количество писемъ польскихъ и литовскихъ государственныхъ людей того времени; часть писемъ была въ подлинникахъ, другія же списаны съ подлинниковъ или черновыя (отпуски). Сообщеніемъ намъ упомянутаго любопытнаго фоліанта обязаны мы г-ну Юнзулу, помѣщику Сѣверо-западнаго края, ученому собирателю древнихъ историческихъ памятниковъ. Конечно, весьма было бы желательно, въ видахъ пользы для русской исторіи, чтобы г-нъ Юнзулъ обнародовалъ столь тщательно собранныя имъ историческія сокровища, но онъ заслуживаетъ благодарность и за то, что онъ ихъ собралъ и умѣлъ сохранить отъ погибели.

Милостивый государь
господинъ канцлеръ.

Воля его к. в. есть, чтобы не подходить близко къ Смоленску, такъ какъ уже и войска мало, не всѣ вблизи, лучше ежели стянемся. Такова воля е. к. величества, чтобы вы со всѣмъ изволили расположиться на Ухпин или гдѣ поближе, только бы не далѣе, тамъ и пушки и другія должны быть поставлены. Я пишу также господину Каіовскому, чтобы онъ приготовилъ мѣсто для всего лагеря. Съ этимъ я поручаю себя вашей милости. Въ лагерѣ подъ Краснымъ, 25-го сентября, 1609 года.

Моего милостиваго государя покорный пріятель и слуга Станиславъ Жолкевскій, воевода Кіевскій, гетманъ Польный.

По написаніи этого письма, мнѣ вручили письмо отъ васъ, потому мнѣ больше нечего писать, какъ только то, что въ сей запискѣ, что такъ какъ вы уже изволите быть на Ухпин, то ждите же насъ тамъ, ибо такова воля е. к. величества.

St. Zołkiewski ex mente Krola Zygmunta III pisze do Lwa Sapiechi aby nie podstępował pod mury Smoleńskie aż sam Król nadciągnie z potęgą,

Iasnie Wielmożny msciwy
Panie Kanclerzu.

Ie° K. M. to iest wola, żeby się blisko niepodmikac pod Smolensk gdyż tesz uz Roti mało nie wszitkie blisko, lepiei że się zciągniem, takie iest rozkazanie Ie° K. M. zebys się Wm ze wzytkiem raczył zastanowic na Uchini albo gdzie bliżei, iedno zeby niedalei, tamże y działa, y inszi maią się stanowic, ia tesz piszę do Pana Kaiowskiego, zeby mieisce wszitkiemu obozowi opatrzył. S tem sie oddaię łasce wm me° M° pana. W obozie u Krasznego d. 25 Septembris A° 1609.

Wng° me° msciwe° pana powolny pył. i sługa Stan. Zolkiewski woie. K. het plny.

Po napisaniu listu te° oddany mi iest list od wm, nie mam co inne° piszac, iedno to w thi moiei cedule, ponieważ iuż wm raczysć bydź na Uchyni czekać ze nas tam Wny, bo taka iest wola K. Ie° M.

Iasnie Wielmożnemu a memu wielce msciwemu Pan y przałowi I° M. Panu Kanclerzowi W° X. Litt.

№ 20.

Листъ (Граммата) за королевскою рукою і за печатью, на чомъ договоръ былъ і присегалъ король (Сигизмундъ III) боярину Михаилу Глебовичу Салтыкову с товарыщи.

Примѣчаніе. Извѣстно, что этотъ актъ былъ принятъ Жолкевскимъ за основаніе при составленіи договорной записи, заключенной между имъ и Мстиславскимъ и прочими, въ Москвѣ, 17 августа 1610 года (см. Записки Жолкевскаго, стр. 75, 77): поэтому я счелъ нужнымъ напечатать *курсивомъ* все то, что въ Московскомъ договорѣ было выпущено. См. также приложеніе № 26.

Наяснѣйшаго Жигимонта третьего, Божіею милостію короля Польскаго и великаго князя Литовскаго, Московскаго господарьства бояромъ, окольничимъ, дворяномъ и дьякомъ думнымъ и всѣмъ станомъ, на артикулы и прозьбы ихъ.

Написали есте, когда дастъ Богъ великіи господарь король его милость на Московскомъ господарьствѣ і на всѣхъ преславныхъ и великихъ господарьствахъ Россійскихъ захочетъ великимъ господаремъ царемъ и великимъ князем учинити сына своего Владислава, абы его милость великіи господарь царь и великіи князь на Московское господарьство коруповался корупою, або венчался венцомъ царскимъ діадимою въ Москвѣ отъ руки паріарха Моковскаго стародавнымъ звычаемъ (обычаемъ), яко прошлые великіе господари Московскіе на преславное господарьство Московское коруповались: на то его королевская милость позволяти рачитъ, кгды Господь Богъ волю и часъ свой за успокоеніемъ досконалымъ того господарьства пошлетъ.

2. Абы святая православная вѣра Греческаго закону и святая Апостольская церковь мѣла свою цѣлость и красоту по першему, и во Апостольскихъ и Вселенскихъ научителехъ науцѣ и поданью ни вчомъ непарушена была, *и абы учителѣ Римскіе и Лютарскіе і иныхъ вѣръ, разорванья церковнаго нечинили. А которые Римскіе вѣры захочутъ приходить до церкви Греческіе, тые абы приходили зо страхомъ, якъ пристоитъ православнымъ христіаномъ, а не гордостію и не въ шапкахъ, и псовъ бы съ собою въ церковь неводили, и не водлугъ часу въ церкви не сидѣли:* на то его королевская милость позволяти рачитъ, ведже ихъ для людей Римское вѣры потреба мѣть костелъ (церковь), *яко о томъ ещо за Бориса мовы были* (рѣчь была), *а притомъ костелъ каплановъ, або поповъ Ляцкихъ*, и о томъ съ патріархою и зо всѣмъ духовенствомъ и зъ бояры зъ думными намова быти маетъ. Абы для людей католическіе вѣры костелъ хотя одинъ могъ быти въ мѣстѣ столичномъ Москвѣ для набоженства людей Польскихъ и Литовскихъ, *при которыхъ естьли бы зъ Русскихъ людей кому бытии трафилось, абы съ такоюжъ учтивостью въ костелъ яко и въ Русскихъ церквахъ справовалсе;* отводити тежъ отъ Греческое вѣры въ Римскую вѣру и ни въ которую иную, король его милость и сынъ ево королевскіе милости некажетъ, *кгдыжъ вѣра есть даръ Божій, и никого до вѣры силою отвадити, або примушанье негодитсе, але Русину Руская, а Польскимъ и Литовскимъ Ляцкая вѣра вольна быти маетъ.* А Жидомъ въ Московскомъ господарьствѣ съ торгомъ и никоторыми дѣлы бывать не позволятъ и овсѣмъ (и напротивъ того) закажутъ.

3. Цѣлбоносные гробы и *тѣла* *) святыхъ *король его милость, яко истинный господарь христіанскій*, зъ сыномъ своимъ въ великой учтивости мѣти хочетъ; патріарха тежъ Московскаго, такъже митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ и весь духовныи станъ хочетъ шановать и въ милости ховать, такъ яко Римскаго косцела архіепископы и епископы и вси канланы и слуги Божія шануютъ и милуютъ; въ справы тежъ духовные вдаваться небудетъ, и въ духовные дѣла *мимо уставы отцовъ святыхъ и Апостольской церкви* вступатисе нехочетъ; а хто чего недостоинъ, і иныхъ вѣръ на духовный станъ епископства, государь его милость подавати небудетъ.

4. Паданья всѣхъ прошлыхъ государей Московскихъ и боярскіе и всякихъ людей паданья на церкви Божья и на монастыри въ цѣлости при церквахъ и монастырѣхъ зоставовати будутъ, ни вчомъ ихъ непарушаючи; такжъ до которыхъ церквеи священникомъ и діакономъ и всякимъ церковнымъ слугамъ звычаю и щодробливости давано, зъ господарьскихъ росходовъ и оброки, то господарь его милость росказати рачитъ давать завжды зъ господарьскихъ расходовъ, и надто с побожности своѣ для хвалы Божьей, церквамъ божьимъ и монастыремъ отчинъ и обороковъ прибавляти будетъ.

5. Бояръ, окольничихъ и всякихъ думныхъ и ближнихъ и приказныхъ людеи *господарь его милость захочетъ мѣти въ учтивости и в ласцѣ своей господарьской*, яко кто годенъ і яко было с початку, и звычаи *всѣ давные добрые хочетъ заховать, и жалованья, денежные оброки и помѣстья и отчизны, хто што мѣлъ передтымъ, тоѣ и впередъ мѣти маетъ, а господарь его милость з ласки и щодробливости своей и надто водлугъ заслугъ каждого прибавляти и причиняти будетъ рачитъ.*

6. Служилымъ людямъ, дворяномъ и дѣтямъ боярскимъ, господарь его милость господарьское жалованье давати велитъ с четверти каждого году водлугъ звычаю давнаго, а естьли что прибавлено *не отъ властныхъ господарей* *) и неводлугъ ихъ достоиности, або естьли у которыхъ убавлено без вины, о томъ господарь его милость будетъ рачить парадится и намовитъ з бояры думными: и якая рада, або намова ихъ будетъ, его господарьская милость такъ в томъ поступати будетъ рачить яко се годитъ, и лготу гдѣ спустошоны отчизны и помѣстья учиняти будетъ рачить нарадившисе зъ бояры, а двѣряномъ и детемъ боярскимъ, которые жалованье господарьское берутъ зъ городовъ, господарь его милость давати имъ жалованіе господарьское кажетъ водлугъ службы, яко передтымъ бывало за нершихъ господарей.

7. На Москвѣ и въ городѣхъ ружникомъ и оброчникомъ, которые при нершихъ великихъ господарехъ для ихъ службы бывали въ Москвѣ и въ городѣхъ, жалованье денежное и хлѣбное господарь его милость давати велитъ по першему зъ господарьскои казны.

8. Суды маютъ быти суженые и отправованы водлугъ звычаю и судебника; а будетъ ли хотѣть поправы в чомъ для укрѣпленья судовъ и справедливости, то волно будетъ бояромъ и всей землѣ, а господарь его милость поправы судовъ позволяти рачитъ, што бы было до святое справедливости потребно.

9. Противъ всѣхъ неприятелей, ко-

*) Въ Договорной Записи Жолкевскаго сказано: *мощы*. См. Румянц. Собран. Грам. и догов. Т. II стр. 393.

*) Это относится до правленія самозванцевъ.

торые бъ одно хотѣли наступовать на королевство Польское и на великое княжество Литовское, албо на господарьство Московское, слушная рѣчь противъ тыхъ стоять обоими господарьствы за одно.

10. Такъже тежъ на Татарскихъ Украйнахъ яко (ратныхъ) людей ховать (держать) обоихъ господарьствъ, яко-бы себѣ помогать могли, есть то рѣчь случная, але о тыхъ рѣчехъ намовы становъ корунныхъ и Литовскихъ з бояры думными Московскими; а якъ оны промежь себѣ приговорятъ и постановятъ, господарь на то позволить рачитъ.

11. Естьли хто провинитъ зъ якого кольвекъ (какого ни есть) стану (чину) и каранье заслужитъ въ господарьскихъ земскихъ дѣлахъ, кого господарь его милость водлугъ вины и выступку карати мастъ, осудивши перве и справедливо зъ бояры и зъ думными людьми; а жены, дѣти, братья которые того учинку непомогали и невѣдали, албо не произволяли, казнены быти не маютъ, и овсѣмъ (и напротивъ того) при своихъ отчизнахъ и помѣстьяхъ и мастностяхъ и дворехъ зоставать маютъ, а недошедши (не сыскавши) выступку (вины) и неосудивши судомъ зъ бояры всѣми, никого некарати, чести, з нихъ небрати, на везенье (въ заточеніе) незасылати, помѣстья и отчизны и дворовъ неодымати, *и великихъ становъ* (чиновъ) *невинне непонижати, а меншей станъ подносити* (повышать) *водлугъ заслугъ*; отчизнъ тежъ и мастностей ни вкого (ни у кого) не брати, але естьли хто безъ потомства сойдетъ, то на близкихъ повинныхъ спадати мастъ; а все то господарь его милость чинити будетъ спорадою (т. е. посовѣтовавшись) и намовою бояръ думныхъ, а без рады (думы) и намовы (приговору) бояръ думныхъ господарь его милость ничего чинити не-будетъ. До Литвы тѣжъ и до Польши никого по неволѣ господарь его милость водити не будетъ рачитъ. *А для науки вольно каждому з народу Московскаго людямъ ѣздити въ иншіе господарьства христіанскіе, опричь бусурманскихъ поганскихъ, а господарь его милость отчизны и маетности и дворовъ у нихъ за то отымовати небудетъ.*

12. Которыхъ дворянскихъ и боярскихъ и всякихъ служивыхъ и неслуживыхъ людей братья и жены и дѣти въ теперешніе розрухи (смуты) взято в полонъ до Польши и до Литвы, росказать раче король его милость вернуть родству ихъ скоро бы одно Панъ Богъ далъ успокоеніе.

13. Полскимъ и Литовскимъ паномъ на Москвѣ и по городахъ воеводствъ и врядовъ педавать, а тыхъ что при великомъ господарѣ зостать будутъ мусели, денежнымъ жалованьемъ и помѣстьями и вотчинами нагорожати, однакъ сполною обоихъ господарьствъ радою, якобы на украинныхъ замкахъ для людей сполныхъ народовъ уряды певные до сконалаго (до совершеннаго) успокоенья господарьства того, и при людехъ нашихъ зоставали, зъ боярами думными намовать се будетъ рачитъ господарь его милость на часѣ своемъ (въ свое время).

14. Пожитки і доходы господарскіе всякіе зъ городовъ, с волостей, такжъ с кабаковъ и с тамги грошн велитъ господарь его милость отбирать по давному, якъ было за прошлыхъ великихъ господарей, а надъ давные звычаи некажетъ ничего новаго прибавлять. А которые городы отъ войны спустошили (запустѣли), да тыхъ пошлетъ господарь его милость списати и довѣдатсе, многоль чего убыло, а доходы брать зоселыхъ (съ живущихъ) роскажетъ водлугъ описанья и дозору, а на незвосваныи городъ естьли что на першіе подати прибa-

вить, о томъ з бояры и зъ думными людьми намовитъсе будетъ рачитъ господарь его милость.

15. Купцомъ Полскимъ и Литовскимъ въ Московскомъ господарьствѣ, а Рускимъ Московскимъ въ Польшѣ и въ Литвѣ торги маютъ быти волные, а не толко всвоихъ господарьствахъ во всѣхъ, всякими товары торговать, *але и до чужихъ земель черезъ Польшу и Литву купцамъ Рускимъ для торговъ ьйдити позволяти рачитъ сю королевская милость.* А тамги з нихъ на Москвѣ и во всѣхъ городахъ Московскаго господарьства, такъже въ Польшѣ и въ Литвѣ роскажетъ брать водлугъ стародавнаго обычаю, якъ бирано передтымъ, *ничего болши надто не прибавливаючи, а ни упоминковъ не вымогаючи.*

16. Мужикомъ хрестьяномъ до Литвы з Руси, а зъ Литвы до Руси, и на Руси всякихъ становъ людемъ Рускимъ промѣжъ себя выхожденья не кажетъ король его милость допущать.

17. Холоповъ невольниковъ *) боярскихъ заховать рачитъ господарь его милость при давныхъ звычаяхъ, абы бояромъ албо паномъ своимъ по першому служили, *а волности имъ господарь его милость давать не будетъ.*

18. На Волзѣ, на Дону, на Яикѣ и на Тереке казаковъ естьли надобе, албо не надобе, намовитъсе о томъ будетъ рачитъ господарь его милость з бояры и думными людьми.

А чего в тыхъ артикулахъ не доложено, а дастъ Господь Богъ его господарская милость будетъ подъ Москвою и на Москвѣ, и будетъ его господарской милости о которые артикулы бити челомъ Московскаго господарьства патріархъ и весь освѣщенный соборъ и бояре и дворяне и всѣхъ становъ люди, тогды о тыхъ артыкулахъ его господарьской милости мовити и становити и конецъ учинити зъ Московскаго звычаю господарьства съ патріархомъ и со всѣмъ освѣщеннымъ соборомъ и зъ бояры и со всею землею. Писанъ на стану нашемъ подъ Смоленскомъ, лѣта отъ нароженья Ісусъ Христа Сына Божьего 1610, мѣсяца февраля 14 дня.

Жигимонтъ король.

И за подписомъ Януша Скумина Тишкѣвича, писаря великаго князства Литовскаго, старосты Бряславскаго.

№ 21.

Депеша французскаго агента къ своему Двору о состояніи дѣлъ въ Россіи въ апрѣлѣ 1610 года.

Примѣчаніе. Списано мною въ Парижѣ въ библіотекѣ, которая тогда носила названіе публичной королевской библіотеки, изъ рукописной переплетенной книги, заключающей въ себѣ собраніе разныхъ подлинныхъ документовъ; на книгѣ надписанъ слѣдующій титулъ: Bibliotheque Royale, section des manuscripts; missions etrangères, 277. Статья эта начинается на стран. 374; заглавіе оной: Nouvelles septentrionaux du moys d'avril 1610. На полѣ написано: Moscovie. 1610.

Какъ по заглавію книги, такъ и по содержанію самой статьи (въ особенности послѣднихъ строкъ) нѣтъ сомнѣнія, что это донесеніе написано очевидцемъ, можетъ быть духовною особою, послѣднее можно предполагать изъ нѣкоторыхъ выраженій.

Документъ этотъ важенъ для Русской исторіи во 1-хъ потому, что тогдашняя по-

*) Въ Записи Жолкев. вмѣсто холоповъ невольниковъ сказано: крѣпостныхъ людей.

литика Польши въ отношеніи Россіи выставлена коварною; какъ показанія иностранца,— котораго нельзя подозрѣвать въ пристрастіи къ Россіи, это обвиненіе должно быть признано за основательное; во 2-хъ, потому что мы изъ онаго узнаемъ, что современникамъ, а именно Версальскому Двору, извѣстно было, что оба Лжедимитрія дѣйствительно были Лжедимитріями; въ 3-хъ, въ семъ документѣ находимъ мы извѣстіе о высокой популярности, которою тогда пользовался въ Россіи князь Скопинъ-Шуйскій, а также о всеобщемъ мнѣніи, которое тогда было въ Россіи относительно предстоящаго возведенія его на престолъ; это послѣднее обстоятельство еще болѣе заставляетъ насъ думать, что смерть сего героя была насильственна.

(Печатаемъ здѣсь Русскій переводъ).

Московскія дѣла все еще въ прежнемъ положеніи, и со дня на день становятся затруднительнѣе. Но чѣмъ менѣе способовъ къ взятію Смоленска, и чѣмъ болѣе трудностей къ достиженію владычества надъ всею Россіею, тѣмъ болѣе его величество (Сигизмундъ III) рѣшается не двигаться съ мѣста и не возвращаться безъ какого либо блестящаго и храбраго подвига. Да сохранитъ Богъ его величество отъ всѣхъ бѣдъ.

Осада продолжается цѣлые семь мѣсяцевъ, и во все это время королевскія войска своими орудіями не произвели въ стѣнѣ ни одного пролома, а осажденные не сдѣлали ни одной вылазки.

Лже-Димитрій, подозрѣвая Поляковъ, бывшихъ въ его арміи, особенно послѣ того, какъ посѣтили его станъ королевскіе (Сигизмунда III) послы, бѣжалъ, боясь, по словамъ его, быть изрубленнымъ въ куски.

За нимъ послѣдовали многіе Поляки и Москвитяне; прочіе остались въ станѣ, въ двухъ льё отъ города Москвы.

Послѣ бѣгства Лже-Димитрія, оставшіеся, какъ Поляки такъ и Москвитяне, послали своихъ пословъ къ королю: Москвитяне поддавались королю, въ томъ случаѣ, если онъ дастъ имъ въ цари т. е. кесари или императоры старшаго своего сына, на извѣстномъ договорѣ; Поляки изъявили покорность его величеству, съ условіемъ, чтобы имъ дано было жалованье и все, что обѣщалъ имъ Лже-Димитрій, еслибы при помощи ихъ достигъ престола.

Король на все согласился, не смотря на то, что эти обѣщанія, по общему мнѣнію, несбыточны, столь твердое намѣреніе имѣетъ онъ овладѣть Смоленскомъ, хотя для этого не достаетъ ему болѣе ничего какъ людей, денегъ, власти и тому подобнаго, чѣмъ осажденные снабжены превосходно, въ мясѣ только они начинаютъ чувствовать недостатокъ. Еслибы они были такъ храбры передъ стѣнами, (т. е. въ полѣ) какъ внутри стѣнъ, то въ пять мѣсяцевъ они принудили-бъ осаждающихъ снять осаду и отступить. Шуйскій, истинный великій князь, царствующій въ Московіи, воспользовался бѣгствомъ Лже-Димитрія и раздѣленіемъ его арміи, разбилъ нѣсколько небольшихъ Польскихъ отрядовъ въ разныхъ мѣстахъ и также лагерь Сапѣги (котораго братъ великимъ канцлеромъ въ Литвѣ), Сапѣга спасся съ весьма немногими людьми, оставивъ прочихъ на милость Скопина, родственника Шуйскаго. Такимъ образомъ дѣла въ этомъ краю столь запутаны, что я не могу вамъ дать рѣшительно даже малѣйшаго увѣренія касательно того, какой будетъ этимъ дѣламъ конецъ.

Шуйскій извѣстенъ какъ человѣкъ гордый и жестокій, что причинило величайшее смущеніе въ народѣ. Говорятъ, что онъ, будучи самъ весьма богатъ и могущъ, намѣренъ оставить

власть и позволить чинамъ свободное избраніе, при чемъ, полагаютъ, что Скопинъ предпочтенъ будетъ всѣмъ *).

Изъ сего видно, что всѣ Москвитяне, какъ люди непостоянные и обманчивые, присоединятся къ сказанному Скопину, оставивъ и Димитрія и короля и всякую другую партію; и такимъ образомъ Димитрій былъ бы предоставленъ самому себѣ, да и самъ король встрѣтилъ бы трудности гораздо бóльшія.

Мы просимъ Бога о благоденствіи его величества, ибо если приключится ему какое несчастіе, то Польша останется въ самомъ жалкомъ положеніи, потому что тамъ столько партій, сколько головъ.

Димитрій—простой солдатъ, родомъ сынъ кузнеца или кучера, но лично храбръ, какъ мечь его, неустрашимъ, привѣтливъ и хитеръ, какъ ни одинъ изъ его дружины.

Поляки, послѣдовавшіе за первымъ Димитріемъ, убитымъ въ послѣдствіи въ Москвѣ, по смерти его, выставили другаго Димитрія, чтобы имѣть начальника и вмѣстѣ предлогъ къ исполненію своихъ замысловъ, выдавая, что это первый Димитрій, котораго смерть они отрицаютъ; а не менѣе того они обвѣнчали съ нимъ жену перваго Димитрія, дочь Сандомирскаго воеводы, съ условіемъ не вступать въ права супруга до тѣхъ поръ, пока онъ не достигнетъ престола.

Первый Димитрій имѣлъ столько же правъ на свои притязанія и предпріятія, сколько и этотъ; но онъ былъ весьма удобнымъ орудіемъ для Поляковъ, которые начали приводить свои замыслы въ дѣйствіе при возникшихъ распряхъ между Москвитянами касательно избранія ихъ великаго князя въ императоры, чтобы изъ сего извлечь свою пользу, и въ мутной водѣ ловить рыбу, что и теперь дѣлаютъ.

Говоря правду, оба они (т. е. оба Димитрія самозванцы) имѣли столько счастія и успѣха и встрѣтили такъ мало сопротивленія, что можно было бы почесть тогда вѣроятнымъ совершенное утвержденіе Лжедмитрія въ этомъ государствѣ, что доставило бы Полякамъ средство сдѣлаться великими и могущественными властелинами.

Король, видя такой неожиданный успѣхъ и получивъ обѣщаніе отъ Смоленскаго воеводы — предоставить во власть его землю, называемую Сѣверскимъ княжествомъ, принадлежавшимъ постоянно Польскому королевству до 1514 года, предпринялъ, на семъ основаніи, походъ, котораго до сихъ поръ не кончилъ.

Въ Ливоніи ни съ той ни съ другой стороны не дѣлается ничего.

Что касается до нашего здѣсь пребыванія, то видно, что на насъ досадуютъ всякими способами и оказывая намъ непріятности. Но да поможетъ намъ Богъ, что Онъ и учинитъ, ибо тутъ дѣло идетъ о прославленіи его святаго имени.

Писанъ 15 апрѣля (5 апр. ст. ст.) 1610 года.

Les affaires de Moscovie sont encore en leur premier estre et se rendent de jour à autre plus difficiles mais quand moiens s'offrent pour prendre Smolenske et quand plus de difficultez se monstrent pour parvenir à la Monarchie de toutte la Russye tant plus sa Majesté se resoult de n'en bouger et ne revenir point sans quelques belle et valeureuse exécution. Notre Bon Dieu veuille preserver sa Majeste de tous maux.

Le siège a duré sept mois entiers sans que les Royaux eussent faict avec

*) Это донесеніе писано 5 (15) апрѣля, а 23 апрѣля (3 мая) князь Скопинъ Шуйскій уже испустилъ духъ.

leur canon la moindre Breche es les assiegés une seule sortie.

Le faux Demetrius aiant pris mauvaise opinion des Poulonnois de son armée, principallement depuis que les Ambassadeurs du Roy estoient venus en son camp s'en est fuy et sauvé craignant comme il dict d'estre taillé en pièces.

Plusieurs Poulonois et Moscovites l'ont suivy, les autres sont demeurés en leur Camp à deux lieues de la ville de Mosco.

Après cette fuitte le reste tant des Poulonnois que des Moscovites, ont envoié leurs Ambassadeurs du Roy, les Moscovites offrans leur subjection au dict Roy cas qu'il leur donneroit son fils aisné pour leur Czar, c'est à dire Cesar, ou Empereur soubs certaine capitulation, les Polonois se sont aussy assubjetis à sa Majesté cas qu'il leur payeroit et leur donneroit tous ce que le faux Demetrius leur avoit promis de leur donner lors qu'il auroit par leur assistance obtenu la Couronne.

Le Roy n'a pas failly d'accorder tout; encor que les promesses, au jugement commun, soient impossibles, tant est ferme la résolution d'emporter Smolenske quoyqu'il ne luy manque pour cet effect, autre chose que gens, argent, pouvoir et choses semblables, desquels les assiéges sont pourveus à merveilles excepté que les viandes leur commencent à faillir, toute fois s'ils estoient si braves dehors la la muraille comme ils sont dans l'enclos d'icelle il y a cinq mois qu'ils auroient contrainct les assiégeans de se retirer, lever le siège. Suisky le vray Grand Duc regnant en Moscovie s'est servy de la fuitte du faux Demetrius et de la séparation de son armée aiant mis en déroutte quelques petitz camps des Poulonnois en divers endroicts mesmement le Camp de Mr. Sapia *) frère du grand Chancelier de Lithuanie lequel se sauva pour sa personne avec fort peu de gens, laissant le reste à la miséricorde de Skopin, parent du dit Suisky, es par ainsy les affaires sont bien broullées en ce pays là sans que je vous puisse donner la moindre assurance de l'issue de ces affaires.

Suisky a la renommée d'homme fier et cruel ce qui a occasionné une grande altération parmy la dicte nation et se trouvant pour son particulier fort riche es puissant on dit qu'il est délibéré de quitter son estat et permettre une election libre aux Estatz sur quoy on présume que Skopin seroit preféré aux autres.

Duquel cas on voit que tous les Moscovites comme gens insconstans et trompeurs se joindront avec le dict Skopin abandonnant et Demetrius et le Roy et tout autre party et par ainsy Demetrius se trouveroit délaissé et tout seul et le Roy mesme rencontreroit les difficultés plus fortes.

Nous prions Dieu pour la prospérité de sa Majesté car si quelque dèsastre luy arrivoit l'estat de la Couronne en seroit du tous pitoiable, veu qu'il y a presque autant de factions que d'estres.

Demetrius est un simple soldat de sa venue fils d'un Marechal ou Cocher, mais de sa personne vaillant comme l'espée, gaillard accord, fin cauteleux plus que pas un de sa suitte.

Les Poulonois qui suivoient le premier Demetre, lequel depuis fust massacré à Mosco, apres cette mort ont suscité le present Demetre pour avoir quelque chef et pretexte de leurs desseins pretendant que c'est toujours le premier Demetrius dont ils nyent la mort, es pourtant luy ont fiancé la femme du premier, fille du Vayvode de Sendomir, soubs condition toutte

*) То есть Sapicha.

fois qu'ils ne coucheront point ensemble. Jusqu'a ce que le present Demetre auroit la Couronne sur la teste.

Le premier Demetre avoit autant de droict en ses pretentions es entreprises que le present, mais il estoit instrument fort propre pour les Poulonnois lesquél prindrent leurs premières résolutions lors sur le differend des Moscovites pour l'Eslection de leur grand Duc en Empereur, d'en faire leur proffit et pescher en eau trouble comme ils prétendent faire encore.

Et pour dire la vérité tous deux ont eu tant de prospérité et de succez et si peu de resistance que cela donnoit lors apparence que le faux Demetrius s'établiroit entiérement en cet Empire là, et que par mesme moien les Poulonois y deviendroient grands et puissantz Seigneurs.

Le Roy voyant cette prospérité inopinée, et aiant promesse du Vaivodo de Smolensko d'estre par luy rendu Maitre du dict lieu qu'on appelle le Duché Severien qui a toujours apartenu au Royaume de Pologne jusques à l'an 1514, a entrepris sur ce fondement l'expédition en laquelle il se trouve ambarassé encore.

En Livonie on ne faict rien d'un costé ny d'autre.

Quand à nous icy on voit bien que l'on nous en veult par tous moiens et fascheries. Dieu nous veuille assister comme il fera puisque sa sainte Gloire y est interessée. Faict le 15 Avril 1610.

№ 22.

О мѣстѣ погребенія князя Михаила Скопина-Шуйскаго.

К. Михайло Шуйскій-Скопинъ умеръ 1610 года апрѣля 23 дня, въ послѣдній часъ ночи *). О мѣстѣ погребенія К. М. Скопина-Шуйскаго въ Никоновской лѣтописи (Т. VIII стр. 132) находится слѣдующее извѣстіе: «Царь же Василій повелѣ его погрѣсть въ соборѣ у Архангела Михаила, въ предѣлѣ у Рождества Іоанна Предтечи. И дѣйствительно прахъ Скопина-Шуйскаго покоится не между царскими памятниками, а въ особомъ придѣлѣ Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи. Въ этомъ придѣлѣ только и есть одна гробница: она сложена изъ кирпича (какъ царскія), не имѣетъ никакой подписи; на стѣнѣ надъ гробницею находится портретъ сего знаменитаго полководца, написанный на деревѣ старинным письмомъ (изъ яица, т. е. не на маслѣ, какъ теперь дѣлается); картина сія вышиною $9\frac{1}{2}$ вер. шириною 8 вер.; въ верхней части оной написанъ въ маломъ видѣ образъ нерукотвореннаго Спаса и помѣщена слѣдующая надпись:

Благовѣрный кнзь Михайлъ Васиевичь Скопинъ.

*) Свѣдѣніе о днѣ смерти его почерпнуто изъ выписки, сдѣланной изъ панихидной книжницы Архангельскаго Собора, которая выписка помѣщена въ Древн. Рос. Вивліоѳ. XI 232.

**) Въ приложеніи № 23 помѣщены различныя мнѣнія историковъ о смерти Скопина-Шуйскаго.

№ 23.

Различныя показанія историковъ о смерти князя Михаила Васильевича Шуйскаго-Скопина.

Въ этомъ приложеніи въ напечатанномъ мною первомъ изданіи я изъявлялъ сомнѣніе въ отравленіи кн. Скопина-Шуйскаго, въ особенности потому, что объ отравленіи не было упомянуто въ рукописи Филарета; но тогда я пользовался выписками изъ оной, сдѣланными Карамзинымъ (примѣчаніе къ XII Ист. Рус. Госуд.); но въ копію, бывшую у Карамзина, не вошли мѣста зачеркнутыя однимъ изъ современныхъ составителей. Въ послѣдствіи (1837 г.) издавши рукопись Филарета по подлинной рукописи, зачеркнутыя мѣста явились на свѣтъ, и мы печатаемъ теперь упомянутое мѣсто изъ этой рукописи въ полномъ его видѣ, предоставляя самому читателю разрѣшить этотъ вопросъ.

Псковская лѣтопись *).

Не по мнозѣхъ времени сотворища пиръ дядья его, не яко любве ради желаху его, но убійства. И призваша и ядоша и пиша. Есслѣди же пріиде къ нему злаго корене злая отрасль, якоже древняя змія льстивая подоиде княгиня Дмитрѣева Шуйскаго Христина, Малютина дочь Скуратова... сестра Борисова жены Годуновы, иже отравою окорми праведнаго царя Ѳеодора и храбраго мужа,... яко медъ на языцѣ нашаше, а въ сердцы мечь скова и... пріиде къ нему съ лестію, нося чашу меду съ отравою; онъ же незлобивый, не чая въ ней злаго совѣта по сродству, вземь чашу, испитъ ю. Въ томъ часѣ начать сердце его терзати, вземше его свои ему принесоша и въ домъ. И призва отца своего духовнаго, исповѣда ему вся согрѣшенія, и причастився божественныхъ таинъ Христовыхъ и предаетъ духъ свой Господеви.

Авр. Палицынъ въ сказан. объ осадѣ Троиц. монаст. (стр. 203).

По двою мѣсяцу пришествія его къ Москвѣ, мало поболѣвъ, страшный юноша ко Господу отъиде: но не вѣмы убо, како рещи, Божій ли судъ наиь постиже, или злыхъ человѣкъ умышленіе совершися? Единый создавый насъ се вѣсть.

Рукопись Филарета.

См. изданную мною въ 1837 г. Рукопись Филарета; та же рукопись напечатана во 2-мъ изданіи моего Сборника, см. стр. 287.

Все то, что напечатано *курсивомъ*, было въ подлинникѣ вычеркнуто. См. выше примѣчаніе къ № 23.

Князь Михайло же Шуйскій со всѣмъ воинствомъ поидоша въ Москву, лѣта 118 марта въ день, радостію и веселіемъ наполняхуся, яко побѣдницы, во крѣпости меча своего побѣдиша враговъ своихъ, и срѣтоша сего воеводу вси людіе царствующего града и почтиша его честію веліею зѣло. *Царь же Василей наполнися зависти и гнѣва и не возлюби его за сію бывшую побѣду, якожъ и древле Саулъ позавиде незлобивому Давыду, егда уби Голіяда и поюще Саулу въ тысящахъ, а Давыду во тмахъ, тако и сему князю Михаилу Васильевичю, побѣдную пѣснь приношаху и о избавленіи своемъ ра-*

*) Карамзинъ Т. XII стр. 166 примѣч. 524.

доваху́ся. — Оле зависти и ревнію, въ колико несчастіе и погибель поревает̃ душа благочестивыхъ и во адъ низводитъ и бесконечному мученію предает̃.

Малу жъ времени минувшу, разболѣся сей храбрый и разсмотрительный воевода князь Михаилъ Васильевичъ Шуйскій, *и умре глаголютъ убо ницыя* *), *яко отравленъ бысть* на крестинномъ пиру, у князь Ивана Михайловича Воротынского, егда крести сына своего князя Олексѣя *отъ князя Дмитреевы жены, Ивановича Шуйскаго, отъ княгини Екатерины, въ вине на перепиваньѣ.* И тако́ едва доиде до монастырю пазуху, потомъ пустися руда изъ носа и изо рта, и пребысть ***) похищеніе смертное.

лѣтопись о мятежахъ (стр. 177).

По приходѣ же князя Михайла Васильевича начаша наряжатися итти подъ Смоленскъ; и Яковъ Понтусовъ говорилъ безпрестанно, чтобы онъ шелъ съ Москвы, видя на него въ Москвѣ ненависть. По малѣ же времяни, грѣхъ ради нашихъ, князь Михайло Васильевичъ впаде въ тяжекъ недугъ, и бысть болѣзнь его зла безпрестани идѣше бо кровь изъ носа. Онъ же сподобися покоянія и причастія божественныхъ Таинъ Тѣла и Крови Христа Бога нашего, и особоровавшись масломъ, предаде духъ свой, отъиде бо отъ суетнаго житія сего въ вѣчный покой **)... Мнозижъ на Москвѣ говоряху то, что испортила его тетка его княгиня Катерина, князь Дмитреева жена Шуйскова, а подлинно ль то, единому Богу свѣдомо; мняху бо всѣ людіе по той ненависти, что грѣхъ ради нашихъ другъ друга ненавидяху, и другъ другу завидоваху, видяше кому Богъ дастъ храбрость и разумъ, и тѣхъ не любяще, сиюжъ у Бога никому не взять, всяко бо званье отъ Бога честь воспріиметъ, и власть даетъ Богъ, кому хочетъ тому. Такожъ и сему храброму князю Михаилу Васильевичу дано отъ Бога бысть, а не отъ человѣкъ.

записки жолкевскаго (стр. 38).

Между тѣмъ Скопинъ, въ то время, когда онъ наилучшимъ образомъ велъ дѣла, умеръ отравленный (какъ на первыхъ порахъ носились слухи) по навѣтамъ Шуйскаго, въ слѣдствіе зависти, бывшей между ними; между тѣмъ, если начнешь распрашивать, то выходитъ, что онъ умеръ отъ лихорадки.

Więc i to przypadło, że Skopin, kiedy naylepiey miał rzeczy popierać, umarł struty, iako zrazu udawano, z porozumieniem Szuyskiego, z emulacyi, która była między nimi; pytaiąc się iednak o tém, tak się nayduie, że febrą umarł.

берова москов. лѣтопись (стр. 163).

Храбрый же Скопинъ, спасшій Россію, при помощи Нѣмцевъ, набранныхъ имъ въ Швеціи, получилъ отъ Василія Шуйскаго въ награду — ядъ.

*) На полѣ поставлено 23 апр.

**) Здѣсь упоминаетъ лѣтописецъ о погребеніи.

***) Тутъ лѣтописецъ оставилъ бѣлое мѣсто на одну строку, въ которой другою рукою написано:

Царь приказалъ его отравить, досадуя, что Москвитяне уважали Скопина за умъ и мужество болѣе чѣмъ его самого. Вся Москва погрузилась въ въ печаль, узнавъ о кончинѣ великаго мужа.

№ 24.

Запись гетмана Жолкевскаго, данная князю Елецкому и Григорью Валуеву.

Первое исправное изданіе этого акта появилось въ изданномъ нами Сборникѣ (№ 105). Гетманъ Жолкевскій упоминаетъ объ этомъ актѣ, по этому мы почли полезнымъ перепечатать оный, тѣмъ болѣе, что оба изданія Сборника Муханова изчерпнуты и ненаходятся въ продажѣ.

См. также приложеніе № 26.

Примѣчаніе. Хотя число на семъ актѣ не выставлено, но полагать должно, что эта запись сдѣлана въ станѣ гетмана подъ Царевымъ Займищемъ около 5 іюля нов. ст. или 25 іюня стар. ст. 1610 года. См. Записки Жолкевскаго, стр. 62.

Целую сей святыи и животворящіи крестъ Господень, великаго государя Жигимонта короля Польскаго и великаго князя Литовскаго, и сына его королевича его милости Владислава Жигимонтовича, я гетманъ въ полковниковъ и ротмистровъ, въ Польскихъ и въ Литовскихъ, и въ Черкасъ и въ гайдуковъ, и за всѣхъ служилыхъ Польскихъ и Литовскихъ людей, и за Нѣмецъ і иныхъ земель, которые нынѣ при мнѣ гетманѣ, въ ихъ во всѣхъ мѣсто, своею душею, воеводамъ князю Федору Елетцкому да Григорью Волуеву и дворяномъ и головамъ стрелецкимъ и казачьимъ и сотникомъ и дѣтямъ боярскимъ, и атаманомъ и стрельцомъ и казакомъ и пушкарямъ и даточнымъ, и тѣмъ, которые станутъ приѣжжати ко государю съ Москвы всякимъ чиномъ, и всѣмъ служилымъ людемъ, и гостемъ и торговымъ всякимъ людемъ Россиского государства, на томъ что мнѣ гетману съ Польскимъ и съ Литовскимъ рыцарствомъ вѣры христіянскіе у Московскихъ людей неотымати, престоловъ Божьихъ неразоряти, и костеловъ Римскихъ въ Московскомъ государствѣ не строити, и шкоты (шкоды) умышленьемъ ни какія надъ Московскими людьми нездѣлати, а быти государемъ королевичу Владиславу на Московскомъ государствѣ, какъ и прежніе природные государи, и правити во всемъ Россійскомъ государствѣ. А боярамъ прирожденнымъ Московскимъ и всякихъ чиновъ быти по прежнему, и въ Московскомъ государствѣ въ городы Польскихъ и Литовскихъ людей на воеводство не посылати, и въ староство городовъ не отдавать, и у дворянъ и дѣтей боярскихъ и у всякихъ жилыхъ людей четвертного и городоваго денежнаго жалованія и помѣсья и вотчинъ ихъ старыхъ и окладовъ помѣстныхъ и вотчинъ, которые даваны при прежнихъ государехъ по се время, не отымать и животовъ ихъ и статковъ не грабить и на боехъ что имано: Литовскихъ лошадей и платья и збруи и всякія рухляди, то у нихъ не отымати, и всякихъ Московскихъ людей межъ себя не побивати и не грабити, и въ полонъ въ Полшу и въ Литву и въ иные госурства не отсылати, и засылкою і иною никоторою хитростью и умышленьемъ, убивствомъ и грабежомъ нечинити, и женъ и детей непозорити, и въ полонъ къ себѣ неимати, и зъ женами ихъ и зъ детьми не разводити, и людей ихъ і крестьянъ не отъимати; а служити людямъ и крестьяномъ по прежнему ихъ обычаю. Да которыхъ дворянъ и

детей боярскихъ въ полону въ Полше и въ Литвѣ: отцы и матери и братья и сестры и жоны и дѣти и люди и крестьянѣ сведены: и государю нашему королю и королевичу Владиславу Жигимонтовичу тѣхъ людей сыскивати и сыскавъ отдавати.

А котори воръ называетца царевичемъ Дмитріевымъ имянемъ, и на того стояти и битися и промышляти надъ нимъ заодно; и которые городы за воромъ, и тѣ городы очищати къ Московскому государству; а какъ дастъ Богъ, добьетъ челомъ государю наиясвѣйшему Королевичу Владиславу Жигимонтовичу городъ Смоленскъ, и Жигимонту королю Польскому и великому князю Литовскому итти отъ Смоленска прочь со всѣми ратными Полскими и Литовскими людьми, и порухи и насилства на посадѣ и въ уѣздѣ никакіе не здѣлать, и помѣстья и вотчины Смольяномъ и въ иныхъ городѣхъ, которые государю королевичу добили челомъ, очистити, и городомъ всѣмъ рубежнымъ быти къ Московскому государству по прежнему.

Цѣлую язъ гетманъ и во всѣхъ товарищей своихъ мѣсто, всегорыцарства, которые нынѣ при мнѣ, сей святый животворящій крестъ Господень на томъ па всѣмъ, какъ въ сей записи писано.

№ 25.

Князь Елецкій и Валуевъ (къ стр. 44).

Елецкіе князья, по родословной книгѣ, происходятъ отъ Ѳеодора, который властвовалъ въ Ельцѣ въ концѣ XIV вѣка. Въ послѣдствіи времени, Елецъ перешелъ во владѣніе Московскихъ государей, и Елецкіе князья съ тѣхъ поръ являются служилыми людьми Московскими. Изъ нихъ особенно замѣчательны:

Андрей Елецкій, жилъ на воеводствѣ въ Сибири, при царяхъ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ, и удачно сражался съ Кучумомъ.

Ѳеодоръ Андреевичъ, воевода царя Василія Шуйскаго. Онъ и Валуевъ храбро защищали Царево-Займище противъ гетмана Жолкевскаго (1610) но, послѣ разбитія главной Русской арміи подъ Клушинымъ, присягнули королевичу Владиславу, соединились съ Жолкевскимъ и пошли къ Москвѣ, слѣдствіемъ чего было низверженіе царя Василья Іоанновича Шуйскаго.

Волуевъ или Валуевы, дворянскій домъ, переселившійся изъ Литвы въ Россію въ началѣ XIII столѣтія, и съ честію служившій Россійскому престолу въ военныхъ и гражданскихъ должностяхъ. Болѣе другихъ замѣчателенъ въ военномъ отношеніи Григорій Леонтьевичъ Валуевъ, представлявшій не послѣднее лицо въ бѣдственныя времена Лжедимитріевъ. 17 мая 1606 г. прекратилъ онъ жизнь Отрепьева; въ 1609 г., въ царствованіе Шуйскаго, участвовалъ подъ начальствомъ знаменитаго Скопина-Шуйскаго (см. это имя) въ побѣдѣ при рѣчкѣ Жобнѣ; овладѣлъ, вмѣстѣ съ Головинымъ Переславлемъ Залѣсскимъ; одержалъ (4 января 1610) верхъ надъ Поляками при Сергіевой Лаврѣ, и разбивъ князя Рожинскаго, близъ Волоколамска, освободилъ изъ плѣна митрополита, въ послѣдствіи патріарха Филарета. По кончинѣ Скопина, главное начальство надъ войскомъ принялъ неспособный князь Димитрій Ивановичъ Шуйскій. Валуевъ и князь Елецкій, съ 6,000 ратниковъ, посланы были для занятія и укрѣпленія передовой позиціи у Царева-Займища, которую мужественно защищали противъ соединенныхъ Польскихъ силъ. Но гетманъ Жолкевскій

скрытно обошелъ ее почью, разбилъ на голову Шуйскаго подъ Клушинымъ, и возвратившись къ Займищу, требовалъ, чтобы Русскіе воеводы сдались мирно новому царю Владиславу. Валуевъ исполнилъ это требованіе, присягнувъ Польскому королевичу, и тѣмъ много способствовалъ къ признанію его въ Москвѣ. Онъ дѣйствовалъ усердно въ его пользу, занялъ Торопецъ и, въ соединеніи съ Прусовецкимъ, выжегъ сопротивлявшіяся Великія Луки. Однако же, когда Россія ожила подъ скипетромъ Михаила Ѳедоровича, Валуевъ возвратился въ ряды вѣрныхъ сыновъ отечества; защищалъ въ 1619 году, вмѣстѣ съ другими воеводами, Москву противъ Владислава, и въ награду за то получилъ богатое помѣстье близь Ярославля. Въ послѣдній разъ Валуевъ упоминается въ 1624 году воеводою въ Астрахани.

Одинъ изъ потомковъ его, Степанъ Мироновичъ Валуевъ, умершій въ 1780 году, въ чинѣ генералъ-маіора, извѣстенъ составленіемъ генеральной карты всей Кореліи и Савалакса до Олонецкихъ и Лапонскихъ границъ. Къ этой статьѣ, почерпнутой нами изъ «Военнаго энциклопедическаго лексикона», изданія 1839 года, мы прибавляемъ слѣдующее:

Сынъ Степана Мироновича, Петръ Степановичъ, во время воцаренія императрицы Екатерины II, былъ подпрапорщикомъ въ Преображенскомъ полку и тогда же сдѣлался извѣстнымъ императрицѣ, потому что былъ ей указанъ въ числѣ чиновъ, на которыхъ можно было положиться. Въ послѣдствіи онъ перешелъ въ гражданскую службу и былъ оберъ-церемоніймейстеромъ при восшествіи на престолъ императора Павла, при которомъ онъ оставался въ этой должности до 1799 года. За тѣмъ, послѣ кратковременной отставки, онъ состоялъ, въ Москвѣ, сенаторомъ и главнымъ начальникомъ Кремлевской экспедиціи. Внукъ Петра Степановича, Петръ Александровичъ Валуевъ, былъ въ нынѣшнее царствованіе министромъ внут. дѣлъ съ 1861 по 1868 г., а нынѣ (1871) состоитъ членомъ Государственнаго совѣта.

№ 26.

Сравненіе трехъ договоровъ объ избраніи Владислава.

Печатаемъ эту статью въ томъ видѣ, въ какомъ она была напечатана въ 1836 году въ Сборникѣ Муханова.

Съ Поляками было заключено о призваніи Владислава на Русскій престолъ три письменныхъ договора: 1-й былъ заключенъ подъ Смоленскомъ самимъ Сигизмундомъ III съ Михайломъ Салтыковымъ и товарищами, 2-й, гетманомъ Жолкевскимъ близь Царева-Займища, съ княземъ Елецкимъ и Валуевымъ; 3-й подъ Москвою между Жолкевскимъ и Рус. боярами, какъ-то кн. Мстиславскимъ и проч. (Румян. Собр. Грам., Т. II, № 199).

Первый договоръ важенъ для историка потому, что, такъ какъ онъ заключенъ подъ вліяніемъ собственно одной партіи (которой главою былъ Салтыковъ), можно вывести изъ него заключеніе—о намѣреніяхъ и желаніяхъ той партіи.

У насъ до сего времени напечатанъ былъ въ подлинникѣ одинъ только третій договоръ. Въ приложеніяхъ помѣщены: подъ № 20 первый договоръ, а подъ № 24 второй; этимъ пополняются теперь историческіе матеріалы, необходимые для точнаго опредѣленія тогдашнихъ отношеній Россіи къ Польшѣ и Литвѣ.

Извѣстно *), что запись Салтыкова была принята за основаніе Жолкевскимъ при составленіи договорной записи, заключенной между нимъ и Мстиславскимъ и прочими, въ Москвѣ 17 (27) августа 1610 г.

Сравненіе условій, предложенныхъ подъ Смоленскомъ партіею Салтыкова съ условіями, въ которыхъ уговорился съ боярами въ Москвѣ гетманъ Жолкевскій, весьма поучительно для историка, и можетъ вести насъ къ разнымъ любопытнымъ соображеніямъ. Я не буду входить въ подробности: все то, что выпущено въ Московской записи, напечатано въ № 20 *курсивомъ*; — замѣчательно, что въ сей послѣдней, т. е. Салтыковской (№ 20), ни слова не сказано о второмъ Лжедимитріѣ: — въ Московской записи онъ названъ ворожъ и положено общими силами уничтожить его; ничего не сказано о Растригѣ и Русскихъ, служившихъ при немъ; въ Московской же записи поставлена всеобщая амнистія (стр. 395): «Якъ Рострыгу убили всимъ Московскимъ Государствомъ, и в ту пору на Москве многие Руские люди побиты отъ Полскихъ и Литовскихъ людей, а от Рускихъ людей такъ же побиты Полские и Литовские люди, и того дѣла пно и впередъ не вщинати и не мстити з обеихъ сторонъ».

Въ Салтыковской записи не находится также слѣдующихъ условій объ иностранцахъ:

(Стр. 394) — «и Московскихъ княженецкихъ и боярскихъ родовъ прыеждчыми иноземцы въ отечестве и в чести не теснити и не понижати»... Далѣе: «Иноземцовъ всякихъ, которые выеждзали з разныхъ государствъ къ прежнимъ Московскимъ государемъ, жаловати по прежнему, и оброковъ и поместеи и отчинъ у нихъ не отнимати». Довольно вѣроятно, что послѣднее условіе было гетманомъ включено въ запись, по требованію Нѣмецкихъ военныхъ людей, бывшихъ въ Русской арміи, бездѣйствіе коихъ въ Клушинскомъ сраженіи было одною изъ главныхъ причинъ, доставившихъ Полякамъ побѣду. Эти иноземные воины, вступивъ въ Польскую службу, слѣдовали съ гетманомъ подъ Москву. См. Записки Жолкевскаго, стр. 60.

Самая важнѣйшая статья, о которой ничего не упомянуто въ записи, данной Салтыкову, и которую гетманъ Жолкевскій нашелся вынужденнымъ включить въ оба свои договора *), состояла въ слѣдующемъ:

Король обязывается возвратить всѣ города, занятые во время смутъ. (См. Румян. Соб. грам. т. II № 199, стр. 396).

Впрочемъ запись, данная Жолкевскимъ, не заключала въ себѣ всѣ тогдашнія требованія Москвитянъ; нѣсколько статей, на которыя гетманъ не смѣлъ или не хотѣлъ согласиться, были вписаны въ наказъ, данный при отправленіи къ Сигизмунду III Россійскихъ пословъ: Ростовскаго митрополита Филарета, князя Василія Васильевича Голицына и проч.

Этотъ наказъ напечатанъ въ Румянцовскомъ Собраніи государ. грам. и договор. **). — Прочитавъ его и взглянувъ на число, выставленное въ наказѣ, а именно 17 (27) августа, и вспомнивъ, что Владиславъ былъ избранъ на престолъ Россійскій 17 (27) же августа, невольно дѣлаешь себѣ вопросъ: какимъ образомъ могъ быть составленъ и написанъ въ продолженіи одного только дня столь длинный актъ, занимающій столбецъ въ восемдесять пять

*) См. Записки Жолкевскаго, стр. 75—77.

*) То есть въ договоръ съ кн. Елецкимъ (№ 24) и въ договоръ съ Мстиславскимъ. См. Записки Жолкевскаго, стр. 77.

**) См. Румян. Собр. грам. и догов. т. II, стр. 406.

листовъ? *). Нельзя ли изъ этого заключить: что касательно призванія Владислава на Русскій престолъ было условлено, положено и рѣшено (вѣроятно въ тайныхъ совѣщаніяхъ) между Жолкевскимъ и Русскими главами Польской партіи; публичныя же пренія, торжественный съѣздъ 17 (27) августа) - все это - была только комедія, разыгранная для народа и вообще для непосвященныхъ въ тогдашнія политическія тайны; по крайней мѣрѣ я такъ думаю, можетъ быть я ошибаюсь,—но все-таки приведенный мною фактъ послужитъ предметомъ для разсужденій занимающихся отечественною исторіею смутнаго времени. Послѣ этого небольшаго отступленія, обратимся опять къ этой записи.

Этотъ актъ (№ 20), равно какъ и актъ, помѣщенный подъ № 24, напечатаны теперь въ первый разъ; сихъ актовъ (какъ увидимъ ниже) не имѣлъ Карамзинъ.

Еслибы я печаталъ съ подлинниковъ, то стоило бы сказать: подлинники тамъ-то́ — да и только; но такъ какъ они напечатаны со списковъ, то я долженъ доказать ихъ подлинность: начать же доказательство съ того, что эти акты дѣйствительно существовали, было бы лишнимъ.

Означенные акты почерпнуты мною изъ находящейся у меня съ слѣдующимъ заглавіемъ рукописи:

«Описаніе великаго посольства изъ Москвы подъ Смоленскъ къ королю Польскому и великому князю Литовскому Жигимонту третьему и къ сыну его, королевичу Владиславу Жигимонтовичу, бывшаго въ лѣто отъ сотворенія міра 7118 (1610)».

Эта рукопись написана въ листъ, и какъ можно полагать по характеру буквъ, въ концѣ XVIII вѣка.

*) О числѣ листовъ сказано тамъ же см. стр. 438.

Въ этой рукописи помѣщены

1. Наказъ посламъ.
2. Запись Салтыкова.
3. Запись Жолкевскаго, данная Мстиславскому.
4. Запись Жолкевскаао, данная кн. Елецкому и Валуеву.
5. Запись, данная Мстиславскимъ съ боярами,—Жолкевскому.
6. Граммата патріарха Гермогена къ Сигизмунду.
7. Граммата патріарха къ Владиславу.

Послѣ этихъ актовъ слѣдуетъ подробное описаніе переговоровъ, рѣчи пословъ Русскихъ и уполномоченныхъ Польскихъ.

Акты 1, 3, 5 и 7 я сравнивалъ съ актами, напечатанными въ Румянцовскомъ Собр. государств. грамм. и догов., и нашелъ, что они совершенно (слово въ слово) сходны; слѣдовательно—они подлинные. Теперь, по какому поводу можно было бы думать, что рукопись подложная, тогда только, когда идетъ дѣло о трехъ актахъ ненапечатанныхъ въ Собраніи?

Голикову была извѣстна эта рукопись; онъ изъ нея выписываетъ часто слово въ слово (въ своихъ Дополненіяхъ къ дѣяніямъ Петра Великаго), но къ сожалѣнію часто и передѣлываетъ на свой ладъ; да и самый актъ, помѣщенный здѣсь подъ № 20, напечатанъ у Голикова *), но передѣланъ со-

*) Допол. къ дѣян. Петра Великаго, т. I. стр. 431.

Голиковъ печаталъ слово въ слово только акты, относящіеся до царствованія Петра, Великаго, и то не всегда; но прочіе сокращалъ и передѣлывалъ. Помѣстивъ наприм. во II томѣ Дополненій къ дѣян. Петра В. запись Русскихъ бояръ съ Жолкевскимъ, объ избраніи Владислава, Голиковъ въ примѣчаніи говоритъ слѣдующее:

«Для ясности только, слова написаны нынѣшнія, не перемѣняя однакожъ нимало смысла ихъ; *курсивомъ же* означенныя слова суть точныя сей записи». Но читая какъ эту запись, такъ и другіе акты, мы нахо-

вершенно, съ измѣненіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ смысла; привожу въ примѣръ статью 8-ю, прошу сравнить ее съ напечатанною въ моемъ Сборникѣ; — вотъ какъ она напечатана у Голикова *).

8. «Судъ и расправа по Россійскому Судебнику будетъ производиться по прежнему ненарушимо. А что должно будетъ вновь учредить и узаконить, — дѣлать съ согласія бояръ и всей земли; а государь только блюститель законовъ будетъ».

Напрасно искалъ я въ Голиковѣ, изъ какого источника почерпнутъ имъ этотъ любопытный актъ; но перебирая пространную Исторію кн. Щербатова, отыскалъ я тотъ же актъ, совершенно такъ же напечатанный, какъ у Голикова, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ князя Щербатова:

«Голиковъ: Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго, т. I. стр. 431. Выписалъ онъ сію граммату изъ книги: Статейной списокъ посольства Филарета Никитича въ Польшу, — которую ему сообщилъ изъ своей вивлиоѳики покойный оберъ-камергеръ графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ **).»

Для бо́льшаго еще убѣжденія читателей нашихъ въ подлинности этого акта, я считаю нужнымъ прибавить, что Кобѣржицкой (писавшій свою Исторію въ 1650 году) весьма подробно описываетъ пріѣздъ Салтыкова и переговоры его съ Сигизмундомъ, и сообщаетъ намъ не только нѣкоторыя подробности объ актѣ № 20, но даже выписываетъ содержаніе двухъ первыхъ статей, чѣмъ весьма ясно доказывается подлинность напечатаннаго мною акта.

димъ *что курсивомъ* напечатано очень мало — менѣе десятой доли, а въ томъ, что не курсивомъ, смыслъ иногда измѣненъ.

*) Тамъ же стр. 433.

**) Исторія Россійская, т. VII, ч. IX. стр. 410.

Начавъ изложеніемъ пріема Салтыкова Сигизмундомъ, Кобѣржицкій продолжаетъ такъ:

«Послѣ многихъ съ обѣихъ сторонъ споровъ, въ которыхъ играло роль не столько самое дѣло, сколько слова и угрозы, послѣ пятнадцати-дневныхъ переговоровъ, наконецъ сенатъ, своею правотою, склонилъ непостоянные и упорные умы Москвитянъ къ умѣренію положенныхъ условій.

Условія, заключающіяся въ осмнадцати главахъ, были прочтены въ присутствіи короля и посланниковъ. Такъ какъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ, эти же самыя условія повторились стараніями Жолкевскаго, главнокомандующаго Польскими войсками въ предѣлахъ Московскаго государства *), и притомъ же были скрѣплены торжественною присягою: то я разсмотрю ихъ подробнѣе въ болѣе приличное для нихъ время. Теперь мнѣ предстоитъ изложить кратко, что король уступилъ въ дѣлѣ вѣры, которую защищали Москвитяне съ такою твердостію и съ такимъ чувствомъ.

Относительно Московскаго патріарха, который одинъ имѣлъ право возлагать вѣнецъ на главу Московскихъ князей, король отвѣчалъ двусмысленно: что ежели такова воля Всевышняго, то онъ готовъ въ лицѣ сына своего, Владислава, даровать государя Москвитянамъ, возвратившимся на лоно прежняго мира и спокойствія.

Второй пунктъ о томъ, чтобы сохранять Греческія церкви, сохранять православную вѣру въ прежнемъ ея блескѣ; не нарушать ученія, принятаго досслѣ святыми равноапостольными мужами; удерживать католическихъ и протестанскихъ учителей (doctores), которые хотѣли бы распространять въ

*) Т. е. повторились въ записи, заключенной съ Жолкевскимъ въ Москвѣ 17 (27) августа.

Москвѣ свою вѣру, соблюдать почтительность въ храмахъ Божіихъ, именно: еслибы случилось кому нибудь, исповѣдующему католическую вѣру, войти въ греческую церковь, то чтобы взошедшій наблюдалъ всю скромность, какъ прилично христіанину, чтобы не устремлялъ своихъ любопытныхъ и высокомѣрныхъ взоровъ во всѣ стороны храма, и чтобы, сидя нагло и съ шапкою на головѣ, не оскорблялъ благоговѣнія къ священнѣйшимъ обрядамъ.— Отвѣтъ состоялъ въ томъ, что касательно этого требованія со стороны Москвитянъ, король вовсе не отказываетъ, а только прибавляетъ: что, такъ какъ въ Москвѣ люди, исповѣдующіе римско-католическую вѣру, должны будутъ нуждаться въ церкви, о чемъ, какъ извѣстно, была рѣчь и при самомъ Борисѣ Годуновѣ, то и теперь необходимо составить совѣтъ съ синодомъ и духовенствомъ, чтобы соорудить по крайней мѣрѣ одну церковь въ лучшей части города, для совершенія св. службы католикамъ, преимущественно же Полякамъ и Литовцамъ, и опредѣлить не подалеку отъ церкви мѣсто для дома католическому священнику, отправляющему божественную службу; что равнымъ образомъ, ежели бы кто изъ Русскихъ взошелъ въ католическую церковь, то и онъ долженъ поступать съ такою же боязнію и почтительностію, какой Русскіе требуютъ отъ Поляковъ и Литовцевъ; что ни король, ни сынъ его Владиславъ нисколько не думаютъ заставлять кого-нибудь къ отреченію отъ Греческой вѣры и къ принятію другой, въ то время, какъ они увѣрены, что вѣра есть даръ Божій, и должна сообщаться путями добровольнаго убѣжденія, а не силою *)».

Напечатаннаго теперь акта Карамзинъ не имѣлъ: описывая переговоры Салтыкова съ Польскими министрами, онъ руководствовался Кобѣржицкимъ и Немцѣвичемъ; а далѣе, упоминая о нѣкоторыхъ только статьяхъ (и то весьма кратко), вошедшихъ въ составъ Салтыковскаго договора, дѣлаетъ ссылку не на самый актъ, а на окружную граммату кн. Ѳ. И. Мстиславскаго и бояръ, управлявшихъ съ нимъ государствомъ, (напечатанную въ Собр. гос. грам. т. II, 441), приводя изъ нея слѣдующее мѣсто: „Присягалъ король боярину Мих. Глѣб. Салтыкову съ товарыщи... что, будучи королевичу на государствѣ, нашіе истинные православные крестьянскіе вѣры не разорять, и городовъ отъ Москов. государства не отводить, и помѣстей и вотчинъ и дворовъ и животовъ у насъ не отымати, и безъ сыску ни надъ кѣмъ никакова дурна не учинити.“ (См. Карамз. т. XII, примѣч. 490.) Безъ малѣйшаго сомнѣнія, если бы напечатанный мною актъ (№ 20) былъ извѣстенъ Карамзину, онъ бы во 1-хъ не ограничился весьма краткимъ изложеніемъ только нѣкоторыхъ условій, вошедшихъ въ составъ онаго, пропустивъ важнѣйшія; во 2-хъ, сослался бы на самый актъ, а не на окружную граммату Мстиславскаго, въ которой находится только нѣсколько строкъ объ этомъ актѣ; ибо цѣлью окружной грамматы было изложеніе послѣднихъ происшествій Московскихъ, т. е. договора съ Жолкевскимъ, а не событій подъ Смоленскимъ (т. е. договора Сигизмунда III съ Салтыковымъ, заключеннаго въ февралѣ.)

Впрочемъ, мнѣ можетъ быть замѣтятъ: неужели Карамзинъ не прочелъ этого акта (№ 20) въ Голиковѣ и Щербатовѣ?—Я отвѣчаю: можетъ быть онъ дѣйствительно не видалъ онаго въ сихъ двухъ книгахъ, а можетъ быть и видѣлъ, но не рѣшился основываться на актѣ, передѣланномъ на новый ладъ и вообще неисправно изданномъ, и въ

*) Kobierzicki: Historia Vladislai. Dantisci, Anno 1655; in 4, 179. стр.

такомъ случаѣ Карамзинъ поступилъ весьма осторожно и осмотрительно.

Жаль впрочемъ, что Карамзинъ (которому были доступны всѣ библіотеки) не воспользовался указаніемъ кн. Щербатова, который, какъ мы видѣли выше, указываетъ именно на библіотеку гр. Шереметева (сказавъ, что списокъ Голикова взятъ оттуда): можетъ быть исторіографу удалось бы отыскать подлинникъ.

№ 27.

Донесеніе гетмана Жолкевскаго Сигизмунду III о Клушинской битвѣ (къ стр. 56).

(Подлинникъ на польскомъ языкѣ).

Пресвѣтлѣйшій и милостивѣйшій государь, государь нашъ милостивѣйшій.

Нижайшую мою службу поручивъ благосклонной милости В. К. Величества, государя моего милостивѣйшаго.

Причины, по которымъ не такъ часто пишу къ В. К. Величеству съ донесеніемъ о томъ, что здѣсь дѣлается, суть слѣдующія: во первыхъ, для посланцевъ дорога небезопасна по причинѣ разбоевъ; вторая причина, пока еще дѣла не рѣшены, всегда питаюсь ожиданіемъ; о предметахъ же сомнительныхъ, писать къ В. К. Величеству не желаю. Какимъ образомъ пришелъ сюда, подъ этотъ острожокъ и подъ находящееся въ немъ непріятельское войско, я уже извѣстилъ В. К. Величество. Такъ какъ предметомъ ожиданія ихъ (находившихся въ острожкѣ) была помощь вспомогательнаго войска, которую надѣялись они получить отъ князя Димитрія Ивановича Шуйскаго, то я, сколько позволяли тому средства, стѣснилъ ихъ воздвигая около нихъ городки, обставляя бдительными караулами, содѣлавъ для нихъ выходъ совершенно невозможнымъ, воспрепятствовавъ полученіе съѣстныхъ припасовъ и возбраняя пастбища для лошадей. Безпрестанно также посылаемы были отъ меня отряды къ Можайску, для развѣдыванія о князѣ Димитріѣ, о чемъ старался тоже узнать и посредствомъ лазутчиковъ. Но я долженъ писать къ В. К. Величеству кратко, опуская многое, ибо безпрестанно занятъ, не много остается мнѣ времени для написанія письма, да и В. К. Величеству, государю моему милостивѣйшему, не хочу причинить скуки чтеніемъ длиннаго письма. Я однакожъ употребилъ Домарецкаго, Львовскаго подстольничаго, для написанія имъ подкоморію коронному даже и подробностей. Главныя же обстоятельства суть слѣдующія: іюля 3, часа два или три по полуночи, получилъ я извѣстіе, что князь Димитрій Шуйскій, выступившій изъ Можайска, ночевалъ въ восьми отъ меня миляхъ. Съ пятницы на субботу непріятель стянулъ къ себѣ всѣ силы, Московскія и иноземныя, какія только имѣлъ; войска чужеземнаго съ Понтусомъ Делагарди и Эдуардомъ Горномъ находилось болѣе нежели пять тысячъ человѣкъ, хорошо вооруженныхъ и, какъ оказалось потомъ на дѣлѣ, отличныхъ смѣльчаковъ. Московскихъ же людей было слишкомъ тридцать тысячъ, не мало было людей знатныхъ и воеводъ: Андрей Голицынъ, Данило Мезецкій, Яковъ Борятинскій, Василій Бутурлинъ и другіе. Съ таковыми силами они надѣялись уничтожить войско В. К. Величества и намѣ-

ревались симъ же войскомъ заставить снять осаду Смоленска. Я немедленно созвалъ къ себѣ полковниковъ и ротмистровъ войска В. К. Величества; по многимъ сильнымъ и важнымъ причинамъ (которыхъ не привожу теперь ибо далеко бы завело), не заблагоразсудилось мнѣ ожидать непріятеля; однако мнѣ хотѣлось бы лучше провлечь до шестаго іюля; по наступленіи коего дня, поручивъ бы себя Господу Богу, намѣренъ былъ попытать счастья. И такъ, оставивъ часть войска при этомъ острожкѣ со всею В. К. Величества пѣхотой и казаками, на легкѣ безъ повозокъ, того же дня, т. е. 3-го іюля, подъ вечеръ, я выступилъ къ Клушину, гдѣ надѣялся застать непріятельское войско, бывшее на разстояніи отъ нашего лагеря миль около четырехъ, мы шли во всю ночь. На разсвѣтѣ, передовая стража по шуму лагерному примѣтила непріятельское войско, которое было ближе къ намъ миновавъ Клушина. Мы же явились передъ непріятелемъ неожиданно (ибо онъ не взялъ на счетъ насъ ни предосторожности, ниже имѣлъ какого либо извѣстія), и застали бы его вѣрно еще на постели; но какъ по причинѣ дурной и тѣсной дороги войско не могло поспѣшить, то я долженъ былъ ждать часъ или болѣе, покамѣсть войско выбилось изъ худой дороги, а въ это время проснулся уже непріятель, и увидѣла насъ его стража. Такимъ образомъ вчерашняго дня, 4 іюля (24 іюля с. с.), мы вступили съ ними въ бой, еще предъ восхожденіемъ солнца: великою помощію для насъ было, что непріятель пришелъ въ смятеніе отъ нечаяннаго появленія нашего, ибо онъ пренебрегалъ всѣми нами по причинѣ малочисленности нашей, а тѣмъ менѣе ожидалъ, чтобы мы, осадивъ достаточно здѣшній острожекъ, имѣли еще столько отваги, чтобъ на нихъ идти. Сначала противъ насъ выстроились въ особенности иноземцы-Французы, вооруженные довольно хорошо, какъ прилично людямъ воинскимъ: битва продолжалась по крайней мѣрѣ три часа, съ перемѣннымъ счастіемъ. Можно почесть за диво въ нынѣшнемъ вѣкѣ (когда сраженія рѣшаются только натискомъ), что трудно было судить чья сторона выиграла. Но Господь Богъ, по милосердію своему, благословилъ, что, послѣ столь многихъ переворотовъ на ихъ сторону и на нашу, неустрашимость и мужество войскъ В. К. Величества превозмогли непріятеля: сначала пустились въ бѣгство Москвитяне, а потомъ и иноземцы. Воины В. К. Величества, рубя и поражая иностранную конницу, въѣхали на ея плечахъ въ самый ихъ лагерь, откуда потомъ прогнали ее въ лѣсъ; пѣхота однако чужеземная стояла въ боевомъ порядкѣ при изгибѣ лѣса такъ, что сдѣлать нападеніе на нее конницѣ было затруднительно. Моей пѣхоты и пѣхоты старосты Хмѣльницкаго не было и сотни, ибо остальную мы должны были оставить при лагерѣ (т. е. подъ Царевымъ-Займищемъ); а посему не было никакихъ средствъ опрокинуть сихъ людей; кромѣ того было нѣсколько ротъ конныхъ Французовъ, но предводители ихъ Понтусъ и Эдуардъ Горнъ ушли еще въ первомъ порывѣ; Делавиль же оставался больнымъ въ Погорѣлой *); слѣдовательно, при нихъ не было почти никого изъ начальниковъ. Московскіе воеводы: Голицынъ и другіе также бѣжали; самъ Димитрій Ивановичъ Шуйскій остался въ острожкѣ, устроенномъ имъ въ продолженіе одной ночи. Этотъ острожекъ и лагерь Шуйскаго соединялись со станомъ солдатъ иноземныхъ. Согнавъ непріятельское войско съ поля битвы, я сталъ обдумывать, какимъ бы обра-

*) *Погорѣлое* городище, древній городъ, нынѣ село въ Тверской губерніи.

зомъ, съ помощію Божіею, можно было одержать надъ непріятелемъ совершенную побѣду. Коль скоро возвратились солдаты изъ погони, я хотѣлъ было приказать снова устремиться на лагерь иноземцевъ, но въ тоже время начали передаваться Французы по два и по три, обнадеживая меня въ томъ, что и другіе равно желаютъ предаться милости В. К. Величества. Когда же я вступилъ съ ними въ переговоры, тогда Понтусъ и Эдуардъ Горнъ, скрывшіеся до сихъ поръ въ лѣсу, возвратились опять въ свой лагерь, и если бы могли, охотно бы прервали сіи договоры; но солдаты воспротивились тому, ибо видѣли, что Москвитяне поуходили, и что ихъ довольно перебито, а потому желали съ нами согласія. Димитрій Шуйскій также хотѣлъ было прервать сей договоръ, и посылалъ къ нимъ съ неслыханными обѣщаніями, но ему въ этомъ не удалось; иностранные солдаты сіи принудили и Понтуса и Эдуарда Горна принять участіе въ этомъ договорѣ, который состоялъ въ слѣдующемъ: что всѣ они должны остаться въ совершенной, какъ личной, такъ и относительно имущества своего, безопасности; желающимъ поступить на службу В. К. Величества—имѣетъ быть позволено; а тѣмъ, которые захотятъ возвратиться въ свое отечество,—учинить свободный пропускъ; они же въ своей стороны и начальники ихъ присягою и рукоданіемъ обѣтъ свой учинили, что никто изъ нихъ противъ В. К. Величества, особенно же въ войскѣ Московскомъ, оружія поднимать не долженъ. Димитрій Шуйскій, примѣтивъ, что иноземцы договариваются со мною на счетъ его (ихъ было нѣсколько тысячъ), не дождался окончанія переговоровъ: изъ острожка, въ которомъ онъ было окопался и укрѣпился съ остальными удержавшимися при немъ Московскими людьми, бросился съ величайшею быстротою уходить въ лѣсъ, находившійся тамъ въ недальнемъ разстояніи; наши пустились въ погоню, а другіе съ иностранцами бросились въ лагерь Шуйскаго, который былъ обширенъ и изобиленъ: здѣсь между другими повозками осталась и собственная Шуйскаго карета; его сабля, шишакъ и булава были взяты. Въ преслѣдованіи, какъ обыкновенно то бываетъ, наибольше ихъ погибло; Салтыковъ сказалъ мнѣ, что видѣлъ между убитыми Якова Барятинскаго, Василій же Бутурлинъ взятъ въ плѣнъ. Также взятъ одинъ разрядный дьякъ Яковъ Декудовъ, который только что привезъ изъ Москвы деньги для иноземцовъ: и дѣйствительно, въ субботу, предшествовавшую сраженію, онъ далъ имъ десять тысячъ деньгами; а кромѣ сего привезено было двадцать тысячъ рублей съ соболяхъ и суккахъ: каковыя вещи еще не разобранныя, въ лагерѣ Шуйскаго захвачены нашими. И подлинно Пахолики—Погребищане (см. стр. 49), выжидавшіе сего, получили великую добычу. Воины В. К. Величества понесли большія потери, какъ собственно сами, такъ и въ лошадяхъ, и для нихъ необходима милость В. К. Величества касательно денежнаго на это пособія, посредствомъ котораго они могли бы оправиться. Какимъ образомъ кто отличалъ себя при этой службѣ В. К. Величества, я теперь никого называть не буду, ибо и безъ того начиная писать я полагалъ, что письмо мое будетъ коротко, но пришлось разпространиться. Однако о всѣхъ вообще не только я, съ моей стороны, но и самое дѣло свидѣтельствуетъ, что при этой службѣ В. К. Величества стояли мужественно, какъ прилично то воинскимъ людямъ: я увѣренъ, что В. К. Величество изволите это принять отъ нихъ благосклонно. Фалконетовъ при непріятельскомъ войскѣ было одиннадцать, изъ коихъ въ

мои руки дошло только семь, но и тѣ съ трудомъ были привезены, ибо я не имѣлъ на чемъ везти ихъ; другіе находятся здѣсь же между ротмистрами. Хоругвей осталось нѣсколько десятковъ, въ числѣ которыхъ и Бутурлина, начальствовавшаго передовымъ войскомъ, также хоругвь самого Шуйскаго, весьма отличная штофная съ золотомъ. В. К. Величество изволили писать ко мнѣ, чтобы я Ивана Салтыкова отослалъ къ В. К. Величеству. Догадываюсь, отъ чего это происходитъ: отецъ его думаетъ, что онъ тяжело раненъ; но Салтыковъ здоровъ, и теперь находясь со мною въ этой битвѣ хорошо старался для В. К. Величества, равно какъ и другіе въ это время бывшіе тутъ Московскіе бояре. Теперь болѣе ничего другаго, только мои услуги В. К. Величеству свидѣтельствую.

Писано въ лагерѣ изъ Царева Займища, 5 го іюля 1610.

ЗАПИСКА:

Иностранцы, которые были въ непріятельскомъ войскѣ: Нѣмцы, Испанцы, Французы, Англичане, Шотландцы всѣ пришли сюда въ лагерь В. К. Величества. Вчерашняго дня, послѣ разстанія моего съ Понтусомъ, Англичане чуть не убили его, такъ что убѣжавшіе съ нимъ Эдуардъ Горнъ и нѣкоторые Финляндцы и Шведы насилу удержали это на него нападеніе за деньги, которыя онъ у Москвитянъ взялъ, а имъ не далъ. Понтусъ пошелъ къ Погорѣлому съ намѣреніемъ взять съ собою находящагося тамъ больнаго француза — капитана Делавиля (Musier de la Ville) и пробиваться къ границѣ Лифонской: онъ обѣщалъ и далъ мнѣ руку, что не будетъ служить у Москвитянъ; въ Швецію также ѣхать не хочетъ, а желаетъ направить путь въ Нидерланды. Эдуардъ Горнъ также просилъ меня весьма убѣдительно, чтобы я предстательствовалъ за нихъ о исходатайствованіи милости В. К. Высочества.

В. К. Высочеству небезъизвѣстно, какую показалъ панъ Зборовскій В. К. Величеству вѣрность и готовность при вступленіи въ военную службу; сколь же много выиграли отъ того дѣла В. К. Величества, показываетъ также самое время. И въ бывшихъ здѣсь по сіе время дѣлахъ, равно и въ данномъ теперь сраженіи, въ коемъ по порученію моему предводительствовалъ правымъ крыломъ, отличился мужественнымъ духомъ совершенно шляхетнымъ, и явилъ въ себѣ осторожность воителя; почему и даю о доблести его должное удостовѣреніе. А поелику по причинѣ давняго отсутствія изъ дому (какъ иначе быть не могло), все у него перевелось, и теперь въ битвѣ понесъ не малую потерю; по симъ причинамъ и въ особенности по слабости здоровья—думаетъ ѣхать домой; нижайше прошу, чтобъ В. К. Величество, благосклонно уваживъ столь ревностныя и храбрыя его заслуги, изволили порадовать его своей милостью и щедротою.

№ 28.

Боровской Пафнутьевъ монастырь.

Онъ находится въ трехъ верстахъ отъ Боровска, уѣзднаго города Калужской губ., теперь онъ въ числѣ „первоклассныхъ“ монастырей. Онъ расположенъ на небольшомъ возвышеніи, на лѣвомъ берегу рѣки Протвы, которая нижнимъ своимъ теченіемъ орошаетъ Боровскія окрестности. Эта обитель опоясана древнею каменною оградою, съ шестью башнями. Внутри ограды находится древній соборъ во имя Рождества Богоматери. Въ этомъ храмѣ, устроен-

номъ на мѣстѣ бывшей деревянной церкви, почиваютъ мощи преподобнаго Пафнутія. Въ Майской Четп-Минеѣ имя преподобнаго Пафнутія кратко упоминается объ освященіи храма въ 1467 году.

Къ сѣверной части собора пристроена церковь во имя святой великомученицы Ирины.

При входѣ въ церковь съ южной стороны, встрѣчаемъ вырѣзанную на каменной плитѣ надпись: „7107 года, (1599) апрѣля въ 6 день, преставися рабъ Божій великаго государя и великаго князя Ѳеодора Іоанновича всея Росіи, дядька, окольничій Лупиъ, зовомый Андрей Петровъ Клешнинъ, въ инноцѣхъ Левкей схимникъ." Онъ постригся въ монашество и принялъ схиму съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы избѣгнуть подозрѣнія въ то время, когда производилось изслѣдованіе объ убійствѣ въ г. Угличѣ девятилѣтняго царевича Дмитрія. Хотя онъ считался невиннымъ въ этомъ убійствѣ, но будучи мнителенъ отъ природы, боялся, чтобы слѣдователи о смерти царевича не обвинили его, какъ ближайшаго хранителя юности, и чтобы не пострадать отъ подозрѣнія и не лишиться жизни, рѣшился скрыть свое имя подъ схимою св. обители *). Жена его **) подарила монастырю на поминъ мужа своего евангеліе, написанное уставомъ въ 1602 году; оно сохраняется въ ризницѣ собора.

Почерпнуто изъ статьи г. В. Зерцалова: „Матеріалы для описанія Боровскаго Пафнутьева монастыря", напечатанной въ Калужскихъ губерн. вѣдомостяхъ 1860 г. №№ 50 и 51.

№ 29.

Грамота отъ Смольнянъ и Брянчанъ гетману (Жолкевскому).

(Переводъ съ польскаго).

Наяснѣйшаго Сигизмунда III, Божею милостію короля Польскаго, великаго князя Литовскаго, и господаря нашего королевича Владислава Сигизмундовича, Польской короны войскъ ихъ гетману пану Станиславу Станиславовичу (Жолкевкому) Смольняне, Брянчане челомъ бьютъ. Присылалъ ты къ намъ Смолянъ дворянъ, Федора Суселина съ товарищами, и съ ними граматы и списки отвѣтныхъ рѣчей (Сигизмунда III), квятвоцѣловальную грамату въ томъ, въ чемъ ты князю Федору Елецкому и Григорію Валуеву съ товарищами цѣловалъ крестъ: и мы тѣ граматы и отвѣтныя рѣчи и запись сами прочитавши, давали читать въ Москвѣ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и многихъ разныхъ городовъ всякимъ людямъ; и они прочитавъ говорятъ: что де въ запискѣ не написано, чтобы господарю нашему королевичу Владиславу Сигизмундовичу окреститься въ нашу христіанскую вѣру крестившись сѣсть на Московскомъ государствѣ, а Польскимъ людямъ и Литовскимъ людямъ не быть насильственно въ городахъ Московскаго господарства, наипаче отъ господаря нашего королевича приближенныхъ, кои съ нимъ съ господаремъ будутъ находиться на Москвѣ, чтобы никакого утѣсненія не было.

А такъ бы намъ также цѣловать

*) Изъ какого источника почерпнуты эти соображенія—г. Зерцаловъ въ статьѣ своей не упоминаетъ.

**) Рожденная княжна Волконская, сестра кн. Григорія Волконскаго, бывшаго посломъ въ Польшѣ. См. Карамз. т. XII, примѣч. 97.

крестъ на тѣхъ условіяхъ, которыя въ записи были написаны. А мы тѣ условія написали, которыя потребно въ запись прибавить. А когда ты намъ на ту запись Смольянамъ, Брянчанамъ и всѣмъ служилымъ разныхъ городовъ людямъ поцѣлуешъ крестъ на ту запись, на которую запись князю Ѳедору Елецкому и Григорію Валуеву съ товарищами цѣловалъ крестъ *), какъ равно и на всѣ тѣ прибавленныя условія, которыя мы вамъ написали, и когда поцѣлуешь крестъ на все то, что мы къ тебѣ писали, ты намъ отвѣтъ (odpis) и запись ту пришли, на которую будешь намъ крестъ цѣловать, и пришли тѣхъ дворянъ, которые отъ насъ къ вамъ поѣхали; а поѣхали къ тебѣ съ той грамотою Смольяне дворяне: Михайло Васильевъ сынъ Бестужевъ, Михайло Филиповъ сынъ Кочковъ, Иванъ Третьяковъ сынъ Максимовъ, Василій Ивановъ сынъ Яковлевъ, Григорій Афанасьевъ сынъ Листовъ, Афонасій ....овъ сынъ Бѣяковскій (? Битяговскій), да Брянчанинъ Ѳедоръ Нелюбовъ сынъ Парфентіевъ. Писана грамата іюля 14 дня (1610).

№ 30.

Письмо гетмана Жолкевскаго въ Москву.

(Переводъ съ польскаго).

Наияснѣйшаго великаго государя Сигизмунда III, Божіею милостію короля Польскаго и великаго князя Литовскаго, воевода Кіевскій и пр. Станиславъ Жолкевскій изъ Жолквы **), въ Москву, Московскаго государства дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, Смолянамъ и Брянчанамъ и всѣмъ служилымъ людямъ разныхъ городовъ, которые хотятъ служить наияснѣйшему королевичу Владиславу Сигизмундовичу.

Привѣтствую васъ какъ моихъ пріятелей.

Нынѣшняго 118 года (1610) іюля 15 дня прислали вы ко мнѣ въ станъ подъ Можайскомъ Смольянъ, дворянъ Михайлу Бестужева, Михайлу Неѣлова, Ѳедора Чмашева, Василія Бестужева, Григорія Уварова, Григорія Листова, Аѳанасія Бѣяковскаго (?Битяговскаго), Ивана Максимова, Василія Яковлева и Брянчанина Ѳедора Парфеньева, и съ ними прислали граматы, въ коихъ пишете ко мнѣ, что присланы мною къ вамъ Смольяне, Ѳедоръ Суселинъ съ товарищи, и чрезъ нихъ получены вами грамоты и списки отвѣтныхъ рѣчей наияснѣйшаго государя короля его милости и цѣловальная крестная, на которую я князю Федору Елецкому и Григорію Валуеву съ товарищи цѣловалъ крестъ. И вы, прочитавши сами тѣ грамоты, давали читать оныя въ Москвѣ дворянамъ и всѣмъ дѣтямъ боярскимъ разныхъ городовъ; и они Московскіе дводворяне и всѣ дѣти боярскіе разныхъ городовъ грамоты и запись прочитали и прочитавши говорятъ, что де въ записи не написано, чтобы государю нашему королевичу Владиславу Сигизмундовичу окреститься въ вашу христіанскую вѣру, и крестившись сѣсть на Московскомъ государствѣ. Но вы уже видѣли въ письмѣ государя его милости короля, къ которому его королевская милость руку прило-

*) Здѣсь идетъ рѣчь о записи, напечатанной подъ № 24.

**) Т. е. родомъ изъ Жолквы, или помѣщикъ с. Жолквы: мѣстечко Червной Россіи, нѣкогда принадлежавшее гетману Жолкевскому, — теперь окружный городъ Жолкевскаго округа,—одного изъ двѣнадцати *Русскихъ* округовъ въ Галиціи.

жилъ и королевскою своею печатію утвердилъ, что господарь король его милость и сынъ его королевской милости, господарь королевичъ его милость Владиславъ Сигизмундовичъ, вашей православной истинной вѣры Греческаго закона и Божіихъ церквей ни въ чемъ не нарушатъ, и всѣ условія, въ записи его милости короля изображенныя, и всѣ Московскіе обычаи желаютъ сохранять ненарушимо. А еслибы что было опущено въ тѣхъ отвѣтныхъ рѣчахъ, о томъ вольно патріарху со всѣмъ преосвященнымъ соборомъ, боярами и всею землею совѣщаться съ наияснѣйшимъ великимъ господаремъ, его милостію королемъ. Что же вы упоминаете о крещеніи королевича его милости Владислава въ Русскую вѣру, то это дѣло есть духовное, патріаршеское и всего духовенства. А о прочихъ дѣлахъ, чего вы въ добавленіе (записи) хотите, боярамъ, посовѣтовавшись со всѣми думными людьми, съ гостьми, съ торговыми и черными людьми, отправить къ его милости королю нарочитыхъ пословъ отъ всея земли, и во время хорошо окончить дѣло, дабы сколько возможно скорѣе прекратить пролитіе крови христіанской и совершенно успокоить государство. Съ сею граматою отпускаю къ вамъ дворянъ Смольнянъ Михаила Неѣлова и Григорія Вырлова. Писано въ станѣ въ Можайскѣ 118 (1610) іюля 16 дня, по старому Московскому календарю.

№ 31.

Письмо гетмана Станислава Жолкевскаго Сигизмунду III.

Примѣчаніе. Это письмо напечатано съ современной копіи, доставленной мнѣ однимъ любителемъ древности въ Варшавѣ.

(Подлинникъ на польскомъ языкѣ).

Наияснѣйшій милостивый король!

По истинѣ я бы готовъ былъ не только ежедневно, но ежечасно давать знать В. К. В. обо всемъ, что здѣсь происходитъ, да и было бы о чемъ писать: потому что каждый день я получаю частыя извѣстія, то отъ нашихъ плѣнныхъ, которые уходятъ изъ плѣна, то отъ людей Московскихъ, которые передаются изъ Москвы; но по причинѣ опасныхъ дорогъ трудно пересылать письма. Очень много намъ препятствуютъ разбойники, производящіе разбои между Дорогобужемъ и Вязьмою. Я писалъ къ Рудницкому, полковнику молодцовъ, стоящему подъ Бѣлою, чтобы онъ постарался разгромить и уничтожить этихъ разбойниковъ, а такъ-какъ въ Бѣлой нѣтъ уже никакой опасности, то онъ не могъ бы въ такомъ положеніи дѣлъ оказать лучшей услуги, какъ очистить эту дорогу. Не мѣшало бы, если бы и В. К. В. дали ему объ этомъ наказъ посредствомъ пана старосты Велижскаго. Это первое письмо я написалъ къ В. К. В. на пути отъ Царева (Займища), надѣясь, что казенный служитель, который пріѣзжалъ сюда съ товарами, долженъ былъ возвратиться для счетовъ, но такъ долго, пробылъ здѣсь. Нынѣ доношу В. К. В. что 15 іюля, (5 іюля Рус. стил.), т. е. въ прошедшую пятницу, я расположился подъ Можайскомъ, развѣдывая и высматривая случая услужить В. К. В., я узналъ, что самозванецъ (impostor), не желая упустить благопріятнаго времени, послѣдовавшаго за счастіемъ В. К. В., взялъ сдавшіеся ему добровольно Медынь и Козельскъ (изъ которыхъ Клушинской битвы ушли войска Шуйскаго), а потомъ подступилъ къ Боров-

скому Пафнутьевскому монастырю, въ которомъ заперся князь Михайло Волконскій. Наши, находящіеся при самозванцѣ, спѣшившись, бросились на частоколъ, наскоро устроенный около монастыря, за коимъ находились собранные изъ деревень мужики, сейчасъ же бросившіеся бѣжать въ монастырь: наши также вслѣдъ за ними врывались въ монастырь, гдѣ не было пощады ни полу ни возрасту. Тамъ же въ церкви Пафнутія, убитъ былъ князь Михайло Волконскій: черецовъ, какъ слышалъ я, осталось только трое. Это случилось 14 іюля (4 іюля Рус. ст.), за два дня до моего прихода подъ Можайскъ. Чрезъ племянника моего я послалъ В. К. В. нѣсколько писемъ, полученныхъ мною отъ пана Сапѣги; и теперь посылаю копіи писемъ его, а равно и моихъ, писанныхъ въ разныхъ мѣстахъ Хотя кажется, что онъ не все пишетъ прилично, однако-жъ я о немъ, какъ о человѣкѣ знатнаго рода, ничего предосудительнаго думать не могу; онъ принужденъ приноравливаться къ времени, а также и къ людямъ, которые при немъ находятся: и все тамошнее рыцарство, сколько мнѣ извѣстно, хорошо расположено къ В. К. В.; ихъ бываетъ здѣсь множество изъ того войска, да и теперь есть. Я обхожусь съ ними ласково, обнадеживая ихъ въ милости В. К. В., что В. К В. не благоволите отвергать ихъ заслугъ (этого они только и добиваются). Тѣ, которые здѣсь, бываютъ объявили мнѣ, что какъ только будутъ увѣрены въ этомъ, то охотнѣе готовы доброхотствовать и служить В. К. В., какъ своему государю, нежели обманщику, котораго и принудили отправить пословъ къ В. К. В., о чемъ благоволите узнать изъ письма Сапѣги; цѣль этого посольства, какъ одинъ сказывалъ мнѣ, кажется, слѣдующая: если панъ Сапѣга устроитъ такъ, что В. К. В. возсядете на престолъ Московскій, то В. К. В. заплатите тому войску, которое при немъ находится, а самозванцу дадите какой нибудь удѣлъ, которымъ бы онъ могъ быть доволенъ. А еслибы самозванцу послужило счастіе овладѣть столицею, то онъ и своему и В. К. В. войску заплатилъ бы по заслугамъ, а Смоленскъ, Бѣлая и Сѣверская земля остались бы во владѣніи В. К. В. Не велика помощь самозванцу отъ Московскихъ людей: всѣхъ, и съ Донцами, у него около 3000 не болѣе; вся его сила заключается въ нашихъ. Нѣсколько дней, находясь въ пяти миляхъ другъ отъ друга, мы сообщались между собою; часто бываютъ и наши у нихъ, и они у насъ, именно, какъ одно войско. Куда они теперь обратились, это В. К. В. узнаете изъ письма пана Сапѣги. Изъ Москвы съ самымъ первымъ извѣстіемъ встрѣтили меня на дорогѣ, еще на второмъ ночлегѣ, передъ Можайскомъ, нѣкто Копіевскій, шляхтичъ изъ Брацлавскаго воеводства, и Уланицкій, который убѣжалъ изъ плѣну. Они сообщили мнѣ, что въ Москвѣ произошло большое смятеніе, по полученіи извѣстія о Клушинскомъ дѣлѣ. Шуйскій не смѣлъ показаться и только изъ окна хотѣлъ успокоивать народъ. Міръ, простонародіе кричало ему, что ты намъ не государь: Дмитрій Шуйскій, съ пятницы на субботу, тайно пріѣхалъ ночью въ Москву на худой клячѣ; онъ былъ въ немалой опасности, въ погонѣ лишился коня, пробирался лѣсомъ и вязнулъ пѣшкомъ въ грязи, гдѣ и обуви лишился. Пришедши въ Можайскъ, пробылъ около четверти часа въ монастырѣ пр. Богородицы, что подъ Можайскомъ, и доставши обувь, поѣхалъ въ Москву и велѣлъ Можайску сдаться. Копіевскій также сказалъ, что изъ числа людей, находившихся въ битвѣ, кромѣ нѣсколькихъ стрѣльцовъ Смолянъ, никто болѣе въ Москву не пришелъ; всѣ разбѣжались, каждый въ свой городъ. Лазутчики,

которые туда были посланы, утверждають также о большемъ расположеніи простонародія, купцовъ, къ Е. В. королевичу. Тоже подтверждаетъ одинъ изъ нашихъ. Посылаю В. К. В. его собственное письмо. Чтобы не утруждать В. К. В., милостиваго государя моего, посылаю къ В. К. В четырехъ бояръ Смолянъ, которые вчера утромъ бѣжали изъ столицы, и вчера же въ сумерки явились ко мнѣ; В. К. В. можете обстоятельно освѣдомиться у нихъ обо всемъ, что происходитъ въ Москвѣ. Въ особенности также посылаю ихъ и для того, не успѣютъ ли они тѣмъ что убѣдятъ (преодолѣть) Шеина и архіепископа Смоленскаго. Такъ какъ войско В. К. В. терпитъ голодъ, особенно же иноземцы, то я принужденъ былъ позволить имъ добыть для себя продовольствіе въ сосѣднемъ селеніи, пока не воротятся мои фуражиры, стану развѣдывать, что будетъ происходить въ Москвѣ. Бояре послали письма и къ самому Шуйскому, и къ боярамъ, и къ міру; подписался на нихъ Иванъ Салтыковъ вмѣстѣ съ тѣми, которые давно при немъ находятся; подписался Григорій Валуевъ и другіе, бывшіе съ нимъ въ острожкѣ (острогѣ ?). Надѣюсь, что Салтыковъ пошлетъ копію этого письма къ отцу своему. Смотря по тому, какъ представятся время и случай, не замедлю служить В. К. В. Теперь по моему мнѣнію, не отступая отъ того, что я представилъ В. К. В. посредствомъ племянника моего и пана Борковскаго, поелику Богъ, по милосердію своему, широко растворяетъ ворота предъ В. К. В., я желаю и совѣтую, чтобы В. К В., зашедши такъ далеко, благоволили поддержать это дѣло; я думаю, что эти осажденные Смоляне перестанутъ упорствовать, какъ только увидятъ, что нѣтъ никакой надежды. По этому благоволите В. К. В. сюда придти съ тѣмъ войскомъ, которое при васъ находится. Думая однако-жъ, что дѣло дойдетъ здѣсь до переговоровъ и до трактатовъ, я считаю очень нужнымъ, чтобы В. К. В. благоволили послать его милость пана канцлера съ своимъ наказомъ (инструкціею). До сихъ поръ по этому дѣлу я не имѣю отъ В. К. В. никакой инструкціи, да хотя бы и имѣлъ, не желалъ бы такъ важныя дѣла брать на свою голову. Я для того особенно назначаю его милость пана канцлера, потому что онъ знакомъ и Шуйскому и всѣмъ первостепеннымъ боярамъ, свѣдущъ въ этихъ дѣлахъ и имѣетъ такія дарованія, какими Господь Богъ хотѣлъ надѣлить его милость пана Салтыкова стараго, князя Масальскаго, Грамотина и другихъ, которыхъ В. К. В. благоволите имѣть у себя на виду. Все это подвергаю благоразумному усмотрѣнію В. К. В. Доношу также В. К. В., что Погорѣла, Осиповъ, Волокъ, Дмитровъ, Ржевъ и Зубцовъ поддались В. К. В. Панъ Руцкій, котораго я туда послалъ, усердно тамъ работаетъ и вѣрно служитъ В. К. В. Трудно только имѣть гарнизоны въ такомъ множествѣ замковъ, по словамъ евангелія: «жатва обильна, но жателей мало!» Онъ приходитъ просить Господа жатвы послать жателей въ свой вертоградъ». Панъ Руцкій также увѣдомилъ меня, что и въ Щебежѣ объявили о сдачѣ. Въ станѣ подъ Можайскомъ, 20 іюля (10 іюля Рус. ст.) Л. Г. (Лѣта Господня) 1610.

Copia listu JE° M. Pana Hetmana do K. JE° M. *).

9 Fas. 61 Publiczn.

Naiasnieyszy Miłosciwy Krolu.

Zaiste, radbym nietylko na kazdy dzięń, ale na kazdą godzinę dawał znac W. K. M. cosię tu dzieie, y byłoby co

---

*) Въ этомъ письмѣ мы въ точности сохранили правописаніе стараго современнаго списка.

pisać, bo czestę na kazdy dzięń, y od więzniow nasszych, ktorzy uciekaią, y od ludzi Moskiewskich ktorzy się przedaią, y od spiegow, ktorzy się z Moskwy wracaią, wiadomosci, miewam, ale dla niebespiecznych przeiazdów trudne przesłanie listow, na wielkiey nam przeszkodzie zboycy, ktorzy miedzy Drohobuzem, a Wiazmą rozboie czynią. Pisałęm do Rudnickie°, ktory iest Pułkownikiem nad Mołoycy, co pod Białłą są, zeby się postarał o rozgromięnie y zniesięnie tych zboycow. iz iuż w Białey zadnego niebespieczeństwa niemasz, niemogłby, sic stantibus rebus lepszey uczynić posługi, iako thę drogę oczyścić, dobrze, zeby y od W. K. M. wtym był napomniony, przez P. Starostę Wieliskie°. Tęn pierwszy list ruszywszysię od Carowa napisałęm był do W. K. M. spodziewaiącsię, ze skarbowy sługa, ktory tu ztowarami przyiezdzał, miałsię wrocić dla rachunkow tak długosię tu zabawił. Theraz W. KM. oznaymuię, ze 16 July, to iest wpiątek przeszły, stanąłem tu pod Mozayskim nadsłuchywaiąc, y patrząc na occasią, ktorabysię mogła podać W. K. M. do usłuzęnia, zastałem to u Jmpostor niechcąc też opuscić pogody, ktorasię podała za szczęsciem W. K. M. Medimą y Kosielsk (zktorych po bitwie Kłuszynskiey zbiegły presidia Szuiskie°, bo też niewielkie były) voluntaria deditione wziął: nastąpił ku Borowsku Monasteru Pachnucze°, wktorymsię był tam zamknoł Kniaz Michayło Wołkowski: Nassi co przy Jmpostorze są spieszywszysię natarli na Kobyliny, ktore było poczyniono subitario opere koło Monasteru, gdzie chłopstwo było zwłosci zgromadzone, ktore zaraz ięło uciekać w Monastir: Nassi też na szyiach ich wpadali, w Monastyr, nec sexui, nec atati parcitum. Tamze w Cerkwi Pachnucy zabity Knias Michayło Wołkowski. Czerncow iako słyszę 3 zostało. Sstałosię to 14 July, dwa dni przedtym nizlim ia pod Mozaisk przyszedł. Posłałem przez Synowca swego W. K. M. parę listow, ktorem miał od Pana Sapihy, posyłam y theraz Copie listow, y moich też ultro citrog pissanych, choczto zdasię ze pisze niewszytko pertinenter, iednak ia o nim, iako o człowieku takiego urodzenia przeciwnego nic rozumieć niemogę, musi się aure modować czasowi y ludziom ktorzy przy nim są: y wszytko to tam Rycerstwo ile wiedzieć mogę, są dobrego affectu do W. K. M. bywa ich tu siła ztamtego woyska, y theraz są humaniter ich tractuię, czyniąc im otuchę o łasce W. K. M. ze W. K. M. nieraczysz ich (oco im samo idzie) odrazać od zasług ich, skoroby wtym upewnięni byli, tak misię declarowali csi co sam bywaią, ze W. K. M. iako Panu swęmu wolą zyczyć y słuzyć, nizli szalbierzowy, y przymusili go do thego, zeby Posły iako to zlistu od P. Sapihy pisanego W. K. M. raczysz wiedzieć, wyprawił do W. K. M. Poselstwa thego, iakomi iedęn powiadał, tenby miał być sens. Jesli to P. zdarzy, zeby W. K. M. usiadł na Stolicy Moskiewskiey, zebyś W. K. M. woysku tamtemu, ktore przy nim iest, zapłacił, a Jmpostorowi udział iaki, zktoregobysię mogł contentować, dał. Jesliby tez Jmpostorowi szczęscie posłuzyło, zeby stolicę opanował; ze chce y swemu y W. K. M. woysku zasłuzone zapłacić, a Smolensk, Biała, y Siewierska zięmia wszytka zebysię przy W. K. M. została. Potegi z Moskiewskich ludzi Jmpostor zgoła mało co ma: wszytkich y z Dońcami niema więcey do 3000 wszytka iego siła na naszy zawisła, kilka dni wpiąciu mil od siebie stoiąc, opąchalismysię ssobą, bywaią często y nassi u nich, y oni u nass, własnie iako iedno woysko. theraz gdziesię obrocili, zlistu W. K. M. P. Sapiehinego raczysz wyrozumieć. Z Moskwy znaipierwszą wiadomoscią podkalimię w drodze ieszcze na drugim noclegu przed Mozayskiem nieiaki Ko-

piiowski Szlachcic Zwojewodztwa Bracławskiego y Ułanicki ktory zwięzięnia uciekł. Czi dali mi thę sprawę: ze wielkie zamieszanie w Moskwisię sstało, po wzięciu wiadomossi o Kłuszynskiey potrzebie. Szuiskisię nieśmiał ukazać, zokna tylko chciał ludzi pacificować, Mir, pospolstwo, wołali nań, ześ nam nie Hospodar. Dimitr Szuiski spiatku na Sobotę kryiomo wnocy do Moskwy przyiachał na lichey szkapie, był wniemałęm niebespieczęnstwie, wpogoni konia zbył, lasęm a błotęm pieszosię topił, obowia zbył wbłocie, skoro do Mozayska przyzedł, w Monasteru Panny Naświetszey, ktory iest pod Mozayskiem 3 swierć godzinysię zabawiwszy, dostawszy obowia, zarazem do Moskwy przyiachał, Mozayskowi zdaćsię rozkazał. To tez powiedział Kopiiowski, ze tych ludzi, ktorzy wbitwie byli, oprocz kilku strzelcow Smolan, nic a nic do Moskwy nieprzyszło, rozbieglissię, kazdy do zamkow swoich. Więc y o wielkiey zyczliwosci pospolstwa, kupcow przecim Krolewicowi JE° M. spiegowie ktorzy tam byli posłani też twierdzą. Co też ieden znaszyh, posyłam iego własny list do W. K. M. A zebym dlugim pisaniem W. K. M. Pana me° M° niebawił; posyłam de W. K. Mci. czterech Boiar Smolan, ktorzy wczora rano od stolice wybiegli, a wczora o zmierzkaniu tu do mnie wpadli, od ktorych W. K. M. sprawicsię raczysz dostateczie o wszytkim cosię na Moskwi dzieie. Więc y themu ossobliwie gwoli posyłam ich, azali y tym co przynieśli Seyna, y thego tam Archiepiscopa Smoleńskiego bendą mogli przełomic. Woysko W. K. M. iż głodne iest, azwłaszca cudzoziemcy, przyszłomi pozwolić im dosiąc sobie żywnosci, zprzyległey włości: zaczymsię picownicy wrocą, bendesię osłuchywał, cosię na Moskwi bendzie działo. Posłali P. P. Boiarowie listy y do samego Szuiskiego y do Boiar, y do Miru, podpisalisię na nich, Pan

Iwan Sołtykow, ztymi ktorzy dawno przy nim są, podpisałsię Hrehory Wołuiow, y inssi ktorzy znimi byli wostroszku. Tuszę, ze P. Sołtykow posle Copie thego oycu swęmu. Wedle thego, iako czas y occasiasię poda, niezaniecham W. K. M. słuzyć. Theras ia, kiedyby było zdanie moie, stoiąc przytym com przez Synowca swego, y przez P. Borkowskie° do W. K. M. wskazał poniewasz P. Bog szeroko zmiłosierdzia swego raczy otwierać wrota W. K. M., zyczę y radzę, zeby W. K. M., zawiodszysię tak daleko, raczył poprzeć tey sprawy, mnimam ze upor tych oblęzonych Smolan, kiedy obaczą, ze zadney nadzieie niemasz, stanie. Zatym W. K. M. zwoyskiem tem, ktore przy sobie masz, raczysz nastąpić. Rozumięm iednak za rzecz barzo potrzebną, iż iako mnimam przyidzie tu do Tractatow y do umowy, zebyś W. K. M. raczył posłać JE° M. P. Canclerza z Informatią swą. Ia iako zadney nimam dotąd in isto czasu od W. K. M. Informatiey: tak chocbym y miał, sam tak wielkich rzeczy na swą głowę braćbym nie chciał, JE° M. P. Canclerza dla thego ossobliwie mianuię: ze znaiomy y Szuiskie°, y wszytkim przednieyszem Boiarom, na biegłość wtych sprawach, y dary takie, iakie P. Bog. przy JE° M. mieć chciał. P. Sołtykow stary, Kniaz Masalski, P. Stramoan y ynszych ktorych W. K. M. bedziec rozumieć raczył. Co wszytko poddaię pod madrę W. K. M. uwazęnie. To tez W. K. M. oznaymuię: ze Pohoreła, Ossypow, Wołok. Dymitrow, Rzow, Zubcow, poddałysię nałaskę W. K. M. Pan Rucki, ktoregom ta posłał pilnie koło thego tam pracuie, y wiernie słuzy W. K. M. iedno tak wiele zamkow osadzać trudno, iako są słowa Ewangeliey S. Messis multa operary autem pauci przychodzi prosić Dominum messis ut mittat operarios in uineam suam. Dał mi też znać P. Rucki za y Ssczebieru dali znać, widaiąc się. Wobozie pod Mozayskiem 20 July A. D. 1610.

№ 32.

Письмо гетмана (Жолкевскаго) къ Мстиславскому, въ коемъ онъ ходатайствуетъ о Шуйскихъ.

Этотъ актъ отысканъ мною въ Варшавѣ, въ польскомъ современномъ переводѣ; на немъ вверху было написано: Kopia listu Jego mosci Pana Hetmana za Suiskimi do Mstisławskiego. Я полагаю, что подлинное посланіе Жолкевскаго было написано на русскомъ языкѣ, и вѣроятно 1610 года 22 іюля с. ст., или вскорѣ послѣ этого дня. Этотъ актъ былъ напечатанъ мною въ моемъ Сборникѣ подъ № 108. См. въ концѣ Сборника примѣчаніе къ этому акту.

(Переводъ съ польскаго).

Ясневельможному боярину князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому съ товарищи, боярамъ, окольничимъ, дворянамъ, дьякамъ и всѣмъ думнымъ людямъ и всѣхъ чиновъ людямъ великаго Московскаго государства, находящимся теперь въ Москвѣ, братіи и пріятелямъ моимъ, Станиславъ Жолкевскій и пр. Я васъ какъ братьевъ и пріятелей поздравляю. Сего іюля 22 д. (1610), по старому календарю пріѣхали ко мнѣ изъ Москвы боярскіе дѣти: Иванъ Дивовъ, Смирный и Григорій Свиньинъ и Михаилъ Кочковъ, и говорили, что князь Василій Шуйскій, сложивъ съ себя правленіе, постригся въ Чудовѣ монастырѣ, а братья его, князь Димитрій и князь Иванъ Ивановичъ Шуйскіе, находятся въ Москвѣ подъ крѣпкою стражею: мы отъ сего въ досадѣ и кручинѣ великой, и опасаемся, чтобы съ ними не случилось чего худаго. Сами вы вѣдаете и намъ всѣмъ въ коронѣ Польской и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ вѣдомо, что князья Шуйскіе въ семъ Россійскомъ господарьствѣ издавна бояре большіе, и природнымъ своимъ господарямъ вѣрою и правдою служили и головъ своихъ за нихъ не щадили. Князь Петръ Ивановичъ Шуйскій во Псковѣ по части военной съ большимъ разумомъ дѣйствовалъ и всею душею господарю своему служилъ и радѣлъ. И князь Михаилъ Васильевичъ Шуйскій (Скопинъ) за сіе господарство сильно стоялъ. А всѣ великія господарства стоятъ своими великими боярами и ратными военными людьми, которые господарямъ своимъ служатъ вѣрою и правдою. Поелику же наияснѣйшій господарь его милость и великій князь, панъ нашъ милостивый, не желаетъ всѣмъ вамъ боярамъ и всѣхъ сословій людямъ никакого зла; напротивъ отъ всего сердца желаетъ вамъ и всему славному великому Россійскому господарству всевозможнаго добра, прочнаго мира и спокойствія и прекращенія пролитія крови христіанской: то вы бояре со всѣми думными и всѣхъ сословій людьми должны имѣть крѣпкую надежду на милость Божію и на его королевскія милости и сына короля его милости, наияснѣйшаго Владислава Сигмунтовича королевича милосердіе и на доброе, христіанское расположеніе его къ вамъ и всѣмъ людямъ Россійскаго господарства; а между собою должны жить въ мирѣ (cieszno) и тишинѣ, не причиняя никому и другимъ не позволяя причинять никакого безпокойства, печали, разоренія и утѣсненія. Довольно и такъ уже пролито въ семъ господарствѣ невинной крови христіанской: время уже ей уняться и вамъ всѣмъ стараться о томъ, чтобы она болѣе не проливалась. Находящихся въ рукахъ вашихъ князей Шуйскихъ, братьевъ

вашихъ, какъ людей достойныхъ, вы должны охранять, не дѣлая никакого покушенія на ихъ жизнь и здоровье и не допуская причинять имъ никакого насильства, разоренія и притѣсненія: ибо и ихъ, наияснѣйшій государь король его милость съ сыномъ своимъ королевичемъ его милостію, равно какъ и всѣхъ васъ великихъ бояръ, когда вы будете служить господарямъ вѣрою и правдою, готовъ содержать во всякой чести и довѣріи и жаловать всѣмъ господарскимъ жалованьемъ. Сихъ же дѣтей боярскихъ, которыхъ къ вамъ о добрыхъ дѣлахъ съ сею грамотой посылаю, отпустите ко мнѣ, не задерживая; равно какъ и я вашихъ посланцевъ, которыхъ станете посылать, буду отправлять къ вамъ безъ всякаго задержанія. Писано въ стáнѣ (22 іюля 1610).

№ 33.

Письмо втораго Лжедимитрія къ Яну Петру Сапѣгѣ. (къ стр. 73).

Оригинальное письмо (съ печатью и подписью) отыскано сочинителемъ Жизнеописаній Сапѣговъ, Когневецкимъ, между рукописями, хранившимися въ архивѣ Рожанскомъ, (мѣстечко въ Гродненской губерніи).

(Подлинникъ на польскомъ языкѣ).

Великими и важными обстоятельствами, особенно во время таковыхъ возмущеній въ областяхъ нашихъ, мы приведены были выдерживать различныя не только набѣги и опустошенія областей нашихъ отъ пограничныхъ государей, но и должны были сносить необузданную собственныхъ подданныхъ нашихъ измѣну, столь заразительную, что, безъ помощи и пособія обоихъ городовъ, трудно было бы оную уничтожить. Находясь въ такомъ положеніи и зная, что границы областей Короны Польской почти соединены съ государствомъ Московскимъ, нашею отчизною и наслѣдственнымъ государствомъ нашимъ, мы обратились касательно помощи къ знаменитой Коронѣ Польской, представляя, чтобы она въ такія бурныя времена воздержалась отъ непріятельскихъ нападеній на государство, наказанное отъ Бога внутренними раздорами, но чтобы лучше по любви христіанской и сосѣдственной, къ дальнѣйшему укрощенію своевольства (дабы впослѣдствіи свѣтъ не имѣлъ таковаго примѣра), подали бы помощь отъ столь могущественнаго королевства Польскаго; оба сіи пункта нами получены: и они отъ насильственнаго завладѣнія областей нашихъ удержались. И такъ, принявъ во уваженіе надлежащимъ образомъ таковое доброжелательство знаменитаго народа непобѣдимаго королевства Польскаго относительно насъ и областей нашихъ, мы предприняли и постановили свято, — утвердясь на престолѣ нашемъ, искать съ королевствомъ Польскимъ прочной дружбы и заключить ее постояннымъ образомъ. Что же касается теперешняго доброжелательства его, которое оказало намъ въ этомъ несчастіи, не щадя для насъ ни крови своей, ниже имуществъ, обѣщаемъ, и какъ несомнѣнный долгъ на себя словомъ нашимъ царскимъ принимаемъ: королю Польскому, тотчасъ же по восшествіи на престолъ, дать триста тысячъ золотыхъ, а въ

казну Рѣчи Посполитой въ продолженіи десяти лѣтъ, будемъ обязаны давать ежегодно по триста тысячъ злотыхъ. Сверхъ того, королевичу также ежегодно въ теченіе сего времени по сту тысячъ злотыхъ. Всю землю Ливонскую своимъ коштомъ обратно завоевать Коронѣ Польской обѣщаемъ. Также касательно королевства Шведскаго собственнымъ коштомъ нашимъ помочь королю Польскому обѣщаемъ, и пока будетъ продолжаться эта экспедиція, 15,000 войска способнаго къ бою изъ народа здѣшняго ставить будемъ обязаны; обѣщая притомъ противъ каждаго изъ непріятелей Короны Польской помогать равнымъ образомъ своими людьми, въ чемъ и они намъ противъ непріятелей помогать долженствуютъ. А такъ какъ между нами и королевствомъ Польскимъ есть недоразумѣніе касательно земли Сѣверской, то мы не прочь отъ того (когда дастъ Богъ благополучно возсядемъ на престолъ предковъ нашихъ), чтобы вести о семъ посредствомъ великихъ пословъ нашихъ переговоры; и ежели окажется, что дѣйствительно будетъ что либо кому слѣдовать, то (желая сохранить любовь и согласіе) отъ должнаго отступать не будемъ; но лучше будемъ желать, чтобы каждый остался при своемъ. И на предбудущее время во всѣхъ выгодахъ Короны Польской и народа сего вспомоществовать обѣщаемъ, и все то, что добровольно на себя мы приняли, постоянно сдержать обѣщаемъ; равно какъ удовлетворить всѣхъ обѣщаемъ и присягаемъ вѣрою, совѣстію нашею, и словомъ нашимъ царскимъ; также желаемъ утвердить это, возсѣвъ на престолъ, съ согласіемъ и подписью думныхъ бояръ нашихъ. Къ чему нынѣ для большей достовѣрности собственною рукою подписались. Писано въ станѣ подъ столичнымъ городомъ Москвою, іюля 28-го дня (нов. стил.) 1610.

№ 34.

Письмо Жолкевскаго къ канцлеру в. к. Литовскаго Льву Сапѣгѣ.

См. примѣчаніе къ № 19.

Ясневельможный Милостивый Государь, господинъ канцлеръ.

Между другими послами ѣдетъ и господинъ Захарій Ляпуновъ къ е. к. в. Человѣкъ этотъ знатнаго происхожденія, а братъ его Прокопій Ляпуновъ большая особа, который въ Рязани. Я его поручаю е. к. в., прошу васъ, чтобы вы употребили свои старанія передъ его королевскимъ величествомъ, дабы они были приняты е. к. в. ласково, и вы извольте быть къ нимъ ласковы.

Изъ стана подъ Москвою 23 сентября 1610 г.

Милостиваго моего государя покорный пріятель и слуга

Станиславъ Жолкевскій, воевода Кіевскій и гетманъ польный.

Zołkiewski przez Lwa Sapiehę zaleca Krolowi Posła Moskiewskiego Lepunowa.

Jasnie Wielmozny Msziwy Panie Canclerzu.

Między inszemi Posły iedzie y Pan Zachary Leponow do J. K. M. Człowiek iest zacnego urodzenia, y brat iego człowiek wielki Prokopi Leponow, ktory iest na Rezany. Zalecam ich J. K. M., prosze y wm Mczego Pana, abyś

się wm do J. K. M. przyczynie raczył iszby byli wdziecznie od J. K. M. przyięci, a sam tecz wm moy Mcziwy Pan na nich racz bydz łaskaw; s tym słuzby oddaie Mciwey lasce wm Mego Mcego (milosciwego) Pana. Z obozu pod Moskwą 23 Septembris 1610.

Wng° me° mciwe° Pana powolny pył (przychilny) y sługa Stan. Zolkiewski Woie. K. Het. Polny.

Adres.

Iasnie Wielmoznemu a moiemu wielcze Mcziwemu Panu JE° Mczi Panu Canclerzowi Wiel. Xstwa Litt.

№ 35.

Свѣдѣніе о взятіи царя Василія Ивановича Шуйскаго и братьевъ его, князей Дмитрія и Ивана (къ стр. 80).

См. примѣчаніе къ № 35.

Лѣтопись о мятежахъ: «Гетманъ... взялъ съ собою многу казну, и царя Василья и братію князь Дмитрія Ивановича и со княгинею, и князь Ивана Ивановича Шуйскихъ взялъ же съ собою, и зашедъ въ Іосифовъ монастырь, и царя Василья взяша съ собою и пріидоша подъ Смоленскъ». Далѣе продолжаетъ лѣтописецъ: «Гетманъ же пріиде съ царемъ Васильемъ къ королю подъ Смоленскъ, и поставиша его передъ королемъ и являху ему свою службу. Царь же Василій ста и не поклонися королю. Онъ же крѣпко мужественнымъ своимъ разумомъ напослѣдокъ живота своего даде честь Московскому государству, и рече имъ всѣмъ: не подобаетъ Московскому государю поклонятися королю, что судьбами есть праведными Божіими приведенъ въ плѣнъ, не вашими руками, но отъ Московскихъ измѣнниковъ, отъ своихъ рабовъ отданъ бысть. Король же и вся рада паны удивишася его отвѣту. Стр. 198.» Иностранные писатели также упоминаютъ о твердости духа Шуйскаго въ несчастіи; приведемъ здѣсь слова современника Бера: «Разсказываютъ за достовѣрное, что на Варшавскомъ Сеймѣ, бывшемъ около Мартинова дня 1611 года, присутствовалъ посланникъ Турецкаго султана. Пируя за пышнымъ королевскимъ столомъ, онъ желалъ видѣть прежняго царя Московскаго: его желаніе было исполнено. Шуйскаго привели въ царской одеждѣ, и посадили за столъ противъ посланника. Сей послѣдній долго смотрѣлъ на него, не говоря ни слова; потомъ началъ превозносить счастіе короля Польскаго, который за нѣсколько передъ тѣмъ лѣтъ имѣлъ въ рукахъ своихъ Максимиліана, и теперь держитъ въ плѣну великомощнаго царя Русскаго. Не дивись, отвѣчалъ Шуйскій, оскорбленный словами посланника, не дивись моей участи! Я былъ сильный государь, а теперь плѣнникъ; но знай: когда король Польскій овладѣетъ Россіею — и твоему государю не миновать моей участи! Есть у насъ пословица: *сегодня моя очередь, а завтра твоя*». (Моск. лѣт. стр. 191).

Беръ родился въ Нейштатѣ, пріѣхалъ въ Россію въ 1600 году, и былъ избранъ въ пасторы Московскими лютеранами; по восшествіи Шуйскаго на престолъ, онъ убрался изъ Москвы, гдѣ злоба народная преслѣдовала вообще всѣхъ иноземцевъ. Въ семъ случаѣ показаніе Бера въ пользу Шуйскаго не можетъ быть подозрительнымъ; къ тому извѣстно, что онъ въ написанной имъ *Московской Лѣтописи*, пристрастенъ къ нѣмцамъ и полякамъ и выше всякой мѣры строгъ къ Русскимъ. Стр. 136.

№ 36.

О Чарандѣ и пр. (къ стр. 85).

Приводимъ слова Карамзина о Чарандѣ и пр. «Упоминаетъ (Нѣмцевичъ) и о другихъ мѣстахъ подъ непонятными названіями; Czeranda (Чердынь), Rožanka Szyszyskie Zamki (?)» (См. Ист. Рос. Госуд. XII, стр. 190, примѣч. 608).

Чаранда или правильнѣе Чаронда, бывшій городъ прежней Новгородской губ. Бѣлозерской провинціи, а нынѣ слобода, принадлежащая къ дворцовымъ волостямъ Новгородской губерніи въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ. Лежитъ на западномъ берегу озера Воже (Слов. Геогр. Росс. госуд. А. Щекатова. Москва 1808).

№ 37.

Объ удаленіи изъ Москвы Ивана Салтыкова (къ стр. 93).

Русскія лѣтописи отправленію изъ Москвы Ивана Салтыкова даютъ другую причину: «Михайло же Салтыковъ нача умышляти съ Литовскими людьми, како бы ратныхъ людей разослати съ Москвы вслѣдъ умысля съ ними, внуши то, что Луки де Великія взяли, а идутъ подъ Новгородъ. И посла Михайло Салтыковъ сына Ивана, да съ нимъ князь Григорья Волконскаго и съ ними ратныхъ людей и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и атамановъ съ станицами, и стрѣльцовъ Московскихъ многихъ: сія бысть первая разсылка ратнымъ людямъ съ Москвы въ Новгородъ» (Лѣтопись о мятежахъ стр. 195).

По отъѣздѣ гетмана изъ Москвы, Гонсѣвскій слѣдовалъ той же политикѣ; онъ всячески старался ослабить военныя силы Русскихъ: «По совѣту доброжелательныхъ намъ бояръ, панъ Гонсѣвскій разослалъ по городамъ 18.000 стрѣльцовъ (которые постоянно живутъ въ Москвѣ при особѣ царской, получая кормъ изъ кладовыхъ), подъ предлогомъ охраненія сихъ мѣстъ отъ Понтуса, въ самомъ же дѣлѣ для нашей собственной безопасности: симъ способомъ мы ослабили силы непріятеля. (Дневникъ Маскевича стр. 54).

№ 38.

О убіеніи втораго Лжедимитрія (къ стр. 113).

По словамъ Бера, убившіе самозванца Татары не возвращались въ Калугу, «но пустились по Пельнской дорогѣ во свояси», что довольно вѣроятно, тѣмъ болѣе, что безъ сомнѣнія они опасались мщенія партіи самозванцевой; по показанію Бера, немногіе изъ Татаръ, оставшіеся въ Калугѣ (и слѣдовательно не участвовавшіе въ убійствѣ самозванца) были всѣ перебиты. (Беръ, стр. 190).

Смерть самозванца была въ то время важнымъ политическимъ событіемъ: Сигизмундъ III въ переговорахъ съ Русскими во всемъ, что клонилось до пользы Россіи, отговаривался само-

званцемъ: ему нуженъ Смоленскъ, — дабы занявъ оный, онъ могъ идти на самозванца; онъ не можетъ отпустить сына на царство, ибо сначала долженъ оное успокоить, т. е. уничтожить самозванца, успокоить же оное беретъ на себя. Въ подтвержденіе приводимъ слѣдующее извѣстіе, почерпнутое изъ Голикова. (Дополн. къ Дѣян. Петра Вел. т. II стр. 125): «Поляки, посовѣтовавъ межъ собою въ другомъ покоѣ, сказали посламъ: что хотя король и дозволяетъ вамъ послать въ Москву гонца при своемъ человѣкѣ, но съ тѣмъ, чтобы вы писали тако: 1) что е. в., по прошенію всѣхъ Московскаго государства бояръ и народа, даетъ на царство сына своего королевича, но отпуститъ его съ сейму на успокоенное уже государство, а успокоить оное король беретъ на себя; и какъ въ Смоленскѣ будутъ его королевскіе военные люди, тогда съ общаго согласія постановится о его государскомъ походѣ, на вора ли ему идти, или въ свое государство; 2) что е. в. однако же не намѣренъ дожидаться изъ Москвы указу: не Москва государю нашему (т. е. Сигизмунду) указъ, государь нашъ Москвѣ указъ» и проч. (Спрашивается: гдѣ же тутъ общее согласіе, о коемъ въ первомъ пунктѣ упоминается?)

27-го декабря стар. ст. на одиннадцатой конференціи, объявили посламъ, что воръ убитъ въ Калугѣ *). Московскіе послы, поблагодаривъ за хорошую вѣсть, не преминули замѣтить, что походъ его величества на вора теперь уже не нуженъ (см. тамъ же, стр. 162).

№ 39.

Рѣшительный отказъ Жолкевскаго принять предложенное ему начальство надъ Польскими войсками, находящимися въ Москвѣ. (къ стр. 119).

Гетманъ не только отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія отправиться опять въ Москву, но даже не хотѣлъ принять участія и въ осадѣ Смоленской; что доказывается слѣдующимъ свѣдѣніемъ, почерпнутымъ изъ дневника великаго канцлера Литовскаго Льва Сапѣги, и помѣщеннымъ у Когновицкаго въ жизни Яна Петра Сапѣги (стр. 267).

«Король хотя изъявилъ гетману великое по сему поводу удовольствіе свое, однако, такъ какъ для собственнаго его торжества не доставало еще взятія Смоленска, то напрягалъ всѣ свои мысли, чтобы какимъ либо способомъ со славою могъ окончить столь продолжительную и досадную осаду его, со взятіемъ котораго онъ сопрягалъ всю свою честь королевскую. Левъ Сапѣга, канцлеръ Вел. Княжества Литовскаго, какъ доброжелательный ему министръ и повѣренный почти всѣхъ таинъ его сердца, слишкомъ хорошо зная таковое расположеніе короля своего, рѣшился испытать въ подобномъ случаѣ вторичнаго счастья. Не задолго укротилъ онъ враждебныя отношенія между Яковомъ Потоцкимъ, только что назначеннымъ отъ короля великимъ коронимъ гетманомъ (послѣ смерти брата своего Яна), и между Христофоромъ Дорогостайскимъ, который вмѣнилъ это себѣ за несправедливость, полагая, что по небытно-

*) Въ Смоленскѣ получено извѣстіе объ убіеніи самозванца 25-го декабря стар. ст.

сти гетмановъ, начальство надъ войскомъ принадлежало ему; и такъ Левъ Сапѣга рѣшился еще разъ попытать подобнаго счастья, а именно въ томъ, чтобы, не взирая на отвращеніе и неудовольствіе, которыя Жолкевскій питалъ къ Потоцкимъ (по той причинѣ, что они бо́льшую имѣли, нежели онъ, у короля довѣренность), склонить его къ тому, чтобы по введеніи исправнѣйшей дисциплины между предавшагося своеволію рыцарства, и по заведеніи въ ономъ прежняго воинскаго порядка, самъ гетманъ Жолкевскій занялся бы какъ можно пристальнѣе осадою Смоленска. Такимъ образомъ въ присутствіи извѣстнаго рыцаря Карлинскаго, заслуженнаго въ войскахъ ветерана, Сапѣга представлялъ Жолкевскому сильнѣйшіе доводы, склоняя его къ тому, чтобы покореніе Смоленска онъ поставилъ себѣ за честь (point d'honneur). Кобѣржицкій пишетъ, что это онъ нашелъ въ дневникѣ Льва Сапѣги подъ числомъ 25-го апрѣля.

№ 40.

Письмо Сигизмунда къ Яну Петру Сапѣгѣ.

(Подлинникъ на польскомъ языкѣ).

См. примѣч. къ прилож. № 11.

Искренно и вѣрно намъ любезный! Получено нами извѣстіе, что Прокопій Ляпуновъ, собравъ людей въ землѣ Рязанской не мало, къ столицѣ идетъ, и согласясь тамъ съ тѣми, кои къ намъ не расположены, намѣревается уничтожить людей нашихъ тамъ же, въ столицѣ находящихся.

А какъ благосклонность ваша усматриваете, сколь для насъ и республики важно, чтобъ этотъ человѣкъ былъ удержанъ отъ исполненія своихъ замысловъ; а по сему пишемъ сію нашу грамоту къ благосклонности вашей, и весьма желаемъ, дабы вы доброхотство ваше, намъ и республикѣ не одинъ разъ ознаменованное, оказали и въ настоящемъ случаѣ.

Употребите, вѣрность ваша, тѣ войска, которыя въ ономъ государствѣ имѣете подъ предводительствомъ вашимъ и немедленно теперь же выступайте, съ ними вмѣстѣ, туда, куда указываетъ потребность; препятствуйте исполненію означенныхъ замысловъ сего человѣка (Прокопія Ляпунова), людей его истребляйте, наблюдая, чтобы не постигло насъ и республику (чего Боже упаси!) какое либо безславіе. Въ исполненіи всего этого полагая надежды на вѣрность вашу, не преминемъ подвиги и труды вѣрности вашей и упомянутаго рыцарства государскою нашею милостію вполнѣ наградить.

Желаемъ при семъ вѣрности вашей отъ Господа Бога добраго здоровья. Дана въ станѣ подъ Смоленскомъ, января 27 дня, (17 стар. ст.) лѣта Господня 1611, государствованія нашего въ королевствахъ нашихъ: Польскомъ XXV, Шведскомъ XXVII года.

Сигизмундъ король.

№ 41.

Письмо князей Юрія и Дмитрія Трубецкихъ къ Яну Петру Сапѣгѣ.

Мы почерпнули это письмо изъ слѣдующаго сборника, напечатаннаго въ Вильнѣ въ 1844 г. Zrzódła do dziejow Polskich, wydawane przez Mikołaia Malinowskiego i Alexandra Przezdzieckiego. Том. II,, стр. 345.

Въ упомянутомъ Сборникѣ это русское письмо напечатано латинскими буквами.

Листъ князевъ Юрія и Димитрія Трубецкихъ до Яна Петра Сапѣги, старосты Усвятскаго, зъ жадапіемъ захованія покою, до прибытія королевича Владислава.

Господину гетману Яну Петру Павловичу Сапѣгѣ, кастелановичу Кіевскому, старостѣ Усвятскому и Керепетскому, князь Юрій да князь Дмитрій Трубецкіе съ товарищи челомъ бьютъ:*) писалъ ты къ намъ з россыльщикомъ съ Васкою Зыбинымъ о совѣтѣ, чтобъ намъ съ тобою за одинъ стояти, за православную христіанскую вѣру и за святыя Божіи церкви, и намъ бы съ тобою ссылатца и совѣтъ съ тобою держать, что наша дума; а ты отъ насъ не протчи, зла намъ и лиха никотораго ни чинишь и впредь не хочешь чинити и посламъ; а мы съ вами не сошлемся, и мы съ вами послами не ссылались, потому что у насъ о томъ совѣтъ со всею землею по ся мѣста не бывалъ. А то, господине, ваша правда ли: посла́ны вы з Москвы, а городы всѣ, которые были въ Калугѣ, нынѣ съ Москвою и со всею землею Россійскаго государства содиначилися и крестъ цѣловали на томъ, что отъ Московскаго государства быти неотступнымъ и королевича Владислава Жигимонтовича на Московское государство царемъ и великимъ княземъ всѣ ради и крестъ ему цѣловали и нынѣ о томъ всею землею радѣемъ; только будетъ дастъ на Московское государство Жигимонтъ, король Польскій и великій князь Литовскій, сына своего королевича Владислава Жигимонтовича царемъ и великимъ княземъ, и мы ему всѣ холопи. И вы послѣ того крестнаго цѣлованія Отлескинъ *) высѣкли и сожгли и къ Крапивнѣ и къ Бѣлеву приступали и около Калуги и во всѣхъ городахъ, гдѣ вы воюете и крестьянъ сжете, и пытками пытаете, и въ Перемышлѣ и въ Лихвинѣ стопте не по договору. А нынѣ мы всею землею о томъ же стоимъ, чтобъ Жигимонтъ, король Польской и великій князь Литовскій, сына своего королевича Владислава Жигимонтовича на Московское государство царемъ и великимъ княземъ далъ, и самъ бы отъ Смоленска отшелъ и со всей бы земли Россійскаго государства Польскихъ и Литовскихъ людей вывелъ, а земли бъ пустошить и разорять не велѣлъ. А буде Жигимонтъ, король Польской и великій князь Литовскій, сына своего королевича Владислава Жигимонтовича на Московское государство государемъ царемъ и великимъ княземъ не дастъ, по своему обѣщанію, на чемъ обѣщалъ и на чемъ съ гетманомъ паномъ Жолкевскимъ былъ договоръ и крестное цѣлованіе, и король бы намъ вѣдомо учинилъ, а Польскимъ бы и Литовскимъ людемъ во всѣ земли Россійскаго государства не быти и разоренья ни чинити. А что, господи-

*) За симъ въ печатномъ изданіи читаемъ: Tworia die dieki.

*) Такъ и въ печатномъ изданіи: «Otleskin», — вѣроятно Олексинъ (Алексинъ).

не, пишешъ ты къ намъ, что вы стоите при своихъ заслугахъ, а королю и королевичу не служили и съ нами совѣтъ держати хотите; а какъ на Московское государство на царскомъ престолѣ будетъ государь, и намъ бы вашп заслуги въ тѣ поры платить, и въ томъ бы съ вами укрѣпится присягою или заклады; — и мы, господине, о томъ того числа писали на Тулу и Прокофью Ляпунову и во всѣ городы и къ понизовнымъ ратнымъ воеводамъ и ко всѣмъ ратнымъ людемъ и велѣли имъ на совѣтъ тотъ часъ присылать дворянъ, чтобъ намъ съ вами быти въ совѣтѣ и крови хрестьянской не лити и о добромъ дѣлѣ съ вами договориться и укрѣпиться; а нынѣ бы, господине, вамъ ко весемъ и къ городамъ приходить не велѣти и розоренья не чинити, покамѣста къ намъ на совѣтъ отъ Прокофья и отъ всей земли будутъ, и разоренья бъ вамъ нашей Россійскаго государства землѣ не чинить; а мы, господине, однолично съ вами соединенія и совѣту о добромъ дѣлѣ ради и отнюдь кровопитія не хотимъ и договоряся со всею землею о заслугахъ вашихъ съ вами договоръ учинити. Къ намъ бы вамъ велѣть подлинно отписати: при которыхъ вы заслугахъ своихъ стоите и сколько гдѣ заслугъ вашихъ за что стоитъ будетъ? Да ты жъ къ намъ писалъ, что де писали къ тебѣ з Москвы бояре князь Өедоръ Ивановичъ Мстиславской съ товарищи, что де Прокофей Ляпуновъ и иные многіе городы отъ Москвы отложилися, и вамъ бы итти на Прокофья и на насъ: — и то, господа, пишутъ къ вамъ: что отступники, забывъ Бога и души свои, и истинной христіянской вѣры отметники, радѣя кровопролитью и доброму дѣлу порухи; а Прокофей Ляпуновъ и иные никоторые городы отъ Москвы не отложилися; а по милости всемогущаго въ Троицѣ славимаго Бога милостію, вся земля Россійскаго государства нынѣ въ одномъ добромъ совѣтѣ, и отъ Московскаго государства всѣ не прочь, а стоимъ всѣ всею землею за истинную православную христіянскую вѣру Греческаго закона, и у Жигимонта короля Польскаго всею землею того просимъ, чтобъ по обѣщанью своему и по договору сына своего королевича Владислава Жигимонтовича далъ на Московское государство государемъ царемъ и великимъ княземъ, и Литву изъ земли вывелъ и самъ вышелъ, а кровопитья и разоренья унялъ; а будетъ не дастъ, и онъ бы вѣдомо учинилъ. За то, господине, стала вся земля, а отъ Московскаго государства никто не отставаетъ и дурна не заводитъ никто. А что, господине, прибѣжали къ вамъ отъ насъ изъ Калуги князь Дмитрій Мастрюковъ, да Игнашко Михновъ, да и Данило Микулинъ, и такимъ, господине, ворамъ дать вѣры ни въ чемъ ничего. Они, забывъ Бога и души свои, преступя крестное цѣлованіе, на чемъ они съ вами вмѣстѣ крестъ цѣловали, и такихъ воровъ не пряма будетъ и вамъ вѣра. А то, господа, вамъ самимъ вѣдомо, что въ Россійскомъ государствѣ во всемъ князя Дмитрія Мастрюкова никто не послушаетъ, коли онъ разбивалъ, живучи въ Зубцовскомъ уѣздѣ и въ Вяземскомъ уѣздѣ, и вашихъ Литовскихъ людей побивалъ, и тогда у него только было совѣтниковъ тотъ же воръ Данило Микулинъ и Игнашко Михновъ. Отъ худыхъ людей и отъ того добра нечего чаять; и вамъ бы, господа, такимъ ворамъ ни въ чомъ не вѣрить. А мы съ вами однолично совѣту ради всею землею; а какъ къ намъ пріѣдутъ ото всей земли на совѣтъ, и мы, господине, тотчасъ и тебѣ отпишемъ (1611 г.).

№ 42.

Письмо Жолкевскаго къ Льву Сапѣгѣ в. канцлеру Литовскому.

См. примѣчаніе къ приложенію № 19.

Въ Польскомъ спискѣ этаго письма знаковъ препинанія очень мало; между собственными именами ихъ вовсе нѣтъ. Въ числѣ упомянутыхъ въ письмѣ лицъ находятся: Луговскій Томило, думный дьякъ; Барятинскій кн. Яковъ; Василій, за нимъ слѣдуетъ Ивановъ. Относится ли послѣднее имя къ Василью, тогда бы можно предполагать, что Жолкевскій разумѣлъ кн. Василія Ивановича Шуйскаго, или же Ивановъ стоитъ отдѣльно, тогда можно предполагать, что тутъ идетъ рѣчь объ Ивановѣ (Семенѣ), бывшемъ въ числѣ «жильцовъ» въ составѣ Посольства, отправленнаго изъ Москвы подъ Смоленскъ къ Сигизмунду III. См. Голикова Дополн. къ Дѣяніямъ Петра Велик. Т. II, стр. 20. Грамотинъ Иванъ Тарасьевичъ, думный дьякъ. Далѣе въ письмѣ упомянутъ князь Каширскій, безъ сомнѣнія кн. Григорій Петровичъ Ромодановскій, бывшій въ 1610 году воеводою въ Каширѣ.

(Подлинникъ на польскомъ языкѣ).

Милостивый государь,
Господинъ канцлеръ!

Два письма на этихъ дняхъ я получилъ отъ васъ. Мнѣніе ваше о способѣ примиренія нашего съ Московскимъ народомъ мнѣ очень нравится. Вы дѣлаете это при посредничествѣ Кесаря; я боюсь, это отвлечется надолго, и попросту говоря, сомнѣваюсь, чтобы шло искренно, ибо всегда ужъ Австрійскій домъ обдѣлывалъ свои дѣла, и не такія между нашимъ отечествомъ и домомъ этимъ узы дружбы, чтобы въ вещахъ такой важности (tanti momenti) полагаться на ихъ искренность. Чтобы только вмѣсто помощи они болѣе не напортили. Я считаль бы лучше, чтобы тѣхъ людей Московскаго народа, которые здѣсь у насъ находятся, т. е. Филарета, Голицина, Луговскаго, Баратынскаго, Василія Иванова, Грамотина, свести вмѣстѣ, дабы они сообща (in communi) дали совѣтъ и изъ своей среды послали. Вѣроятнымъ есть, что желая и примиренія свего отечества и затѣмъ самимъ себѣ свободы, они искренно и съ доброю волею захотятъ подать соотвѣтственные совѣты и убѣжденіями (которыя, однако, не могутъ имѣть большой важности) стараться у своего народа, чтобы мы, наконецъ, когда нибудь могли примириться. Что касается князя Кошерскаго, я знаю, что за годъ (а изъ его письма знаю) не былъ того намѣренія, чтобы быть монахомъ; хотя судьба привела и подвергла его надѣть клобукъ (do tej kapicze).

Господь Богъ видитъ все и безъ сомнѣнія покажетъ неминуемую свою справедливость. Я давно уже освободился изъ-подъ этой опеки, и никогда не прибѣгалъ къ ней, и теперь не хочу въ это вдаваться. Прошу, пусть это будетъ съ вашего позволенія, я имѣю для этого свои причины. Относительно дѣла съ солдатами, какъ они здѣсь идутъ, вы изволили узнать изъ того, что нами, коммиссарами, сообща пишется е. в. королю, а слѣдовательно и о другихъ въ краѣ дѣлахъ, о которыхъ дается узнать е. к. величеству. Потому, не обременяя длиннымъ письмомъ, поручаю свои услуги вашей милости, моего милостиваго государя. Во Львовѣ, дня 30 іюля, 1613 года.

Милостиваго моего государя покорный пріятель и слуга

Станиславъ Жолкевскій, воевода Кіевскій.

№ 43.

Письмо Карла Ходкевича Сигизмунду III.

Которое изъ моего собранія бумагъ я подарилъ бывшему подстольнику, ясневельможному Салтыкову (Sołtikowi).

Примѣчаніе. О Салтыковыхъ и князьяхъ Трубецкихъ см. Сборникъ Муханова изд. 2-е, № 342 и примѣчаніе къ этому №.

(Подлинникъ на польскомъ языкѣ).

Посылаю къ вашей королевской милости Солтыка (Салтыкова), который дошелъ до крайней нужды. Онъ по той причинѣ выѣхалъ изъ Смоленска, что Шуйскому не заблагоразсудилось имѣть въ крѣпости такъ много Москвитянъ; у него довольно было времени перемѣниться, еслибы не былъ поддерживаемъ своею добродѣтелью и постоянною вѣрностью, но я не замѣтилъ за нимъ никакой измѣны; онъ терялъ все и, оставивъ сыновей своихъ въ Смоленскѣ, отдался на поручительство, прося только пропитанія и уголка, въ которомъ бы окончилъ бѣдственную жизнь свою. Ежели онъ не стоитъ никакой награды, по крайней мѣрѣ справедливость требуетъ, чтобы не умиралъ съ голоду, не только изъ сожалѣнія, сколько для того, что склонился подъ покровительство (skrzydło) вакоролевской милости. Не меньшее бѣдствіе угнетаетъ стараго Солтыка (Салтыкова) съ Трубецкимъ, по причинѣ безпрестаннаго разграбленія ихъ владѣній различными людьми. Охраняю ихъ сколько могу; но кто можетъ уберечься отъ столь многихъ въ нынѣшнее время по деревнямъ временныхъ набѣговъ? Требуютъ, чтобы они дали податей по восьми злотыхъ отъ уволоки (z włoky) *), что для нихъ невозможно, по причинѣ крайняго почти разоренія крестьянъ. Я оставилъ это до дальнѣйшаго приказанія вашей королевской милости, нижайше прося, чтобы ваша королевская милость милостиво изволили приказать и въ этомъ облегчить ихъ. За симъ цѣлую руку вашей королевской милости, пана моего милостивѣйшаго, искренно желаю наслаждаться добрымъ здравіемъ при умноженіи всякихъ радостей и удовольствій на долгосчастливые годы. Изъ Быхова, 25 ноября 1613 года.

Вашей королевской милости, пана моего милостивѣйшаго вѣрноподданный и нижайшій слуга. К. Ходкѣвичъ.

Надпись на письмѣ:

Sacrae ac sacrae Regiae Mejestati Domino Domino meo multum clementissimo.

*) Полоса земли, заключающая въ себѣ 19 десятинъ. Межев. Инструкц. 1754. Гл. XXXIII.

№ 44.

Отрывки изъ рукописи ксендза Яна Велевицкаго, касающіеся Самозванцевъ и вообще сношеній Россіи съ Польшею между 1603 и 1635 г.

Почерпнуты изъ слѣдующей, написанной на Латинскомъ языкѣ, рукописи: Historici Diarii domus professae Cracowiens Soc. Jesu ab a. 1579 ad 1637 inclusive. Копія Латинскаго текста этихъ отрывковъ давно уже находилась у меня; тогда же сдѣланъ былъ съ нихъ Русскій переводъ. Оцѣняя вполнѣ ихъ историческую важность, я удержался однакожъ отъ напечатанія ихъ въ моемъ Сборникѣ, предоставляя тому или тѣмъ, въ чьихъ рукахъ находился подлинникъ, подѣлиться съ публикою этою наход-

кою; но ожиданія мои не осуществились: прошло двадцать лѣтъ, и все-таки рукопись остается необнародованною. Не желая долѣе лишать занимающихся Русскою Исторіею знакомства съ Дневникомъ Іезуита, я приступилъ къ изданію въ Русскомъ переводѣ упомянутыхъ отрывковъ; —такимъ образомъ, часть этой любопытной рукописи является въ печати. Видно такъ мнѣ суждено:—въ началѣ тридцатыхъ годовъ, отысканная мною рукопись Жолкевскаго о Московской войнѣ, пролежавшая двѣсти лѣтъ подъ спудомъ, которую никто изъ Польскихъ ученыхъ не вздумалъ напечатать, (см. въ предисловіи стр. II), издана мною; такъ и теперь рукопись ксендза Яна Велевицкаго, тоже таившаяся болѣе двухъ сотъ лѣтъ, печатается мною же, не во всемъ ея объемѣ, а только въ отрывкахъ; не печатаю и оригинальнаго Латинскаго текста.

Весьма желательно, чтобы этотъ важный историческій памятникъ былъ наконецъ обнародованъ, и сдѣлался бы такимъ образомъ достояніемъ публики. Это желательно тѣмъ болѣе, что печатаемые мною отрывки представляютъ интересъ собственно только для Русскихъ читателей.

Не снабжаю ихъ ни коментаріями ни примѣчаніями, —я считалъ и тѣ и другія излишними; читатель пусть оцѣнитъ достоинства и недостатки этого Дневника, не упуская впрочемъ изъ вида, что онъ написанъ членомъ ордена Іезуитовъ.

Pag. означаетъ страницу подлинной рукописи; а. годъ.

(Подлинникъ на латинскомъ языкѣ).

Pag. 224. a. 1603. Въ этомъ году явился въ предѣлахъ царства Польскаго нѣкій юноша Московскій изъ ордена монаховъ Св. Василія, прибывшій изъ Москвы въ Кіевъ съ цѣлію религіозною, чтобы посѣтить въ этомъ городѣ гробницы и святыя мѣста, которыя у Русскихъ пользуются большимъ уваженіемъ. Этотъ юноша, сложивъ съ себя монашескую рясу, и рѣшившись не возвращаться въ отечество, остался въ Кіевѣ и началъ искать расположенія вельможъ и магнатовъ. Хотя сначала всѣ приняли его холодно, какъ человѣка иноземнаго и неизвѣстнаго, однако онъ не упалъ духомъ, и надѣясь на свою врожденную изворотливость и пріятность въ обхожденіи, продолжалъ искать расположенія различныхъ лицъ, и достигъ того, что наконецъ, даже нѣкоторые вельможи начали ему благопріятствовать. Увидѣвъ, что ихъ значеніе и стараніе могутъ споспѣшествовать предположенной имъ цѣли, онъ началъ дѣйствовать самонадѣяннѣе и открытѣе, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе обнаруживаться, и утверждать, что онъ происходитъ изъ рода великихъ князей Московскихъ, называя себя Димитріемъ, истиннымъ и законнымъ сыномъ Ивана Васильевича. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ приводилъ разныя и убѣдительныя доказательства, и многихъ увѣрилъ совершенно, между тѣмъ какъ и между народомъ слухъ этотъ вездѣ былъ распространяемъ на языкѣ для него понятномъ. Нашелся также патронъ, который взялъ Димитрія подъ свое покровительство и рѣшился поддерживать его притязанія. Это былъ великій воевода Адамъ Вишневецкій, происходившій изъ древняго рода князей Литовскихъ и принявшій Димитрія въ домъ свой. Онъ призналъ его Димитріемъ, сыномъ великаго князя Московскаго Ивана, и нѣсколько мѣсяцевъ держалъ его у себя въ дому со всею пышностью, приличною высокому его достоинству. Во время пребыванія Димитрія у Вишневецкаго, приходили къ нему разные еретики, особенно Аріяне, которые стараясь снискать расположеніе его, заражали неосторожнаго юношу ядомъ невѣрія; хотя они и не вполнѣ успѣли въ своихъ намѣреніяхъ (ибо они хотѣли совершенно обратить его въ свою ересь, а потомъ, смотря по успѣху, распространить ее и во всемъ государствѣ Московскомъ), однако они поселили въ несвѣдущемъ и неопытномъ юношѣ нѣкоторыя сомнѣнія, особенно относительно тѣхъ догма-

товъ вѣры, въ коихъ латинцы и греки сходятся, и въ коихъ Аріяне различествуютъ отъ тѣхъ и другихъ.

Между тѣмъ молва о Димитріѣ распространялась, такъ что весьма многіе желали его видѣть. Между ними былъ воевода Константинъ Вишневецкій, упомянутаго Адама двоюродный братъ. И такъ Адамъ, желая угодить Константину, доставилъ ему случай видѣться съ Димитріемъ. Димитрій отправился къ Константину, который принялъ его столь благосклонно и щедро, что онъ къ нему совершенно привязался, и не хотѣлъ уже болѣе возвращаться къ Адаму. И такъ Димитрій остался у Константина, почти противъ воли Адама, и при помощи его вліянія дѣлался все болѣе и болѣе извѣстнымъ. Константинъ былъ зять Николая Мнишка изъ Кончицы, воеводы Сандомирскаго. Онъ отправился къ нему вмѣстѣ съ Димитріемъ, частію чтобы его познакомить съ нимъ, частію чтобы узнать мнѣніе Мнишка, слѣдуетъ ли поддерживать Димитрія въ его притязаніяхъ на наслѣдство Московскаго престола. По зрѣломъ размышленіи, оба воеводы рѣшили, что дѣло это касается блага общественнаго, и что потому Димитрія слѣдуетъ представить августѣйшему королю, который по своему благоусмотрѣнію рѣшитъ его дѣло. Потому они отправляютъ гонца съ письмомъ къ королю, извѣщая его о личности, положеніи и намѣреніяхъ Димитрія, и прося короля объявить свою волю. Между тѣмъ Димитрій, живя въ Самборѣ, въ домѣ палатина Сандомирскаго, влюбился въ дочь его Марину, дѣвицу уже взрослую, отличавшуюся красотою и умомъ, и вознамѣрился жениться на ней. При удобномъ случаѣ, онъ началъ усильно просить позволенія родителей, дѣлая имъ огромныя обѣщанія и показывая блестящія надежды въ будущемъ. Сначала родители удивлялись столь неожиданному предложенію юноши, и уклонялись отъ онаго; но наконецъ, начали серьезно думать и подавать нѣкоторыя надежды, предоставляя однако окончательное рѣшеніе времени, и ожидая отвѣта короля, которымъ они намѣревались руководствоваться во всѣхъ дѣйствіяхъ. Между тѣмъ въ непродолжительномъ времени приходитъ отъ двора письмо, въ которомъ именемъ короля приказывается воеводѣ Константину представить Димитрія во дворецъ въ возможной скорости. Какимъ образомъ Димитрій прибылъ въ Краковъ, и о чемъ онъ трактовалъ съ королемъ и съ другими лицами, это мы увидимъ подъ слѣдующимъ годомъ, въ которомъ все это случилось. Мы разскажемъ объ этомъ человѣкѣ подробно все то, что записалъ о немъ отецъ Каспаръ Савицкій, какъ въ комментаріяхъ своихъ, такъ и въ дневникѣ. Савицкій сопутствовалъ Димитрію въ его походѣ въ Москву, въ продолженіе трехъ лѣтъ былъ очевидцемъ всѣхъ совершившихся тамъ событій, и былъ коротко знакомъ съ Димитріемъ еще до похода его въ Москву.

Pag. 227. a. 1604. Около 10-го марта, князь Московскій Димитрій, за что его по крайней мѣрѣ почитали, просилъ у августѣйшаго короля аудіенціи, но не секретной, при которой никто не присутствуетъ, а такой, которая дается въ присутствіи немногихъ только лицъ; и онъ удостоился этой аудіенціи. Въ то время прибылъ въ Краковъ и Николай Мнишекъ, воевода Сандомирскій, тогда уже склонявшійся на сторону Димитрія. Онъ взялъ его къ себѣ въ собственный дворецъ, покровительствовалъ, вводилъ у короля, и старался познакомить съ разными лицами. Старанія воеводы не были тщетны: въ короткое время не только многія свѣтскія, но также и духовныя особы начали навѣщать и знакомиться съ Димитріемъ, который своею обходи-

тельностію снискалъ всеобщее къ себѣ расположеніе.

Москвитянинъ Димитрій, о коемъ мы выше упомянули, имѣлъ пріятеля въ отцѣ Францѣ Помаскомъ, священникѣ Самборскомъ, съ которымъ живя въ Самборѣ, онъ познакомился у воеводы Григорія Мнишка. Этотъ человѣкъ, зная нашъ орденъ, пришелъ къ членамъ его, и предложилъ имъ завести знакомство съ Димитріемъ, обѣщая въ этомъ дѣлѣ свое содѣйствіе. Мы благодарили его за это, и члены нашего ордена, чтобы не упустить столь благопріятнаго случая, сами начали посѣщать Димитрія и предлагать ему свои услуги. Между нами первымъ былъ отецъ Каспаръ Савицкій, который пришелъ къ Димитрію въ послѣдній день этого мѣсяца, привѣтствовалъ его отъ имени нашего ордена, и изложилъ ему догматы нашей вѣры. Димитрій, повидимому, остался этимъ очень доволенъ. Послѣ этого и послѣ втораго свиданія, отецъ Савицкій началъ говорить о нѣкоторыхъ вещахъ, касающихся религіи, и съ большею уже надеждою на успѣхъ вмѣшивалъ въ разговоръ то, что могло отвратить Димитрія отъ схизмы Грековъ, которой онъ былъ преданъ въ душѣ своей. Убѣжденный этими доводами, онъ началъ нѣсколько сомнѣваться касательно своей схизмы, и просилъ особеннаго, нарочнаго разговора, для рѣшенія важнѣйшихъ, по крайней мѣрѣ, сомнительныхъ пунктовъ. Сначала онъ совѣщался объ этомъ дѣлѣ съ членами нашего ордена, потомъ сообщилъ свое намѣреніе Николаю Жебридовскому, воеводѣ Краковскому, прося его содѣйствія въ этомъ обстоятельствѣ. Воевода горячо взялся за это дѣло, и просилъ членовъ нашего ордена, чтобъ они не отказали Димитрію въ разговорѣ касательно спорныхъ пунктовъ религіи, особенно тѣхъ, которые относятся къ греческой схизмѣ. Члены на-

шего ордена охотно предложили свои услуги, и ожидали назначенія времени и мѣста для разговора. Но такъ какъ Димитрій хотѣлъ вести дѣло это секретно, и укрыть его отъ всѣхъ, особенно же отъ Москвитянъ, которые стеклись уже къ нему въ большомъ количествѣ и безотлучно его окружали, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія, будто онъ измѣняетъ религіи праотцевъ; то поэтому воевода Краковскій Жебридовскій назначилъ и удобное мѣсто и извѣстное время для этого разговора, какъ мы увидимъ это подъ слѣдующимъ мѣсяцемъ.

Религіозный разговоръ съ Димитріемъ происходилъ 7-го апрѣля слѣдующимъ образомъ: Димитрій имѣлъ обыкновеніе приходить иногда къ воеводѣ Краковскому по дѣламъ. Въ такомъ случаѣ воевода, по обыкновенію вельможъ, оставляя свиту Димитрія въ пріемной залѣ, уходилъ съ нимъ въ одну изъ внутреннихъ комнатъ, гдѣ разсуждали оба безъ свидѣтелей. Такъ было и въ этотъ день. Въ комнату тайно были впущены двое изъ членовъ нашего ордена, именно отецъ Станиславъ Гродицкій и отецъ Каспаръ Савицкій. Когда они явились, воевода обратился къ Димитрію съ слѣдующими словами: вотъ люди, которыхъ ты просилъ, и съ которыми ты можешь разсуждать о твоихъ мнѣніяхъ касательно религіи. Говори прямо, и смѣло открой чувства души своей. Съ своей стороны услышишь то, что они будутъ возражать. Ежели они удовлетворятъ тебя, то ты не будешь имѣть причины раскаяваться въ своемъ намѣреніи. Ежели же они не убѣдятъ тебя, то и это еще не бѣда, и ты останешься при своихъ вѣрованіяхъ. Димитрій отвѣтствовалъ воеводѣ немногими словами, говоря, что разговоръ этотъ очень будетъ ему пріятенъ, и что онъ не замедлитъ воспользоваться столь благопріятнымъ случаемъ, могу-

щимъ доставить ему внутреннее спокойствіе. Потомъ, обратясь къ членамъ нашего ордена, началъ излагать передъ ними свои сомнѣнія, которыя касались двухъ главныхъ пунктовъ: исхожденія Св. Духа отъ Отца и Сына, и совершенія таинства св. Евхаристіи подъ однимъ или подъ обоими видами. Говорено много и пространно о томъ и о другомъ пунктѣ, и въ продолженіе разговора замѣчено, что Димитрій былъ преданъ не только схизмѣ, но также различнымъ ересямъ, въ особенности же ереси Аріянской, которою старались заразить его Аріяне, пребывавшіе въ Россіи, какъ мы видѣли это подъ предыдущимъ годомъ, въ пунктѣ 56. И такъ онъ приводилъ то, чему научился у еретика и у схизматиковъ, и довольно сильно возражалъ на эти доводы. Но когда наши отчетливо и ясно отвѣчали на каждый отдѣльный пунктъ, то онъ началъ умолкать, явно признавался, что онъ удовлетворенъ совершенно, и обѣщалъ, что онъ послѣ пространнѣе будетъ разсуждать съ нашими, въ особенности съ отцемъ Савицкимъ (ибо рѣчь отца Градицкаго казалась ему слишкомъ ученою, между тѣмъ какъ ему понравился разговоръ отца Савицкаго своею понятностью и ясностію), что онъ и сдѣлалъ, какъ увидимъ ниже. Черезъ два дня, т. е. 9-го этого мѣсяца отецъ Савицкій видѣлся съ преосвященнымъ нунціемъ папскимъ, Клавдіемъ Рапговіемъ, донесъ ему о всемъ содержаніи вышеупомянутаго разговора, и долго совѣщался съ нимъ относительно Димитрія.

Новый разговоръ, происходившій между Димитріемъ и отцами Савицкимъ и Влошкомъ, у монаховъ ордена Бернардиновъ, 15 апрѣля, имѣлъ полный успѣхъ. Уже прежде склонный къ религіи католической, онъ болѣе и болѣе въ ней утверждался, и тогда уже былъ готовъ на все, какъ показалъ исходъ дѣла. Ибо когда приближался праздникъ Пасхи, онъ началъ думать о причащеніи Св. Таинъ, но былъ въ недоумѣніи, принять ли ему это таинство отъ руки русскаго священника, или отъ руки священника католическаго. Послѣ совѣщанія о Димитріѣ, происходившаго 16-го этого мѣсяца, между отцами Станиславомъ Градицкимъ, Петромъ Скаргою, Фридрихомъ Барщицкимъ и Савицкимъ, слѣдующій день былъ назначенъ для выслушанія религіознаго исповѣданія Димитрія. Димитрій открылъ воеводѣ Краковскому Жебридовскому свое намѣреніе принять вѣру католическую. Услышавъ объ этомъ, воевода началъ уговаривать Димитрія, чтобы по случаю приближающагося праздника Пасхи, онъ выбралъ какого нибудь духовника, предъ которымъ могъ бы очистить свою совѣсть. Нѣсколько подумавъ объ этомъ дѣлѣ, Димитрій выбираетъ и назначаетъ своимъ духовникомъ отца Каспара Савицкаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ воеводу, употребить свое вліяніе, чтобъ Савицкій удовлетворилъ его просьбу, и доставить ему удобное время и мѣсто видѣться съ Савицкимъ безъ свидѣтелей. Воевода исполнилъ оба требованія Димитрія слѣдующимъ образомъ: настали два послѣдніе дня страстной недѣли, въ которые нѣкоторые изъ самыхъ знаменитыхъ вельможъ, принадлежавшіе къ братству милосердія, одѣвались въ рубище и собирали милостыни и приношенія для своего братства. Воевода принялъ на себя эту обязанность любви и милосердія, и пригласивъ къ себѣ Димитрія одного, безъ свиты, легко убѣдилъ его сопутствовать ему. И такъ сначала воевода самъ надѣлъ рубище, а потомъ надѣлъ такое же и на Димитрія. Такимъ образомъ переодѣтые, они вышли въ городъ, и собиравъ нѣкоторое время милостыни, пошли къ церкви св. Вар-

вары. Подождавъ нѣсколько времени предъ воротами, гдѣ они объявили себя за иноземцевъ, они были прямо проведены въ комнату отца Савицкаго, начальника коллегіи. Тамъ сложивъ рубище, они объявили причину, для которой пришли. Воевода вышелъ на хоры церкви, для слушанія проповѣди, а Димитрій остался одинъ съ Савицкимъ и сказалъ, что и онъ съ своей стороны готовъ къ выслушанію исповѣди. Отецъ Савицкій сказалъ, что и онъ съ своей стороны готовъ къ выслушанію исповѣди, но просилъ, чтобы Димитрій отдохнулъ и передъ исповѣдью выслушалъ отъ него нѣсколько словъ. Савицкій сдѣлалъ это потому, что отъ многихъ лицъ слышалъ, что сей Димитрій не есть истинный сынъ Ивана Васильевича, но самозванецъ. Когда сѣли и Савицкій и Димитрій, первый съ величайшимъ краснорѣчіемъ началъ выхвалять намѣреніе Димитрія и желать ему за то всякаго счастія, а потомъ съ всевозможною скромностью увѣщевалъ, чтобы онъ приступилъ къ столь важному и священному дѣйствію, надлежащимъ образомъ приготовившись, и чтобы онъ открылъ самые тайные помыслы души своей; чтобы онъ не думалъ о свѣтской суетѣ и мірскомъ величіи; чтобы не предавался тщетной надеждѣ, тѣмъ болѣе, что стремясь къ столь высокой и трудно-достижимой цѣли, онъ нуждается въ особенной помощи Всемогущаго Бога. Услышавъ эти слова Савицкаго, Димитрій нѣсколько смѣшался, но вскорѣ собравшись съ духомъ, отвѣчалъ, что онъ охотно принимаетъ увѣщаніе Савицкаго. Касательно словъ Савицкаго о мірскомъ величіи, онъ убѣдительно увѣрялъ, что въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ откровенно передъ Богомъ и передъ людьми, и что въ надеждѣ на правоту своего дѣла, онъ все ожидаетъ отъ Бога, котораго промыслъ уже такъ часто помогалъ ему въ разныхъ обстоятельствахъ его жизни и проч. Послѣ этого отецъ Савицкій уже не медлилъ болѣе, и сѣлъ на приготовленномъ для него мѣстѣ, чтобы слушать исповѣдь. Димитрій тотчасъ приступилъ къ нему, и упавъ на колѣна, началъ каяться въ грѣхахъ своихъ. Онъ отказался отъ схизмы, принялъ вѣру римско-католическую, и получивъ разрѣшеніе грѣховъ по правиламъ церкви, радостно оставилъ Савицкаго, и опять надѣлъ тоже самое рубище, въ которомъ онъ пришелъ къ нему. На хорахъ онъ нашелъ ожидавшаго его воеводу; оба опять отправились собирать милостыню, послѣ чего возвратились во дворецъ воеводы. Все это происходило 17-го апрѣля, въ страстную субботу по полудни.

Въ слѣдующій день наступило торжество Пасхи, при которомъ Димитрій желалъ присутствовать. Но такъ какъ онъ не смѣлъ сдѣлать это публично, опасаясь передъ временемъ обнаружить свои дѣйствія передъ Русскими, чуждавшимися религіи католической, а скрытно также невозможно было сдѣлать это, ибо ему трудно было отлучаться отъ своей свиты среди столь великаго торжества, то онъ цѣлый день не выходилъ изъ дому. Но чтобы не провести этого праздника въ совершенномъ бездѣйствіи, онъ приготовилъ письмо къ папѣ Клименту VIII, въ которомъ обѣщалъ подчинить и себя и своихъ подданныхъ его духовной власти, ежели ему удастся овладѣть государствомъ Московскимъ. Письмо это онъ вручилъ папскому нунцію чрезъ нѣсколько дней, какъ увидимъ ниже. 20-го апрѣля отецъ Каспаръ Савицкій снова былъ приглашенъ къ Димитрію. Онъ разговаривалъ съ нимъ о различныхъ предметахъ, между прочимъ о томъ, какимъ образомъ и въ какое время Димитрій можетъ приступить къ Таин-

ству Св. Причастія и миропомазанія, прежде нежели оставитъ Краковъ. Это было сообщено папскому нунцію, который по совѣщаніи съ членами нашего ордена рѣшилъ, что Димитрію слѣдуетъ придти къ нунцію въ домъ, подъ предлогомъ распрощаться съ нимъ (ибо онъ уже готовился оставить Краковъ), чтобы онъ тамъ могъ удовлетворить своему желанію, что и случилось, какъ мы тотчасъ увидимъ. Около того же времени, предъ выѣздомъ своимъ изъ Кракова, Димитрій откланялся августѣйшему королю, который принялъ его очень ласково и при прощаніи одарилъ его большою суммою денегъ, дорогою парчевою одеждою и, наконецъ, золотою цѣпью, съ весьма искусно изъ золота вылитымъ изображеніемъ короля, которое, вися на груди, всегда должно было напоминать о монархѣ.

Отъ августѣйшаго короля Димитрій, согласно прежде принятому намѣренію, и какъ онъ уже условился, отправился 24 апрѣля къ преосвященному нунцію папскому, Клавдію Рангонію, подъ предлогомъ проститься съ нимъ. Онъ былъ принятъ съ большою честью, и отведенъ въ одну изъ внутреннихъ комнатъ дворца, сопровождаемый только воеводою Сандомирскимъ и извѣстнымъ уже намъ отцемъ Каспаромъ Савицкимъ. Войдя въ комнату, онъ увидѣлъ алтарь и все необходимое для совершенія таинства. Димитрій просилъ воеводу и нунція нѣсколько отойти, и оставить его одного съ отцемъ Савицкимъ. Онъ повторилъ предъ нимъ свою исповѣдь, и приготовился къ принятію св. причастія. Послѣ сего нунцій и воевода возвратились, и явились два человѣка для услуживанія нунцію, готовившемуся отправлять службу. Нунцій облачается и начинаетъ священнодѣйствіе. Онъ причащаетъ Димитрія св. таинъ и совершаетъ надъ нимъ таинство миропомазанія, въ присутствіи двухъ упомянутыхъ капеллановъ, воеводы и отца Савицкаго. Кромѣ нихъ никто не видѣлъ и не зналъ того, что происходило. По совершеніи священнаго обряда, алтарь былъ вынесенъ и Димитрій всталъ, а нунцій подарилъ ему восковое изображеніе священнаго агнца, оправленное въ золото, и 25 золотыхъ монетъ венгерскихъ. Димитрій благодарилъ его, и при прощаніи вручилъ ему письмо къ папѣ, въ доказательство своего повиновенія римскому престолу. Къ этому письму онъ приложилъ печать свою, отдалъ его въ руки нунцію, и просилъ его, чтобы онъ доставилъ оное его святѣйшеству въ возможной скорости. Письмо это было написано по польски, а потомъ переведено на языкъ латинскій. Взявъ письмо, нунцій обѣщаетъ сдѣлать все, что въ его силахъ, обнимаетъ Димитрія и, благословивъ, отправляетъ его съ миромъ.

На слѣдующій день, 25-го апрѣля, которое приходилось въ воскресенье, Димитрій изъ Кракова отправился въ Россію, вмѣстѣ съ воеводою Сандомирскимъ. Въ Самборѣ, гдѣ помянутый воевода былъ старостою, Димитрій простоялъ слишкомъ мѣсяцъ, частію, чтобы опредѣлить условія своего брака съ Мариною, дочерью воеводы, частію ожидая войска, съ которымъ онъ хотѣлъ идти на Москву.

Pag. 237. a. 1604. И 18-го ноября и въ другіе дни приходило множество извѣстій изъ разныхъ сторонъ о многочисленныхъ успѣхахъ Димитрія, будущаго великаго князя Московскаго. Сказавъ подъ мѣсяцемъ апрѣлемъ сего года о выѣздѣ его изъ Кракова, намъ слѣдуетъ разсказать нѣсколько о его походѣ изъ королевства Польскаго въ Москву. И такъ, Димитрій, проведя нѣкоторое время въ Самборѣ, когда набралъ достаточное число войска, чтобы идти на Москву, и когда рѣшился уже от-

правиться въ походъ, объявилъ нашимъ Ярославскимъ езуитамъ, что онъ желаетъ имѣть нѣкоторыхъ членовъ нашего ордена, которые бы сопровождали его и войска. Объ этомъ желаніи Димитрія тотчасъ сообщено отцу провинціалу, который въ то время находился въ великой Польшѣ. Онъ написалъ ректору Ярославской коллегіи, сосѣдней съ городомъ Самборомъ, чтобы двое изъ отцевъ, которые уже три года находятся въ монашествѣ, именно отецъ Николай Цыровскій (который былъ назначенъ начальникомъ этой миссіи) и отецъ Андрей Завиша, отправились въ Самборъ, и сопровождали войско Димитрія въ Москву. Кромѣ того отецъ провинціалъ присовокупилъ письмо къ отцу Каспару Савицкому, начальнику дома профессовъ въ Краковѣ, и другое письмо къ отцу Фридриху Барщицкому, королевскому духовнику, который въ то время находился въ Краковѣ при дворѣ. Въ этихъ письмахъ онъ приказалъ имъ приготовить все необходимое для похода въ Москву, и все это отослать въ Ярославль. Кромѣ того была приложена особая инструкція для отцевъ, отправлявшихся въ миссію. Все было прислано и совершено согласно приказанію отца провинціала, а вышеупомянутые отцы прибыли въ Самборъ въ то самое время, въ которое Димитрій и воевода Сандомирскій готовились къ походу въ Москву. Вмѣстѣ съ ними наши езуиты и отправились въ іюнѣ мѣсяцѣ изъ Самбора. Нужно замѣтить, что на этотъ походъ Димитрія соглашались и король, и сенатъ. Перейдя Борисѳенъ, который мы называемъ Днѣпромъ, Димитрій принялъ начальство надъ войсками, пошедшими впередъ, и бывшими уже за Кіевомъ, и вступилъ въ ту часть государства Московскаго, которая граничитъ съ княжествомъ Сѣверскимъ. Безъ труда разбивъ приверженцевъ Бориса, и завладѣвъ нѣкоторыми пограничными крѣпостями, онъ счастливо продолжалъ свой путь, будучи во всѣхъ сраженіяхъ побѣдителемъ; большая часть крѣпостей сдавалась ему добровольно, такъ что онъ не прибѣгалъ къ осадѣ и штурмамъ. Правда, конница Димитрія была разбита два или три раза, но за то покорился ему Путивль, весьма важный городъ Сѣверскаго княжества, съ довольно сильною крѣпостью; этотъ городъ служилъ ему убѣжищемъ, и оставаясь тамъ въ продолженіе зимы, онъ увеличивалъ свои силы, и дѣлалъ изъ города частыя вылазки. Во время пребыванія своего въ этомъ городѣ, онъ услышалъ о смерти Бориса, его жены и сына, послѣ чего отправился съ торжествомъ въ Москву (столицу всего Московскаго государства), какъ мы увидимъ подъ слѣдующимъ годомъ.

Pag. 246. a. 1605. Въ продолженіе сего марта мѣсяца также носились слухи, которые подтвердились въ слѣдующихъ мѣсяцахъ, именно будто Русскіе, перешедшіе на сторону Димитрія, убили царя Московскаго Бориса Годунова вмѣстѣ съ женою и сыномъ. На самомъ дѣлѣ это случилось не прежде, какъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Такимъ образомъ со смертію его, для Димитрія было устранено главное препятствіе къ овладѣнію престоломъ Московскимъ. И онъ не пропустилъ воспользоваться столь удобнымъ случаемъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Ибо вскорѣ выступивъ изъ Путивля, онъ явился съ войскомъ въ Москву, и овладѣвъ цѣлымъ государствомъ, въ концѣ іюля былъ провозглашенъ великимъ княземъ Московскимъ.

Pag. 250. a. 1605. По смерти царя Московскаго Бориса Годунова, который былъ убитъ собственными подданными, какъ мы замѣтили подъ мѣсяцемъ мартомъ (въ которомъ мѣсяцѣ распространилась эта молва; а потомъ

узнали что онъ былъ убитъ 29-го апрѣля), на встрѣчу Димитрію вышло множество Русскихъ, и онъ былъ приглашенъ въ Москву. Оставивъ Путивль въ маѣ мѣсяцѣ, онъ прибылъ въ столицу въ концѣ іюля, и 31-го числа этого мѣсяца съ великолѣпнымъ торжествомъ былъ коронованъ патріархомъ Русскимъ въ главномъ соборномъ храмѣ въ Москвѣ. Онъ полагалъ, что сей торжественный обрядъ утвердитъ его власть и право на престолъ. Для этой же цѣли онъ вызвалъ мать свою изъ монастыря, въ которомъ, какъ говорили, она находилась въ заключеніи, и представилъ ее всѣмъ, чтобы такимъ образомъ уничтожить всякое сомнѣніе относительно того, что онъ истинный Димитрій, сынъ Ивана Васильевича. Но чрезъ 10 почти мѣсяцевъ весь этотъ блескъ исчезъ, какъ мы увидимъ подъ слѣдующимъ годомъ. Между различными поздравленіями при коронаціи Димитрія, было также поздравленіе 700 Польскихъ воиновъ, пребывавшихъ въ то время въ Москвѣ. Отъ имени ихъ одинъ изъ нашихъ езуитовъ, именно отецъ Николай Цыровскій, обратился къ Димитрію съ пышною рѣчью на польскомъ языкѣ. Чтобы еще болѣе утвердить свою власть, Димитрій послѣ коронаціи вызвалъ изъ Польши воеводу Сандомирскаго, и просилъ его привезти съ собою дочь свою Марину, которая была невѣстою Димитрія. Воевода представилъ объ этомъ дѣлѣ королю и нѣкоторымъ сенаторамъ, находившимся въ то время при дворѣ, и спрашивалъ ихъ мнѣнія. Сначала король медлилъ отвѣтомъ, но наконецъ объявилъ, что слѣдуетъ удовлетворить желанію Димитрія, и дать ему обѣщанную невѣсту. Но для того, чтобы придать этому дѣлу болѣе важности, король совѣтовалъ вести его оффиціально, въ какомъ случаѣ Димитрію слѣдовало просить объ этомъ чрезъ пословъ своихъ короля и государственные чины рѣчи посполитой. Димитрій, извѣщенный обо всемъ этомъ, соглашается на предложеніе короля, и тотчасъ отправляетъ по этому дѣлу въ Польшу Аѳанасія, канцлера Московскаго государства. О его прибытіи и объ успѣхѣ его посольства мы скажемъ нѣсколько словъ подъ мѣсяцемъ ноябремъ.

Pag. 262. a. 1605. Отправленный Димитріемъ Аѳанасій, канцлеръ Московскій, 9-го Ноября прибылъ въ Краковъ съ богатыми дарами, сопровождаемый почти 300 всадниковъ, одѣтыхъ и вооруженныхъ по русскому обычаю. Чрезъ нѣсколько дней, именно 14-го числа того же мѣсяца, онъ представился королю, объявилъ о цѣли своего посольства, и отъ имени своего государя, великаго князя Московскаго, просилъ для него у короля и у республики руки Марины Мнишекъ, дочери воеводы Сандомирскаго. Желаніе его охотно было удовлетворено для разныхъ причинъ.

Ноября 22-го съ большою пышностью было совершено бракосочетаніе между Димитріемъ, великимъ княземъ Московскимъ (лице котораго, по обычаю монарховъ, представлялъ Аѳанасій) и Мариною, дочерью воеводы Сандомирскаго въ домѣ Вильчогорскихъ, лежащемъ на площади Кракова. Изъ этого дома были сдѣланы проходъ въ нѣкоторые изъ сосѣднихъ домовъ. При бракосочетаніи присутствовалъ король съ родною сестрою своею, принцессою Шведскою, и съ сыномъ Владиславомъ. Кромѣ того присутствовали кардиналъ Бернгардъ Мацѣевскій благословившій брачный союзъ, Клавдій Рангоній, папскій нунцій, и многіе вельможи государства. Было приготовлено много столовъ, (нѣкоторые говорятъ, что ихъ было 9 или 10) для угощенія гостей. За тѣмъ столомъ, за которымъ находился король

съ сестрою и сыномъ, была посажена и Марина, по совершеніи брачнаго обряда уже великая княгиня Московская; за тѣмъ же столомъ сидѣлъ и посолъ Аѳанасій, который далеко отступившись отъ Марины въ продолженіе всего ужина сидѣлъ, устремивъ глаза на землю, говоря, что онъ недостоенъ взирать на великую княгиню. Онъ же при совершеніи брачнаго обряда, когда долженъ былъ мѣняться съ Мариною кольцами, снимая кольцо Димитрія, великаго князя Московскаго, подалъ его кардиналу Мацѣевскому, низко кланяясь и преклоняя колѣна. Послѣ ужина, начались разные танцы: король самъ танцовалъ съ великою княгинею Московскою, и балъ продолжался до двухъ часовъ ночи. Наконецъ король подалъ знакъ, и вельможи государства приготовились отвести его во дворецъ. Выходя, онъ обратился къ высокой новобрачной съ торжественною рѣчью, въ которой увѣщевалъ ее распространять, по мѣрѣ силъ, религію католическую въ государствѣ Московскомъ, и возбуждать въ сердцѣ своего супруга любовь и привязанность къ Польшѣ, своей родинѣ.

Pag. 263. a. 1605. Кардиналъ Мацѣевскій, который за нѣсколько лѣтъ получилъ кардинальскую шапку или беретъ, 27-го Ноября въ приходской церкви Богоматери въ Краковѣ, съ большою торжественностію получилъ кардинальскую шляпу или галеръ изъ рукъ папскаго нунція Клавдія Рангонія. Этотъ обрядъ былъ совершенъ съ разными церемоніями, продолжавшимися болѣе двухъ часовъ, а всѣ присутствовавшіе при семъ обрядѣ и возсылавшіе къ Богу мольбы свои, получили полную индулгенцію, то есть совершенное отпущеніе грѣховъ. Тѣ, которымъ присылается кардинальскій беретъ, для полученія кардинальскаго галера, имѣютъ обыкновеніе сами отправляться въ Римъ; но Бернгардъ Мацѣевскій, которому былъ присланъ и кардинальскій галеръ, былъ такимъ образомъ освобожденъ отъ путешествія въ Римъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ легатомъ папскимъ по случаю предстоявшаго торжества королевскаго бракосочетанія. Послѣ сего папскій нунцій назначилъ проповѣдниковъ, объявилъ о вложеніи кардинальскаго галера на главу Бернгарда Мацѣевскаго и о назначеніи его чрезвычайнымъ легатомъ папскимъ, а наконецъ обнародовалъ отпущеніе грѣховъ для всѣхъ вѣрующихъ, и молящихся о благосостояніи дочери воеводы Сандомирскаго. При этомъ обрядѣ присутствовала въ приходской церкви великая княгиня Московская, такъ точно какъ королева. Для нея было приготовлено мѣсто подъ балдахиномъ, ближайшія скамейки были пусты и не заняты, и самые даже сенаторы (въ числѣ коихъ находился и ея отецъ, воевода Сандомирскій) сидѣли въ нѣкоторомъ отдаленіи: передъ Мариною на разостланномъ на землѣ коврѣ, стояли знатныя дамы и дѣвицы, а нѣсколько далѣе разные придворные, старосты и другіе сановники. — Многіе отъ столь пышнаго великолѣпія (которое однако нѣкоторые не безъ основанія почитали необходимымъ) ожидали важныхъ послѣдствій. Великая княгиня Московская, желая уклониться отъ придворнаго этикета, рѣшилась не встрѣчаться съ Констанціею, принцессою Австрійскою, при въѣздѣ ея въ Краковъ, и не присутствовать при бракосочетаніи короля. Потому 3-го декабря она отправилась въ Промникъ, гдѣ оставалась до самаго времени своего выѣзда въ Россію. Въ тотъ же день прибылъ въ Краковъ отецъ провинціалъ Децій Штейнеръ, со своими товарищами. Того же мѣсяца 6-го числа отецъ Кас-

наръ Савицкій, который былъ уже назначенъ въ Москву, въ Промникѣ въ присутствіи великой княгини Московской совершалъ богослуженіе и произнесъ краткую рѣчь.

Pag. 264. a. 1605. Димитрій, овладѣвъ престоломъ Московскимъ, и утвердивъ власть свою на прочномъ, какъ ему казалось, основаніи, рѣшился въ важномъ дѣлѣ отправить посольство къ папѣ, и выбралъ для этой цѣли одного изъ нашихъ езуитовъ, которыхъ имѣлъ при себѣ. Наши по мѣрѣ возможности уклонялись отъ этого порученія, столь лестнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ сопряженнаго съ ненавистью и съ столь сильными несчастьями, однако, наконецъ принуждены были покориться волѣ Димитрія. И такъ къ 13-му или 14-му числу декабря все уже было приготовлено для этого посольства, и посломъ назначенъ отецъ Андрей Лапицій, который на пути своемъ изъ Москвы въ Римъ, въ концѣ слѣдующаго января мѣсяца прибылъ въ Краковъ. Главная цѣль посольства состояла въ томъ, чтобы объявить папѣ, что Димитрій хочетъ начать войну противъ султана Турецкаго; кромѣ того послу поручено было просить папу, чтобы онъ возбудилъ къ этой войнѣ западныхъ христіанскихъ венцѣносцевъ, въ особенности императора Римскаго и короля Польскаго; наконецъ посолъ обѣщалъ, что Димитрій въ скоромъ времени самъ отправитъ посланника къ западнымъ государямъ касательно этого дѣла. Относительно нѣкоторыхъ другихъ вещей Димитрій уполномочилъ отца Андрея Лапиція переговариваться съ папою по своему усмотрѣнію. Такъ какъ въ архивѣ провинціи Польской (который находится въ Краковѣ, въ церкви св. Варвары), хранятся нѣкоторые подлинные документы, относящіеся къ этому посольству, то мы нѣсколько скажемъ объ немъ подъ апрѣлемъ слѣдующаго, когда отецъ Андрей Лапицій былъ отосланъ папою обратно въ Москву. Теперь скажемъ только, что отцу Андрею Лапицію былъ данъ открытый листъ, съ собственноручною надписью Димитрія, и съ приложеніемъ большой печати Московскаго государства. Листъ этотъ былъ написанъ въ слѣдующихъ словахъ:

Мы, пресвѣтлѣйшій непобѣдимый государь Димитрій Ивановичъ, Божіею милостію царь и великій князь всеа Россіи и всѣхъ Татарскихъ государствъ, и многихъ другихъ владѣній, государству Московскому подвластныхъ, царь и повелитель и проч. Всѣмъ и каждому людямъ каждаго сословія, каждаго класса, каждаго достоинства, отправляющимъ государственную и общественную службу, а также людямъ частнымъ, всѣмъ нашимъ пріятелямъ и сосѣдямъ кланяемся и изъявляемъ наше расположеніе. По нашему повелѣнію іезуитъ отецъ Андрей Лапицій отправляется въ Польшу, а оттуда въ Римъ, къ святѣйшему во Христѣ отцу, папѣ Павлу V, чтобы совѣщаться съ нимъ о дѣлахъ весьма большой важности, и спасительныхъ для всѣхъ государствъ христіанскихъ, который то отецъ Лапицій, хотя вездѣ, какъ мы о томъ не сомнѣваемся, будетъ принятъ съ честію, духовному его сану подобающею, однако мы считаемъ нужнымъ придти ему въ помощь собственною нашею рекомендаціею. И такъ мы рекомендуемъ его со всѣмъ стараніемъ и всѣхъ, къ которымъ придетъ листъ нашъ, и чрезъ границы и владѣнія которыхъ посланникъ нашъ будетъ проѣзжать, тѣхъ людей мы просимъ и увѣщеваемъ, чтобы они помянутому отцу Андрею Лапицію со всею его свитою и со всѣми его вещами не только давали свободный, безпрепятственный и свободный пропускъ, но также ради подобающаго путешест-

венникамъ гостепріимства, безъ всякаго замедленія оказывали ему всевозможное пособіе, въ которомъ онъ можетъ нуждаться въ столь далекомъ путешествіи, и чтобы не опасались отъ него ни заразы, ни какой бы то ни было для себя опасности. Людямъ, во владѣніяхъ нашего государства живущимъ, мы обѣщаемъ миръ, расположеніе, гостепріимство и дружбу нашихъ пріятелей сосѣдей.

Данъ сей листъ въ Москвѣ, столицѣ нашей, декабря 14 дня лѣта 1605 по Рождествѣ Христовомъ, царствованія же нашего въ первомъ году. Царь Димитрій.

Такой-то открытый листъ данъ былъ Димитріемъ отцу Андрею Лавицію. По полученіи онаго, а вмѣстѣ съ нимъ разныхъ другихъ писемъ, Лавицій выѣхалъ изъ Москвы и отправился къ границамъ Польши, какъ увидимъ ниже.

Pag. 267. a. 1606. Января перваго дня отецъ Каспаръ Савицкій отправлялъ богослуженіе и произнесъ проповѣдь въ присутствіи великой княгини Московской, которая находилась въ Промникѣ. Еще предъ ея выѣздомъ въ этотъ городъ папскій нунцій Клавдій Ранговій съ особеннымъ стараніемъ рекомендовалъ ей помянутаго отца Савицкаго. Ибо когда нунцій увидѣлъ, что дѣла Димитрія приняли благопріятный оборотъ, и что власть его утвердилась на прочномъ основаніи, онъ неотступно началъ убѣждать Савицкаго, какъ можно скорѣе отправиться къ Димитрію въ Москву, и хлопоталъ объ этомъ также у начальниковъ ордена іезуитовъ. Сверхъ того онъ просилъ папу приказать кардиналу дать письмо на имя отца Савицкаго, въ которомъ была бы объявлена воля первосвященника, чтобы Савицкій непремѣнно отправился къ Димитрію. Ко всему этому присоединялась, или вѣрнѣе всему этому предшествовала непреклонная воля начальниковъ ордена, которые назначили отца Савицкаго въ Москву.

Pag. 268. a. 1606. Великій князь Московскій Димитрій, узнавъ о совершившемся въ Краковѣ его именемъ бракосочетаніи съ Мариною, дочерью воеводы Сандомирскаго, началъ просить воеводу, чтобы онъ вмѣстѣ съ дочерью спѣшилъ какъ можно скорѣе въ Москву, и назначилъ ему огромную сумму денегъ на путевыя издержки. Однако воевода, задерживаемый разными препятствіями, только 26-го января оставилъ Краковъ, и вмѣстѣ съ дочерью своею, нареченною Димитрія, отправился въ Россію. Черезъ два дня, те есть, 28-го января, вслѣдъ за великою княгинею Московскою выѣхалъ отецъ Каспаръ Савицкій вмѣстѣ съ даннымъ ему въ товарищи Лаврентіемъ Опочнымъ. Сдѣлавъ въ тотъ же день шесть миль, онъ прибылъ въ одно селеніе, и тамъ около перваго часа ночи, при самомъ входѣ въ гостинницу, упалъ подъ колеса одного воза и едва не былъ ими раздавленъ; только Провидѣніе спасло его чудеснымъ почти образомъ. Господь распростеръ надъ нимъ свою руку, и сохранилъ его, чтобы онъ претерпѣлъ то, что ему было назначено. Епископъ Фюнфкирхенскій, который предъ восемью днями, изгнанный изъ Венгріи, прибылъ больнымъ вмѣстѣ съ другими прелатами, вскорѣ послѣ того умеръ и 30-го числа этого мѣсяца великолѣпно былъ погребенъ въ церкви св. Стефана, а на похоронахъ его произнесъ надгробную рѣчь отецъ Петръ Скарга.

Послѣдняго числа этого мѣсяца прибылъ изъ Москвы отецъ Андрей Лавицій, посланникъ великаго князя Московскаго Димитрія къ папѣ Павлу V. Онъ былъ одѣтъ какъ попы Московскіе, имѣлъ отпущенную бороду, длинные волосы и висящій на груди крестъ. Онъ занялъ всѣхъ, и нашихъ

и чуждыхъ, подробнымъ и живымъ разсказомъ о приключеніяхъ Димитрія. Въ четвертый день по своемъ прибытіи онъ былъ потребованъ къ августѣйшему королю, которому онъ долженъ былъ разсказать подробно обо всемъ, касавшемся Димитрія. Упомянувъ подъ декабремъ прошедшаго года о данномъ Лаппцію при его отправленіи изъ Москвы открытомъ листѣ, мы теперь скажемъ, что Димитрій снабдилъ еще другими письмами, а между прочимъ рекомендательнымъ письмомъ къ папскому нунцію, жившему тогда въ Польшѣ. Содержаніе этого письма мы приведемъ здѣсь: Мы пресвѣтлѣйшій и непобѣдимый государь Московскій Димитрій Іоанновичъ, Божію милостію царь и великій князь всея Россіи, всѣхъ татарскихъ государствъ, и многихъ другихъ владѣній, государству Московскому подвластныхъ, государь и повелитель. Когда мы отправлялись изъ королевства Польскаго для овладѣнія наслѣдственнымъ нашимъ государствомъ, присоединились къ намъ по волѣ своихъ начальниковъ двое іезуитовъ, отецъ Николай Цыровскій и отецъ Андрей Лаппцій, оба отличающіеся чистотою нравовъ и набожностью, такъ что мы и войско наше справедливо считали себя счастливыми, и благодарили Провидѣніе, пославшее намъ такихъ заступниковъ и богомольцевъ. Ибо они не только не покинули насъ среди самаго несчастнаго положенія нашихъ обстоятельствъ; но неоднократно священностью своего сана удерживали въ границахъ повиновенія иноземныхъ нашихъ солдатъ, привыкшихъ къ необузданной свободѣ, и нѣсколько разъ бывшихъ готовыми поднять возстаніе. Потому мы весьма высоко ихъ цѣнимъ и постоянно изъявляли имъ наше расположеніе, а теперь одного изъ нихъ, Андрея Лаппція, съ письмами и порученіями нашими отправляемъ къ святѣйшему во Христѣ отцу, папѣ Павлу V. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы старательно рекомендуемъ обоихъ вашему преосвященству (нунцію), и просимъ, чтобы ради насъ самихъ, ради обязанностей вашего преосвященства къ такого рода людямъ, а особенно ради великихъ заслугъ ихъ ордена, оказанныхъ святой Римской церкви, и ради подъятыхъ ими для пользы и распространенія церкви трудовъ, просимъ, чтобы ваше преосвященство для этихъ монаховъ ордена іезуитовъ были благосклоннымъ покровителемъ, и не отказали имъ въ вашей помощи, ежели они будутъ нуждаться въ оной. Данъ въ столицѣ нашей Москвѣ, 13-го декабря 1605 года, царствованія же нашего года перваго. — Димитрій.

Pag. 274. a. 1606. Великая княгиня Московская Марина, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ воеводою Сандомирскимъ, оставили, какъ мы сказали, Краковъ 26-го января. Дальнѣйшее ея путешествіе, въ продолженіе февраля и марта, было слѣдующее. Прибывъ 1-го февраля въ одинъ городъ Подгорскій, именемъ Дембовецъ, она остановилась тамъ для выслушанія обѣдни по случаю праздника Срѣтенія. Воевода Сандомирскій, отецъ великой княгини Московской, исповѣдывался у отца Савицкаго. Княгиня же, перемѣнивъ свое намѣреніе, предпочла исповѣдываться у священника свѣтскаго: что случилось совершенно вопреки общему ожиданію. Однако потомъ узнали, что она особенно была предана отцамъ Бернардинамъ, и ихъ преимущественно желала имѣть въ своей свитѣ. Это происходило оттого, что съ самаго дѣтства, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ, она привыкла въ дѣлахъ духовныхъ обращаться къ Бернардинамъ. Нѣкоторые изъ нихъ были назначены, чтобы присоединиться въ путешествіи къ нашимъ іезуитамъ,

что они и сдѣлали, какъ вскорѣ увидимъ. Выѣхавъ изъ города Дембовицъ 4-го февраля, мы прибыли въ городъ Красну, гдѣ нашли присланнаго изъ Москвы гонца Димитріева, который вручилъ воеводѣ письмо, и просилъ его ускорить путешествіе. Отправившись изъ Красны 6 числа того же мѣсяца, мы проѣхали чрезъ города Ольшанку и Хировъ, а 10-го февраля прибыли въ королевскій городъ Самборъ, извѣстный русинскими соляными ломками и огромными съ нихъ доходами, начальство надъ этимъ городомъ принадлежало отъ нѣсколькихъ лѣтъ воеводѣ, и онъ выбралъ его центральнымъ пунктомъ своей экспедиціи и мѣстомъ приведенія въ надлежащій порядокъ своего имущества. Между тѣмъ какъ великая княгиня и воевода стоятъ въ Самборѣ до конца февраля, отецъ Каспаръ Савицкій, получивъ обоюдное ихъ позволеніе, отправляется на нѣкоторое время въ Львовъ. Марта 2-го дня великая княгиня вмѣстѣ съ отцемъ своимъ и цѣлою свитою выѣзжаетъ въ направленіи къ Люблину, а на другой день догналъ ихъ отецъ Савицкій. А между тѣмъ они взяли въ свою свиту четырехъ монаховъ ордена св. Франциска, называемыхъ Бернардинами, которые должны были отправлять богослуженіе. Хотя отецъ Савицкій несовершенно былъ устраненъ, но главное завѣдываніе духовными дѣлами было предоставлено Бернардинамъ. Сами Бернардины изъ почтенія нашему ордену, не изъявляли неудовольствія, что имъ сопутствуетъ отецъ Савицкій; однако еслибы его не было, кажется они не очень бы огорчились. Наконецъ княгиня прибыла въ Люблинъ (на дорогѣ путешественники прошли чрезъ весьма опасный бродъ, гдѣ опрокинулось и едва не потонуло нѣсколько экипажей) 8-го марта, а 10-го того же мѣсяца великая княгиня вмѣстѣ съ воеводою, отцемъ своимъ, посѣтила нашъ храмъ, гдѣ ихъ встрѣтили молодые клерики нашей коллегіи латинскою рѣчью, и разными стихами, писанными на языкѣ латинскомъ и польскомъ; высокіе гости остались совершенно довольны и изъявили полную свою признательность. Потребовавъ потомъ одного изъ нашихъ, великая княгиня исповѣдывалась у него въ томъ же храмѣ, вслѣдъ за чѣмъ причастилась св. Таинъ. Изъ Люблина великая княгиня выѣхала 14-го марта, и послѣ десятидневнаго путешествія прибыла въ королевскій городъ Слонимъ, въ субботу, и тамъ въ Слонимѣ отцы Бернардины совершили богослуженіе въ томъ домѣ, гдѣ княгиня остановилась. Она осталась тамъ на страстную субботу и на праздникъ Пасхи, и въ этотъ день отецъ Савицкій въ присутствіи великой княгини, воеводы и цѣлой ихъ свиты произнесъ проповѣдь въ приходской церкви. На второй праздникъ Пасхи, который былъ 27-го марта, княгиня выѣхала изъ Слонима и прибыла въ Миръ, городъ воеводы Виленскаго Николая Христофора Радзивила. Тамъ она встрѣтила возвращавшагося отъ Димитрія, Ранговія, племянника папскаго нунція (котораго нунцій отправилъ къ Димитрію съ поздравленіемъ счастливаго овладѣнія престоломъ Московскимъ); съ нимъ отецъ Савицкій много разговаривалъ и узналъ отъ него многое о Димитріѣ и о состояніи цѣлаго государства Московскаго. Наконецъ путешественники 30-го марта достигли города Несвижа, гдѣ воевода Виленскій принялъ въ своемъ замкѣ княгиню и воеводу Сандомирскаго, и два дня угощалъ ихъ съ большою роскошью, оказывая имъ всевозможное почтеніе.

Отецъ Савицкій остановился въ домѣ нашей коллегіи. Когда потомъ княгиня и воевода посѣтили нашу коллегію Несвижскую, они были чрезвычай-

но удивлены образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ порядкомъ, котораго совершенно не надѣялись найти въ столь отдаленныхъ странахъ. Когда воевода вступилъ въ храмъ, одинъ изъ учениковъ нашихъ привѣтствовалъ его латинскою рѣчью. Великую княгиню Московскую, дочь воеводы, также должно было привѣтствовать, и поздравительная рѣчь была уже приготовлена, но она не была произнесена для разныхъ причинъ. Именно произошло недоумѣніе о титулѣ, какой слѣдуетъ дать великой княгинѣ; и потому рѣшили, лучше совершенно ничего не говорить, нежели спорить объ этомъ предметѣ. Таково было мнѣніе и самого воеводы Виленскаго, начальника города Несвижа.

Pag. 275 a. 1606. Когда 5-го февраля, какъ мы сказали, отецъ Андрей Лавицій, посланникъ великаго князя Московскаго Димитрія къ папѣ Павлу V, выѣхалъ изъ Кракова, 18-го марта прибылъ въ Римъ, онъ тотчасъ на другой день удостоился аудіенціи у папы, который потомъ нѣсколько разъ требовалъ его къ себѣ. Въ храмѣ дома профессовъ 2-го апрѣля онъ принесъ 4 монашескіе обѣта. И тогда отецъ генералъ ордена езуитовъ въ присутствіи членовъ собранія замѣтилъ, что отцу Лавицію не достаетъ надлежащей и соотвѣтственной высокому сану, имъ занимаемому, учености. Какимъ образомъ чрезъ восемь дней онъ былъ папою отосланъ обратно изъ Рима, объ этомъ вкратцѣ скажемъ ниже.

При отправленіи своемъ изъ Рима въ Москву, отецъ Андрей Лавицій 10-го апрѣля былъ снабженъ инструкціею, подписанною кардиналомъ Сципіономъ Боргезе, племянникомъ папы, которая еще теперь хранится въ архивѣ провинціи польской, и содержаніе которой слѣдующее:

Отецъ Андрей Лавицій ордена іезуитовъ, отъ имени его святѣйшества, папы Павла V, долженъ трактовать съ пресвѣтлѣйшимъ государемъ, великимъ княземъ Московскимъ Димитріемъ, о нижеслѣдующихъ предмѣтахъ:

1) Могущественный великій князь Московскій, обратившись въ душѣ и мысли своей къ истинной вѣрѣ, пусть обратитъ все свое вниманіе и всѣ свои силы на войну съ Турками, чтобы такимъ образомъ начало своего царствованія прославить стараніями къ распространенію вѣры христіанской; чтобы его святѣйшество могло похвалить и превознести храбрость его свѣтлости (Димитрія), соединенную съ истинною набожностью; чтобы его святѣйшество могъ замыслы его свѣтлости поставить въ примѣръ славнѣйшимъ монархамъ христіанскимъ, для того, чтобы они, имѣя этотъ примѣръ предъ глазами, и возбуждаемы взаимнымъ соревнованіемъ храбрости, совершили то, что Богу будетъ пріятно; а имя его свѣтлости сдѣлается безсмертнымъ и покроется неувядаемою славою.

2) Такъ какъ монархи христіанскіе горятъ желаніемъ заключить союзъ противъ самаго ужаснаго врага церкви, то его святѣйшество полагаетъ, что они окажутъ тѣмъ болѣе ревности и готовности, ежели узнаютъ о намѣреніи его свѣтлости подать помощь угнетенной церкви Христовой. Потому его святѣйшество, понимая, что Димитрій есть самый могущественный государь, что онъ имѣетъ огромное войско и обладаетъ всѣми средствами для веденія такой войны потребными, проситъ его, чтобы онъ первый началъ непріязненныя дѣйствія, и первый напалъ бы на Турокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы онъ самъ принялъ предводительство надъ войскомъ и увѣнчался такимъ образомъ славою столь многихъ и столь блистательныхъ побѣдъ, которыя всѣ ожидаютъ отъ его храбрости и мудрости.

3) Ежели Димитрій отправитъ своихъ пословъ къ Императору, королю Польскому и другимъ монархамъ, то они найдутъ вѣрныхъ помощниковъ въ легатахъ его святѣйшества, которые единогласно съ ними будутъ совѣщаться о томъ, какія мѣры принять для общаго блага.

4) Въ то время, когда будутъ происходить совѣщанія касательно общаго блага всего христіанства, монархи христіанскіе должны прекратить частные свои споры и несогласія. Такъ какъ между королемъ Польскимъ и его свѣтлостью (Димитріемъ) существуетъ недоразумѣніе касательно титула его свѣтлости, то должно стараться о томъ, чтобы ради маловажнаго этого дѣла не было забыто благо всего христіанства. Хотя его святѣйшество рѣшилось прекратить этотъ споръ, но оно сдѣлаетъ все, что можетъ послужить къ сохраненію и увеличенію достоинства его свѣтлости. Въ Римѣ, 10-го апрѣля, 1606.

Кромѣ того, отцу Лавицію даны были письма самого папы, одно къ Димитрію, а другое къ супругѣ его Маринѣ.

Письмо къ Димитрію было такого содержанія: Святѣйшій отецъ, папа Павелъ V, любезнѣйшему своему сыну Димитрію посылаетъ миръ и апостольское благословеніе. Такъ какъ къ намъ отовсюду приходили пріятныя вѣсти о поступкахъ твоей свѣтлости, о твоемъ почтеніи къ святому нашему престолу, о желаніи твоемъ помочь христіанству, то мы горѣли такимъ нетерпѣніемъ получить отъ тебя письмо, что едва не обвинили несправедливо въ медленности отца іезуита Андрея Лавиція, который, по приказанію твоему, былъ отправленъ къ намъ въ качествѣ посланника. Ежели кто нетерпѣливо чего ожидаетъ, всякое замедленіе бываетъ непріятнымъ; но мы считали дни его путешествія, и какъ бы съ высокаго мѣста смотрѣли, скоро-ли онъ явится. И вотъ доносятъ намъ о его прибытіи. Онъ тотчасъ былъ представленъ намъ, и по нашему приказанію вручилъ намъ письмо твое и началъ говорить о тебѣ. Мы до такой степени были обрадованы его разсказомъ, что прослезились; ибо мы увидѣли, что для святаго апостольскаго престола сдѣлано тобою огромное пріобрѣтеніе и приращеніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ты царствуешь мощно и мудро. Благословенъ Господь Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, который утѣшилъ насъ среди нашихъ безпокойствъ. А сколько же превратностей ты самъ испыталъ, любезнѣйшій сынъ! Еще во время твоего дѣтства на тебя разставляли сѣти, ты былъ изгнанъ изъ отцовскаго и дѣдовскаго наслѣдія, ты долженъ былъ укрываться у чужеземцевъ, чтобы спасти жизнь свою. Но тамъ именно, откуда угрожала тебѣ самая большая опасность, тамъ было начало твоей славы и твоего благополучія, и то, что столь необходимо какъ для твоего собственнаго счастія, такъ и для счастія твоихъ подданныхъ, тому ты научился въ чуждомъ королевствѣ, между тѣмъ какъ въ отечествѣ никогда бы не позналъ этого. Удивительны пути провидѣнія, и безчисленны благодѣянія Бога, которыя онъ ниспослалъ на тебя, за то что ты вполнѣ ему посвятился. Пока ты будешь находиться подъ его опекою, ты будешь царствовать счастливо. Взирая на это, мы невольно восклицаемъ съ апостоломъ: о глубина премудрости Бога! какъ непостижимы его намѣренія и какъ неисповѣдимы пути его! Теперь, при помощи Божіей, ты царствуешь спокойно; власть твоя утверждена на прочномъ основаніи, и возбуждаетъ тѣмъ большее удивленіе, потому что ты всѣхъ превосходишь доблестью; теперь для достиженія истиннаго счастія, ты долженъ стараться увеличить таланты, данные

тебѣ Богомъ, и прибыль съ оныхъ принести ему въ даръ. Ты имѣешь обширное поле, въ которомъ можешь садить, сѣять и жать; въ которомъ можешь проводить вездѣ источники христіанской набожности; въ которомъ можешь строить зданія, коихъ вершины будутъ касаться небесъ. И такъ, пользуйся выгодами мѣста, и на немъ, подобно второму Константину, первый утверди юношество свѣтомъ наукъ, и собственнымъ примѣромъ покажи ему истинныя обязанности христіанина; первый познай сохраненную для тебя Богомъ обязанность просвѣтить твое царство, и первый исполни ее. Одна только есть вѣра католическая; пусть будетъ одно только и единомысліе католиковъ на всемъ лицѣ земли; это единомысліе да сблизитъ насъ и свяжетъ самыми тѣсными узами любви, хотя насъ раздѣляетъ неизмѣримое пространство земель. Мы увѣряемъ тебя въ чувствахъ искреннѣйшей отцовской любви нашей. Ты прими любовь нашу, и такъ какъ ты можешь сдѣлать со своими подданными, что тебѣ угодно, то прикажи имъ быть послушными голосу намѣстника Христа на землѣ, голосу единаго истиннаго пастыря. Ланиція мы отсылаемъ къ тебѣ обратно; мы дѣлаемъ это неохотно, и еслибы ты не требовалъ этого, мы удержали бы его при себѣ, ибо онъ до такой степени утѣшилъ насъ своимъ разговоромъ и набожностью. Однако мы поручили ему быть опять у насъ въ возможно скоромъ времени. Онъ отъ нашего имени долженъ говорить съ тобою о разныхъ предметахъ; въ особенности слѣдуй одному золотому правилу: не довѣряй ни себя, ни своихъ подданныхъ еретикамъ, но всегда слушай совѣты мужей умныхъ и благочестивыхъ. И такъ, довѣряй отцу Ланицію. Чтобы сдѣлать его впредь еще милымъ для тебя, мы посылаемъ чрезъ него драгоцѣннѣйшій изъ даровъ, апостольское благословеніе. Данъ въ Римѣ, 10-го Апрѣля 1606 года, первосвященничества нашего въ первомъ году. Адресъ письма былъ такой: Любезнѣйшему нашему сыну Димитрію, царю Россіи, великому князю Московскому, Новгородскому, Смоленскому, Владимірскому, царю Казанскому, Астраханскому, и многихъ другихъ царствъ могущественному повелителю.

Содержаніе письма къ Маринѣ, супругѣ Димитрія, было слѣдующее: папа Павелъ V возлюбленнѣйшей во Христѣ дочери посылаетъ миръ и апостольское благословеніе. Неоднократно мы будемъ впредь изъявлять твоей свѣтлости чувства отцовской нашей любви; тебя, подобно новому растенію, посаженному въ вертоградѣ Господнемъ, будемъ орошать частыми благословеніями, чтобы, принося ежегодно счастливый плодъ, ты множилась подобно виноградной лозѣ, осѣняющей домъ твой. Благословенная Господомъ дочь моя, да будутъ благословенны всѣ сыны твои, отъ которыхъ мы ожидаемъ, что они будутъ такими, какими ихъ желаетъ видѣть церковь, и какими она вправѣ ожидать ихъ отъ набожности родителей, то есть всегда готовыми къ распространенію вѣры христіанской. Добрые родители должны дѣтей своихъ воспитывать не въ лести, но въ набожности и страхѣ Божіемъ; ежели съ дѣтства будутъ вселяемы въ нихъ эти добродѣтели, служащія къ тѣмъ большему возбужденію каждому человѣку врожденнаго религіознаго чувства, то дѣти, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, сдѣлаются мужественными защитниками религіи и ревностными ея распространителями. Тебя, возлюбленная дочь, мы просимъ обратить вниманіе на то, какъ Апостолъ приказываетъ воспитывать дѣтей: сыновъ вашихъ воспитывайте въ набожности и страхѣ Божіемъ. Теперь, по обязанности нашего сана, мы просимъ твою свѣтлость

только объ одномъ этомъ; а ты слушайся отцовскихъ нашихъ увѣщаній. Довѣряй Андрею Ланицію, который вручитъ это письмо, и который откроетъ тебѣ чувства отцовской любви нашей. Люби его и орденъ іезуитовъ, спасительный для цѣлаго свѣта; люби ихъ такъ горячо, какъ мы любимъ. Апостольскимъ благословеніемъ нашимъ, которое ты получишь отъ Ланиція, укрѣпляйся въ христіанской набожности. Данъ въ Римѣ, 10-го апрѣля 1606, первосвященничества нашего въ первомъ году. Адресъ письма былъ такой: возлюбленной во Христѣ дочери Маринѣ, великой княгинѣ Московской.

Кромѣ того папа далъ письмо на имя Юрія Мнишка, воеводы Сандомирскаго, отца Марины, такого содержанія: Папа Павелъ V возлюбленному сыну посылаетъ миръ и апостольское благословеніе. Письмо это вручитъ тебѣ возвращающійся въ Москву іезуитъ, отецъ Андрей Ланицій, которому мы также поручили объявить тебѣ, до какой степени мы, какъ отецъ, любимъ тебя и все твое семейство. Твоя набожность подаетъ намъ надежду на распространеніе католической религіи въ государствѣ Московскомъ, и въ этомъ дѣлѣ мы нуждаемся преимущественно въ твоемъ совѣтѣ и помощи. Ты долженъ сдѣлать, чтобы могущественный государь Димитрій, зять твой, утвердилъ своихъ подданныхъ въ повиновеніи и почтеніи къ святой Римской церкви. Ибо ежели души его подданныхъ, которые хотя понятливы, но заражены многими еретическими заблужденіями, просвѣтятся свѣтомъ истинной религіи, то при помощи Божіей, весь народъ на перерывъ будетъ возвращаться въ лоно католической церкви, а новый монархъ въ глазахъ своихъ подданныхъ будетъ предметомъ удивленія и и благоговѣнія. Съ какою заботою мы думали объ этомъ дѣлѣ, о томъ скажетъ тебѣ отецъ Андрей Ланицій; ежели захочешь пользоваться его совѣтами, то увидишь, что они очень будутъ тебѣ полезны. Господь да вселитъ въ душу твою то, что клонится къ благу христіанства, и да услышитъ мольбы наши. Тебѣ присылаемъ апостольское наше благословеніе. Данъ въ Римѣ 10-го апрѣля 1606, первосвященничества нашего въ первомъ году. Адресъ письма былъ такой: Любезному сыну нашему Юрію, воеводѣ Сандомирскому.

Въ архивѣ провинціи Польской находятся еще и многія другія письма, какъ-то кардинала Сципіона Боргезе, генерала ордена іезуитовъ Клавдія Аквавивы и иныхъ, написанныя одни къ самому Димитрію, другія къ супругѣ его Маринѣ, наконецъ третьи къ отцу Марины, воеводѣ Сандомирскому; но мы ограничимся тѣми, которыя привели выше; ибо изъ нихъ достаточно явствуетъ, сколь великую надежду питалъ папа распространить при помощи Димитрія религію католическую въ государствѣ Московскомъ (которая надежда исчезла однако совершенно, какъ увидимъ, по умерщвленіи Димитрія въ слѣдующемъ мѣсяцѣ), и какъ высоко цѣнилъ папа Андрея Ланиція, отправленнаго къ нему въ качествѣ посланника. Мы записали это въ нашу лѣтопись, чтобы сохранить памяти потомства.

Путешествіе Марины, великой княгини Московской, было въ этомъ мѣсяцѣ слѣдующее: Выѣхавъ 1 апрѣля изъ Несвижа, она 3-го апрѣля прибыла въ королевскій городъ Минскъ, гдѣ остановилась на два дня. Въ этомъ городѣ съ отцемъ Савицкимъ случились два страшныя приключенія, которыя онъ записалъ въ дневникѣ своемъ. Вопервыхъ, когда онъ отправлялся на свою квартиру, напалъ на него съ обнаженнымъ мечемъ пьяный солдатъ, который бы непремѣнно или убилъ его,

или по крайней мѣрѣ тяжело ранилъ, еслибы его не удержали трезвые или не столь пьяные его товарищи. Во вторыхъ, во время богослуженія (это было въ среду, на Ѳоминой недѣлѣ), при совершеніи таинства св. Евхаристіи вино такъ сильно замерзло въ чашѣ, что едва можно было его оттаять. Выѣхавъ изъ Минска 6 апрѣля, великая княгиня чрезъ недѣлю, именно 12-го апрѣля, прибыла въ сосѣдній городъ Оршу, лежащій на берегу Днѣпра, гдѣ уже послѣдняя церковь католическая въ этихъ странахъ, граничащихъ съ государствомъ Московскимъ. На другой день, по выѣздѣ изъ Минска, въ деревнѣ Смолевицахъ загорѣлась конюшня, при чемъ сгорѣли четыре лошади великой княгини. Чрезъ два дня княгиня, съ большею частію своей свиты, переправилась чрезъ Днѣпръ, и остановилась въ одномъ предмѣстьѣ, которое Днѣпръ отдѣлялъ отъ города. Утромъ 16-го апрѣля, въ третье воскресенье послѣ Пасхи, было совершено богослуженіе на квартирѣ княгини, по окончаніи котораго отецъ Савицкій, сообразно мѣсту и времени, произнесъ проповѣдь, въ которой увѣщевалъ подумать всѣхъ о настоящемъ положеніи, такъ какъ вскорѣ они вступятъ на чуждую землю. Онъ увѣщевалъ всѣхъ вести себя такъ, чтобы народъ Московскій, варварскій, схизматическій и отъ нѣсколькихъ столѣтій намъ непріязненный, возымѣлъ бы почтеніе къ ихъ религіи и взялъ бы съ нихъ добрый примѣръ. Въ тотъ же еще день, оставивъ Оршу, княгиня послѣ трехдневнаго пути прибыла къ одной рѣкѣ, на которой былъ деревянный мостъ. Средина этого моста составляетъ границу между Литвою и государствомъ Московскимъ, такъ что одна половина моста принадлежитъ королю Польскому, а другая царю Московскому. И такъ, переѣхавъ 18-го апрѣля чрезъ этотъ мостъ, великая княгиня вступила въ предѣлы государства Московскаго. Вскорѣ появились въ разныхъ мѣстахъ бояре (такъ Русскіе называютъ вельможъ своихъ), одѣтые въ богатое разноцвѣтное шелковое платье, и вышедшіе для привѣтствованія и встрѣчи новой своей княгини. Проѣхавъ одну линію (говоритъ отецъ Савицкій), мы прибыли въ первую русскую деревню Василевичи, гдѣ между прочими зрителями находились четыре боярина, люди честные, которые, когда я проходилъ мимо нихъ, остановили меня и вѣжливо привѣтствовали. И когда я изъ вѣжливости также остановился, одинъ изъ этихъ бояръ, повидимому знатнѣйшій между ними, началъ меня подробно разспрашивать, кто я таковъ и откуда, латинецъ ли я или грекъ, монахъ или свѣтскій священникъ; имѣетъ ли княгиня при себѣ греческихъ или сербскихъ священниковъ, и находятся ли въ ея свитѣ католическіе духовные, и какіе именно. Я отвѣчалъ почти на все, но такъ, чтобы не навлечь на себя ненависти и не возбудить подозрѣнія. Потомъ, получивъ отъ нихъ позволеніе и свободный пропускъ, я отправился въ дальнѣйшій путь. Вслѣдъ за тѣмъ мы прибыли въ сосѣднюю деревню, гдѣ московскій или русскій священникъ (которыхъ русскіе называютъ попами), во главѣ многочисленнаго народа ожидалъ княгиню, чтобы по русскому обычаю встрѣтить ее хлѣбомъ и солью, что означало подданство и признаніе надъ собою ея владычества. Таковъ старинный обычай русскихъ (они выходятъ съ хлѣбомъ и солью, когда ихъ государи возвращаются откуда нибудь, особенно когда встрѣчаютъ новыхъ своихъ царей); и въ цѣломъ путешествіи, до самой Москвы, изъ всѣхъ деревень и монастырей выходили встрѣчать великую княгиню хлѣбомъ и солью. Въ мѣстахъ уже болѣе богатыхъ встрѣчали великую княги-

пю, кромѣ хлѣба и соли, еще никопами, медомъ, виномъ, водкою и проч. Въ тотъ же день мы прибыли въ деревню Красный, наполненную народомъ, который пришелъ туда на ночлегъ. Княгиня съ отцемъ своимъ остановилась въ новомъ домѣ, для нея нарочно выстроенномъ; вся же свита была размѣщена въ деревнѣ, съ не очень большими удобствами. Однако, мы нашли тамъ достаточное количество приготовленныхъ для насъ съѣстныхъ припасовъ, а также кормъ для нашихъ лошадей. Но передъ нашимъ прибытіемъ въ эту деревню мы должны были пройдти чрезъ 24 деревянные моста, по большей части новыхъ, выстроенныхъ на рѣкахъ или на мѣстахъ болотистыхъ, которыя тамъ находились въ большомъ множествѣ. И послѣ этого мы ежедневно встрѣчали мосты, такъ что на дорогѣ нашей въ Москву переѣхали чрезъ 600. Въ Красномъ мы провели ночь и слѣдующій день; а потомъ отправились въ ближайшую деревню Лубно, отстоявшую на 7 миль. Тамъ мы нашли двухъ пословъ: Масальскаго, маршала Московскаго государства, и Нагого, одного изъ знатнѣйшихъ бояръ, со свитою почти 2,000 всадниковъ. Послы эти были отправлены Димитріемъ на встрѣчу великой княгинѣ, и удивили насъ великолѣпіемъ. Пришедши вечеромъ того же дня, т. е. 20 апрѣля, на квартиру воеводы, они привѣтствовали его пышною рѣчью, въ которой сначала упомянули объ услугахъ, оказанныхъ со стороны воеводы Димитрію, потомъ превозносили благодарность Димитрія, который хотя могъ бы жениться на любой изъ принцессъ христіанскихъ, предпочелъ однако семейство воеводы, и въ благодарность за оказанныя имъ услуги и благодѣянія, избралъ въ супруги дочь его, и сдѣлалъ ее соучастницею всѣхъ своихъ сокровищъ и великою княгинею Московскою. Рѣчь эту произнесъ Масальскій, человѣкъ, говорившій краснорѣчиво на языкѣ своемъ и одѣтый въ весьма богатое платье, которое стоило около тысячи червонцевъ, и было украшено золотомъ, серебромъ и блестящими драгоцѣнными каменьями. Воевода отвѣчалъ скромно и коротко, вспомнилъ о своихъ услугахъ; за то чрезвычайно похвалилъ Димитрія, и сказалъ, что по его милостивому приглашенію онъ охотно отправился въ столь далекое путешествіе. Привѣтствовавъ воеводу, послы просили, чтобы имъ позволено было привѣтствовать и великую княгиню именемъ своего государя. Когда имъ тотчасъ это было позволено, и когда они успѣшно исполнили свое порученіе, то немедленно удалились на свои квартиры. Эти же послы привели съ собою прекрасныхъ лошадей и великолѣпныя колесницы, которыя прислалъ Димитрій, чтобы почтить великую княгиню, и чтобы она совершила въ нихъ остальную часть своего путешествія, до самой Москвы. И именно были три колесницы, богато украшенныя. Въ такихъ колесницахъ ѣздятъ въ государствѣ Московскомъ, какъ сами цари, такъ и знатные бояре, и лѣтомъ и зимою, для показанія своего достоинства или ради великолѣпія. Первая и самая богатая изъ нихъ была запряжена въ 12 прекрасныхъ бѣлыхъ лошадей; она имѣла крышу, наподобіе маленькаго домика, обтянутую шелковою матеріею и украшенную серебряными пластинками; внутри этотъ домикъ былъ выстланъ собольими мѣхами, чѣмъ государи Московскіе показывали свое богатство и великолѣпіе; кромѣ того, со стороны было окно на подобіе дверей, со вставленнымъ стекломъ. Лошадьми управляли три кучера, держа въ рукахъ шелковыя красныя возжи и одѣтые въ кафтаны изъ золотой турецкой матеріи, и украшенные соболь-

ими мѣхами. Двѣ другія колесницы были не столь богаты, однако также были весьма великолѣпны. Когда колесницы того же еще вечера были такимъ образомъ приготовлены и разставлены, утромъ слѣдующаго дня 21-го апрѣля, княгиня сѣла въ свою колесницу, и со всею свитою, увеличенною прибывшими изъ Москвы Русскими, отправилась въ Смоленскъ, куда прибыла около полудня. Смоленскъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ Московскаго государства, и главный городъ княжества, называемаго Смоленскимъ и Сѣверскимъ, земли плодородной, славной въ древности, и за которую нѣкогда были ведены многія войны между королями Польскими и великими князьями Московскими. Войны эти были ведены съ различнымъ успѣхомъ, а въ послѣднюю изъ нихъ, около ста лѣтъ до этого времени, земля Смоленская перешла въ руки Русскихъ чрезъ предательство. Смоленскъ лежитъ по обоимъ берегамъ Днѣпра, имѣетъ всѣ домы деревянные, исключая монастырей и церквей, которые большею частью изъ камня. Крѣпость города весьма сильна, и окружена высокою стѣною, на которой находятся 40 башенъ. Внутри нѣтъ ни одного почти зданія, достойнаго вниманія, исключая нѣкоторыхъ церквей Русскихъ. Никому, даже великой княгинѣ и воеводѣ отцу ея, не позволено было войти въ крѣпость; чему всѣ не мало удивлялись. Еще болѣе удивило насъ то, что верховный воевода Смоленскій, который имѣлъ главное начальство надъ крѣпостью, не вышелъ на встрѣчу княгинѣ, но выслалъ своего товарища (ибо у Русскихъ обыкновенно два начальника въ крѣпостяхъ), сей послѣдній встрѣтилъ насъ передъ городомъ и конвоировалъ насъ. Когда мы прибыли въ предмѣстье, насъ встрѣтило пѣшее войско, разставленное по обѣ стороны, такъ что великая княгиня и вся ея свита должны были проѣзжать по оставленной между рядами дорогѣ. Всѣ были вооружены копьями, одѣты въ красное платье, и довольно воинственнаго вида. Такихъ солдатъ мы послѣ еще видѣли въ разныхъ мѣстахъ государства Московскаго. Пробывъ въ Смоленскѣ два дня, княгиня 24 апрѣля отправилась далѣе и долго должна была остановиться надъ Днѣпромъ, за деревнею Пневымъ, гдѣ въ Днѣпръ вливаются двѣ довольно значительныя рѣки. Нужно было переправляться чрезъ доски, уложенныя въ видѣ лежачаго моста; и когда за княгинею и воеводою начала тѣснится ихъ свита, то доски сломались, при чемъ потонули нѣкоторыя изъ людей воеводы Сандомирскаго, между прочими господинъ Томашевскій, слуга господина Тарновскаго; прочіе спаслись съ большимъ только трудомъ. Оставшаяся по той сторонѣ рѣки свита благополучно переправилась на слѣдующій день, отецъ Савицкій между первыми. Въ тотъ же еще день она догнала княгиню въ Дорогобужѣ, гдѣ та провела слѣдующій день, т. е. 27 апрѣля. Потомъ, оставивъ Дорогобужъ 28-го апрѣля, княгиня прибыла въ Вязьму. Потомъ, послѣдняго числа апрѣля, которое было пятымъ Воскресеньемъ послѣ Пасхи, и въ которое Русскіе празднуютъ свою Пасху, княгиня прибыла въ село Гжатскъ, гдѣ провела ночь. Воевода, вызванный въ Москву, выѣхалъ впередъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, старостою Саноцкимъ, съ воеводою Вишневецкимъ и съ господиномъ Тарломъ. Таково въ этомъ мѣсяцѣ было путешествіе; въ слѣдующемъ мѣсяцѣ разскажемъ объ остальномъ.

Pag. 283. Подъ 2-мъ числомъ мая, въ которое княгиня прибыла въ Можайскъ, въ городъ государства Московскаго, славный иконою св. Нико-

лая, рѣзной работы, мы читаемъ въ дневникѣ отца Савицкаго, что съ нимъ случилось очень непріятное приключеніе. Третьяго числа того же мѣсяца, онъ встрѣтилъ одного Русскаго попа, и началъ съ нимъ откровенный разговоръ, касательно предметовъ религіи и способа читанія молитвъ въ честь Пресвятой Дѣвы. Ибо у русскихъ есть и болѣе короткія молитвы, которыя они читаютъ на четкахъ. Послѣ каждой такой молитвы произносятся слѣдующія слова: Господи помилуй, что значитъ по латыни Domine miserere. При этомъ случаѣ отецъ Савицкій просилъ попа, нельзя ли ему видѣть икону св. Николая, на поклоненіе которой стекается народъ изъ цѣлаго Московскаго государства. Попъ обѣщалъ свое въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе, и присоединился къ отцу Савицкому и его товарищамъ. И когда всѣ вмѣстѣ вышли, то узнали, что и великая княгиня пошла посѣтить ту же икону Николая, и что цѣлая святыня наполнена ея свитою. Потому отецъ Савицкій долженъ былъ нѣсколько подождать, и рѣшился употребить это время на посѣщеніе одного изъ главныхъ монастырей Можайскихъ. И такъ, онъ просилъ, чтобы его впустили; но это было сдѣлано только тогда, когда попъ началъ просить за Савицкаго. Онъ вступилъ на довольно обширный дворъ монастырскій, гдѣ нашелъ нѣсколькихъ ожидавшихъ его чернецовъ (такъ Русскіе называютъ своихъ монаховъ). Онъ ихъ привѣтствуетъ, а они кланяются ему низко, по обычаю Русскихъ. Потомъ его приглашаютъ пить холодное пиво или медъ, что онъ принялъ ради вѣжливости. Потомъ онъ начинаетъ разспрашивать о состояніи монастыря, и освѣдомляется, гдѣ начальникъ монастыря. Тогда одинъ изъ монаховъ, который казался болѣе разсудительнымъ, отвѣчалъ: игуменъ

нашъ (этимъ греческимъ словомъ Русскіе обыкновенно называютъ начальника монастыря) молится Богу во внутреннихъ келіяхъ монастыря, и никто не имѣетъ къ нему доступа, кромѣ одного монаха, который иногда приходитъ къ нему, чтобы удовлетворять его потребностямъ. Получивъ такой отвѣтъ, Савицкій поздравилъ монаховъ, что имѣютъ такого начальника, и началъ разговаривать о другихъ предметахъ. Во время разговора вдругъ является человѣкъ довольно пріятной наружности, съ большою бородою, одѣтый какъ другіе чернецы, и привѣтствуетъ Савицкаго; а когда тотъ спрашиваетъ, кто это такой, то ему отвѣчаютъ, что это самъ игуменъ, который пришелъ сюда ради гостепріимства. И такъ, Савицкій привѣтствуетъ игумена, который въ свою очередь ему кланяется, но очень шатается, не можетъ сказать ничего связнаго, и чѣмъ болѣе хочетъ говорить съ Савицкимъ, тѣмъ менѣе можетъ сдѣлать это. Наконецъ Савицкій, внимательно всмотрѣвшись въ игумена, увидѣлъ, что этотъ достопочтенный отецъ, о которомъ говорили, что онъ молился Богу, молился стаканомъ, и что вслѣдствіе излишняго созерцанія, у его отнялся языкъ и подкосились ноги. Но и другіе чернецы были такихъ же обычаевъ; ученики брали примѣръ съ учителя. Увидѣвъ это, Савицкій началъ приближаться къ дверямъ монастыря; но монахи побѣжали за нимъ съ стаканами, и особенно игуменъ, который вышедъ даже за ворота монастыря съ стаканомъ меду, болѣе принуждалъ, нежели приглашалъ Савицкаго, чтобы онъ пилъ. И это неудивительно, ибо въ цѣломъ Московскомъ государствѣ монахи и попы преданы пьянству. Оставивъ монастырь, Савицкій спѣшилъ къ иконѣ св. Николая. Крѣпость находится въ самомъ

концѣ города, и окружена со всѣхъ сторонъ рвомъ, валомъ и стѣной. При входѣ она имѣетъ каменныя ворота, надъ которыми, во внутренней части крѣпости, по лѣвой сторонѣ ведетъ чрезъ сѣни и темный корридоръ каменная лѣстница къ часовнѣ Св. Николая. Когда мы туда прибыли, то насъ впустили въ самую часовню, по лѣвой сторонѣ коей находится другая, меньшая часовня, отдѣленная съ обѣихъ сторонъ особенною стѣною, и вездѣ богато украшенная прекрасными картинами, представляющими чудеса св. Николая. Въ срединѣ находится икона св. Николая во весь ростъ, вырѣзанная изъ дерева, имѣющаго цвѣтъ желтый, или потому, что такое уже дерево, или потому, что дерево это окрашено желтою краскою, или же по причинѣ старости. На иконѣ шелковыя ризы, подобныя тѣмъ, какія надѣваютъ греческіе священники во время богослуженія. Риза до самаго пояса украшена золотыми и серебряными пластинками, которыя приносятся въ даръ тѣми людьми, которыхъ Богъ услышалъ молитвъ ради св. Николая. Въ правой рукѣ св. Николай держитъ мечъ, а лицо его выражаетъ болѣе строгость, нежели доброту. Всѣ русскіе чрезвычайно почитаютъ эту икону, и часто приходятъ, чтобы поклониться ей. Никого не впускаютъ въ святыню съ оружіемъ, и когда я вошелъ (говоритъ Савицкій) съ однимъ только кинжаломъ, то протопопъ, имѣющій надзоръ надъ святынею, вырвалъ у меня кинжалъ изъ рукъ, бросилъ на землю, приказалъ его вынести за двери, чтобы не была нарушена святость мѣста. Осмотрѣвъ все, мы благодарили протопопа за его услужливость, которую онъ оказалъ намъ, чужеземцамъ, показавъ намъ столь славную икону этого святаго. Потомъ мы пошли въ крѣпость, и вступили въ одинъ прекрасный каменный храмъ, находившійся почти въ самой срединѣ крѣпости. Тамъ, на правой сторонѣ храма, мы увидѣли другую икону св. Николая, во весь также ростъ и рѣзной работы, только меньшую, нежели первая; она стояла у стѣны, была покрыта ризами и украшена золотомъ и серебромъ, въ правой рукѣ держала сдѣланную изъ серебра державу. Когда мы спросили, для чего первая икона держитъ въ рукахъ мечъ, а другая державу, намъ отвѣтили, что первой иконѣ преимущественно поклоняются во время войны, а второй во время мира. Говорили еще, что въ этомъ храмѣ находится одинъ человѣкъ, который для покаянія и ради нравственнаго усовершенствованія уже тридцать лѣтъ ходитъ нагимъ, и котораго почитаютъ какъ святаго. Но намъ не хотѣли показать его, хотя недавно передъ тѣмъ его показывали другимъ нашимъ товарищамъ, которые передъ нами были въ крѣпости и отъ которыхъ мы узнали объ этомъ человѣкѣ. И такъ, осмотрѣвъ все, что только могли, мы оставили крѣпость и разошлись по нашимъ квартирамъ. Вотъ что разсказываетъ отецъ Савицкій въ своемъ дневникѣ.

(Annus Domini 1606. — 4 Maji. Pag. 287, § 73). Но обратимся опять къ путешествію великой княгини Московской и къ отцу Савицкому. Оставивъ Можайскъ 4-го мая, въ самый день Вознесенія Господня, мы прибыли въ Кубинскъ, а потомъ 5-го мая въ городъ Вязьму. Тамъ, кромѣ великолѣпнаго дворца, находился еще замѣчательный храмъ, окруженный многими башнями, а внутри украшенный прекрасными картинами. Такъ какъ по приказанію Димитрія въ этомъ мѣстѣ слѣдовало оставаться четыре дня, то отецъ Савицкій, по случаю праздника св. Станислава, совершилъ богослуженіе и произнесъ проповѣдь въ присутствіи княгини и ея двора. Выѣхавъ

изъ города Вязьмы 9-го мая, и совершивъ четыре мили, княгиня прибыла въ одно мѣсто, съ пріятными окрестностями, лежавшее между холмами, и отстоявшее отъ самой Москвы не болѣе какъ на полторы мили. Тамъ мы нашли многія палатки, окруженныя укрѣпленіями; палатки эти были изъ бѣлаго полотна, и разставлены такимъ образомъ, что представляли видъ лагеря. Димитрій велѣлъ разбить эти палатки для того, чтобы княгиня, послѣ трудностей далекаго путешествія, могла въ нихъ отдохнуть, а съ другой стороны, чтобы показать свое великолѣпіе. И дѣйствительно, между этими палатками находились нѣкоторыя, возбуждавшія всеобщее вниманіе. Особенно мы дивились тремъ палаткамъ, весьма драгоцѣннымъ и изящнымъ. Одна изъ нихъ, самая большая, находилась въ срединѣ лагеря и представляла видъ пышнаго дворца. Внутри были прекрасныя иконы Спасителя и святыхъ, вышивной работы и подъ каждою иконою находилась надпись русскими буквами. Потомъ по сторонамъ въ видѣ круга былъ написанъ 22-й псаломъ, на четырехъ различныхъ языкахъ: русскомъ, латинскомъ, сирійскомъ и арабскомъ, украшеніе истинно царское и достойное монарха христіанскаго. И въ этой самой палаткѣ отправлялось богослуженіе, пока княгиня тамъ оставалась, въ присутствіи ея и ея свиты. Оставалась она тамъ до 12-го мая, то есть до дня, предназначеннаго для ея въѣзда въ столичный городъ Москву. Въ этотъ день, съ самымъ разсвѣтомъ (говоритъ отецъ Савицкій въ своемъ дневникѣ), княгиня отправила ко мнѣ своего постельничаго, и велѣла мнѣ придти къ ней. Постельничій нашелъ меня среди полей подъ вѣтвями, изъ которыхъ я сдѣлалъ себѣ шалашъ и въ которомъ отдыхалъ, извѣщаетъ меня о приказаніи княгини, и велитъ спѣшить къ ней какъ можно скорѣе, говоря, что она въ этотъ день особенно хочетъ слушать богослуженіе. Услышавъ о богослуженіи, я подумалъ не ошибка ли, что она зоветъ меня для выслушанія исповѣди и для причастія, такъ какъ во все время путешествія духовниками ея были отцы Бернардины. Потому я еще разъ спросилъ постельничаго, хорошо-ли онъ понялъ приказаніе княгини; но такъ какъ онъ оставался при томъ, что зовутъ меня, а не кого другаго, то я взялъ нужныя для богослуженія вещи и отправился въ лагерь. Прибывъ туда предъ восходомъ солнца, нѣсколько подождалъ, пока въ палаткѣ княгини былъ поставленъ алтарь и сдѣланы другія необходимыя приготовленія. Когда все было окончено, я вошелъ въ палатку, гдѣ княгиня уже ожидала меня; а на вопросъ мой, что она мнѣ прикажетъ, она мнѣ отвѣтила, что хочетъ исповѣдываться и причаститься въ этотъ день торжественнаго своего въѣзда. И такъ, я сѣлъ, исповѣдывалъ ее, а потомъ причастилъ. По окончаніи священнодѣйствія, я приблизился къ ней и просилъ ее, чтобы, когда она возсядетъ на престолъ, она не забыла о своихъ обѣщаніяхъ, сдѣланныхъ нѣкогда и папскому нунцію и многимъ другимъ лицамъ, то есть, что она будетъ убѣждать своего супруга Димитрія къ ревностному распространенію католической вѣры, и не забудетъ объ орденѣ іезуитовъ, оказавшемъ ему столь великія услуги. Кромѣ того я просилъ еще, чтобы она позволила мнѣ доступъ къ себѣ и къ Димитрію, что въ государствѣ Московскомъ сопряжено съ большими затрудненіями для иностранцевъ. Она выслушала все это благосклонно и отвѣтила, что будетъ въ этомъ дѣлѣ употреблять всѣ свои старанія; послѣ чего отпустила меня со всѣми признаками своего расположенія. Почти въ то же время на-

чали дѣлать всѣ нужныя приготовленія для торжественнаго въѣзда княгини. Отецъ Савицкій пошелъ впередъ и вступилъ въ домъ, назначенный Димитріемъ для сопровождавшихъ его въ Москву нашихъ іезуитовъ. Онъ прибылъ туда рано до полудня, и нашелъ въ добромъ здоровьѣ отца Николая Цыровскаго (ибо отецъ Лаппицій не возвратился еще изъ Рима, и потомъ вовсе не возвращался). Послѣ взаимнаго привѣтствія и послѣ окончанія богослуженія, отецъ Савицкій, вмѣстѣ съ Цыровскимъ, пошелъ смотрѣть въѣздъ княгини, который былъ чрезвычайно великолѣпенъ и удивилъ его истинно царскою пышностью и блескомъ. Много можно разсказать о немъ (говоритъ отецъ Савицкій), но мы ограничимся только слѣдующимъ. Двѣ были въ то время націи, отъ нѣсколькихъ вѣковъ не только соперничествовавшія, но даже одна другой непріязненныя, поляки и русскіе, которыя, пользуясь этимъ рѣдкимъ случаемъ соревнованія, старались превзойти одни другихъ пышностью и великолѣпіемъ, и удостоиться пальмы первенства у Димитрія и его супруги. Русскіе далеко превосходили поляковъ числомъ людей и лошадей, а также пышною одеждою, которую они имѣли обыкновеніе надѣвать въ торжественные дни. Поляки напротивъ отличались людьми, оружіемъ и конями, воодушевленными воинственностью и были украшены разными драгоцѣнными военными принадлежностями, такъ что обращали на себя всеобщее вниманіе. Княгиня ѣхала въ великолѣпной колесницѣ, запряженной въ 12 лошадей, въ сопровожденіи бояръ Московскихъ, которые шли пѣшкомъ изъ уваженія и окружали колесницу. Прибывъ къ крѣпости (которая чрезвычайно велика и окружена весьма высокою стѣною, валомъ и рвомъ) и въѣхавъ въ ея ворота, колесница княгини уже чрезъ нѣсколько шаговъ остановилась предъ однимъ монастыремъ, находившимся по правой сторонѣ внутри крѣпости, въ которомъ жила вдовствующая мать Димитрія. Она, по приказанію Димитрія, приняла у себя княгиню съ большими почестями и оставила при себѣ на слѣдующіе дни. Самъ Димитрій въ тотъ же день вышелъ изъ своего дворца съ большою свитою, и привѣтствовалъ свою супругу; цѣлая же свита княгини, не включая нѣкоторыхъ оставленныхъ при ней женщинъ, разошлась въ назначенныя ей квартиры. Такимъ образомъ происходилъ этотъ въѣздъ.

Прежде нежели приступимъ къ изложенію событій слѣдующихъ дней, разскажемъ о тройномъ несчастномъ для нашихъ іезуитовъ знаменіи, которое отецъ Савицкій записалъ въ дневникѣ своемъ. Первымъ зловѣщимъ знакомъ было то, что вступивъ въ предѣлы государства Московскаго и вездѣ встрѣтивъ хорошіе и удобные мосты, по мѣрѣ приближенія нашего къ самой столицѣ мы должны были проѣзжать чрезъ мосты весьма неудобные, хотя въ этихъ мѣстахъ ожидали совершенно противное. Во вторыхъ, когда мы въѣхали въ самую Москву, намъ были отведены квартиры каждому порознь, такъ что мы были разсѣяны по всему городу, который почти столь же обширенъ, какъ и Римъ; нѣкоторые изъ насъ обратили на это свое вниманіе, и справедливо негодовали. Наконецъ княгиня, остановившись въ вышесказанномъ монастырѣ, никакъ не могла допроситься, чтобы въ день Пятидесятницы было позволено католическимъ ея священникамъ совершить предъ нею богослуженіе, хотя ея пріятели и родственники, приходившіе къ ней съ поздравленіями, имѣли ежедневно у нея доступъ. Все это безпокоило насъ ка-

сательно успѣха нашихъ замысловъ. И опасеніе наше не было неосновательно, ибо вскорѣ самый исходъ дѣла показалъ, что все это было приготовлено и придумано хитрыми русскими ко вреду нашему и нашей религіи. На другой день, то есть 13-го мая, который былъ субботою Пятидесятницы, всѣ мы, записанные каждый по имени (говоритъ отецъ Савицкій), пошли цѣловать руку Димитрія, около двухъ часовъ до полудня. Мы вошли въ обширный и великолѣпный дворецъ, гдѣ Димитрій ожидалъ насъ съ цѣлымъ своимъ сенатомъ и высшимъ духовенствомъ. По лѣвой рукѣ былъ поставленъ въ пріемной залѣ упираюшійся па двухъ серебряныхъ львахъ тронъ, который Димитрій недавно передъ тѣмъ приказалъ сдѣлать. Богато украшенный золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями, по мнѣнію золотыхъ дѣлъ мастеровъ, онъ стоилъ 150,000 злотыхъ. На немъ сидѣлъ царь, возложивъ на себя знаки царскаго достоинства и блистая золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Передъ нимъ съ каждой стороны стояли по два человѣка, которые имѣли платье, шляпы и сапоги бѣлые, и которые держали въ рукахъ символы государства. Пятый же, стоявшій подлѣ самого царя, держалъ обнаженный мечъ. По обѣимъ сторонамъ сидѣлъ сенатъ Московскій. На право отъ царя сидѣлъ патріархъ съ митрополитами и владыками, каждый по своему сану, а подлѣ патріарха стоялъ одинъ священникъ съ блюдомъ, на которомъ лежалъ крестъ. Съ лѣвой стороны сидѣли высшіе дворяне, приглашенные въ сенатъ. Далѣе, по обѣимъ сторонамъ залы были бояре, числомъ сто, одѣтые въ золотое платье. Вступивъ въ залу и увидѣвъ царя, мы изъ уваженія остановились шагахъ въ десяти отъ его трона. Потомъ въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ мы были записаны, каждый изъ насъ, по приказанію канцлера царскаго, подходилъ цѣловать руку Димитрія, послѣ чего возвращался на прежнее мѣсто. Наконецъ Мартинъ Стадницкій, кастелянъ Саноцкій, произнесъ рѣчь, въ которой отъ имени воеводы и прочихъ поляковъ привѣтствовалъ Димитрія и поздравлялъ его съ пріобрѣтеніемъ отцовскаго престола. Послѣ этого Димитрій, призвавъ къ себѣ канцлера своего, приказалъ ему отвѣтить намъ, что царь весьма радъ такимъ гостямъ, какъ мы, что онъ ихъ привѣтствуетъ и изъявляетъ имъ свое расположеніе и милость; что канцлеръ Аѳанасій исполнилъ въ краткой плавной рѣчи. Воевода сѣлъ на нѣсколько ниже скамейкѣ, какъ бы у ногъ сенаторовъ. По окончаніи нашего пріема явились послы короля польскаго съ письмами и подарками. Николай Олесницкій, кастелянъ Малогостенскій, и Гонсевскій, староста Велижскій, отъ имени короля привѣтствовали Димитрія, вручили письма и представили подарки, обоюдно посылаемые между этими націями. Тотчасъ же возникъ споръ касательно титуловъ, и въ первомъ порывѣ гнѣва письма не были приняты; однако потомъ ихъ взяли, а послѣ были допущены къ цѣлованію царской руки.

Послѣ праздника Пятидесятницы или 16-го мая, княгиня, по приказанію Димитрія, была привезена изъ монастыря, въ которомъ она находилась, во внутренность замка, гдѣ для нея и ея свиты была отведена особенная часть дворца. Тамъ, впродолженіе почти полутора дней, она приготовлялась къ вѣнчанію на царство. И такъ, въ назначенный день, 18-го мая, къ замку сходится огромное множество русскихъ, поляковъ и разныхъ иноземцевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ звонили въ колокола во всѣхъ церквахъ

Московскихъ. Колокольный звонъ начался еще отъ полуночи. Потомъ около полудни княгиня выходитъ вмѣстѣ съ царемъ Димитріемъ и идетъ прямо въ храмъ Пресвятой Богородицы, въ которомъ коронуются всѣ государи Московскіе. Она идетъ дорогою, устланною золотыми коврами, упираясь съ правой стороны на воеводу отца своего, а съ лѣвой на одну знатную Московскую матрону; за нею слѣдуетъ знатнѣйшее дворянство русское и польское. Она была принята патріархомъ и духовенствомъ Московскимъ, которое, вставъ въ ряды, ожидали ее внутри храма. Потомъ она была помазана и коронована по обряду церкви греческой, и послѣ одного или двухъ часовъ отвезена обратно во дворецъ съ тою же пышностью. Во время обратнаго шествія нѣкоторые знатнѣйшіе вельможи Московскіе несли въ рукахъ чаши, наполненныя золотыми и серебряными монетами, которыми они бросали въ народъ. Это дѣлалось по примѣру другихъ государей, оказывавшихъ такимъ образомъ свою радость и щедрость при такомъ священномъ обрядѣ. Княгиня была отвезена во дворецъ, вся свита ея отослана, а въ тотъ день не было приготовлено никакого брачнаго пира, такъ какъ всѣ были утомлены и было уже нѣсколько поздно. Димитрій послалъ одного изъ своихъ царедворцевъ, чтобы объявить, почему въ этотъ день нѣтъ пира, и пригласилъ всѣхъ на второй день. И такъ, пиръ приготовленъ былъ на слѣдующій день, и приглашены на него всѣ знатнѣйшія лица, но такъ какъ это было въ пятницу послѣ Пятидесятницы, то всѣ русскіе, а также многіе и изъ нашихъ видѣли въ этомъ большой соблазнъ. Особенно русскіе чтятъ пятницу постомъ, воздерживаясь въ этотъ день не только отъ скоромныхъ явствъ, но вообще отъ всякой роскоши въ образѣ жизни. Потому многіе роптали, и истолковывая это различно, видѣли зловѣщее предзнаменованіе; даже многіе католики польскіе чрезвычайно удивились этому и не одобрили. Но нужно было покориться волѣ царя, отъ которой все зависѣло. Приготовленный пиръ не соотвѣтствовалъ нашимъ ожиданіямъ, и былъ приспособленъ къ обычаямъ и вкусу русскихъ. Пиршество продолжалось нѣсколько дней Русскіе, притворно изъявляя радость, рукоплескаютъ Димитрію, а между тѣмъ приготовляютъ давно замышленную измѣну, готовятъ смерть Димитрію и всѣмъ полякамъ, секретно составляютъ заговоръ, выжидаютъ удобнаго времени и, наконецъ, назначаютъ день для совершенія злодѣянія. Трое было главныхъ виновниковъ заговора, три родные брата Шуйскіе, Василій, Дмитрій и Иванъ, изъ древняго рода русскаго. Эти три брата мало по малу привлекли на свою сторону весьма многихъ вельможъ, или соединенныхъ съ ними узами родства, или обязанныхъ имъ за благодѣянія, но между народомъ имѣли очень мало соучастниковъ, такъ какъ они не смѣли дѣло такой важности и столь таинственное довѣрить народу. Но объ этомъ мы вскорѣ скажемъ подробнѣе.

(Pag. 290). Хотя заговорщики всѣми силами старались скрыть все болѣе и болѣе созрѣвающую измѣну, однако многіе поляки, а также нѣкоторые изъ преданныхъ Димитрію русскихъ, пронюхали ее, а даже 24-го мая тѣ же поляки узнали, что въ слѣдующую ночь всѣхъ ихъ хотѣли зарѣзать; схвачены были также нѣкоторые заговорщики изъ русскихъ и посажены въ тюрьму. Вѣсти эти устрашили всѣхъ, которые прибыли изъ Польши, и даже самыхъ пословъ королевскихъ, а Димитрія предостерегали въ послѣднюю недѣлю ежедневно почти разныя лица; но онъ какъ бы въ нака-

занie отъ Бога, такимъ образомъ обманутый и преданный своими русскими, которымъ слишкомъ довѣрялъ, не опасался ничего ни для себя, ни для другихъ, и приписывая страхъ этотъ малодушію поляковъ, обѣщалъ имъ совершенную безопасность. Даже накапунѣ роковаго дня, въ который онъ былъ убитъ, въ то время, когда царь осматривалъ своихъ лошадей, одинъ нѣмецъ пробрался къ нему и подалъ ему карточку, въ которой было написано, что слѣдующій день назначенъ для исполненія злодѣйскаго замысла. Димитрій, прочитавъ карточку, разорвалъ ее, и не обратилъ никакого вниманія на это предостереженіе. Въ тотъ же день самъ воевода Сандомирскій, убѣжденный просьбами Поляковъ, пошелъ къ Димитрію, и отъ имени ихъ объявилъ ему объ угрожающей опасности. Но Димитрій нисколько не испугался, и все это дѣло предоставилъ себѣ самому. Онъ даже отправилъ секретаря своего къ польскимъ наемникамъ и велѣлъ сказать имъ, чтобы они ничего не опасались, перестали бы тревожить и себя и другихъ, и что онъ строго накажетъ того, кто будетъ продолжать говорить объ этомъ дѣлѣ и такимъ образомъ поддерживать страхъ. По приказанію Димитрія, секретарь отправился въ тотъ же день и къ посламъ королевскимъ, обѣщалъ имъ полную безопасность, и оставилъ ихъ не прежде, какъ въ первомъ часу ночи. Это была воля Божія, которая допустивъ такое ослѣпленіе и упрямство, скрытно приготовляла заслуженную и справедливую погибель Димитрія. 1) Ибо Димитрій много измѣнился, и не былъ уже похожъ на того Димитрія, который былъ въ Польшѣ. 2) О вѣрѣ и религіи католической (вопреки столь многимъ обѣщаніямъ) онъ мало думалъ. 3) О папѣ, которому, по словамъ посланныхъ изъ Польши писемъ, онъ посвятилъ и себя и своихъ подданныхъ, теперь онъ говорилъ безъ уваженія и даже съ презрѣніемъ. 4) По словамъ достовѣрныхъ свидѣтелей онъ преданъ былъ плотскимъ грѣхамъ и, какъ говорили, имѣлъ разныя сношенія съ колдунами. 5) Всѣ еретики имѣли къ нему доступъ, и онъ преимущественно слѣдовалъ ихъ совѣтамъ и наущеніямъ. Онъ возгордился до такой степени, что не только равнялся всѣмъ монархамъ христіанскимъ, но даже считалъ себя выше ихъ, и говорилъ, что онъ будетъ, подобно какому-то второму Геркулесу, славнымъ вождемъ цѣлаго христіанства противъ Турокъ. Онъ самовольно принялъ титулъ императора, и требовалъ, чтобы его такъ величали не только собственные подданные, но даже государи иностранные. 6) Короля Польскаго, Сигизмунда III, которому онъ былъ обязанъ столь многими благодѣяніями, не только оскорбилъ словами, но даже вознамѣрился лишить государства. 7) О своей мудрости, могуществѣ, справедливости былъ столь высокаго мнѣнія, что никого не почиталъ себѣ равнымъ, а даже презиралъ нѣкоторыхъ монарховъ христіанскихъ, добрыхъ и могущественныхъ. Наконецъ онъ господство свое почиталъ за вѣчное. Но несчастный не зналъ Того, который надѣляетъ царствами и передаетъ ихъ по своей волѣ кому онъ хочетъ; и такимъ образомъ онъ свергнулъ въ пропасть и себя и своихъ. Прежде нежели опишу это (говоритъ отецъ Савицкій), я упомяну о краткомъ разговорѣ, который я имѣлъ съ нимъ самъ на самъ. Два дни до своей смерти онъ, или по собственному побужденію, или по просьбѣ княгини, отъ которой, какъ я уже сказалъ выше, я просилъ это въ самый день ея въѣзда, онъ потребовалъ меня къ себѣ чрезъ одного изъ своихъ отроковъ. Это было 25-го мая, въ который день мы, по нашему календарю, вмѣстѣ съ прочими Поляка-

ми, отдѣльно праздновали торжество Божьяго тѣла. Войдя въ его спальню, въ которой онъ одинъ, удаливъ всѣхъ свидѣтелей, ожидалъ меня, я поклонился ему съ подобающимъ столь могучему монарху почтеніемъ, и поцѣловалъ его руку. Потомъ въ краткой рѣчи я поздравилъ его съ пріобрѣтеніемъ престола, и молилъ Бога, чтобы онъ низпослалъ на него всѣ дары свои. Онъ отвѣтилъ болѣе длинною рѣчью, и поздравляетъ самого себя съ тѣмъ, что видитъ въ добромъ здоровьѣ такого дорогого для него друга, каковъ я, потомъ говоритъ, что онъ готовъ все сдѣлать, чтобы оказать мнѣ свое расположеніе и благодарность. Тогда я вручилъ ему письмо и подарки отца генерала нашего ордена; подарки были присланы не только отцемъ нашимъ генераломъ, но даже самимъ папою, и состояли въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ, и въ золотыхъ и серебряныхъ пластинкахъ съ портретомъ папы; кромѣ того папа прислалъ ему индульгенціи. Димитрій все это принялъ благосклонно. Потомъ всталъ съ сѣдалища и началъ прохаживаться по комнатѣ, а когда я все стоялъ въ это время, то онъ мнѣ подалъ знакъ, и почти притянулъ рукою, чтобы я вмѣстѣ съ нимъ прохаживался и такимъ образомъ продолжалъ разговоръ. Я сдѣлалъ, что мнѣ было приказано, и пользуясь столь благопріятнымъ случаемъ, началъ разговаривать о дѣлахъ, касавшихся религіи, и началъ припоминать ему нѣкоторыя изъ его намѣреній; наконецъ я просилъ, чтобы онъ высказалъ ихъ ясно, ибо для того начальство мое прислало меня въ Москву, чтобы я узналъ его волю, по узнаніи которой, я буду употреблять всѣ старанія для приведенія ея въ исполненіе. Тогда онъ тотчасъ выразилъ намѣреніе основать въ Москвѣ іезуитскую коллегію; ибо, говорилъ онъ, весьма желаетъ, чтобы въ возможно скоромъ времени возникли школы, снабженныя опытными наставниками. И когда я возразилъ, что это нельзя сдѣлать вдругъ, по причинѣ неимѣнія учениковъ, которыхъ спачала должно собрать и распредѣлить, онъ отвѣтилъ, что непремѣнно хочетъ, чтобы его иждивеніемъ изъ разныхъ мѣстъ были собраны мальчики нѣсколько уже приготовленные и зрѣлые для школы, и чтобы, такимъ образомъ, тотчасъ открыть школы. На это я ничего не сказалъ; потомъ собравшись съ мыслями, я не смѣлъ ни прямо порицать его намѣреніе, ни одобрить оное, но сказалъ въ общихъ словахъ, что все, что только возможно, будетъ сдѣлано по первому приказанію и повелѣнію. Потомъ онъ началъ другой неожиданный разговоръ, не помню уже по какому случаю; онъ началъ говорить о многочисленномъ своемъ войскѣ, которое имѣетъ теперь, и которое простирается до 100,000 человѣкъ, и прибавилъ, что онъ еще не рѣшилъ, противъ кого вести это войско, противъ язычниковъ ли и невѣрныхъ, или противъ кого другаго. И тотчасъ онъ началъ жаловаться на короля Польскаго за то, что онъ не хочетъ признать слѣдующаго ему титула; говоривъ объ немъ съ негодованіемъ, онъ наконецъ замолчалъ. Я полагалъ, что нечего уже болѣе спрашивать его объ этомъ предметѣ, и потому сказалъ только слѣдующее: что я всю надежду полагаю на божественное провидѣніе, которое не допуститъ, чтобы такое несогласіе и вражда существовали между столь могущественными монархами. Потомъ я старался узнать отъ него, намѣренъ ли онъ меня отослать или удержать при себѣ, и когда я увидѣлъ его намѣреніе удержать меня, то я смѣлѣе началъ просить, чтобы онъ позволилъ мнѣ свободный къ себѣ во всякое время доступъ; ибо я долженъ буду приходить къ нему для совѣщанія и

для предложенія ему моихъ плановъ. Онъ обѣщалъ это, и подойдя скорыми шагами къ дверямъ, отворилъ ихъ, и призвавъ одного изъ секретарей своихъ, польскаго еретика, которому въ моемъ присутствіи приказалъ докладывать обо мнѣ каждый разъ, когда я буду приходить. Наконецъ, когда день клонился уже къ вечеру, онъ сказалъ, что въ другой разъ будетъ говорить подробнѣе; а теперь онъ хочетъ еще навѣстить мать свою, какъ приличествуетъ сыну. Такимъ образомъ онъ отпустилъ меня со всѣми знаками своего расположенія, послѣ этого разговора, продолжавшагося почти цѣлый часъ. И это былъ (говоритъ отецъ Савицкій) первый мой съ нимъ разговоръ и послѣдній; ибо черезъ два дни онъ погибъ, отъ заговора предателей. И объ этомъ скажу то, въ чемъ удостовѣрились послы королевскіе, пребывавшіе въ Москвѣ въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ; всѣ же прочіе разсказы, которые вымышлены и одинъ другому противорѣчатъ, я пропущу совершенно. И дѣло это произошло слѣдующимъ образомъ. Когда Димитрій, въ теченіе этой последней недѣли, столько разъ былъ предостерегаемъ, и не смотря на то пренебрегалъ всѣми предостереженіями, то заговорщики, опасаясь, чтобы вслѣдствіе все болѣе и болѣе частыхъ подозрѣній Поляковъ замыслы ихъ не обнаружились, рѣшились не терять времени. И такъ, съ разсвѣтомъ 27 мая, при самомъ почти восходѣ солнца, они начали давать условленный знакъ звономъ колоколовъ, которыхъ при каждой церкви виситъ нѣсколько. Димитрій, устрашенный необыкновеннымъ звономъ, соскочилъ съ постели, и спросилъ у хранителя дверей, русскаго, Андрея Бонаха, что такое значитъ этотъ колокольный звонъ въ столь необыкновенное время. Тотъ, самъ одинъ изъ соучастниковъ заговора, отвѣтилъ, что это есть знакъ, такъ какъ въ городѣ запылалъ пожаръ. Но онъ такъ думалъ (какъ самъ онъ потомъ сознался предъ нами): огромный пожаръ вскорѣ и тебя сожжетъ. Димитрій возразилъ: прикажи скорѣе потушить пожаръ. Сказавъ это, онъ опять легъ въ постель, но чрезъ нѣсколько минутъ, при постоянно увеличивающемся звонѣ, онъ слышитъ крикъ людей, врывающихся въ замокъ; они вездѣ разносятъ страхъ и смятеніе, овладѣваютъ замкомъ, врываются во дворецъ при помощи прежде уже подкупленныхъ русскихъ тѣлохранителей, и выламываютъ двери. Выбѣгаетъ начальникъ дворца Петръ Басмановъ, который вѣрно былъ преданъ Димитрію и котораго тотъ сдѣлалъ главнымъ предводителемъ всего русскаго войска, и старается удержать врывающихся, но на него тотчасъ всѣ бросаются, и покрытый многими ранами, онъ падаетъ мертвымъ на самыхъ ступеняхъ дворца. Димитрій, чрезвычайно устрашенный внезапнымъ шумомъ, отворяетъ окно, и видя собственными глазами угрожающую опасность, въ ужасѣ бѣжитъ къ княгинѣ, и громко кричитъ: ужасная измѣна, ужасная измѣна! Потомъ, оставивъ супругу, онъ бѣжитъ изъ одной комнаты въ другую, и наконецъ подбѣжалъ къ одному окну, которымъ хотѣлъ спуститься, чтобы избавиться отъ рукъ разъяренныхъ заговорщиковъ. Но выглянувъ этимъ окномъ и увидѣвъ, что оно слишкомъ высоко и что онъ не можетъ выскочить безъ опасности, онъ остановился и не зналъ что дѣлать, смотрѣлъ кругомъ себя, какъ бы ожидая отъ куда нибудь помощи. Въ это самое время врываются заговорщики, которые по всему дворцу слѣдовали по пятамъ его. Одинъ изъ нихъ выбѣгаетъ впередъ, схватываетъ Димитрія все еще въ нерѣшимости стоявшаго у окна, и выбрасываетъ его. Упавъ всею

тяжестію своего тѣла, Димитрій расшибъ себѣ колѣно, внизу тотчасъ подхватили его стрѣльцы, сами соучастники заговора, и предаютъ его въ руки пяти бояръ, главныхъ начальниковъ заговора. Говорятъ, что когда стрѣльцы несли его, онъ дѣлалъ имъ большія обѣщанія, ежели они захотятъ остаться ему вѣрными и защитить его противъ вѣроломныхъ бояръ, но напрасно. Ибо стрѣльцы хотя сами и рады были помогать Димитрію, но боялись бояръ, въ рукахъ которыхъ теперь находилась вся власть. И такъ, они отнесли его къ боярамъ, гдѣ Димитрій былъ покрытъ обвиненіями и ругательствами, и гдѣ ему не дали произнести слова. Особенно обвиняли его въ томъ, что онъ, не будучи связанъ узами родства съ домомъ великихъ князей московскихъ, но будучи человѣкъ простаго званія и извѣстный многимъ какъ своимъ родомъ, такъ и собственнымъ именемъ (его называли Гришкою или Григоріемъ Отрепьевымъ), осмѣлился присвоить себѣ царство, самое могущественное въ мірѣ христіанскомъ. Когда такими и тѣми подобными обвиненіями бояре насытили свою ярость, одинъ изъ нихъ, по имени Волохинъ, первый пустилъ въ него стрѣлу и пронзилъ его такъ, что онъ тотчасъ упалъ; и когда онъ еще боролся со смертію, подбѣжали другіе, обнаживъ мечи, покрыли его многими ранами и умертвили самымъ ужаснымъ образомъ. Убитаго потащили къ тѣмъ воротамъ замка, которыя вели въ городъ. И такъ какъ около этихъ воротъ, во внутренней части замка, находился монастырь, въ которомъ жила мать убитаго Димитрія, то заговорщики тамъ останавливаются, вызываютъ мать и, показавъ ей трупъ, спрашиваютъ, истинный ли этотъ сынъ ея. Она сначала молчитъ отъ страха, а потомъ дрожащимъ голосомъ произноситъ: вы это лучше знаете. Но когда заговорщики настаивали, чтобы она выразилась яснѣе, то побуждаемая или страхомъ или истиною, она рѣшительно объявила, что это вовсе не ея сынъ. Это сдѣлалося причиною того, что въ послѣдствіи многіе сомнѣвались, былъ ли это истинный Димитрій или самозванецъ. Но Русскіе, успокоенные этимъ отвѣтомъ, потащили трупъ за сѣверныя ворота замка до большой площади, находящейся предъ замкомъ. На этой площади находится круглое мѣсто, выложенное кирпичемъ, на нѣсколько ступеней возвышенное надъ землею, гдѣ государи Московскіе имѣли обыкновеніе сидѣть въ извѣстное время и говорить съ народомъ о дѣлахъ важныхъ. Туда заговорщики потащили трупъ Димитрія, и положили его на столъ, чтобы каждый могъ его видѣть, ругаться надъ нимъ и поносить его. У ногъ Димитрія они положили трупъ Басманова, вѣрнаго его приверженца, также нагой, и также, чтобы каждый могъ смѣяться надъ нимъ; потомъ, приставивъ стражу, оставили оба трупа на этомъ мѣстѣ. Потомъ собранъ былъ народъ, раздѣленъ на отряды и вооруженъ чѣмъ попало; отряды эти подъ предводительствомъ бояръ и поповъ, двинулись къ жилищамъ всѣхъ Поляковъ, пришедшихъ съ княгинею и воеводою, и грабятъ ихъ. Народъ нападаетъ на людей, живущихъ тихо и спокойно, ограбляетъ ихъ, убиваетъ, изливаетъ на умерщевленныхъ всю свою ярость, и цѣлый этотъ день посвящаетъ ужаснѣйшей рѣзнѣ. Убитыхъ было около 400, раненыхъ огромное множество; ограблены всѣ, исключая пословъ королевскихъ и тѣхъ Поляковъ, въ жилища которыхъ не ворвался народъ. Жилище воеводы, находившееся внутри замка, бояре защищали отъ разграбленія; но потомъ они пришли сами и взяли всѣ сокровища. Они безъ сомнѣнія, изрѣзали бы всѣхъ, ибо

таково было ихъ намѣреніе; но нѣкоторые были спасены божественнымъ провидѣніемъ, а другіе, защищаясь въ своихъ жилищахъ до послѣдней крайности, заключили договоръ, обезпечившій имъ жизнь. Тоже божественное провидѣніе сохранило нашихъ католическихъ монаховъ невредимыми, сверхъ всякаго ожиданія; хотя двери нашего жилища были выбиты, само жилище разграблено, а двое изъ прислуги нашей, вышедшіе на улицу при началѣ мятежа, тотчасъ же были убиты. При самомъ началѣ осады нашего дома, когда народъ выламывалъ двери, и когда мы подозрѣвали то, что дѣйствительно случилось, то есть что Димитрій убитъ или уже назначенъ для мести народа, и когда слѣдовательно и мы приготовились къ смерти, мы собрались въ домашней нашей церкви, въ которой ежедневно совершали богослуженіе. Было насъ трое (говоритъ отецъ Савицкій), именно я и еще двое изъ нашихъ, такъ какъ отецъ Николай Цыровскій съ самаго еще утра пошелъ въ жилище польскихъ солдатъ. Въ домашней церкви мы предались Богу, во власти котораго была и жизнь наша и смерть. Въ это время отцу Савицкому пришло на мысль отслужить обѣдню, и у алтаря Божьяго спокойно ожидать того, что будетъ угодно провидѣнію. Но такъ какъ не было чаши, ибо одну спряталъ отецъ Николай Цыровскій въ неизвѣстномъ намъ мѣстѣ, а двѣ другія не были въ домѣ, то нельзя было совершить таинства. И такъ, мы предались Богу, лишившись надежды на спасеніе, и ожидая вѣрной смерти, такъ какъ разъяренные Русскіе вламывались уже въ домъ нашъ съ оружіемъ. Но божественное провидѣніе нашло два средства для нашего спасенія. Во первыхъ, домъ нашъ прилегалъ къ дому купца изъ Литвы, которыхъ было въ Москвѣ большое множество. Во вторыхъ часть забора между нашимъ домомъ и домомъ купцовъ за нѣсколько дней обвалилась; и потому мы жили какъ бы въ одномъ съ купцами домѣ. При увеличивающемся смятеніи, когда дверь нашего жилища была выбита, купцы дали намъ у себя убѣжище и сохранили насъ невредимыми, хотя съ большою опасностью, какъ для насъ, такъ и для нихъ самихъ. Ибо одинъ схизматикъ, ненавидѣвшій католиковъ, увидѣвъ насъ въ домѣ купцовъ, началъ роптать и требовать, чтобы мы были преданы въ руки разъяренныхъ русскихъ; мятежники дѣйствительно сдѣлали нападеніе на домъ купцовъ, но были отбиты другими русскими, которые охраняли этотъ домъ; упомянутаго же схизматика купцы литовскіе большими обѣщаніями привлекли на свою сторону. И такъ, мы цѣлый день во все продолженіе мятежа, провели въ домѣ купцовъ, хотя были въ постоянномъ страхѣ, такъ какъ разъяренный народъ наполнялъ всѣ улицы города, и вездѣ разносилъ смерть. Наконецъ вечеромъ, около захожденія солнца, мятежъ успокоился, и мы провели ночь нѣсколько спокойнѣе, хотя и не могли спать. На слѣдующій день, 28 мая, Александръ Гонсѣвскій, одинъ изъ пословъ королевскихъ, еще въ Польшѣ коротко знакомый съ Савицкимъ, просилъ у русскихъ, поставленныхъ для защиты пословъ, отправить кого нибудь, чтобы разузнать объ отцѣ Савицкомъ и о другихъ нашихъ монахахъ. Онъ сдѣлалъ это еще вечеромъ предъидущаго дня, но купцы литовскіе тогда еще опасались за насъ и ничего не хотѣли сказать ни объ отцѣ Савицкомъ, ни о другихъ монахахъ. И такъ, въ этотъ день пришли нѣкоторые бояре вмѣстѣ съ стрѣльцами, взяли Савицкаго у купцовъ литовскихъ, не опасавшихся уже измѣны, и отвели его въ домъ пословъ. Хотя стража, поставленная у дома купцовъ, видя

отца Савицкаго, потребовала его у купцовъ, такъ какъ они впустили его въ домъ свой безъ ея вѣдома, и хотя она два раза останавливала отца Савицкаго, но купцы привлекли ее на свою сторону обѣщаніями и подарками, и она оставила Савицкаго въ покоѣ. Отецъ Савицкій шелъ среди убійцъ, не обмывшихъ еще рукъ своихъ отъ невинной, пролитой ими крови, и устремившихъ на него дикій взоръ; они спрашивали, кто онъ таковъ и откуда? Когда сопровождавшіе его русскіе отвѣтили, что это священникъ литовскій, изъ свиты посольской, то мятежники безпрепятственно пустили его въ домъ пословъ. Прибывъ туда, отецъ Савицкій весьма ласково былъ принятъ послами королевскими, особенно Александромъ Гонсѣвскимъ, который во все время своего пребыванія въ Москвѣ оставилъ его въ своемъ домѣ, оказывалъ ему всевозможную помощь, и осыпалъ щедротами его и его двухъ товарищей. Ибо отца Цыровскаго не было тамъ въ это время; отправившись наканунѣ мятежа въ жилище польскихъ солдатъ, съ которыми годъ тому назадъ онъ пришелъ въ Москву, и совершая тамъ при самомъ почти началѣ мятежа богослуженіе, онъ остался у этихъ солдатъ. Правда, по просьбѣ отца Савицкаго, послы взяли Цыровскаго къ себѣ; но любовь, соединившая Савицкаго съ Цыровскимъ, вскорѣ разъединила ихъ. Взаимно поздравивъ одинъ другаго, что они избѣжали смерти, они начали разговаривать о томъ, совершенно ли оставить польскихъ солдатъ, или же продолжать по прежнему имѣть надъ ними духовную опеку. Оставить ихъ совѣтовала собственная безопасность, взаимная помощь и то обстоятельство, что въ цѣлой Москвѣ были только два іезуита; съ другой стороны, пламенное желаніе солдатъ и крайняя необходимость (ибо они не имѣли другаго священника) требовали, чтобы одинъ изъ насъ остался у нихъ въ это время и былъ ихъ духовнымъ отцемъ. А такъ какъ отецъ Каспаръ Савицкій былъ старшій въ санѣ, то отецъ Николай Цыровскій просилъ его позволить ему возвратиться къ прежней должности и продолжать пещись духовнымъ благомъ солдатъ. Они пожертвовали собственнымъ утѣшеніемъ, которымъ наслаждались бы отъ сожительства въ столь трудное время, и заботились болѣе о духовномъ благѣ воиновъ. И такъ, обнявшись и поцѣловавшись въ любви и мирѣ, эти два мужа, соединенные душевно, расстались тѣлесно. Отецъ Савицкій оказалъ отцу Николаю нужное пособіе, и подѣлился съ нимъ нѣкоторыми вещами, которыя божественное провидѣніе сохранило чудеснымъ образомъ и которыя достались въ его руки. При этомъ произошелъ между ними пріятный благородный споръ. Такъ какъ они имѣли только два молитвенника, одинъ цѣлый, а другой не полный, то они не знали, которому долженъ достаться цѣлый; ибо оба они опасались, чтобы имъ не пришлось долго оставаться въ Москвѣ. Споръ этотъ былъ рѣшенъ благоразуміемъ и любовію: такъ какъ нѣкоторые Русскіе говорили, что солдаты польскіе, у которыхъ долженъ былъ оставаться отецъ Николай, скоро будутъ отправлены въ отечество, между тѣмъ какъ о возвращеніи пословъ ничего не было слышно; то по этому отецъ Николай взялъ неполный молитвенникъ, такъ какъ скорѣе надѣялся возвратиться въ отечество. Между тѣмъ оказалось, что его надежда была тщетная, и отецъ Савицкій съ послами прежде возвратился, нежели отецъ Николай съ солдатами. Такимъ образомъ отецъ Николай не имѣлъ бы молитвенника, еслибы не досталъ таковаго случайно. Именно онъ увидѣлъ у одного Русскаго свой собственный

молитвенникъ, который тотъ во время мятежа похитилъ съ нѣкоторыми другими вещами. Отецъ Николай тотчасъ купилъ его. Такимъ образомъ Господь печется о своихъ слугахъ, не оставляя ихъ даже въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Отецъ Савицкій хотѣлъ также дать одного брата въ помощники (ибо при немъ находились двое) отцу Николаю Цыровскому, но никакими просьбами не могъ склонить Русскихъ, чтобы они позволили это. И такъ, добрый отецъ Николай Цыровскій въ сопровожденіи одного только иноземнаго юноши, который долженъ былъ услуживать ему при алтарѣ, возвратился къ солдатамъ.

Но возвратимся къ убитому Димитрію. Три дня прошло уже отъ времени его умерщвленія, и тѣло его все еще лежало на томъ же мѣстѣ, и народъ безпрерывно надъ нимъ ругался. Насытившись наконецъ наруганіями, Русскіе въ этотъ день положили трупъ на простую телѣгу, вывезли за ворота города, бросили тамъ и засыпали землею; но вскорѣ опять отрыли, чтобы предать его новымъ поруганіямъ. Ибо когда все уже было окончено и казалось, что спокойствіе возстановилось, то чрезъ нѣсколько дней одна часть народа начала роптать и негодовать на умерщвленіе Димитрія; кромѣ того нѣкоторые распустили слухъ, что надъ могилою его являются какіе-то огни. Ожесточенные этимъ слухомъ, Русскіе отрываютъ трупъ убитаго, кладутъ его на телѣгу подобную первой, и чтобы ругаться надъ нимъ, возятъ его по цѣлому городу; когда онъ опять былъ вывезенъ за ворота, то Русскіе зажгли лежавшую тамъ кучу дровъ, бросили на костеръ трупъ убитаго и ругались надъ нимъ до тѣхъ поръ, пока пламя не пожрало его совершенно. Потомъ они вымышляютъ неслыханный родъ мести. Взявъ одну пушку, которую имѣли подъ руками, они заряжаютъ ее порохомъ, потомъ тщательно собравъ золу сожженнаго трупа, кладутъ въ ту же пушку, и наконецъ стрѣляютъ изъ нея, и такимъ образомъ разсѣиваютъ бренные останки своего государя по всему воздуху. Совершивъ это, они присоединили такое ругательство: именно говорили, что для того убили Димитрія такимъ образомъ, чтобы онъ не воскресъ въ день страшнаго суда. Отецъ Савицкій въ своемъ дневникѣ упоминаетъ, что тѣло Димитрія было сожжено такимъ образомъ 9-го іюня; но мы разсказали объ этомъ теперь для того, чтобы кончить все относящееся къ умерщвленію Димитрія.

Въ тотъ же день, 29-го мая, умеръ отецъ Францъ Помаскій, протоіерей Самборскій, отъ многочисленныхъ ранъ, которыми онъ былъ покрытъ, когда его отрывали отъ алтаря. Онъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ воеводѣ Сандомирскому, котораго зналъ еще, когда онъ былъ только староста Самборскій, и вмѣстѣ съ многими другими монахами сопровождалъ его въ Москву. Въ день мятежа, когда онъ, въ собственномъ жилищѣ, служилъ обѣдню, онъ былъ оторванъ отъ алтаря, покрытъ тяжелыми ранами и потомъ брошенъ варварскими Русскими какъ бы мертвый. Чрезъ три дня онъ умеръ отъ этихъ ранъ.

Въ тотъ же день, 29-го мая, по убіеніи Димитрія, Русскіе провозгласили великимъ княземъ Московскимъ Василія Шуйскаго, который былъ главнымъ начальникомъ заговора противъ Димитрія. На слѣдующій день они всенародно объявили объ этомъ избраніи, и по своему обычаю изъявляли всеобщую радость колокольнымъ звономъ. Вскорѣ потомъ, именно 11-го іюня, Шуйскій былъ коронованъ.

(Pag. 298, § 112, annus Domini 1606). Русскіе, совершивъ всѣ эти описанныя нами жестокости, начали мало по ма-

лу успокоиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ раскаяваться, что вопреки праву народовъ они такъ злодѣйствовали противъ гостей польскихъ и литовскихъ. Чтобы нѣсколько показать миролюбивыя свои чувства и чтобы успокоить пословъ королевскихъ, а также другихъ Поляковъ, оставшихся въ живыхъ во время всеобщей рѣзни, Русскіе обѣщаютъ посламъ скоро отправить ихъ домой; многихъ Поляковъ, разсѣявшихся во время мятежа въ разныя мѣста, они отыскиваютъ, приводятъ въ домъ пословъ (такъ какъ послы просили ихъ объ этомъ) и обѣщаютъ пещись надъ ними. Потомъ 700 людей низшаго класса (такъ по крайней мѣрѣ полагали Русскіе; а между ними скрывались многіе знатные люди, которые, лишившись цѣлаго имущества, казались совершенно простыми) 8-го іюня отсылаютъ въ Польшу и Литву, удержавъ подъ почетною стражею самыхъ знатныхъ вельможъ; потомъ однако они выслали ихъ изъ Москвы въ разныя мѣста и содержали ихъ довольно скупо. Однихъ только пословъ, съ цѣлою ихъ свитою и со всѣми собравшимися къ нимъ Поляками они оставили въ томъ же самомъ мѣстѣ города; но они давали имъ содержаніе значительно уменьшенное и которое едва только могло удовлетворить ихъ потребностямъ.

(Pag. 303, § 127, a. 1606). Въ Москвѣ Василій Шуйскій, 11-го іюня, былъ коронованъ царемъ, какъ мы сказали это подъ нумеромъ 103. Для укрѣпленія своей власти, для большаго утвержденія своего владычества, онъ хотѣлъ перенести въ Москву съ большою пышностью 13-го сего мѣсяца тѣло убитаго истиннаго Димитрія, двѣнадцатилѣтняго сына Іоаннова, котораго Борисъ Годуновъ приказалъ убить въ Угличѣ, чтобы самому сдѣлаться царемъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать это для того, чтобы ясно показать народу, котораго онъ прежде уже убѣдилъ въ томъ же самомъ, что убитый за нѣсколько дней Димитрій есть ложный, и что онъ овладѣлъ престоломъ отчасти силою, отчасти хитростью. И такъ, въ третій день послѣ коронаціи Шуйскаго, упомянутое тѣло было привезено въ Москву въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства и огромнаго множества народа; вмѣстѣ съ тѣмъ распространился слухъ о разныхъ чудесахъ, производимыхъ этимъ тѣломъ. Среди всеобщей радости цѣлаго народа тѣло было погребено во храмѣ, славномъ гробницами царей Московскихъ, и ему начали поклоняться, хотя слухъ о чудотвореніяхъ постепенно началъ исчезать.

Въ тоже время Шуйскій серьезно и долго размышлялъ о томъ, что сдѣлать съ оставшимися въ Москвѣ Поляками, избѣгнувшими смерти во время умерщвленія Димитрія. Онъ самъ былъ того мнѣнія, чтобы всѣ они были убиты. Ибо онъ самъ въ себѣ такъ думалъ: народъ Польскій и Литовскій, будучи гордъ и высокомѣренъ, ни въ какомъ случаѣ не оставитъ безъ отмщенія всѣ обиды и убійства своихъ единоплеменниковъ, совершенныя во время умерщвленія Димитрія. И такъ, онъ безъ сомнѣнія начнетъ съ нами кровопролитную войну. Но ежели мы лишимъ его столькихъ мужей, находящихся въ нашей власти, и которые, возвратившись домой, непремѣнно настаивали бы на томъ, чтобы воевать съ нами, и сами сдѣлались бы предводителями, то мы такимъ образомъ, хотя нѣсколько, ослабимъ Поляковъ. И такъ, ихъ нужно лишить этой помощи, и всѣхъ находящихся въ Москвѣ Поляковъ или убить, или по крайней мѣрѣ удержать плѣнниками. Потомъ, въ продолженіе войны, которая можетъ для насъ быть несчастною, эти Поляки могутъ служить намъ при вымѣнѣ нашихъ собственныхъ плѣн-

ныхъ. Такъ думалъ Шуйскій, и не безъ всякаго основанія. Но противное мнѣніе одержало верхъ. Постановлено было, такъ какъ послы прибыли въ Москву подъ покровительствомъ права народовъ, то всѣхъ нашихъ Поляковъ отослать въ отечество подъ извѣстными условіями. Русскіе полагали, что такимъ образомъ весь мятежъ можетъ быть представленъ какъ слѣдствіе народной ярости и безумія, и что ожесточеніе не будетъ столь велико, и что, слѣдовательно, легче будетъ избѣгнуть войны съ Поляками. Такъ полагали и убѣждали болѣе мудрые и опытные совѣтники, и совѣтъ ихъ былъ наконецъ принятъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

(Pag. 320, § 165, a. 1606). Въ этомъ же мѣсяцѣ съ нашими Поляками, которые находились при дворѣ пословъ, случилось слѣдующее: 24-го числа этого мѣсяца, то есть августа, всѣ наши Поляки, избѣгнувшіе смерти во время умерщвленія Димитрія, находившіеся теперь при дворѣ пословъ, были разлучены съ ними, а именно: Михаилъ Ратомскій, староста Остинскій, Домарацкій, Стрембошъ, Георгій Стадницкій и многіе другіе. На слѣдующій день отъ двора пословъ былъ отведенъ Павелъ Мнишекъ, староста Луневскій и помощникъ воеводы Сандомирскаго. Потомъ 26-го числа того же мѣсяца самъ воевода Сандомирскій былъ разлученъ со всѣми, съ которыми онъ прежде жилъ, и вмѣстѣ съ дочерью отведенъ въ Ярославль, главный городъ княжества Ярославскаго. Для чего и съ какою цѣлію Русскіе произвели такія перемѣны, объ этомъ наши не могли знать. Въ этомъ же мѣсяцѣ нѣсколько разъ были въ Москвѣ пожары, а именно: 16-го числа горѣлъ городъ въ продолженіи цѣлаго утра; 20-го числа подлѣ замка произошелъ пороховой взрывъ, который взорвалъ на воздухъ нѣсколько зданій, многихъ людей убилъ, а другихъ сжегъ; это случилось до полудня; наконецъ 27-го числа около полуночи занялся пожаръ въ замкѣ, который продолжался цѣлые четыре часа и причинилъ много вреда. Во всѣхъ этихъ пожарахъ, а также и въ другихъ, которые часто происходили въ слѣдующіе мѣсяцы, Русскіе обвиняли Поляковъ, коихъ они удерживали въ плѣну и противъ которыхъ этою клеветою они хотѣли возбудить тѣмъ большее ожесточеніе.

(Pag. 349, § 11, annus 1607). Но возвратимся къ нашимъ Полякамъ, которые по прежнему содержались въ Москвѣ подъ стражею, и вкратцѣ изложимъ, какимъ они подвергались опасностямъ въ этомъ и въ слѣдующемъ году, и какіе должны были переносить обиды. Хотя рѣшено было не убивать Поляковъ, но только удержать ихъ въ плѣну, а потомъ въ свое время отослать въ отечество, какъ мы сказали объ этомъ подъ 13 іюня прошедшаго года; однако многія обстоятельства были причиною того, говорилъ отецъ Савицкій, что наши подвергались безпрерывнымъ обидамъ, и что положеніе ихъ было самое отчаянное.

1) Первая опасность происходила отъ непріязненнаго къ намъ расположенія, будто мы виновники всѣхъ несчастій, терзавшихъ Московское государство нѣсколько лѣтъ по причинѣ Димитрія. Потому частые мятежи между народомъ и боярами были приписываемы намъ, и такъ какъ мятежи эти происходили предъ нашими глазами, то ненависть противъ насъ еще болѣе увеличивалась, и мы должны были ожидать, что при первомъ случаѣ, когда Русскіе возьмутся за оружіе, они бросятся на насъ. Кромѣ того, происшедшая въ государствѣ Московскомъ междоусобная война, какъ по причинѣ слишкомъ скораго

избранія Шуйскаго царемъ, такъ и по причинѣ появленія новаго Лжедимитрія, о которомъ тотчасъ скажемъ, была приписываема намъ, и Русскіе старались сдѣлать имя наше ненавистнымъ и подозрительнымъ. Потому намъ часто совѣтовали, чтобы мы остерегались, и мы находились въ безпрестанномъ страхѣ.

2) Другой родъ непріятности происходилъ отъ печали, которую мы ощущали отъ частаго перехода къ Русскимъ людей изъ свиты посольской. Ибо въ теченіе того времени, которое мы находились въ Москвѣ, около 30 человѣкъ перебѣжало къ Русскимъ, нѣкоторые, наскучивъ продолжительнымъ плѣномъ, другіе по необходимости, наконецъ третьи убѣжденные Русскими. Эти люди, чтобы снискать довѣріе къ себѣ и благосклонность, не только выдавали наши секреты, но многими ложными вымыслами побуждали легковѣрныхъ Русскихъ къ нашей погибели. Этихъ людей Русскіе принимали въ свою вѣру не иначе, какъ окрестивъ ихъ по своему обряду, и послѣ торжественнаго ихъ отреченія отъ вѣры латинской (которую Русскіе считаютъ хуже собаки и ненавистнѣе нежели змѣю).

3) Третья опасность происходила отъ частыхъ пожаровъ въ Москвѣ, которые происходили случайно ли, или были произведены поджигателями, всегда приписывались намъ; чѣмъ больше были эти пожары, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ замкѣ, въ тѣмъ опаснѣйшемъ мы находились положеніи. Ненависть противъ насъ увеличивали наши перебѣщики, которые доносили Русскимъ, будто мы замышляемъ бѣгство, и будто для вѣрнѣйшаго успѣха въ нашемъ предпріятіи, мы хотимъ зажечь городъ. Это чрезвычайно безпокоило Русскихъ, которые потому обращали вниманіе на малѣйшій случай, очень бдительно слѣдили за нами, и все видѣли въ дурномъ для насъ свѣтѣ. Ко всему этому присоединилось неслыханное наводненіе. Въ то время, когда мы находились въ Москвѣ, рѣки, протекающія чрезъ городъ, выступили изъ своихъ береговъ и вода была столь высока, что около 1000 домовъ отчасти было подмыто, отчасти разрушено совершенно. Хотя вода не достигла до насъ и до нашего жительства, однако при всеобщемъ смятеніи города, Русскіе смотрѣли на насъ съ ненавистью, такъ какъ не хотѣли, чтобы мы были свидѣтелями всѣхъ этихъ несчастій, которыя ихъ постигли.

4) Четвертая опасность происходила отъ тѣсноты нашего помѣщенія. Ибо мы жили на одномъ дворѣ, окруженные со всѣхъ сторонъ дымомъ и разною грязью; сначала насъ было на этомъ пространствѣ болѣе 400, потомъ 300, кромѣ лошадей, въ числѣ 200. Мы имѣли спальни тѣсныя, наполненныя дымомъ, неудобныя, съ нездоровымъ воздухомъ; и только благодаря благому провидѣнію, которое пеклось нами, мы не были всѣ задушены этимъ дымомъ и зловредными испареніями. Однако мы лишились 12 изъ нашихъ, умершихъ въ этомъ плѣну, который дѣлался еще несноснѣе отъ варварства Русскихъ. Никому изъ нашихъ не позволено было сопровождать умершихъ товарищей далѣе первыхъ воротъ двора; тамъ сами Русскіе положили трупы на телѣги и вывезли ихъ изъ города. Что они съ ними сдѣлали, предали ли землѣ, или бросили въ воду, этого мы не знаемъ. Разныя обстоятельства способствовали тому, что усилили надзоръ за нами и начали насъ кормить хуже; кромѣ того, Русскіе безпрестанно намъ грозили и разставляли сѣти, а въ частыхъ, касательно насъ, совѣщаніяхъ неоднократно уже рѣшались погубить насъ.

5) Наконецъ пятая и самая большая

для насъ опасность происходила отъ взаимныхъ междоусобій Русскихъ. Междоусобія эти начались по слѣдующей причинѣ. Послѣ жестокаго умерщвленія Димитрія, нѣкоторые, не участвовавшіе въ заговорѣ, начали роптать на бояръ и другихъ заговорщиковъ, виновниковъ смерти Димитріевой, и вмѣняли имъ въ вину особенно два обстоятельства. Во первыхъ, что они произвели столь внезапную перемѣну безъ предварительнаго согласія цѣлаго народа, котораго это касалось въ той же степени; во вторыхъ, что они, вопреки древнему обычаю, поторопились избраніемъ новаго царя, не совѣщавшись касательно этого важнаго предмета ни съ вельможами и губерніями государства, ни съ землею Сѣверскою, которая впервые приняла Димитрія и въ особенности была ему предана. И такъ, Русскіе начали изъявлять неудовольствіе, и многіе твердо рѣшились отмстить за смерть Димитрія и за собственную обиду. Еще въ послѣднихъ мѣсяцахъ прошедшаго года распространился слухъ, будто Димитрій избѣжалъ смерти и спасся; этому слуху въ особенности повѣрили недовольные, которые были преданы Димитрію и которые хотѣли свергнуть съ себя иго Шуйскаго. И такъ, число недовольныхъ все болѣе и болѣе возрастало, и они начали вооружаться какъ для отмщенія смерти Димитріевой, такъ и для отмщенія собственной обиды. Они имѣли столь великій успѣхъ въ своемъ предпріятіи, что опустошивъ въ томъ же еще году довольно большое пространство земли огнемъ и мечомъ, они подступали къ стѣнамъ самой Москвы, хотя войско Шуйскаго, высланное изъ города на встрѣчу имъ, отразило ихъ, и они должны были отступить съ большимъ урономъ.

Во время этихъ событій, и когда распространяется вѣсть о спасеніи

Димитрія, вдругъ является одинъ человѣкъ, который объявляетъ себя за Димитрія. Чтобы лучше уразумѣть происхожденіе и жизнь этого человѣка, мы необходимо должны сказать слѣдующее. Димитрій имѣлъ при себѣ одного крещенаго жида, по имени Богданка, котораго онъ употреблялъ для сочиненія писемъ на русскомъ языкѣ. По смерти Димитрія этотъ человѣкъ, боясь Русскихъ, которые преслѣдовали всѣхъ приверженцевъ Димитріевыхъ, уѣзжалъ въ Литву, гдѣ скитался нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ явился въ Могилевѣ. Городъ этотъ, лежащій не далеко отъ границъ Московскаго государства, довольно богатъ и славится торговлею. Въ Могилевѣ одинъ протопопъ (такъ Русскіе называютъ своихъ протопресвитеровъ) принялъ его въ домъ свой, поручилъ ему въ завѣдываніе находящуюся при его церкви русскую школу, и обращался съ нимъ какъ съ другомъ и пріятелемъ. Но Богданка отплатилъ неблагодарностью за гостепріимство протопопа, и домогался преступной связи съ его женою; потому протопопъ приказалъ высѣчь его и выгналъ его изъ своего дома, какъ онъ того заслуживалъ. Не смѣя больше показываться на Литвѣ, Богданка рѣшился возвратиться въ Москву. Онъ былъ человѣкъ хитрый и изобрѣтательный, зналъ многіе секреты Димитріевы, видѣлъ, что распространилась вѣсть о мнимомъ его спасеніи, и что земля Сѣверская находится въ волненіи; потому онъ рѣшился воспользоваться всѣми этими обстоятельствами, и выдать себя за Димитрія. Обдумывая средства къ исполненію своего намѣренія, и находясь на пути въ Москву, не далеко отъ границъ русскихъ онъ достается въ плѣнъ; его считаютъ за лазутчика, и сажаютъ подъ стражу сначала въ Велижѣ, а потомъ въ одной другой крѣпости, сосѣдней съ Россіею.

Но когда ничего въ немъ не могли открыть, чтобы возбуждало подозрѣніе касательно измѣны, его отпускали на волю, въ сопровожденіи однако двухъ людей, которые, для большей безопасности, должны были слѣдовать съ нимъ до извѣстнаго мѣста. Сблизившись съ ними въ дорогѣ, Богданка началъ уговаривать ихъ, чтобы они сопровождали его въ Москву; онъ говорилъ, что ежели они это сдѣлаютъ, они не будутъ раскаяваться въ своемъ поступкѣ. Одинъ изъ проводниковъ Богданки не согласился на его предложенія и, доѣхавъ до границъ русскихъ, тотчасъ возвратился домой; другой же, въ надеждѣ барыша, согласился и отправился съ Богданкою. Тогда тотъ открылся ему; онъ говорилъ, что онъ есть истинный Димитрій, избѣгнувшій смерти; что онъ убѣжалъ на Литву, и тамъ нѣкоторое время скрывался; но что теперь, когда земля Сѣверская подняла за него оружіе, онъ не можетъ и не долженъ болѣе отсутствовать, и что потому онъ спѣшитъ, чтобы явиться къ вѣрнымъ своимъ подданнымъ. Въ подтвержденіе истинности своихъ словъ онъ привелъ какія-то доказательства, не знаю именно какія; но какъ бы то ни было, онъ безъ труда убѣдилъ легковѣрнаго своего товарища, который прежде не зналъ его. И такъ, они прямо отправляются въ Стародубъ (Стародубъ есть крѣпость и городъ государства Московскаго, повинуется царю Русскому, и причисляется къ землѣ Сѣверской) и тамъ, сначала не открывая кто они, поселяются между Сѣверянами, а потомъ секретно довѣряютъ свою тайну нѣкоторымъ людямъ. Сначала немногіе только тихо шептали, а вскорѣ распространилась всеобщая молва, что Димитрій чудеснымъ образомъ спасся отъ смерти, и теперь находится въ землѣ Сѣверской. Тотчасъ сбѣгаются Сѣверяне, непріязненные Шуйскому, и подымаютъ оружіе за Димитрія. Тотъ имѣлъ нѣкоторое сходство съ первымъ Димитріемъ, и зналъ нѣкоторые секреты, бывшіе для всѣхъ другихъ тайною; на этомъ основаніи его признаютъ за истиннаго и законнаго Димитрія, возлагаютъ на него царскую одежду, и оказываютъ всѣ почести, подобающія царю. Нѣкоторые писатели полагаютъ, что многіе Сѣверяне съ самаго начала видѣли, что это ложный Димитрій; но съ другой стороны, видя всеобщее воодушевленіе народа, признавшаго этого Димитрія за истиннаго, и надѣясь, что при его помощи они повредятъ Шуйскому, они не обнаруживали обмана, и также провозглашали этого самозванца за истиннаго Димитрія И такъ, видя въ этомъ человѣкѣ благопріятнаго вождя возстанія своего противъ Шуйскаго, они начали собирать войско, не только между Сѣверянами, но также между казаками, и между тѣми Польскими вельможами и Литовцами, которые послѣ пораженія Рокошанъ (происшедшаго въ Іюлѣ мѣсяцѣ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ) блуждали, разсѣявшись около границъ Россіи. Собравъ войско въ 10,000 человѣкъ, которое еще возрастало отъ постоянно изъ разныхъ странъ приходившихъ людей, привлекаемыхъ молвою о воскресшемъ Димитріѣ, заговорщики безъ труда заняли цѣлое княжество Сѣверское, всегда благопріятствовавшее Димитрію. Потомъ они намѣревались идти на самую Москву, чтобы, свергнувъ Шуйскаго съ престола, посадить на ономъ Димитрія. Въ это время явился къ нимъ какой-то Петръ, котораго Русскіе на языкѣ своемъ называли Петрушка. Онъ говорилъ, что происходитъ изъ крови великихъ князей Московскихъ (правда ли, или нѣтъ, это неизвѣстно), призналъ Димитрія за своего родственника, и объявилъ,

что будетъ помогать ему противъ Шуйскаго, который хитростью овладѣлъ престоломъ, устранивъ Димитрія. Ложный Димитрій благосклонно принялъ Петрушку и оказывалъ ему всякаго рода расположеніе, такъ какъ показаніе Петрушки, касательно родства съ Димитріемъ, служило къ покрытію обмана и самозванства сего послѣдняго. И такъ, они начинаютъ походъ и ведутъ собранное ими войско во внутреннія земли государства Московскаго, въ непродолжительномъ времени овладѣваютъ многими крѣпостями, изъ коихъ нѣкоторыя поддались добровольно, а другія были взяты силою; разбиваютъ войска Шуйскаго и, возгордившись счастливымъ успѣхомъ, наводятъ ужасный страхъ на Русскихъ и на ихъ царя, Шуйскаго. Какимъ образомъ потомъ Шуйскій со всѣми силами Московскаго государства лично отправился противъ Димитрія, и какимъ образомъ онъ взялъ городъ Тулу, объ этомъ будетъ сказано подъ октябремъ сего года. Хотя все это, сказанное нами о Лжедимитріѣ, происходило въ разныхъ мѣсяцахъ, но мы соединили все подъ однимъ мѣсяцемъ, ибо вѣроятно, что въ концѣ этого мѣсяца Шуйскій отправился противъ Петрушки, и началъ осаду Тулы, которую взялъ послѣ шести мѣсяцевъ. Какимъ оскорбленіямъ и опасностямъ подвергались въ Москвѣ наши плѣнники, по причинѣ этихъ успѣховъ Лжедимитрія, объ этомъ скажемъ подъ тѣмъ же октябремъ мѣсяцемъ.

Pag. 361, annus Domini 1607 § 41. Между тѣмъ, Шуйскій, великій князь Московскій, во главѣ войска лично отправился противъ новаго Димитрія и его помощника Петрушки; но весь его успѣхъ ограничился тѣмъ, что онъ взялъ укрѣпленный и важный городъ Тулу послѣ шестимѣсячной осады, и овладѣлъ тамъ особою Петрушки, около 24 ноября. Онъ и какой-то Болотниковъ были привезены въ Москву 30 октября, и вскорѣ потомъ Петрушка, вопреки данному ему обѣщанію, по приказанію Шуйскаго былъ повѣшенъ. Онъ былъ Димитріемъ отправленъ впередъ съ однимъ отрядомъ, чтобы обезпечить дорогу для слѣдующей за нимъ цѣлой арміи. Потому Шуйскій, взявъ Тулу, и оставивъ въ ней свой гарнизонъ, не смѣлъ идти далѣе навстрѣчу непріятелю, но 9-го числа слѣдующаго мѣсяца возвратился въ Москву, а чрезъ нѣсколько дней отправился въ монастырь св. Сергія (это самый богатый монастырь во всей Россіи, и находится отъ Москвы въ разстояніи 12 миль), чтобы исполнить данный обѣтъ. Проведя въ этомъ монастырѣ нѣсколько времени, онъ возвратился въ Москву. Между тѣмъ непріятель, слѣдуя за знаменами Димитрія, все болѣе и болѣе усиливался, овладѣвалъ городами и крѣпостями, принималъ къ себѣ многихъ перебѣжчиковъ со стороны Шуйскаго, и вскорѣ расположилъ свой лагерь подъ самою Москвою, какъ скажемъ ниже.

Pag. 361. Между тѣмъ послы короля Польскаго, Соколинскій и Витковскій, прибывъ въ Москву 22 числа предъидущаго мѣсяца, наконецъ 20 числа сего мѣсяца, т. е. ноября, поздравили великаго князя Московскаго, Шуйскаго, и объявили ему причину своего прибытія; но потомъ они были отправлены слишкомъ поздно, а къ посламъ, находившимся уже въ Москвѣ, ихъ допустили только въ концѣ слѣдующаго мѣсяца. Въ Москвѣ послы наши 22 числа этого мѣсяца рѣшились на очень смѣлое предпріятіе, которое подвергло ихъ жизнь величайшей опасности. Въ то самое время, когда вновь прибывшіе посланники уговаривались съ Шуйскимъ на счетъ освобожденія нашихъ Поляковъ, Русскіе начали

обращаться съ послами суровѣе, а именно, начали давать имъ весьма скудное продовольствіе, въ отмщеніе за обиду, болѣе мнимую, нежели истинную, которую причинилъ имъ одинъ изъ слугъ свиты посольской. Именно Русскіе между прочими предметами продовольствія дали одного барана, весьма худого, однѣ почти кости. Тогда упомянутый слуга взялъ этого барана, снялъ съ него кожу и въ такомъ видѣ повѣсилъ его надъ воротами, выходившими на дворъ, и которыми обыкновенно входили Русскіе. Увидя этого барана, висящаго надъ воротами, Русскіе разсердились и рѣшились за эту нанесенную имъ обиду отмстить уменьшеніемъ продовольствія; что они дѣйствительно и сдѣлали, съ согласія бояръ и другихъ вельможъ. Послы наши и ихъ свита, лишенные необходимаго продовольствія, пришли въ величайшее негодованіе. Они начали жаловаться боярамъ и вельможамъ, но всѣ ихъ жалобы были оставлены безъ вниманія. Видя, что не помогаютъ ни просьбы, ни жалобы и требованія, всѣ Поляки, находившіеся въ свитѣ посольской, рѣшились взяться за оружіе, но уже не для того, чтобы доставить себѣ продовольствіе, а для своего освобожденія изъ столь рабскаго и несноснаго состоянія. И такъ, они назначаютъ утро праздника св. Цециліи, чтобы или пробиться чрезъ стражу Русскую, или пасть въ битвѣ съ Русскими, и такимъ образомъ избавиться отъ столькихъ несчастій. Съ полуночи они приготовляются къ смерти таинствомъ покаянія и причащенія. Нашъ отецъ Савицкій и другой монахъ, изъ ордена Бернардинцевъ, не одобряя этого смѣлаго намѣренія, рѣшились воспрепятствовать ему. Но они ничего не успѣли сдѣлать. Поляки говорили, что 300 отчаянныхъ людей (столько было ихъ въ свитѣ посольской), дѣлая нападеніе на неприготовленнаго непріятеля, могутъ принудить его къ болѣе выгоднымъ условіямъ; что во всякомъ случаѣ, лучше пасть въ битвѣ, нежели умереть съ голода; что по причинѣ недостатка продовольствія многіе переходятъ къ Русскимъ, и что ихъ души такимъ образомъ погибаютъ; что, наконецъ, для разныхъ другихъ причинъ принятое ими намѣреніе непремѣнно должно быть исполнено. Отецъ Савицкій, услышавъ это, и видя, что съ той и съ другой стороны угрожаетъ опасность, хотѣлъ избрать середину; онъ и себя и всѣхъ, находившихся вмѣстѣ съ послами, поручилъ божественному провидѣнію; всѣхъ, сколько позволяло ему непродолжительность времени, приготовилъ къ смерти исповѣдью и другими набожными наставленіями; также отслужилъ молебенъ въ честь Святаго Духа, моля о стастливомъ успѣхѣ дѣла. Сходятся всѣ, находившіеся въ свитѣ посольской исключая еретиковъ. Набожно молятся во время богослуженія; всѣ, имѣвшіе взаимную одинъ противъ другаго вражду, мирятся; всѣ приготовляются къ смерти. По окончаніи богослуженія, всѣ выходятъ на дворъ зданія, разставляютъ экипажи, ѣздоковъ и пѣшихъ, и приготовляютъ оружіе. Московская стража доноситъ объ этомъ царю, который, обезпокоенный этимъ извѣстіемъ, тотчасъ призываетъ къ себѣ сенаторовъ. Къ дому пословъ отправлены отряды стрѣльцовъ, которые окружаютъ его. Замыкаются ворота города, вездѣ разставляется стража и сбѣгается огромное множество черни; изступленный народъ кричитъ, что онъ убьетъ всѣхъ Поляковъ (ибо была распространена ложная молва, будто наши хотятъ зажечь городъ, и потомъ убѣжать, пользуясь смятеніемъ Русскихъ, которые будутъ заняты потушеніемъ пожара). Посылается отъ имени народа въ наше жилище

одинъ изъ начальниковъ стрѣльцовъ, и спрашиваетъ, что побудило насъ къ столь неожиданному намѣренію. Послы отвѣчаютъ, что нѣтъ иной причины, какъ только та, что ихъ помѣстили въ тѣсномъ жилищѣ, и кромѣ того ихъ худо кормятъ. Услышавъ это, стрѣлецкій начальникъ проситъ нашихъ нѣсколько подождать, чтобы онъ могъ сообщить ихъ требованія народу, и узнать его рѣшеніе насчетъ этого. Возвратившись къ народу, онъ объявляетъ ему, что слышалъ и видѣлъ, и прибавляетъ, что послы со всею своею свитою рѣшились или умереть или достигнуть свободы. Народъ избираетъ изъ своей среды нѣкоторыхъ мужей, которые доносятъ о случившемся великому князю Московскому и сенаторамъ. Великій князь съ своимъ сенатомъ тотчасъ началъ разсуждать объ этомъ дѣлѣ, и отъ имени сената отправляетъ двухъ бояръ, чтобы они напомнили посламъ ихъ обязанность, и старались бы склонить къ миру. Послы принимаютъ бояръ съ честью, повторяютъ предъ ними прежнія жалобы, и объявляютъ, что они не иначе перемѣнятъ свое намѣреніе, какъ ежели имъ будетъ дано честное слово, что великій князь вмѣстѣ съ сенатомъ назначитъ извѣстное время для отправленія ихъ въ отечество, а между тѣмъ, чтобы имъ отпускалось надлежащее продовольствіе. Объ этомъ было донесено царю, который послѣ многихъ переговоровъ наконецъ обѣщалъ, что онъ въ непродолжительномъ времени отправитъ нашихъ вмѣстѣ съ вновь прибывшими послами королевскими, а что между тѣмъ намъ будетъ отпускаться надлежащее продовольствіе; второе обѣщаніе было исполнено въ тотъ же еще день, а отправленіе нашихъ въ отечество произошло только черезъ 9 мѣсяцевъ, какъ увидимъ ниже. Такимъ образомъ спокойствіе возстановилось, и наши, а равно и Русскіе, положили оружіе, къ большой радости обѣихъ сторонъ. Русскіе были избавлены отъ страха, угрожавшаго имъ мнимаго пожара; наши благодарили Всевышняго, который отвратилъ опасныя ихъ намѣренія, и даровалъ имъ миръ и безопасность.

Pag. 363, § 45. Въ Москвѣ, въ праздникъ св. евангелиста Іоанна, наши послы были приглашены въ замокъ, и тамъ въ первый разъ увидѣлись съ вновоприбывшими послами королевскими, которые пріѣхали въ Москву 22 октября. Эти послѣдніе о многомъ съ ними говорили, и вручили имъ различныя письма изъ Польши.

Annus Domini 1608, pag. 374 § 30. Въ это же время Русскіе старались чрезъ нашихъ, какъ пословъ, такъ и другихъ Поляковъ, произвести какой нибудь переворотъ въ лагерѣ Лжедимитрія; наши, въ надеждѣ скорѣе избавиться изъ столь продолжительнаго плѣна, тщательно содѣйствовали Русскимъ въ этомъ дѣлѣ. Но они ничего не могли сдѣлать у человѣка, возгордившагося счастливыми успѣхами, и который въ мысляхъ объялъ уже цѣлое государство Московское, а войска котораго подошли подъ самую Москву, и убивали многихъ людей. Намъ Русскіе начали позволять (что прежде не было намъ позволено) навѣщать одинъ другаго, такъ какъ мы занимали различныя жилища. Потому въ этомъ мѣсяцѣ и послы наши навѣстили и привѣтствовали воеводу сандомирскаго и его дочь (которые изъ Ярославля въ концѣ предшествовавшаго мѣсяца возвратились въ Москву), а также пана Тарлу и князя Константина Вишневецкаго; и съ своей стороны воевода навѣстилъ пословъ въ ихъ жилищѣ. Вообще съ этого времени Русскіе начали обходиться съ нами не такъ сурово, какъ прежде.

Annus Domini 1608, pag. 375, §§ 32, 33, 34, 35, 36, 37. Послѣ многочисленныхъ въ этомъ мѣсяцѣ переговоровъ между нашими и Русскими, и послѣ обѣщанія нашихъ употребить все свое стараніе для ослабленія ложнаго Лжедимитрія, наконецъ 27 іюля, въ девятое воскресенье послѣ пятидесятницы, между Русскими и Поляками заключено было четырехлѣтнее перемиріе, и подтверждено торжественною присягою великаго князя Московскаго и нашихъ пословъ. Тогда всѣ наши начали надѣяться, что ихъ скоро отпустятъ изъ Москвы.

Послѣ двухъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ наши были, наконецъ, отпущены изъ Москвы 2 августа. Всѣ Поляки, до того времени отдѣленные одни отъ другихъ, были соединены вмѣстѣ 1-го числа этого мѣсяца, а именно: къ посламъ королевскимъ и цѣлой ихъ свитѣ присоединились воевода сандомирскій съ дочерью, сыномъ и внукомъ, князь Константинъ Вишневецкій, панъ Андрей Стадницкій, панъ Тарло и другіе. Итакъ, втораго августа, при захожденіи солнца (была суббота), Поляки отправились подъ прикрытіемъ 500 русскихъ всадниковъ. Такъ какъ многочисленное войско Лжедимитрія стояло подъ самою Москвою, то Русскіе, опасаясь, чтобы оно не напало на Поляковъ, разставили для ихъ защиты въ разныхъ мѣстахъ свои отряды; вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовали намъ остерегаться и принять всѣ предосторожности. И такъ, отправившись изъ Москвы вечеромъ, при захожденіи солнца, наши продолжали свой путь въ продолженіе цѣлой ночи, до третьяго часа слѣдующаго дня (это было 10-е воскресенье послѣ пятидесятницы); совершивъ семь нѣмецкихъ миль, они нѣсколько остановились у одной рѣки. Потомъ, въ тотъ же еще день, они совершили 6½ миль, и ночевали у береговъ какой-то рѣки. Русскіе предварили нашихъ, что они не могутъ идти прямою дорогою къ границамъ литовскимъ, но должны сдѣлать кругъ, чтобы не встрѣтиться съ войскомъ Лжедимитрія. Хотя Русскіе намъ говорили, что этотъ кругъ не будетъ очень великъ, однако на самомъ дѣлѣ оказалось совершенно иначе. Ибо мы должны были сдѣлать около 80 нѣмецкихъ миль, въ мѣстахъ пустынныхъ, болотистыхъ, или до такой степени покрытыхъ лѣсомъ, что мы пролагали себѣ дорогу топоромъ, срубая деревья. Въ теченіе цѣлаго почти мѣсяца мы находились подъ открытымъ небомъ, въ лѣсахъ и на поляхъ. Продовольствіе было весьма скудное, и нерѣдко мы должны были брать силою съѣстные припасы у Русскихъ; часто нѣсколько дней мы не имѣли другаго напитка, кромѣ воды. Ко всему этому присоединилось еще то неудобство, что хотя мы дѣлали такой огромный кругъ, однако не могли миновать земель, которыя или не хотѣли повиноваться Шуйскому, или уже находились во власти Лжедимитрія. Боязнь наша предъ Лжедимитріемъ была еще увеличиваема обнародованнымъ касательно насъ, во всѣхъ подвластныхъ ему земляхъ, указомъ, которымъ повелѣвалось всѣхъ насъ задержать въ дорогѣ: чтобы воевода и княгиня, дочь его, были отведены въ лагерь Лжедимитрія, а прочіе Поляки чтобы были содержимы въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока не воспослѣдуетъ дальнѣйшаго относительно ихъ приказанія. Однако среди этихъ опасностей, мы предпочли продолжать свой путь, надѣясь какимъ нибудь случаемъ избѣгнуть непріятеля. Но вотъ на дорогѣ насъ всѣхъ постигаетъ новое несчастіе. Пришедши къ распутію двухъ дорогъ въ лѣсу, около 7 миль отъ Волги, мы узнали отъ своихъ лазутчиковъ (которыхъ всегда посылали впередъ для рекогносци-

ровки), что на дорогѣ находятся отряды солдатъ, высланные, чтобы поймать насъ. Мы начали разсуждать, что дѣлать въ этомъ случаѣ; Русскіе наши проводники были того мнѣнія, чтобы не идти далѣе къ Волгѣ, но или своротить нѣсколько съ дороги, или же, по крайней мѣрѣ, остановиться и обождать, пока не узнаемъ, какія намѣренія имѣетъ непріятель и какое онъ возьметъ направленіе. Наши Поляки почти два дня стояли на одномъ мѣстѣ, и наконецъ, послѣ долгихъ разсужденій касательно этого предмета, раздѣлились на двѣ части. Одинъ изъ пословъ, панъ Гонсѣвскій, вмѣстѣ съ вторыми послами королевскими и съ нѣкоторыми другими вельможами (это же мнѣніе раздѣляли и наши іезуиты) былъ того мнѣнія, что въ этомъ случаѣ слѣдуетъ принять совѣтъ Русскихъ. Онъ говорилъ, что не должно отъ нихъ опасаться никакой измѣны, такъ какъ они въ продолженіе цѣлой дороги доказали свою къ намъ вѣрность, и такъ какъ ихъ собственныя выгоды требуютъ, чтобы мы какъ можно скорѣе достигли предѣловъ королевства Польскаго. Но другой посолъ, панъ Олесницкій, кастелянъ малогостенскій, который имѣлъ болѣе вліянія, вмѣстѣ съ воеводою сандомирскимъ, съ княгинею, и съ большею частію самыхъ знатныхъ вельможъ, объявили, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ отступать или стоять на одномъ мѣстѣ, но что непремѣнно слѣдуетъ спѣшить къ Волгѣ и какъ можно скорѣе перейдти чрезъ эту рѣку. Они говорили: ежели намъ угрожаетъ какая нибудь опасность, то не съ какой нибудь другой стороны, какъ только изъ лагеря Лжедимитрія; а такъ какъ лагерь этотъ по большей части состоитъ изъ Поляковъ, то отъ нихъ, какъ отъ соотечественниковъ нашихъ, мы не должны бояться большой опасности. Та и другая сторона употребляла и убѣжденія и просьбы, чтобы заставить противниковъ принять свое мнѣніе, но тщетно; ибо и тѣ и другіе остались при своемъ намѣреніи. И такъ, 8-го числа этого мѣсяца, воевода вмѣстѣ съ кастеляномъ малогостенскимъ и съ остальною свитою отправился къ Волгѣ, панъ же Гонсѣвскій, слѣдуя совѣту Русскихъ, вмѣстѣ со своими отступилъ назадъ на три мили, и на слѣдующій день достигъ Переяславля (это одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ Московскаго государства; онъ лежитъ при весьма рыбномъ озерѣ, славенъ гробницами князей Переяславскихъ и многими монастырями). Тамъ онъ нашелъ двухъ Московскихъ вельможъ съ 500 всадниковъ, которыхъ Шуйскій послалъ, чтобы они сопровождали насъ, и не позволяли бы намъ ни разсѣяться, ни остановиться, ни направить путь нашъ къ лагерю Лжедимитрія. Имъ весьма непріятно было слышать, что воевода, вмѣстѣ со своею свитою, отдѣлился отъ насъ. Панъ же Гонсѣвскій со своими, и вмѣстѣ съ русскими проводниками, продолжалъ свой путь, и переправился чрезъ Волгу 11-го числа этого мѣсяца. Посланные же Шуйскимъ Русскіе съ 5000 своихъ догнали воеводу; но они не могли уговорить его, чтобы онъ снова соединился съ остальными своими товарищами. Силы же они не рѣшались употребить потому, что видѣли свиту воеводы готовою на отчаянное сопротивленіе и что въ этой свитѣ было много старыхъ воиновъ или ветерановъ, а съ другой стороны потому, что между этими Русскими было много незнакомыхъ съ войною, и многіе колебались въ вѣрности къ своему государю Шуйскому. И такъ, воевода продолжалъ свой путь къ Смоленску, дорогою хотя многолюдною, но на которой онъ подвергался опасности отъ непріятеля. Панъ

же Гонсѣвскій со своими направился къ Велижу, дорогою хотя не столь удобною, но за то безопасною. Между тѣмъ, чрезъ нѣсколько дней, именно 26 сентября, воевода сандомирскій со всею своею свитою былъ окруженъ высланными для этой цѣли 3000 воиновъ Лжедимитрія, которые схватили его, и вмѣстѣ со всею его свитою и съ княгинею, его дочерью, отвезли въ лагерь Лжедимитрія, расположенный подъ самою Москвою. Это было великимъ несчастіемъ для самого воеводы и для цѣлой его свиты, а особенно для бѣдной княгини: принужденная вступить въ новый бракъ съ Лжедимитріемъ, съ которымъ она имѣла потомъ даже сына, она чрезъ нѣсколько лѣтъ погибла бѣдственно вмѣстѣ съ мужемъ и сыномъ. Когда Димитрій увидѣлъ, что нѣтъ пана Гонсѣвскаго, то онъ тотчасъ отправилъ нѣсколько отрядовъ казаковъ, чтобы они его преслѣдовали и представили къ нему; но такъ какъ панъ Гонсѣвскій 27-го числа этого мѣсяца вмѣстѣ со своими уже вступилъ въ предѣлы королевства Польскаго, а 30-го числа достигъ крѣпости Велижа, коей онъ былъ начальникомъ, то посланные казаки должны были оставить преслѣдованіе. Въ то время, когда панъ Александръ Гонсѣвскій еще не достигъ предѣловъ королевства, Корвинъ, староста Велижскій, изъ самой Москвы отправилъ одного смышленаго человѣка къ королю съ письмомъ, въ которомъ онъ описывалъ все, что приключилось съ послами; этому же человѣку онъ ввѣрилъ многія письма къ разнымъ другимъ лицамъ. Прибывъ въ одно селеніе, находившееся недалеко отъ крѣпости Торопецкой (а воевода Торопецкій оставилъ Шуйскаго и перешелъ на сторону Лжедимитрія), этотъ человѣкъ былъ схваченъ и отданъ подъ стражу; а между тѣмъ былъ отправленъ гонецъ къ воеводѣ Торопецкому, чтобы спросить его, что дѣлать въ настоящемъ случаѣ, и въ какомъ мѣстѣ содержать этого плѣнника. Когда Русскіе узнали объ этомъ происшествіи на слѣдующій день (всѣ, которые были проводниками этого человѣка, разбѣжались, когда его взяли), панъ Гонсѣвскій, послѣ совѣщанія со своими приближенными, скоростью рѣшился предупредить опасность. И такъ, онъ посылаетъ 20 легковооруженныхъ всадниковъ и 60 Русскихъ, приказавъ имъ сдѣлать нападеніе на домъ, въ которомъ содержался плѣнникъ, устрашить селеніе звукомъ трубъ и овладѣть особою плѣнника. Все было совершено согласно приказанію, а на слѣдующій день предъ полднемъ самъ панъ Гонсѣвскій со своею свитою прибылъ въ это селеніе, чтобы подать помощь тѣмъ, которыхъ онъ прежде выслалъ, ежели это оказалось бы нужнымъ.

О панѣ Гонсѣвскомъ заботилось божественное провидѣніе, когда оно внушило ему намѣреніе пойти другою дорогою, нежели какую избралъ воевода сандомирскій; теперь опека провидѣнія оказалась столь же ясно, когда оно внушило Гонсѣвскому освободить упомянутаго плѣнника. Ежели бы онъ не сдѣлалъ этого, то безъ сомнѣнія и плѣнникъ этотъ, имѣвшій весьма многія секретныя письма, былъ бы подверженъ пыткѣ, и самъ панъ Гонсѣвскій не избѣгнулъ бы смертной казни за все то, что въ этихъ письмахъ было писано о Русскихъ и о Лжедимитріѣ. И такъ, по избѣжаніи столькихъ опасностей, было совершено благодарственное молебствіе, при чемъ былъ пѣтъ гимнъ: «Тебѣ Бога хвалимъ», а отецъ Каспаръ Савицкій произнесъ краткое увѣщаніе, въ которомъ исчислялъ всѣ благодѣянія Бога, которыя онъ оказалъ среди столькихъ опасностей.

Annus 1609, pag. 387. § 21. Въ концѣ мѣсяца сентября король съ войскомъ своимъ началъ осаду Смоленска, которая, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, продолжалась почти два года; несмотря на то, что многіе дали королю обѣщаніе, что жители Смоленска сдадутся ему, какъ только онъ покажется передъ стѣнами.

Annus 1609, pag. 389. § 26. Также въ началѣ этого мѣсяца, въ продолженіе трехъ дней, именно съ 2-го до 4-го декабря включительно, въ нашей церкви были произносимы проповѣди, по случаю счастливаго успѣха войны съ Русскими.

Annus 1610, pag. 390 § 3. Въ королевствѣ Польскомъ объявленъ былъ его святѣйшествомъ юбилей, по случаю счастливаго успѣха войны Московской; юбилей этотъ былъ провозглашенъ въ Краковѣ 24 января, и продолжался по обыкновенію двѣ недѣли.

Annus 1610, pag. 391 § 5 finis. Въ лагерѣ подъ Смоленскомъ умеръ 17-го февраля Станиславъ Стадницкій, каштелянъ Перемышльскій, величайшій благодѣтель нашего общества въ этой провинціи. Онъ пришелъ въ помощь королю и рѣчи посполитой съ десятью знаменами или 1000 воиновъ, и въ этой экспедиціи, равно какъ и во многихъ прежнихъ, оказалъ королю великія услуги. Онъ взялъ съ собою въ Россію двухъ священниковъ изъ нашихъ іезуитовъ: отца Павла Гаевскаго и отца Іоанна Халецкаго, на рукахъ которыхъ, причастившись св. Таинъ, онъ и умеръ. Какъ Станиславъ Стадницкій Ланцутскій за ужасныя преступленія (какъ мы сказали выше) былъ названъ діаволомъ, такъ точно этотъ Стадницкій, предъидущаго двоюродный братъ, за ревность къ религіи католической, и за особенное его къ духовнымъ расположеніе и за оказанныя имъ благодѣянія, былъ названъ ангеломъ.

Eadem, pag. § 7. Какъ въ Краковѣ, такъ и въ лагерѣ подъ Смоленскомъ наши іезуиты произносили рѣчи въ теченіе трехъ упомянутыхъ дней, и съ большимъ успѣхомъ; нашлись весьма многіе, которые предпочли присутствовать при богослуженіи и исповѣдываться и причащаться, нежели приносить жертвы Бахусу. Кромѣ того, по случаю этого богослуженія въ лагерѣ, около 12 воиновъ оставили ересь и перешли къ религіи католической. Сверхъ того и въ другія времена происходили въ лагерѣ разныя молебствія, по случаю счастливаго успѣха осады, какъ напр. въ началѣ октября и предъ адвентомъ предъидущаго года; причемъ воины оказывали большую набожность, посѣщали храмъ часто, исповѣдывались, причащались, прислуживали при богослуженіи, и сами пѣли во время обѣдни и вечерни. Все это было еще увеличиваемо и присутствіемъ короля, который часто приходилъ туда, и великолѣпіемъ мѣста, въ которомъ происходило это богослуженіе, и частыми проповѣдями о дѣлахъ религіозныхъ.

Annus 1610, pag. 396, § 17. Когда въ королевскомъ лагерѣ подъ Смоленскомъ узнали, что Русскіе, призвавъ на помощь войска германскія, въ большомъ числѣ идутъ къ Смоленску, военный совѣтъ рѣшилъ, чтобы Станиславъ Жолкевскій, взявъ извѣстное число воиновъ, вышелъ имъ на встрѣчу. Это порученіе, хотя весьма трудное, досталось такимъ образомъ мужу воинственному, который исполнилъ его съ счастливымъ успѣхомъ, какъ увидимъ подъ слѣдующимъ мѣсяцемъ.

Ibidem, § 18. Станиславъ Жолкевскій со своимъ войскомъ вышелъ на встрѣчу непріятелю, ибо Димитрій Шуйскій приближался съ 40,000 Русскихъ и Нѣмцевъ, чтобы подать помощь Смоленску, и чтобы принудить короля снять лагерь. Узнавъ чрезъ

лазутчиковъ какъ о позиціи, такъ и о числѣ непріятеля, Жолкевскій около полуночи, въ величайшей тишинѣ, со своими воинами вышелъ на встрѣчу непріятелю, соединившись съ войсками Александра Зборовскаго, которому онъ прежде уже приказалъ придти къ нему, и который въ ту же ночь съ нимъ соединился. Онъ намѣревался еще ночью сдѣлать нападеніе на непріятельскій лагерь, но разныя обстоятельства заставили его отложить это нападеніе. И такъ, съ восходомъ солнца 4-го іюня онъ началъ битву, въ которой лишился немногихъ изъ своихъ воиновъ, и разсѣявъ войска германскія, а многіе ихъ отряды принудилъ оставить Русскихъ и перейдти на его сторону; Русскихъ же по большей части истребилъ, а другихъ разсѣялъ и обратилъ въ бѣгство, и въ тотъ же еще день, какъ побѣдитель, возвратился въ свой лагерь, который находился недалеко отъ того мѣста. Такъ какъ это случилось въ окрестностяхъ села Клушина, то потому эта побѣда обыкновенно называется Клушинскою. Жолкевскій превосходно воспользовался своею побѣдою, взявъ разныя укрѣпленія; а между прочими городами и самая столица Россіи, Москва, была взята Жолкевскимъ и такимъ образомъ досталась въ наши руки, въ октябрѣ мѣсяцѣ, какъ увидимъ ниже.

Ibidem, § 19. Въ Москвѣ великій князь Василій Шуйскій, по причинѣ несчастнаго своего царствованія и безпрерывныхъ войнъ, или по какому либо другому поводу, собственными подданными свергенъ былъ съ престола 28 іюня и постриженъ въ чернецы или монахи ордена св. Василія.

Ibidem ulterius. Въ этотъ же день наше войско въ лагерѣ подъ Смоленскомъ, когда во многихъ мѣстахъ стѣны Смоленской крѣпости были уже проломаны, сдѣлало приступъ на городъ, но безуспѣшно; ибо ничего не совершивъ, оно принуждено было возвратиться въ лагерь.

Annus 1610, pag. 397 § 21, dies 21 Augusti. 21-го августа наши вторично сдѣлали приступъ къ Смоленску, но безуспѣшно.

Ibidem, § 22. По сверженіи Шуйскаго съ престола Московскаго, Русскіе въ этомъ мѣсяцѣ имѣли частыя совѣщанія касательно избранія новаго великаго князя Московскаго. Многіе подавали свой голосъ въ пользу короля польскаго Сигизмунда III, желая его видѣть на престолѣ; но наконецъ 27-го августа избранъ былъ великимъ княземъ королевичъ польскій Владиславъ, и Русскіе присягнули ему, какъ своему законному государю. Однако многіе не соглашались на это избраніе. Какимъ образомъ потомъ Русскіе отправили по этому дѣлу посольство въ лагерь къ королю, объ этомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ, именно въ октябрѣ; ибо тогда именно это случилось.

Annus 1610 pag. 398, § 24 et 25. По занятіи Станиславомъ Жолкевскимъ разныхъ мѣстъ въ государствѣ Московскомъ, наконецъ 9-го октября самый замокъ Москвы, при его же содѣйствіи, достался въ руки нашихъ. Около того же времени Жолкевскій взялъ въ плѣнъ обоихъ Шуйскихъ, именно Василія, бывшаго прежде великимъ княземъ, и брата его Димитрія, которыхъ увелъ потомъ съ собою въ Польшу; а выходя изъ города и крѣпости Москвы, онъ главное начальство передалъ пану Александру Корвину Гонсѣвскому, при которомъ остались разные отряды нашихъ воиновъ, именно, отряды: пана Струся, пана Ваерія, пана Копыцинскаго, пана Дынковскаго, пана Скомина, пана Балабана, пана Малынскаго и друг.

Послы Московскіе 17-го числа этого мѣсяца пришли въ королевскій

лагерь, прося себѣ въ цари королевича Владислава, сына короля. Касательно этого предмета мнѣнія нашихъ сенаторовъ были весьма различны: одни совѣтовали королю тотчасъ принять посольство, и отправить сына въ Москву, или же самому отправиться вмѣстѣ съ нимъ; другіе желали, чтобы Русскіе предложили престолъ Московскій самому королю, который бы потомъ тотчасъ уступилъ его своему сыну. Но король очень сомнѣвался въ вѣрности Русскихъ, и боялся за своего сына, ежели онъ отпуститъ его въ Москву. Между находившимися въ то время при королѣ сенаторами царствовало разногласіе: одни вмѣстѣ съ Жолкевскимъ настаивали, чтобы удовлетворить просьбамъ Русскихъ и дать имъ въ цари Владислава; другіе не хотѣли этого, приводя разныя причины на это, а въ самомъ дѣлѣ изъ ненависти къ Жолкевскому, котораго они боялись, и власть котораго они желали видѣть уменьшенною. Послѣ долгихъ разсужденій касательно этого предмета, король принялъ мнѣніе отрицательное и не послалъ королевича въ Москву; кромѣ того удержалъ плѣнниками самого Голицына, начальника посольства, и нѣкоторыхъ другихъ (за то, будто они не оказали ему вѣрности и вели тайные переговоры съ жителями Смоленска во вредъ королю и рѣчи посполитой); всѣ они потомъ были отведены въ Польшу. Многочисленныя бѣдствія, которыя потомъ постигли насъ со стороны Русскихъ, и со стороны нашихъ воиновъ, пребывавшихъ въ Москвѣ и рѣшившихся тамъ ожидать прибытія королевича Владислава—многіе приписывали вышеупомянутому образу дѣйствій. И между тѣмъ Жолкевскій, оставляя Москву, говорилъ оставшимся тамъ нашимъ солдатамъ, что они навѣрно могутъ ожидать Владислава. Мы увидимъ послѣ, что по этой именно причинѣ солдаты наши, оставляя потомъ Москву, составили страшную конфедерацію, которая была пагубна для рѣчи посполитой. Кромѣ того походъ короля на Россію, предпринятый вмѣстѣ съ королевичемъ Владиславомъ, а потомъ походъ Владислава, отдѣльно имъ принятый, не имѣли желаннаго успѣха, ибо Русскіе питали уже непріязненное расположеніе къ королевичу и къ королю, его отцу, и выбрали великимъ княземъ Московскимъ одного изъ своихъ соотечественниковъ. Кажется, что всего этого не былобы, еслибы королевичъ Владиславъ отправился въ Россію, когда Русскіе предлагали ему престолъ.

Annus 1610, pag. 401, § 32. Тотъ Богданка, выдававшій себя за Димитрія, о коемъ подъ годомъ 1607, начиная отъ § 13, мы сказали кое-что, 21-го декабря бѣдственно былъ убитъ въ Россіи, а вскорѣ потомъ несчастная Марина, великая княгиня Московская, которая вышла замужъ за этого Лжедимитрія и имѣла отъ него сына, вмѣстѣ съ сыномъ была умерщвлена жестокимъ образомъ, и дала новое замѣчательное доказательство суеты этого міра, вѣчно прельщающаго и обманывающаго.

Annus 1611, pag. 406, § 11. Въ этотъ же день, то есть 29 марта, Русскіе сразились съ нашими, которыхъ Станиславъ Жолкевскій оставилъ въ Москвѣ 9-го октября предъидущаго года. Русскіе, подъ предводительствомъ Ляпунова и Заруцкаго, напали на нашихъ, запершихся въ крѣпость. Битва возобновлялась нѣсколько разъ, и наши отбили Русскихъ, несмотря на превосходное число ихъ: ибо Русскихъ было 30 тысячъ, а нашихъ только 3 тысячи. Въ это же время наши выжгли цѣлый городъ, находившийся передъ стѣнами, который имѣлъ въ

окружности 4 польскія мили. Наши удержали за собою два главныя укрѣпленія: Кремль и Китайгородъ, гдѣ находилось около двухъ тысячъ военныхъ снарядовъ. Предводитель нашихъ воиновъ былъ тогда Александръ Корвинъ Гонсѣвскій, котораго Станиславъ Жолкевскій по взятіи Москвы оставилъ тамъ вмѣсто себя.

Annus 1611 pag. 408, § 17. 13 число іюня было достопамятно не только для Польскаго королевства, но для всего міра христіанскаго: въ этотъ день король Польскій Сигизмундъ III завоевалъ и отнялъ у Русскихъ городъ Смоленскъ, послѣ осады, продолжавшейся почти два года. Ибо въ концѣ сентября 1609 года король Сигизмундъ началъ эту осаду. Русскіе, доведенные до крайняго отчаянія, и видя невозможность противиться непріятелю, уже врывающемуся въ крѣпость, стеклись въ большомъ множествѣ въ одинъ храмъ, въ которомъ были сложены всѣ сокровища; потомъ подложили сѣрный порохъ, зажгли его и взорвали храмъ на воздухъ, при чемъ погибли всѣ находившіеся въ немъ люди и всѣ бывшія въ немъ сокровища. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Русскіе сдѣлали все то, что люди обыкновенно дѣлаютъ въ отчаянномъ положеніи, а особенно они заботились о томъ, чтобы истребить все, могущее служить къ оборонѣ крѣпости. Не желая, чтобы вещи эти достались въ руки нашихъ, они сожгли ихъ. Но наконецъ, по взятіи въ плѣнъ главнаго вождя, а также всѣхъ военныхъ снарядовъ и большей части гарнизона, Русскіе принуждены были сдаться.

Когда вѣсть объ этой побѣдѣ достигла Кракова 27-го сего мѣсяца, то тотчасъ на слѣдующій день, именно 28-го числа, въ замкѣ, а потомъ 29-го числа въ самомъ городѣ, былъ тріумфъ и во всѣхъ храмахъ происходили благодарственныя молебствія. Былъ пѣтъ гимнъ «Тебе Бога хвалимъ», звонили въ колокола и т. д. Тоже самое происходило и въ нашей церкви, и службу отправлялъ отецъ Николай Тарновскій. По окончаніи молебствія, хоръ музыкантовъ исполнилъ вышеупомянутый гимнъ. Тѣ же тріумфы и тѣ же молебствія происходили во всемъ королевствѣ Польскомъ.

Annus 1611, pag. 412, § 27. Василій Шуйскій, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Димитріемъ, 29-го октября Станиславомъ Жолкевскимъ, въ то время каштеляномъ Львовскимъ, начальникомъ всѣхъ войскъ, были приведены въ сенатъ въ Варшавѣ, и тамъ публично переданы королю. На нихъ можно было видѣть непостоянство человѣческаго счастія. При этомъ случаѣ Жолкевскій между прочимъ превозносилъ счастіе короля. Онъ указывалъ на то, что по прибытіи своемъ изъ Швеціи, Сигизмундъ взялъ въ плѣнъ не только своего соперника и соискателя короны Польской, Максиміліана Австрійскаго, но также имѣетъ теперь въ плѣну великаго князя Московскаго.

Annus 1611, pag. 413, § 30. Также было принято въ Варшавѣ новое посольство отъ Русскихъ, приглашающихъ на великокняжескій престолъ Московскій короля вмѣстѣ съ его сыномъ. Объ этомъ уже записалъ вышеупомянутый отецъ Скарга.

Annus 1612, pag. 416, § 2. Воины наши, занявшіе въ Москвѣ два укрѣпленія, Кремль и Китайгородъ, о коихъ мы нѣсколько сказали подъ 9-мъ числомъ марта предъидущаго года, часто и мужественно сражались съ Русскими, но все болѣе и болѣе были ими стѣсняемы. Когда наконецъ они убѣдились, что имъ нечего уже ожидать слѣдующаго имъ жалованья, а также прибытія короля, или королевича Владислава, и когда, кромѣ того

они терпѣли страшный голодъ, то они вышли изъ Москвы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они составили въ февралѣ мѣсяцѣ эту несчастную конфедерацію, которая въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ такъ ужасно волновала королевство Польское и великое княжество Литовское. Объ этомъ увидимъ ниже.

Annus 1612, pag. 422 et 423, § 17. Около этого времени король польскій Сигизмундъ III рѣшился ввести въ Москву съ войскомъ королевича Владислава (который уже достигъ совершеннолѣтія), и заставить Русскихъ избрать его царемъ, какъ они сами неоднократно просили. Потому 26-го іюля вмѣстѣ съ королевичемъ Владиславомъ онъ отправился въ Вильно и поставилъ во главѣ войска гетмана Карла Хоткевича, а потомъ, съ войскомъ достигнувъ Смоленска, пошелъ далѣе въ направленіи къ Москвѣ. Но эта экспедиція не стоила того, что была предпринята. Ибо съ одной стороны, когда наши солдаты, соскучившись продолжительнымъ осажденіемъ и мучимые голодомъ, оставили Москву, то городъ этотъ опять достался въ руки Русскихъ, которые совершенно утратили прежнее пріязненное расположеніе къ Владиславу; а съ другой стороны, солдаты наши, возвратившись изъ Москвы, составили заговоръ для завладѣнія королевскими и духовными имѣніями, которыя они хотѣли удержать до тѣхъ поръ, пока имъ не будетъ выдано жалованье, какое они сами себѣ назначатъ. И они дѣйствительно уже напали на упомянутыя имѣнія и производили въ нихъ ужасные грабежи. И такъ, какъ увидимъ къ своемъ мѣстѣ, намѣреніе короля осталось вполнѣ не исполненнымъ, и онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ Владиславомъ возвратиться въ Польшу.

Annus 1612, pag. 435, § 45. Въ этомъ мѣсяцѣ, то есть въ декабрѣ, король, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Владиславомъ, долженъ былъ возвратиться изъ Россіи, ничего не успѣвъ сдѣлать; а туда онъ отправился еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, какъ мы уже сказали. Ибо и Русскіе не хотѣли слышать о возведеніи на престолъ Владислава, напротивъ, встрѣтили насъ какъ непріятелей; а съ другой стороны наши польскіе солдаты, вслѣдствіе составленной въ этомъ году конфедераціи (о которой мы уже упомянули подъ мѣсяцемъ іюнемъ), опустошали ужаснѣйшимъ образомъ всѣ имѣнія королевскія и духовныя въ цѣлой рѣчи посполитой. Потому король принужденъ былъ возвратиться, чтобы на государственномъ сеймѣ совѣщаться объ отысканіи средствъ къ прекращенію такихъ грабежей. И такъ, пославъ еще съ дороги письмо, которымъ онъ созывалъ въ Варшаву государственный сеймъ на 19 февраля слѣдующаго года, король изъ Россіи возвратился сначала въ Смоленскъ, оттуда въ Литву, и наконецъ въ Польшу.

Annus 1633, pag. 928, §§ 151, 152, 153 etc. Что въ теченіе мѣсяца сентября было совершено подъ Смоленскомъ королемъ нашимъ Владиславомъ и его войскомъ, объ этомъ, такъ какъ это заслуживаетъ быть переданнымъ потомству, мы здѣсь вкратцѣ скажемъ. Извѣстія эти почерпнуты изъ разныхъ дневниковъ, присланныхъ изъ лагеря, особенно же изъ того дневника, который вышелъ въ Брюсселѣ 1634 года, въ типографіи Луки Меабекія.

И такъ, сначала замѣтимъ слѣдующее: крѣпость Смоленская, имѣя въ своихъ стѣнахъ только 4000 гарнизона, въ теченіе 10 мѣсяцевъ постоянно была осаждаема. Не смотря на непрерывныя нападенія и на частые штурмы 100 тысячнаго непріятеля, не смотря, что она окружена была со всѣхъ сторонъ, и что отовсюду

правлены были противъ нея осадныя машины и орудія, она защищалась весьма храбро и оставалась въ непоколебимой вѣрности къ королю. Самые жестокіе штурмы происходили въ августѣ мѣсяцѣ, такъ что иногда въ продолженіе одного дня было бросаемо въ крѣпость около 3500 непріятельскихъ бомбъ. А какова была осада Смоленска Русскими, можно видѣть изъ слѣдующаго: крѣпость Смоленская была окружена 16-ю сильными укрѣпленіями и четырьмя по правиламъ военнаго искусства расположенными лагерями, такъ, что осада Смоленска превосходила даже осаду Бреды и Утрехта, по мнѣнію людей, бывшихъ какъ при первыхъ двухъ осадахъ, такъ и при осадѣ Смоленска.

Дождавшись войска, которое собиралось въ Оршу, и сдѣлавъ ему смотръ на обширномъ полѣ, уставивъ его потомъ въ нѣсколько карре, король направилъ путь къ Смоленску, и четвертаго числа этого мѣсяца прибылъ въ Глуховъ, (мѣсто это отстоитъ па $1\frac{1}{2}$ мили отъ Смоленска) съ войскомъ, совершенно готовымъ вступить въ битву. На слѣдующій день король совѣщался съ коронными сенаторами и военачальниками, съ какой стороны удобнѣе ввести войско въ стѣны Смоленскія, на помощь гарнизону, а также и порохъ и жизненные припасы. Въ тотъ же еще день король приказалъ построить мостъ чрезъ Днѣпръ, и по окончаніи его, главное начальство надъ лагеремъ поручилъ Сапегѣ, воеводѣ Оршинскому, а самъ 6-го числа этаго мѣсяца ночью перевелъ войско чрезъ мостъ, а потомъ чрезъ высокіе лѣса повелъ его большимъ кругомъ, чтобы оно явилось неожиданно, и напало на непріятельскія укрѣпленія съ той стороны, съ которой Русскіе ничего пе опасались. Все это заняло цѣлую ночь. Между тѣмъ Русскіе, къ которымъ теперь обратимся на нѣкоторое время, по тремъ разнымъ дорогамъ отправили пословъ къ султану Турецкому, ложно извѣщали его, будто Поляки и Литовцы проиграли битву, лагерь ихъ сожженъ, и 80,000 людей убито (между тѣмъ какъ все войско состояло только изъ 20 тысячъ съ небольшимъ человѣкъ); и будто остальные разбѣжались и искали спасенія во внутреннихъ частяхъ государства. Это извѣстіе было весьма пріятно турецкому военачальнику, и онъ тотчасъ посылаетъ съ войскомъ Аббаса-пашу въ Молдавію и Валахію, а оттуда въ Польшу, приказавъ ему отнять у Поляковъ Каменецъ и Львовъ, двѣ польскія крѣпости на границѣ съ Турціею. Султанъ турецкій полагалъ, что это самое удобное время для войны съ Польшею, такъ какъ король находится въ разстояніи почти 200 польскихъ миль отъ Каменца, такъ какъ онъ отвелъ съ собою подъ Смоленскъ всѣ войска польскія, а также и казаковъ Запорожскихъ, и такъ какъ эти войска понесли тамъ ужасное пораженіе, какъ доносили Русскіе; наконецъ султанъ пе надѣялся найти въ Каменцѣ почти никакаго гарнизона. Но онъ во всемъ этомъ ужасно обманулся. Ибо король, отправляясь въ Москву, оставилъ во Польшѣ Станислава Конецпольскаго, короннаго гетмана и каштеляна Краковскаго, который собравъ войско и расположившись лагеремъ между Каменцемъ и рѣкою Тирою, безъ боязни ожидалъ непріятеля, и отбилъ его съ большимъ урономъ, какъ увидимъ въ слѣдующемъ мѣстѣ. Кромѣ того въ тоже время ханъ Татаръ Крымскихъ и Перекопскихъ (тронутый добротою Владислава, который по случаю своей коронаціи всѣхъ находившихся въ Польшѣ плѣнныхъ Татаръ, между которыми былъ и родственникъ турецкаго султана, приказалъ отослать безъ выкупа и дать имъ еще денегъ на доро-

гу), являя рѣдкій примѣръ признательности, послалъ на помощь Владиславу противъ Русскихъ почти 80 тысячъ своихъ татаръ, подъ предводительствомъ своего брата. Онъ приказалъ имъ, въ то время, когда Владиславъ занятъ осадою Смоленска, опустошать Россію съ другой стороны, и такимъ образомъ, развлечь силы Русскихъ, что татары и сдѣлали; но возвратимся къ Смоленску. Король выступилъ изъ Глухова и въ продолженіе цѣлой ночи шелъ въ направленіи къ Смоленску; но въ это время, 7-го сентября, передъ самымъ разсвѣтомъ, (какъ потомъ оказалось) одинъ рядовой солдатъ изъ королевскаго войска перебѣжалъ къ Русскимъ, и объявилъ имъ, какъ велико войско непріятеля, и съ какой стороны они должны ожидать его. Внезапно Русскіе разставляютъ свое войско, укрывая одну его часть въ рвахъ и за валами, а другую ставятъ въ открытомъ полѣ; передъ боевою линіею они устраиваютъ тройную засѣку изъ срубленныхъ, огромныхъ, вѣтвистыхъ дубовъ. Король показался непріятелю уже среди бѣлаго дня, и увидя его приготовленнымъ къ бою, онъ приказываетъ стрѣлять изъ пушекъ на непріятельское войско; а пѣхотѣ польской, раздавъ предварительно по два червонца на каждаго солдата, приказываетъ топорами разрубить засѣку. Не менѣе и непріятель стрѣлялъ изъ пушекъ на оба фланга нашего войска, и дѣлалъ нападенія, чтобы ввязаться въ рукопашный бой; вслѣдъ за тѣмъ онъ бросился съ фронта на пѣхоту, разрушавшую засѣку; а когда не смотря на то, засѣка была разрушена, все почти непріятельское войско, оставивъ на флангахъ только нѣкоторые отряды конницы и пѣхоты, ударило на нашъ фронтъ. Король разставилъ свое войско: самъ принялъ начальство надъ лѣвымъ крыломъ, а правое поручилъ Радзивилу. Нѣсколько отрядовъ пѣхоты и конницы онъ поставилъ отдѣльно, чтобы они съ успѣхомъ могли отражать помощь, приходящую къ Русскимъ изъ другихъ укрѣпленій.

Короннаго гетмана съ 4000 людей король послалъ къ непріятельскому мосту, чтобы или занять его, или по крайней мѣрѣ не допустить перехода непріятельскихъ вспомогательныхъ войскъ. Началось сраженіе, и непріятель сначала отбивалъ съ обѣихъ сторонъ королевскіе отряды; но когда напала королевская конница, состоявшая изъ копейщиковъ, то непріятель тотчасъ началъ отступать и приходить въ смятеніе, и притомъ такъ скоро, что дѣло кончилось одними пиками, безъ помощи мечей и ружей. Тоже случилось и съ тѣми, которые въ это же время напали на оба фланга нашего войска: сбитые съ горы Покровской, которую занялъ непріятель, одни убѣжали въ лагерь Шеина, другіе въ лагерь Печорова, а нѣкоторые въ укрѣпленіе Измайловское. Король началъ осаждать это укрѣпленіе. Видя это, осажденные жители Смоленска, побуждаемые радостью и желаніемъ увидѣть новаго короля, котораго еще не видали, дѣлаютъ вылазку изъ города, съ величайшею храбростію занимаютъ мостъ дѣлаютъ нападеніе на укрѣпленіе: они уже овладѣли одною его частью, и непремѣнно овладѣли бы цѣлымъ укрѣпленіемъ, еслибы германская пѣхота короля во время подоспѣла на помощь. Видя это, польскіе всадники тотчасъ слѣзли съ лошадей, чтобы подать помощь жителямъ Смоленска. Но король, не желая подвергнуть столь великой опасности этотъ цвѣтъ польской аристократіи, приказалъ дать знакъ къ отступленію, занявъ только насыпь, ровъ и дорогу, ведущую въ Смоленскъ. Потомъ онъ при помощи

пушекъ приказалъ держать непріятеля въ отдаленіи такъ долго, пока пѣхота съ порохомъ и съ съѣстными припасами не прибыла къ мосту, а потомъ и къ боевой линіи жителей Смоленска; при этомъ онъ не лишился ни одного человѣка. Тою же дорогою пришли къ королю тѣ, которые сдѣлали вылазку изъ Смоленской крѣпости, а потомъ принуждены были оставить штурмъ укрѣпленія. Ихъ предводитель былъ панъ Воеводскій, покрытый кровью въ сраженіи, и прострѣленный пулею чрезъ плечо. Когда онъ, привѣтствуя короля, упалъ предъ нимъ на колѣна, король поднялъ его, обнялъ и поцѣловалъ; тоже онъ сдѣлалъ съ его товарищами, которые всѣ были ранены; кромѣ того онъ далъ имъ много золота, чтобы они раздѣлили его между прочими осажденными; благодарилъ за такую вѣрность; обѣщалъ въ скоромъ времени совершенное избавленіе отъ осады; наконецъ пилъ на здоровье пана Воеводскаго, причемъ сказалъ ему много лестнаго. Обрадованные этимъ ласковымъ обращеніемъ короля, они возвратились въ Смоленскъ съ помощью и со съѣстными припасами. Король, вторично подавъ помощь осажденнымъ, что было въ этотъ день единственнымъ его намѣреніемъ, всю почти ночь провелъ вмѣстѣ съ войскомъ на полѣ битвы, подкрѣпившись простою пищею и питьемъ, онъ легъ спать почти на голую землю. 8-го сентября, король, узнавъ отъ нѣмецкихъ и французскихъ перебѣжчиковъ, что непріятель съ другой стороны Днѣпра ведетъ войска къ нашему лагерю, тотчасъ подослалъ туда помощь, а вслѣдъ за нимъ отправился и самъ съ пушками и съ пѣхотою, и прибылъ на то мѣсто около полудня; непріятель, увидя это, оставилъ осаду лагеря, и укрѣпилъ гору Покровскую, двумя новыми шанцами. Король уже собственноручно роздалъ подарки разнымъ солдатамъ, особенно отличившимся въ битвѣ.

9-го и 10-го сентября приходили въ лагерь разные отряды, особенно пѣшіе, которымъ король производилъ смотръ. 11-го числа этого мѣсяца оба наши военачальника, Радзивилъ и Казановскій, выступивъ изъ нашего лагеря съ 14 знаменами, чтобы выбрать мѣсто для лагеря, болѣе близкое къ непріятелю, увидѣли, что гора Покровская укрѣплена новыми и сильными шанцами. Казановскому приказано было разбить лагерь Польскій на горѣ Ясенской, 12-го числа этого мѣсяца, съ 5000 людей. Потомъ 13-го числа пришло въ королевскій лагерь 50 знаменъ казаковъ Запорожскихъ, или, какъ пишутъ другіе, 15,000 казаковъ. А потомъ съ 14-го до 19-го числа приходили въ лагерь королевскія пушки, король и остальныя войска, пѣшія и конныя.

Король 20-го числа этого мѣсяца вечеромъ вывелъ войска свои изъ лагеря, и направился къ горѣ Покровской нѣсколько другою дорогою. А 21-го числа, съ наступленіемъ дня, король разставилъ войско. Лѣвымъ крыломъ, гдѣ стояли воины польскіе, онъ предводительствовалъ самъ. Правое крыло онъ ввѣрилъ Радзивилу, разставивъ по обоимъ сторонамъ Запорожскихъ казаковъ. Воины литовскіе пошли прямо противъ укрѣпленія Прозоровскаго, самъ же король противъ горы Покровской, на которой недавно предъ тѣмъ происходило сраженіе. Тутъ сначала онъ дѣйствовалъ легкими войсками, при чемъ прошло около двухъ часовъ времени. Наконецъ непріятель началъ стрѣлять изъ пушекъ со стѣнъ укрѣпленій, которыя только что были возведены на этой горѣ. Королевская пѣхота, а также и конница, слѣзши съ лошадей, вмѣстѣ сдѣлавъ нападеніе (это нападеніе было самое отчаянное въ продолженіе цѣ-

лой войны), заняла три укрѣпленія, а потомъ произвела ужасный штурмъ, при помощи складныхъ лѣстницъ и понтонныхъ мостовъ. Самъ король вездѣ присутствовалъ, исполняя обязанности полководца и простаго воина. Теперь, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, занята была гора Покровская, на ней поставлено войско; а наши солдаты цѣлый день стрѣляли съ этой горы на непріятеля, и овладѣли лежащимъ на берегу Днѣпра непріятельскимъ храмомъ, въ которомъ находилось большое множество военныхъ снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ.

Король, приказавъ ночью съ возможною скоростью вырыть рвы, 22-го числа этого мѣсяца съ большою силою началъ осаду одного шестиугольнаго укрѣпленія. И наконецъ, вечеромъ, непріятель былъ выбитъ изъ укрѣпленія, въ которомъ онъ оставилъ всѣ осадныя машины, военные снаряды и съѣстные припасы. И такимъ образомъ, казалось, что почти была кончена осада Смоленска. Потомъ, 23-го числа этого мѣсяца, литовское войско и Запорожцы начали стрѣлять изъ пушекъ въ весьма укрѣпленный лагерь Прозоровскаго. Наконецъ 24-го числа король съ нѣсколькими знаменами конницы вступилъ въ Смоленскъ, и былъ принятъ жителями съ большою радостью. Потомъ онъ пошелъ въ церковь, и самъ, со слезами на глазахъ, началъ пѣть гимнъ „Тебе Бога хвалимъ“ (а между тѣмъ наши воины на полѣ битвы стрѣляли изъ пушекъ на непріятеля). Потомъ онъ обозрѣвалъ развалины стѣнъ и произведенные минами взрывы, съ болѣе высокихъ крѣпостныхъ башенъ смотрѣлъ на рвы непріятельскіе, и къ вечеру, среди града непріятельскихъ ядеръ, невредимо возвратился къ своимъ на гору Покровскую.

25-го числа этого мѣсяца король началъ изъ пушекъ обстрѣливать укрѣпленіе француза Шарлета, а потомъ припустилъ на него штурмъ, но безъ успѣха. Въ тотъ же день Русскіе начали осаждать нашъ лагерь въ Глуховскомъ полѣ, но были отбиты съ большимъ урономъ. Многіе люди изъ русской пѣхоты перешли къ королю 26-го числа, а между ними также и помощникъ француза Шарлета. Въ тотъ же день король вторично вступилъ въ Смоленскъ, и нѣсколько воротъ, заваленныхъ землею, приказалъ очистить, чтобы наши, по данному знаку, легче могли напасть на непріятеля. Вечеромъ нѣсколько знаменъ непріятельскихъ было вручено королю. Возвратились также 500 нашихъ воиновъ, которые для рекогносцировки пошли въ направленіи къ Дорогобужу, и теперь привели королю множество плѣнниковъ. Тоже сдѣлали и Запорожскіе казаки, которые 27-го числа принесли съ собою изъ окрестностей несмѣтную добычу. Король предъ наступленіемъ ночи раздѣлилъ войско на 4 части. Выведя двѣ части въ поле, 28 числа онъ приказалъ имъ бдѣть и быть подъ оружіемъ, чтобы воспрепятствовать непріятелю разрушить планы короля. Третьей части приказалъ обойти самый Смоленскъ и напасть на внутреннюю сторону укрѣпленія, въ которомъ начальствовалъ французъ Дамъ; самъ съ четвертою частью началъ осаду другой стороны, внѣшней. Полки Ваерія и Абрамовича сдѣлали дружный напоръ, и королевское знамя было уже воткнуто на главномъ бруствере укрѣпленія; но знаменщикъ былъ убитъ, самъ Ваерій тяжело раненъ, а семь полковъ русскихъ отбили нашихъ. Присланные королемъ въ помощь всадники и гусары отразили Русскихъ и осада укрѣпленія была возобновлена воинами Ваерія и Абрамовича, совокупно съ Запорожскими казаками. Такъ какъ

король замѣтилъ, что многіе изъ магнатовъ нашихъ въ юношескомъ пылу безразсудно бросались въ огонь, то онъ приказалъ бить отбой; однако были заняты два небольшіе шанца, наиболѣе близкіе къ укрѣпленію Дама. Эта битва съ обѣихъ сторонъ была самая ужасная, и въ ней погибла половина непріятельской пѣхоты, находившейся въ крѣпости; много было убитыхъ и съ нашей стороны, особенно между казаками. Король, оставивъ на мѣстѣ небольшой отрядъ конницы, и сильно укрѣпивъ четыре шанца, отступилъ, когда было уже поздно въ ночи. Между тѣмъ, непріятель, устрашенный своимъ пораженіемъ и упорствомъ нашихъ воиновъ, бѣжалъ изъ укрѣпленія въ лагерь Прозоровскаго. Но бѣглецы эти, именно Французы Дама не были приняты Прозоровскимъ, такъ какъ онъ и самъ бѣжалъ, поспѣшно зажегши свой лагерь. Услышавъ объ этомъ, оставленные королемъ на мѣстѣ воины, а потомъ большее число имъ подосланное, напали на укрѣпленіе непріятеля, и такимъ образомъ около полуночи наши, распространивъ всеобщій страхъ между непріятелемъ, силою овладѣли семью шанцами, а именно: шанцемъ Прозоровскаго, самымъ большимъ, шанцемъ русской конницы, шанцемъ француза Дама, шанцемъ германца Крейза, шанцемъ англичанина Зандера, и тремя меньшими шанцами, построенными въ видѣ четыреугольниковъ. Въ этихъ укрѣпленіяхъ мы нашли множество пушекъ, ружей, пороха, ядеръ и разныхъ военныхъ и съѣстныхъ припасовъ. Кромѣ того, найдено много больныхъ Русскихъ, которыхъ король приказалъ всѣхъ собрать и подавать имъ врачебную помощь. Найдены были и тѣла нашихъ, которыхъ Русскіе взяли въ плѣнъ предъидущаго дня: они были окровавлены, сердца вырваны, жилы разрѣзаны, руки и ноги отрублены. Когда наши черезъ герольда жаловались на такую лютость, Русскіе отвѣчали варварскою шуткою, что ихъ врачи занимались анатоміею. Это звѣрство было причиною того, что многіе Голландцы, Французы, Нѣмцы, Шотландцы и другіе переходили къ намъ въ большомъ количествѣ.

Король 29-го числа этого мѣсяца октября, съ самаго утра, приказалъ въ своей палаткѣ отслужить молебенъ, и самъ началъ пѣть гимнъ: «Тебе Бога хвалимъ»; войско вторило ему и проливало слезы радости. Потомъ, государственный канцлеръ, по приказанію сенаторовъ, просилъ короля, чтобы онъ не такъ подвергался опасностямъ. Послѣ этого, король самъ осмотрѣлъ всѣ укрѣпленія, оставленныя непріятелемъ, оставилъ въ нихъ гарнизонъ, и добычу раздѣлилъ между войскомъ. Наконецъ, въ послѣдній день этого мѣсяца, король приказалъ перенести лагерь изъ Глуховскаго поля на гору Покровскую. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ въ этотъ же день имѣлъ съ сенатомъ секретное совѣщаніе, касательно способа и образа дальнѣйшаго продолженія войны. Воля короля была такая: оставить подъ Смоленскомъ нѣсколько отрядовъ, а съ остальнымъ войскомъ идти во внутренность Московскаго государства. Но нѣкоторые вельможи убѣдили короля, чтобы онъ не самъ повелъ войско, а поручилъ бы его кому нибудь другому.

Послѣ совершеннаго освобожденія Смоленской крѣпости отъ столь ужасной осады, король разослалъ граммата по всему королевству Польскому и Великому Княжеству Литовскому, повелѣвая вездѣ совершать благодарственныя молебствія за столь великое благодѣяніе Божіе. И тотчасъ, по обнародованіи этихъ граммать, которыя были получены въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, во всѣхъ городахъ, особенно

въ большихъ, были отправляемы благодарственныя молебствія съ великою пышностью.

Въ нашемъ храмѣ, 1-го октября, по давному обычаю, торжественно былъ празднованъ праздникъ св. Франциска Боржія. Въ этотъ же день, король отправилъ изъ лагеря въ Смоленскъ коммисаровъ, чтобы онѣ узнали о тѣхъ, которые особенно отличились во время осады. Всѣмъ выдано жалованье и даны подарки. Тамъ же случилось рѣдкое происшествіе: въ домѣ воеводы Смоленскаго, который имѣлъ начальство надъ осажденною крѣпостью, находилось большое количество пороха. Въ тюрьмѣ сидѣло восемь изъ самыхъ знатныхъ плѣнниковъ, а при нихъ стояло на часахъ восемь служителей воеводы. Случайно порохъ загорѣлся: онъ взорвалъ на воздухъ цѣлый домъ, и умертвилъ всѣхъ плѣнниковъ и слугъ; одинъ только воевода, брошенный черезъ окно въ воздухъ, упалъ на траву невредимымъ.

Наши смоленскіе воины, 2-го числа этого мѣсяца, нѣсколько разъ нападали на лагерь Лескаго, и осаждали его въ теченіе почти цѣлаго дня. На слѣдующій же день наши воины, какъ тѣ, которые находились въ Смоленскѣ, такъ и всѣ прочіе, сдѣлали изъ лагеря нападеніе на шанцъ Француза Шарлета, при чемъ непріятель понесъ большую потерю. Французы передъ разсвѣтомъ вышли изъ этого шанца, и вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ убѣжали, отчасти въ лагерь Лескаго, отчасти въ большой лагерь Шеина.

Того же 4-го числа октября наши смоленскіе воины вмѣстѣ съ отрядами, присланными королемъ, вторично напали на Лескаго. Кромѣ того, начальникъ артиллеріи, Голландецъ, который нѣсколько разъ разрушалъ разныя части стѣнъ Смоленскихъ, перешелъ въ этотъ день на нашу сторону. Наконецъ, въ этотъ же день, король отправилъ каштеляна Карценсцкаго-Пясецынскаго съ 5000 польскихъ всадниковъ къ Дорогобужу, чтобы онъ взялъ этотъ городъ, въ которомъ было большое множество военныхъ снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ; чтобы онъ разузналъ о прибытіи новыхъ вспомогательныхъ войскъ англійскихъ, о которыхъ мы слышали отъ перебѣжчиковъ; и наконецъ, чтобы онъ завладѣлъ, ежели это ему удастся, деньгами, которыя великій князь Московскій посылалъ въ лагерь Шеина. Отъ 5-го до 7-го октября, наши воины нападали на лагерь Шеина и Тобіаса. Король лично присутствовалъ при каждомъ почти нападеніи. Оба убѣжали изъ укрѣпленныхъ своихъ шанцевъ послѣ ужасной рѣзни: насыпи и рвы были наполнены грудами труповъ Русскихъ, а также и нашихъ, особенно же казаковъ. Такимъ образомъ, непріятель сосредоточился въ одномъ только лагерѣ Шеина. Съ этого времени, до слѣдующаго мѣсяца, то есть февраля, въ которомъ мы овладѣли лагеремъ Шеина, всѣ наши усилія клонились къ тому, чтобы пресѣчь привозъ съѣстныхъ припасовъ въ лагерь Шеина и, такимъ образомъ, голодомъ принудить непріятеля къ сдачѣ. Ибо взять лагерь Шеина приступомъ казалось невозможнымъ, такъ какъ онъ сильно былъ укрѣпленъ, и въ немъ находилось огромное число пушекъ. 8-го числа этого мѣсяца, Запорожскіе казаки разбили лагерь по Днѣпру, у подошвы горы Парѳенія, вблизи непріятельскаго лагеря. На слѣдующій день, король отправилъ нѣсколько знаменъ волонтеровъ въ помощь пану Пясецынскому. 10-го числа, Русскіе, укрывшись въ кустарникахъ, напали на вышедшихъ изъ королевскаго лагеря обозныхъ служителей, и многихъ изъ нихъ взяли въ плѣнъ, а другихъ убили; но, въ тотъ же вечеръ, наша пѣхота, вмѣстѣ съ другими обозными

служителями, укрывшись въ тѣхъ же самыхъ кустарникахъ, ожидала Русскихъ цѣлую ночь, и когда они наконецъ явились, нанесла имъ точно такое же пораженіе. 11-го числа этого мѣсяца, разные бояре, то есть вельможи Русскіе, перебѣжали къ королю, и донесли ему, что Шеинъ не останется зимовать подъ Смоленскомъ, но что не трогается еще съ мѣста потому, что не можетъ вывезти огромныхъ своихъ пушекъ. 12-го и 13-го числа казаки дѣлали нападеніе на лагерь Шеина, но безъ успѣха. Между двумя знатнѣйшими изъ нашихъ вельможъ, именно воеводою Подольскимъ Казановскимъ, и воеводою Виленскимъ Радзивиломъ, произошла ссора, которая угрожала поединкомъ. Но король искусно прекратилъ эту ссору. Онъ приказалъ имъ поочередно начальствовать войскомъ, одному въ одинъ, а другому въ другой день, чтобы такимъ образомъ устранить всякій поводъ къ несогласію. Кромѣ того, онъ запретилъ еретикамъ открыто отправлять свое богослуженіе, чтобы успокоить польскихъ своихъ солдатъ, смотрѣвшихъ съ негодованіемъ на богослуженіе ихъ.

14-го числа этого мѣсяца, пришло радостное извѣстіе отъ пана Пясецынскаго: онъ доносилъ о взятіи Дорогобужа, отстоящаго отъ Смоленска почти на 30 миль, объ убіеніи тамъ тысячи почти Русскихъ, и о найденномъ тамъ большомъ количествѣ военныхъ снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ, часть которыхъ онъ взялъ, а другую часть, которую не могъ взять съ собою, онъ сжегъ. Между прочимъ онъ доносилъ, что нашелъ одинъ довольно большой домъ, сверху до низу наполненный конскими сѣдлами. Кромѣ того, онъ доносилъ, что послалъ волонтеровъ до самой Вязьмы, и что тамъ казаки взяли нѣсколько тысячъ быковъ, которыхъ великій князь Московскій посылалъ Шеину. Вскорѣ прибылъ панъ Пясецынскій, и лично подтвердилъ все это. Въ этотъ же день, оба наши военачальника, Казановскій и Радзивилъ, избрали мѣсто для новаго лагеря, и убили многихъ Русскихъ, высланныхъ для фуражировки и для исканія съѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ русское войско терпѣло недостатокъ.

Посолъ шведскій прибылъ въ лагерь королевскій, и 15-го числа этого мѣсяца былъ принятъ военнымъ обычаемъ Поляковъ. Онъ обозрѣвалъ потомъ стѣны Смоленскія, лагерь непріятельскій и укрѣпленія, завоеванныя нашими; тамъ онъ нашелъ цѣлыя груды брошенныхъ изъ орудій непріятельскихъ ядеръ, которыхъ мы насчитали 20,000, и изъ которыхъ нѣкоторыя были такъ велики, что ихъ не могъ поднять одинъ сильный человѣкъ. Онъ смотрѣлъ на все это не безъ удивленія. Въ тотъ же день князь Радзивилъ угостилъ въ литовскомъ лагерѣ великолѣпнымъ военнымъ пиромъ короля, князя Казимира, его брата, и многихъ знатныхъ вельможъ. Такъ какъ, въ этотъ же день, панъ Пясецынскій возвратился изъ Дорогобужа, то, кромѣ другой добычи, онъ вручилъ королю (который встрѣтилъ его, возвращаясь изъ литовскаго лагеря) еще 32 германскихъ всадниковъ, вмѣстѣ съ ихъ начальникомъ, лейтенантомъ. На другой день, 17-го октября, онъ подробнѣе донесъ о томъ, что слышалъ отъ лейтенанта о непріятелѣ: король приказалъ привести къ себѣ этого лейтенанта, и самъ разспрашивалъ его о разныхъ тайнахъ непріятеля. Послѣ этого, панъ Пясецынскій вручилъ королю русскихъ гонцевъ съ письмами, посланными великимъ княземъ Московскимъ къ Шеину, а также съ тѣми письмами, которыми Шеинъ отвѣчалъ королю; всѣ эти письма были

перехвачены, и изъ нихъ мы узнали многое о состояніи лагеря Шеина. Въ два часа пополудни, король, устроивъ войско, выступилъ противъ лагеря Шеина, и увидя непріятельское войско, онъ обошелъ укрѣпленіе лагеря, и вечеромъ остановился въ своемъ лагерѣ надъ рѣкою Голодзиною. Тамъ собралась уже бо́льшая часть его войска и ожидала короля, который и былъ принятъ паномъ Казановскимъ, воеводою Подольскимъ, разставившимъ войска.

Въ тотъ же день, когда начальство надъ нашимъ войскомъ имѣлъ князь Радзивилъ, король приказалъ занять холмъ, лежавшій вблизи лагеря Шеина: холмъ этотъ дѣйствительно и былъ занятъ, между тѣмъ какъ непріятель вовсе не ожидалъ этого, и думалъ, что войско наше выведено въ совершенно другую сторону. Но такъ какъ началъ падать въ это время проливной дождь, продолжавшійся до самой ночи, и повозки наши и остальной багажъ далеко отстали отъ войска, то мы провели цѣлую ночь весьма неудобно, безъ пищи и питья, и безъ сна. Даже самъ король, который одинъ только имѣлъ при себѣ свою повозку, лежалъ въ ней безъ сна, и нѣсколько разъ вставалъ, чтобы осмотрѣть весь лагерь, и такимъ образомъ былъ какъ бы на часахъ. Увидя это, непріятель ночью направилъ противъ насъ свои пушки, изъ которыхъ началъ стрѣлять на слѣдующій день. Кромѣ того, въ этотъ же день, воевода Подольскій Казановскій угощалъ торжественно посла татарскаго въ Смоленскѣ, и въ честь его приказалъ дать три залпа изъ всѣхъ находившихся въ Смоленскѣ пушекъ. Запорожскіе же казаки разбили свой лагерь съ другой стороны Смоленской крѣпости. Когда король осматривалъ 19-го октября занятый холмъ и давалъ разныя приказанія въ лагерѣ, пушечное ядро ударило подлѣ него въ землю, и разорвалось, такъ что короля обсыпало вырванною этимъ ядромъ землею. Послѣ завтрака, когда въ тѣхъ мѣстахъ, откуда ожидали непріятеля, были разставлены различные отряды войска, и когда король слѣзъ съ лошади, вдругъ дано знать что непріятель явился со всѣми своими силами, и пѣшими и конными. Хотя и съ нашей стороны было немало отрядовъ, чтобы удержать непріятеля, однако они начали отступать, такъ какъ непріятель открылъ ужасную стрѣльбу. Потому король тотчасъ вывелъ все свое войско въ поле и прислалъ помощь своей пѣхотѣ, а съ другой стороны и военачальники приводили ей подобную же помощь. Началась ужасная битва, продолжавшаяся до ночи: непріятель, во что бы то ни стало, хотѣлъ сбить насъ съ только что занятаго нами холма, а мы столь же упорно отбивали всѣ его нападенія. Хотя побѣда была на нашей сторонѣ, и хотя было убито много знатныхъ Русскихъ, однако и съ нашей стороны многіе были убиты, а еще большее число ранено, такъ какъ непріятель безпрерывно поддерживалъ самую ужасную стрѣльбу. Съ такимъ усиліемъ непріятель старался занять вышеупомянутый холмъ, ибо онъ хорошо понималъ всю опасность, грозившую лагерю Шеина, еслибы мы остались въ обладаніи этимъ холмомъ.

Въ тотъ же день, когда это происходило подъ Смоленскомъ, подъ Каменцемъ, отстоящимъ отъ Смоленска почти на 200 польскихъ миль, войско наше счастливо сражалось противъ Турокъ, подъ предводительствомъ Станислава Конецпольскаго, начальнаго генерала нашихъ войскъ и каштеляна Краковскаго. Объ этомъ мы здѣсь вкратцѣ скажемъ. Султанъ турецкій Амуратъ, подстрекаемый къ

войнѣ съ Польшею ложными донесеніями русскихъ пословъ, какъ мы упомянули въ предъидущемъ мѣсяцѣ, приказалъ пашѣ Силистріи Аббасу двинуться въ походъ. Паша остановился 19-го октября на Валахскихъ поляхъ подъ Цецарою, а потомъ съ многочисленнымъ войскомъ своимъ перешелъ чрезъ рѣку Тиру, выславъ противъ насъ сначала Татаръ. Притворяясь, будто онъ питаетъ миролюбивое расположеніе, онъ устроилъ дѣло такъ, что господари Валахіи и Молдавіи отправили къ нашему генералу пословъ, которые просили его, изъ сострадапія къ нимъ, продлить мирные переговоры. Ибо, въ случаѣ войны, говорили они, Валахи и Молдаване должны будутъ встать въ первыхъ рядахъ и первые пойдутъ на смерть. Генералъ нашъ отвѣчалъ, что онъ отъ души желаетъ мира на справедливыхъ, честныхъ и надлежащихъ условіяхъ, и что онъ вовсе не хочетъ, чтобы была проливаема кровь Валаховъ и Молдаванъ. Съ этимъ отвѣтомъ послы были отправлены домой 20-го октября. Между тѣмъ, являются Татары. Наше войско выстроилось въ ряды. Лѣвымъ крыломъ предводительствовалъ князь Вишневецкій, правымъ воевода Каменецкій, а центромъ самъ генералъ. Послы, которые пришли къ намъ въ предъидущій день съ просьбою о мирѣ, явились и на слѣдующій день, прося отъ имени господарей, чтобы генералъ отправилъ отъ себя парламентеровъ по этому дѣлу. Отправлены были панъ Велевейскій и панъ Гротовскій; имъ было приказано переговаривать съ одними только господарями, а не съ Аббасомъ, чтобы не казалось, будто они умоляютъ непріятеля о мирѣ. Почти цѣлый день прошелъ въ переговорахъ, а съ заходомъ солнца и наши, и Татары и Турки изъ боевой линіи возвратились каждый въ свой лагерь. 21-го октября оба войска опять выступили въ поле, но этотъ день, какъ и предъидущій, прошелъ безъ рѣшительнаго сраженія. Между тѣмъ, Аббасъ-паша объявляетъ, что въ слѣдующій день онъ не будетъ вести переговоровъ, а дастъ генеральное сраженіе. Въ этотъ день и въ два предшествовавшіе, непріятель выжегъ всѣ окрестности, на пространствѣ цѣлой почти мили. Наши бодрствовали въ лагерѣ, приготовляясь на смерть исповѣдью, которая продолжалась до поздней ночи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не оставляя безъ вниманія того, что относится къ военному искусству. 22-го октября, которое было субботою и кануномъ св. Станислава Костки, которому солдаты поклоняются съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ и Пресвятой Дѣвѣ, оба войска вышли въ поле. Генералъ нашъ обѣтомъ отдался блаженному Станиславу, котораго послѣ Бога и Пресвятой Дѣвы, вмѣстѣ съ многими другими солдатами, онъ считалъ главнымъ покровителемъ на войнѣ. Еще прежде, нежели выстроилось войско, наши послы возвращаются съ тремя мирными условіями: 1) чтобы на Украйнѣ были срыты слободы или выстроенные города вмѣстѣ съ селами, которыя также называются Буджакскими; 2) чтобы казаки не предпринимали болѣе морскихъ походовъ; 3) чтобы Аббасу-пашѣ были заплачены военныя издержки. Наши воины, услышавъ объ этихъ предложеніяхъ, которыя дѣлалъ Аббасъ-паша, какъ будто онъ былъ уже побѣдителемъ, озлобились на его дерзость; всѣ умоляли Бога о мщеніи и съ удвоеннымъ жаромъ готовились идти противъ непріятеля. Около двухъ часовъ до полудня началось сраженіе стрѣльбою изъ большихъ пушекъ. Но, такъ какъ генералъ нашъ поставилъ войско такимъ образомъ, что оно упиралось о лагерь и о повозки, а посреди поля битвы устроилъ люнетъ,

который служилъ непріятелю во вредъ, а намъ въ пользу, въ какое бы положеніе мы ни были поставлены, то поэтому, восемь нападеній непріятеля всегда были отбиваемы съ большимъ для него урономъ, и, не смотря на ужасную стрѣльбу, которую онъ безпрерывно поддерживалъ, онъ намъ причинилъ весьма мало вреда. Нѣкоторые пишутъ, что генералъ нашъ приказалъ въ это время трубачамъ, вмѣсто военныхъ сигналовъ, заиграть маршъ, для того, чтобы возбудить изнѣженность или страхъ въ Туркахъ, или же, чтобы пригласить ихъ къ продолженію битвы. И такъ, Аббасъ, не много спустя, выслалъ часть своего войска, которое было разбито княземъ Вишневецкимъ. Потомъ, около часу передъ заходомъ солнца, тотъ же Аббасъ со всѣмъ своимъ войскомъ ударилъ на нашихъ такъ стремительно, что въ самое короткое время 14 знаменъ нашихъ начали приходить въ смятеніе. Но, когда генералъ прибылъ на помощь, наши тотчасъ опять собрались, отразили непріятеля и принудили его возвратиться въ свой лагерь. И наши также возвратились въ свой лагерь, но всю ночь провели подъ оружіемъ, навѣрно ожидая, что на слѣдующій день опять будетъ сраженіе; однако, вышло совершенно иначе. Ибо, 24-го октября, Аббасъ-паша, вмѣсто сраженія, послалъ къ нашему генералу письмо, въ которомъ говорилъ, что онъ охотно будетъ переговариваться о мирѣ и о способѣ сохранить его; но что онъ непремѣнно хочетъ лично говорить съ нашимъ генераломъ, все равно, при свидѣтеляхъ, или безъ свидѣтелей. Генералъ отвѣчалъ, что онъ никогда не нарушалъ мира; но что онъ самъ разорвалъ священную связь, и что ему не слѣдовало въ угожденіе Русскимъ нарушать добраго согласія и мира, существующаго между двумя монархами. А во всякомъ случаѣ, болѣе прилично, чтобы паша прибылъ къ Конецпольскому, такъ какъ онъ, за отсутствіемъ короля, есть хозяинъ на Украйнѣ, а хозяину слѣдуетъ принимать гостей, и такъ какъ онъ ужъ досыта наѣлся турецкаго хлѣба и соли (этими словами Конецпольскій намекалъ на двухлѣтній плѣнъ свой въ Константинополѣ), и что онъ теперь хочетъ угостить такимъ же пиромъ султана, въ лицѣ Аббаса. Письмо такого содержанія было послано къ Аббасу, а гонецъ съ письмомъ Аббаса между тѣмъ былъ задержанъ. Ночь на 25 октября чрезвычайно обезпокоила Аббаса: ибо, казаки, вкрадшись въ его лагерь, привели въ смятеніе все его войско. И такъ, съ разсвѣтомъ дня, Аббасъ убѣжалъ со своими, перешелъ черезъ рѣку Тиру, и идя вдоль ея береговъ (для того, чтобы могъ сказать, что хотя что нибудь сдѣлалъ съ громаднымъ своимъ войскомъ), осадилъ городъ Стадникъ, который сжегъ, потерявъ однако при этомъ многихъ изъ своихъ воиновъ. Говорятъ даже, будто Аббасъ взялъ многихъ земледѣльцевъ, отличавшихся высокимъ и статнымъ ростомъ, и увелъ ихъ съ собою; потомъ, надѣвъ на нихъ пышное платье, онъ представилъ ихъ султану Турецкому за вельможъ и магнатовъ польскихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрилъ султана, будто онъ одержалъ блистательную побѣду. Всѣхъ этихъ людей, когда они были представлены султану, Аббасъ приказалъ убить, и такимъ образомъ имъ дорого стоила пышная одежда. Послѣ счастливаго окончанія дѣла съ Турками, наши воины на поляхъ Каменецкихъ, а особенно въ нашемъ храмѣ св. Станислава, торжественно благодарили Бога, и давали св. Станиславу разные обѣты. Вотъ что происходило подъ Каменцемъ въ теченіе семи дней; теперь возвратимся къ Смоленску.

Послѣ сраженій съ Русскими, продолжавшимися съ 17-го по 19-е число октября, и выше нами описанныхъ, король, 20-го числа того же мѣсяца, тщательно осматривалъ разставленныя на занятомъ нами холмѣ пушки, а также сдѣланную тамъ насыпь и выкопанные рвы, и вездѣ давалъ приказанія. Непріятель, не полагая, что холмъ этотъ можетъ быть занятъ нашими, въ тотъ же еще день приказалъ много съѣстныхъ припасовъ по большимъ балкамъ спустить въ свой лагерь; всѣми этими припасами мы завладѣли.

Потомъ, 21-го числа этого мѣсяца, король рекогносцировалъ мѣстность, чтобы построить мостъ черезъ Днѣпръ, вблизи нашего лагеря. Русскіе просили переговоровъ, и къ нимъ были отправлены панъ Пясецынскій и панъ Абрамовичъ. Русскіе жаловались на то, что мы не позволили похоронить ихъ соотечественниковъ, которые такъ давно уже были убиты; жаловались на то, будто мы жестоко обходимся съ ихъ плѣнными и мучимъ ихъ; намекнули наконецъ, что и у нихъ есть нѣкоторые знатные плѣнники. Отвѣчая имъ на эти обвиненія, панъ Пясецынскій сначала упрекнулъ ихъ въ томъ, что они такъ святотатственно нарушили договоръ. Наконецъ сказалъ, что Поляки не откажутся выдать имъ тѣла убитыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, назначенъ былъ слѣдующій день, чтобы они съ повозками пріѣхали за тѣлами убитыхъ, но въ сопровожденіи не болѣе какъ 100 всадниковъ. Касательно обхожденія съ плѣнными, мы отвѣчали имъ, что мы, какъ христіане, обходимся съ плѣнниками по христіанскому обычаю, и что мы не поступаемъ съ ними по варварски, не вырѣзаемъ имъ сердецъ, не жжемъ ихъ раскаленнымъ желѣзомъ, какъ это дѣлаютъ Русскіе. Русскіе заперлись въ этомъ, но потомъ должны были признаться. Касательно двухъ плѣнниковъ, находившихся въ ихъ рукахъ, мы отвѣчали имъ, что въ нашемъ лагерѣ гораздо большее число знатныхъ плѣнниковъ съ ихъ стороны. И такимъ образомъ переговоры окончились. Въ этотъ же день, гетманъ Запорожскихъ казаковъ привелъ нѣсколько плѣнныхъ. Кромѣ того, приказано въ этотъ же день Запорожскимъ казакамъ разбить свой лагерь въ бокъ отъ лагеря Шеина, на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалось выстроить мостъ черезъ Днѣпръ; когда они начали противорѣчить, то имъ была обѣщана помощь, было также обѣщано скорое сооруженіе моста, и такимъ образомъ казаки успокоились.

Annus 1633, pag. 936, § 175. Въ лагерѣ нашемъ подъ Смоленскомъ въ теченіе этого мѣсяца, отчасти были дѣлаемы не столь сильныя нападенія на лагерь Шеина, отчасти мы бросали ядра въ непріятельскій лагерь, отчасти ведены были съ Русскими разные переговоры; при томъ, всѣ наши старанія клонились къ тому, чтобы пресѣчь непріятелю всѣ пути, которыми онъ могъ или получать съѣстные припасы, или привозить дрова. Такъ какъ распространилась молва, что приходятъ новыя вспомогательныя войска русскія, подъ начальствомъ Мастригія, то имъ на встрѣчу шли, по приказанію короля, воевода Подольскій Казановскій и воевода Смоленскій Гонсевскій съ почти 8,000 людей; имъ кромѣ того было приказано, ежели бы они не встрѣтили войскъ Мастригія, углубиться во внутренность Россіи, опустошая все огнемъ и мечемъ. Это порученіе они исполнили съ совершеннымъ успѣхомъ. Въ лагерѣ же остался вмѣстѣ съ королемъ одинъ только военачальникъ Радзивилъ.

Annus 1633, pag. 939, § 181. Въ лагерѣ нашемъ подъ Смоленскомъ, кро-

мѣ частыхъ стычекъ съ непріятелемъ, когда онъ дѣлалъ вылазки изъ лагеря Шеина, кромѣ постоянно продолжающейся осады этого лагеря, кромѣ нашихъ стараній лишить непріятеля всякаго продовольствія, а наконецъ, кромѣ плѣнныхъ, которые часто приводимы были къ королю разными лицами, а преимущественно паномъ Даниловичемъ, сыномъ воеводы Русскаго, ничего замѣчательнаго въ этомъ мѣсяцѣ не происходило.

Annus 1634, pag. 942, § 8. Поляки подъ Смоленскомъ въ теченіе этого мѣсяца все болѣе и болѣе стѣсняли лагерь Шеина, и предлагали ему различныя условія сдачи, которая и воспослѣдовала въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Кромѣ того, отъ пойманныхъ гонцовъ русскихъ, и изъ отнятыхъ у нихъ писемъ, которыя они вшивали въ сапоги, чтобы скрыть ихъ, мы узнали, что всѣ бояре сильно желаютъ мира, и требуютъ, чтобы Шеинъ открылъ мирные переговоры. Потому, находившіеся при королѣ сенаторы, отъ своего имени послали къ боярамъ пана Воровскаго, вмѣстѣ съ письмами, въ которыхъ они объявляли, что изъ писемъ, писанныхъ боярами къ Шеину, а потомъ перехваченныхъ, они узнали о томъ, что бояре желаютъ мира, чтобы великій князь Московскій послалъ въ польскій лагерь нѣкоторыхъ лицъ для открытія переговоровъ; а они въ свою очередь обѣщали склонность короля къ тому, что онъ согласится на миръ. Между тѣмъ, въ Краковѣ, въ продолженіе цѣлой этой войны, въ разныхъ храмахъ, а между прочими и въ нашемъ, кромѣ обыкновеннаго богослуженія, служились еще молебны. И нашлось большое число благочестивыхъ, которые исповѣдывались, причащались, и два раза въ недѣлю бичевались, моля Бога объ успѣшномъ окончаніи этой войны.

Annus 1634, pag. 946, § 21. Поляки подъ Смоленскомъ 24-го февраля заключили мирныя условія съ Шеинымъ. Миръ этотъ не распространялся на цѣлое государство Московское и на царя его (съ нимъ потомъ заключенъ былъ отдѣльный миръ), а только на войско Шеина, которое король не хотѣлъ долѣе морить голодомъ и довести до послѣдней крайности. Миръ этотъ былъ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Всѣмъ военачальникамъ, и высшимъ и низшимъ, а равно всѣмъ воинамъ русскимъ и заграничнымъ позволено было или перейти къ королю, или возвратиться въ отечество; но до выхода своего изъ лагеря они должны были чрезъ депутатовъ объявить, на что они рѣшаются.

2) Все оружіе, военные снаряды, и всѣ вообще принадлежности войны. должны быть выданы, и ничего не должно быть укрыто или задержано.

3) За два дня до оставленія войскомъ лагеря, военачальники и лица, избранныя королемъ, должны придти въ русскій лагерь, чтобы сдѣлать опись всему оружію. Для большей же ихъ безопасности, Русскіе должны отступить передъ королевскими воинами къ двумъ рвамъ, одному, находящемуся у такъ называемой Дѣвственной горы, и другому, находящемуся въ лѣсу.

4) Кто осмѣлится что нибудь тронуть изъ военныхъ снарядовъ, тотъ лишится всего своего имущества.

5) Все прочее оружіе убитыхъ и тѣхъ, которые не въ состояніи владѣть онымъ, какъ то: панцыри, ружья большія и меньшія, и вообще какое бы ни было имя оружія, все это должно быть оставлено въ лагерѣ. Никто также изъ купцовъ и обозныхъ служителей, которые сначала не были въ рядахъ, не долженъ выйдти изъ лагеря съ оружіемъ. Король оставляетъ оружіе оборонительное и наступатель-

ное тѣмъ, которые сражались въ рядахъ. Больные, оставленные въ лагерѣ, когда выздоровѣютъ и захотятъ отправиться въ Москву, могутъ взять съ собою оружіе, которымъ они сражались; а равнымъ образомъ и всѣ бояре могутъ взять съ собою только обыкновенное свое оружіе, но должны оставить ружья.

6) Иноземцамъ и Русскимъ, которые перешли или перейдутъ къ королю, будетъ отдано все то, что они оставили въ русскомъ лагерѣ. И съ обѣихъ сторонъ должны быть отправлены депутаты, которые разберутъ, что кому принадлежитъ по праву.

7) Перебѣжчики и предатели, которые, перейдя къ королю по выступленіи его войска въ походъ, нарушили данную королю присягу вѣрности, должны быть выданы всѣ до одного, за исключеніемъ тѣхъ Русскихъ, которые, будучи взяты въ плѣнъ, вступили въ наши ряды, а потомъ опять возвратились въ службу русскую.

8) Всѣ плѣнники, взяты ли они въ лагерѣ королевскомъ, или въ крѣпости Смоленской, какого бы они ни были состоянія, должны быть освобождены. Что же касается плѣнниковъ, взятыхъ въ русскомъ лагерѣ, коммиссары обѣщаютъ просить короля, чтобы онъ освободилъ ихъ не вслѣдствіе какого-либо условія, но единственно вслѣдствіе своей доброты и снисходительности. Тоже относится и ко всѣмъ другимъ плѣннымъ, гдѣ бы то ни было взятымъ и теперь пребывающимъ или въ русскомъ, или въ нѣмецкомъ лагерѣ; то есть, и они будутъ освобождены.

9) Всѣ поселенцы изъ имѣній королевскихъ, находящіеся въ русскомъ лагерѣ, вмѣстѣ съ ихъ женами, дѣтьми и имуществомъ, должны быть коммиссарами выданы королю и освобождены.

10) Дается три мѣсяца времени, въ которое всѣ вмѣстѣ должны возвратиться въ Москву чрезъ Дорогобужъ, Вязьму и Можайскъ. Однако, они могутъ отправиться и до истеченія этого срока.

11) Король имѣлъ полное право требовать клятвеннаго обѣщанія, чтобы все это войско никогда не сражалось противъ него, но, такъ какъ онъ вмѣсто присяги имѣетъ слезное моленіе русскаго войска о мирѣ, то онъ довольствуется тѣмъ, чтобы это войско, отосланное домой, нигдѣ не соединялось съ Русскими, не подавало помощи ихъ войскамъ, не усиливало своими воинами крѣпостныхъ ихъ гарнизоновъ, и противъ войскъ королевскихъ, въ какой части Россіи они бы ни находились, не предпринимало никакихъ непріязненныхъ дѣйствій въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ. Однако, этотъ пунктъ долженъ быть подтвержденъ присягою, которую, относительно этого условія, произнесутъ бояре, воеводы, коммисары, полковники, какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени цѣлаго войска.

12) Михаилъ Борисовичъ Шеинъ и его товарищи, Симеонъ Васильевичъ Прозоровскій, Мартынъ Васильевичъ и Михаилъ Васильевичъ Бѣлосельскіе, полковники, военачальники, майоры и всѣ прочіе; кромѣ того, діаконы, попы со всѣмъ своимъ имуществомъ, съ образами и со священными книгами, во время выхода изъ лагеря, послѣ выхода и до самаго своего прибытія въ городъ Москву, по добротѣ короля, не будутъ подвергаться никакой опасности ни отъ войска, которое онъ имѣетъ при себѣ, ни отъ всѣхъ прочихъ войскъ, гдѣ бы они ни находились въ государствѣ Московскомъ.

13) Выходящіе изъ лагеря солдаты должны идти съ свернутыми знаменами и съ погашенными фонарями, исключая пяти фонарей при каждой

ротѣ, которые могутъ быть зажженны. Кромѣ того, они пойдутъ къ назначенному мѣсту въ тишинѣ, безъ барабаннаго боя и безъ всякой музыки. Когда они придутъ къ этому мѣсту, то они положатъ знамена къ ногамъ короля. Знаменщики же, отступя на три шага, будутъ дожидаться королевскаго приказанія: послѣ чего поднимутъ и развернутъ знамена, а солдаты пойдутъ далѣе при звукѣ трубъ и съ барабаннымъ боемъ. Кромѣ того, въ слѣдствіе особеннаго позволенія короля, они могутъ имѣть при себѣ 12 полевыхъ орудій и пороха на десять зарядовъ, а ружейнаго пороха на 20 зарядовъ. Они будутъ имѣть извѣстное число ружейныхъ пуль.

14) Когда знамена будутъ положены къ ногамъ его королевскаго величества, всѣ офицеры русскіе и нѣмецкіе, высшіе и низшіе, въ какомъ бы они порядкѣ ни шли, проходя мимо короля, отдадутъ ему низкій поклонъ. Кавалерійскіе офицеры, сойдя съ лошадей, сдѣлаютъ тоже самое. Наконецъ и самъ Шеинъ съ воеводами и полковниками, когда увидятъ короля, или когда его покажутъ имъ, слѣзутъ съ коней и низко ему поклонятся, послѣ чего опять сядутъ на своихъ лошадей.

15) Воины выходя изъ лагеря, должны оставить всѣ укрѣпленія въ цѣлости; и они не должны тайно разрушать или сожигать ихъ.

16) По заключеніи этихъ условій, Русскіе, во избѣжаніе разныхъ недоразумѣній и столкновеній, не должны показываться внѣ своего лагеря, пока не приготовятся надлежащимъ образомъ къ пути.

17) Будучи въ пути къ назначеннымъ мѣстамъ, пока они будутъ находиться въ предѣлахъ королевскихъ владѣній, Русскіе не должны причинять никакого вреда, никакихъ обидъ и никакихъ несправедливостей подданнымъ или владѣніямъ короля, и не должны изъ замковъ королевскихъ требовать сѣна или овса. Особенный королевскій чиновникъ будетъ заботиться объ этихъ ихъ потребностяхъ.

18) Кромѣ того, его королевское величество позволяетъ этому освобожденному войску взять съ собою въ дорогу потребное количество съѣстныхъ припасовъ; также для больныхъ, остающихся въ лагерѣ, оставляется достаточное количество съѣстныхъ припасовъ. Эти больные, по ихъ выздоровленіи, будутъ отправлены въ отечество на повозкахъ, и имъ обѣщается совершенная безопасность.

19) Иностраннымъ офицерамъ и прочимъ солдатамъ, которые или уже служатъ подъ знаменами его королевскаго величества, или только намѣрены сдѣлать это, или же хотятъ возвратиться въ свое отечество, должны быть возвращены ихъ жены, дѣти и все имущество, которое они имѣютъ въ лагерѣ, и все это Русскіе тотчасъ же должны выдать. Что же касается выдачи имъ жалованья, это отлагается до времени заключенія общаго трактата, который намъ обѣщаютъ бояре. Въ то время и жены, и дѣти, ежели случайно находиться будутъ въ Москвѣ, будутъ возвращены.

20) Всѣ эти условія будутъ подписаны коммисарами обѣихъ сторонъ; въ слѣдующій за тѣмъ день, то есть 27-го числа этого мѣсяца, условія эти должны быть подтверждены присягою, а послѣ присяги Русскіе должны уступить королевскимъ войскамъ оба военныя укрѣпленія, то есть, Дѣвственную гору и другое укрѣпленіе, находящееся около лѣсовъ; съ обѣихъ сторонъ должны быть даны знатныя лица заложниками, а тотчасъ послѣ этого должна начаться ревизія военныхъ снарядовъ.

21) Кромѣ того, для большей вѣрности, самъ Михаилъ Борисовичъ,

вмѣстѣ со своими товарищами, съ воеводами и коммиссарами, должны собственноручно подписать всѣ эти условія и подтвердить ихъ присягою.

Всѣ эти условія были выполнены съ обѣихъ сторонъ, какъ увидимъ подъ 1-мъ числомъ марта мѣсяца.

Annus 1634, pag. 953, § 41. По заключеніи мирныхъ условій и по освобожденіи русскаго войска отъ этой осады, которою мы окружили ихъ лагерь такъ, что и люди и животныя терпѣли ужаснѣйшій голодъ и доведены были до послѣдней крайности, 1-го марта, войско наше въ лагерѣ подъ Смоленскомъ, выстроившись въ ряды, вмѣстѣ съ королемъ выступило въ поле, и тамъ ожидало появленія русскаго войска, которое должно было выступить въ такомъ порядкѣ, какъ было назначено условіями. И такъ, вышли Русскіе и Нѣмцы, число коихъ простиралось до 15,000 (между тѣмъ какъ нашихъ было только 12,000, ибо большая часть войска съ паномъ Казановскимъ находилась во внутренности Московскаго государства); исполняя все, что было постановлено мирными условіями, они положили къ ногамъ короля, который среди войска своего сидѣлъ на конѣ, 120 свернутыхъ знаменъ, а потомъ, по приказанію короля, поднявъ ихъ съ земли и развернувъ, они съ барабаннымъ боемъ и трубнымъ звукомъ пошли далѣе. Когда всѣ непріятели, отправлявшіеся въ Москву, прошли уже мимо короля, то онъ слѣзъ съ лошади, упалъ на колѣна, и благодаря Бога, началъ пѣть гимнъ «Тебе Бога хвалимъ», при чемъ вторило ему цѣлое войско. Потомъ былъ принятъ весь непріятельскій лагерь, въ которомъ взято 107 пушекъ; нѣкоторыя изъ нихъ удивляли величиною и художественною работою. Приняты были и оставшіеся военные снаряды, вмѣстѣ съ порохомъ, съ большимъ количествомъ свинца для литья пуль, съ большими и меньшими ружьями и другими подобнаго рода предметами, что все простиралось до суммы 600 тысячъ злотыхъ.

Послѣ этого счастливаго успѣха, начались совѣщанія о томъ, идти ли королю съ войскомъ своимъ прямо на Москву, столицу цѣлаго государства Московскаго, и тамъ заключить вѣчный миръ, или же занять другія еще крѣпости, и потомъ уже идти на Москву, не имѣя съ тыла никакихъ непріятелей. Большинство совѣтовало, чтобы послѣ столь славной побѣды король не тратилъ времени, лично осаждая города и крѣпости, но чтобы онъ спѣшилъ къ другому войску, находившемуся подъ предводительствомъ Казановскаго, и тотчасъ началъ бы переговоры о вѣчномъ мирѣ. Казалось, что сначала король склонялся на сторону послѣдняго мнѣнія по потомъ, по совѣту Христофора Радзивила, онъ перемѣнилъ свое намѣреніе, и къ своему несчастію отправился осаждать городъ Бѣлую. Ибо и въ дорогѣ къ Бѣлой, которая, какъ говорили, отстояла только на три или на четыре дня пути, король находился почти десять дней, терпя недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и въ продовольствіи для скота, такъ что пало нѣсколько лошадей, и кромѣ того, онъ нѣсколько мѣсяцевъ безъ успѣха осаждалъ Бѣлую. По возведеніи траншей съ величайшими издержками, съ одной и съ другой стороны крѣпости, и послѣ неудачнаго приступа и значительнаго пораженія нашихъ войскъ, мы должны были наконецъ отступить съ безславіемъ, хотя сами Русскіе обѣщали, что по мирному трактату, который вскорѣ долженъ воспослѣдовать, они уступятъ намъ Бѣлую, что потомъ и случилось дѣйствительно.

Annus 1634, pag. 957, § 55. Нако-

нецъ, 14-го числа іюня, коммиссары королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго съ одной стороны, а съ другой стороны коммиссары великаго князя Московскаго, на рѣкѣ Поляновкѣ, заключили условія вѣчнаго мира, которыя были слѣдующія:

1) Все, что до настоящей войны происходило между королевствомъ Польскимъ и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, и между народомъ Русскимъ, считается за совершенно уже оконченное и предается вѣчному забвенію. И съ этого времени, между королями и повелителями нашими и между нашими владѣніями будетъ любовь, пріязнь и согласіе искреннее и постоянное; взаимно мы будемъ себѣ доброжелательствовать, имѣть общихъ непріятелей, и одна сторона не будетъ отказывать другой въ титулахъ, которые здѣсь уже обозначаются.

2) Такъ какъ его величество, теперешній король Польскій, Владиславъ IV, вслѣдствіе уговора Русскихъ съ Жолкевскимъ, въ то время воеводою Кіевскимъ и коронньмъ гетманомъ, всѣми сословіями государства Московскаго, въ то время, когда дѣло шло объ избраніи на престолъ Московскій королевичей Польскаго и Шведскаго, былъ избранъ великимъ княземъ Московскимъ послѣ данной ему присяги отъ всѣхъ чиновъ государства; такъ какъ потомъ, вслѣдствіе избранія народа вступилъ на престолъ Московскій теперешній великій князь Михаилъ Өеодоровичъ, что было поводомъ продолжительной войны; такъ какъ сенаторы королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго, желая прекратить эту войну, еще при жизни блаженныя памяти короля Сигизмунда III заключили перемиріе на 14 лѣтъ, но такъ какъ война, до истеченія перемирія, снова возгорѣлась и нѣкоторыя крѣпости взяты были Русскими, то по этому коммиссары обѣихъ сторонъ, въ силу своихъ полномочій, стараясь помочь злу, чтобы не была проливаема кровь христіанская и чтобы между обоими государствами утвердился миръ на прочномъ основаніи, постановили слѣдующее: его величество король, для прекращенія дальнѣйшаго кровопролитія и опустошенія обоюдныхъ владѣній, уступаетъ теперешнему великому князю Московскому право свое на престолъ, разрѣшаетъ все Московское государство отъ данной ему присяги, и ни самъ, ни братья его или рѣчь посполитая, ни потомство его, ежели Богу угодно будетъ одарить его таковымъ, не будутъ болѣе имѣть никакихъ претензій на присвоеніе себѣ титула великаго князя Московскаго. Съ своей стороны великій князь Московскій, въ замѣнъ уступки ему всѣхъ правъ на титулъ, и въ замѣнъ заключеннаго между Польшею и Россіею мира, уступаетъ его величеству королю Польскому и рѣчи посполитой Польской и Великому Княжеству Литовскому крѣпости, ниже исчисляемыя, также и тѣ крѣпости, которыя или теперь находятся или недавно еще находились въ рукахъ его величества короля, а равно и тѣ крѣпости, которыя взяты Русскими; онъ уступаетъ ихъ на вѣчныя времена, и за себя и за все свое потомство отказывается отъ всякихъ на нихъ правъ и притязаній. Крѣпости эти слѣдующія: крѣпость Смоленская со всѣми окрестностями и принадлежащими къ ней помѣстьями; крѣпости Дорогобужъ, Бѣлая, Трубчевскъ, Невель, Себежъ, Красный, Мезеричи (въ губ. Черниговской), Велижъ, съ помѣстьями; крѣпость Попову со всѣми помѣстьями, укрѣпленіями, окрестностями и со всѣми принадлежащими

къ ней вещамп. Князь Московскій отказывается за себя и за всѣхъ своихъ потомковъ отъ всякихъ правъ и притязаній на эти крѣпости. Всѣ эти крѣпости, а особенно тѣ, которыя находятся во власти Русскихъ, чрезъ двѣ недѣли, считая отъ дня подписанія этого договора, вмѣстѣ со всѣми военными снарядами и со всѣми принадлежащими къ нимъ вещами, должны быть отданы въ руки тѣхъ, которыхъ для ихъ принятія назначитъ его величество король. Съ обѣихъ сторонъ будутъ для этого дѣла назначены депутаты. Изъ этихъ крѣпостей и помѣстій не должно также выводить находящихся тамъ жителей. Однако, духовнымъ лицамъ и монахамъ позволяется идти въ другое мѣсто, ежели они захотятъ. Также людямъ военнымъ и вообще всѣмъ, отправляющимъ военную службу, позволяется выходить, и они отнюдь не должны быть задерживаемы.

3) Такъ какъ великій князь Московскій прежде назывался княземъ Смоленскимъ и княземъ Черниговскимъ, то теперь, въ силу заключеннаго мира, онъ не долженъ болѣе такъ называться, и долженъ отказаться отъ всѣхъ притязаній на крѣпости его королевскаго величества, уступленныя королевству Польскому и Великому Княжеству Литовскому. Также великій князь Московскій, называясь царемъ всея Россіи, ни въ какомъ случаѣ не долженъ распространять своихъ правъ на крѣпости, помѣстья и земли Русскія, которыя принадлежатъ королю Польскому. Съ другой стороны, король Польскій, называясь княземъ Русскимъ, также не долженъ распространять своихъ притязаній на крѣпости, помѣстья и земли Русскія, принадлежащія государству Московскому. Великій князь Московскій отказывается отъ всѣхъ правъ и притязаній своихъ на Ливонію, Курляндію, Эстонію, не будетъ нападать на эти земли, ни грабить ихъ, и не будетъ пропускать чрезъ свои владѣнія войска, назначенныя къ покоренію и завоеванію этихъ областей. Равнымъ образомъ король Польскій отказывается отъ всѣхъ своихъ правъ на великій Новгородъ, великій Псковъ, Опочку и другіе города русскіе, не будетъ нападать на нихъ или грабить ихъ, и не будетъ чрезъ свои владѣнія пропускать войска, назначенныя къ покоренію или завоеванію этихъ городовъ.

4) Для означенія границъ вышеупомянутыхъ крѣпостей, областей, помѣстій и т. д. будутъ избраны съ обѣихъ сторонъ по три коммиссара. Они къ 1-му числу октября этого года сойдутся въ извѣстное мѣсто, присягнутъ тамъ, что будутъ дѣйствовать по совѣсти и рѣшать всѣ споры и несогласія относительно границъ, основываясь на показаніяхъ старожиловъ; потомъ поставятъ граничные знаки, которые и будутъ считаться предѣломъ обоюдныхъ владѣній.

5) Купцы обоихъ государствъ вмѣстѣ со своими товарами могутъ проѣзжать вездѣ, за исключеніемъ Кракова и Вильны, а въ государствѣ Московскомъ, за исключеніемъ столицы Москвы. Они нигдѣ не должны быть задерживаемы, ограбляемы, подвергаемы обидамъ и оскорбленіямъ: съ нихъ не должно взимать необыкновенныхъ и тягостныхъ пошлинъ, но въ обоихъ государствахъ они будутъ платить одинаковую пошлину съ товаровъ. Пограничные воеводы и старосты должны немедленно удовлетворять купцовъ обиженныхъ. Ежели же случится что нибудь болѣе важное, то съ обѣихъ сторонъ выбираются присяжные судьи, которые безъ замедленія должны рѣшить дѣло по справедливости.

6) Всѣ обоюдные плѣнники должны

быть выданы по совѣсти и никто изъ нихъ не долженъ быть укрытъ. Плѣнники, находящіеся въ болѣе близкихъ крѣпостяхъ, выдаются въ теченіе двухъ недѣль; находящіеся въ крѣпостяхъ болѣе отдаленныхъ выдаются къ Рождеству Христову, а находящіеся въ самыхъ отдаленныхъ крѣпостяхъ выдаются на праздникъ Пасхи. Всѣ же вообще, по истеченіи года должны быть привезены къ границамъ, и никто не долженъ ихъ задерживать.

7) Кто только есть врагомъ королю Польскому или будетъ ему таковымъ, тому великій князь Московскій не долженъ давать ни денегъ, ни съѣстныхъ припасовъ, ни войска, и не долженъ пропускать его чрезъ свои владѣнія во вредъ королю Польскому. Равнымъ образомъ король Польскій будетъ поступать относительно великаго князя Московскаго.

8) Войска польскія, литовскія, нѣмецкія и казаки должны тотчасъ оставить Русскую землю. На обратномъ пути солдаты не должны жечь деревень, ни убивать людей, ни грабить на поляхъ. Съ своей стороны Русскіе не должны этимъ солдатамъ причинять оскорбленій и брать ихъ въ плѣнъ, но должны быть къ нимъ человѣколюбивыми.

9) Такъ какъ мирныя эти условія должны быть подтверждены присягою обоихъ государей, то съ обѣихъ сторонъ должны быть отправлены уполномоченные послы, которые явятся на мѣстѣ 20-го февраля. Послы короля Польскаго выслушаютъ присягу въ Москвѣ, а послы великаго князя Московскаго выслушаютъ ее въ Варшавѣ; тѣ и другіе пріѣдутъ съ грамматами, подтверждающими мирныя условія, и снабженными государственною печатью. Кромѣ того, послу Московскому должна быть дана отъ его величества короля Польскаго граммата ко всѣмъ сословіямъ государства Московскаго.

10) Кромѣ того, великій князь Московскій и король Польскій объявятъ какъ владыкамъ христіанскимъ, такъ и владыкамъ языческимъ объ этомъ вѣчномъ мирѣ, заключенномъ между ихъ государствами, а также и о томъ, что уже воспослѣдовало.

11) Обоюдные послы и переговорщики должны быть пропускаемы свободно и безопасно, и безъ малѣйшаго задержанія; они должны быть отправляемы пандалѣе чрезъ два мѣсяца, и далѣе этого времени ни подъ какимъ видомъ не должны быть задерживаемы. Въ свитѣ главнаго посла должно находиться не болѣе 100 лицъ и 150 лошадей. Переговорщикъ можетъ имѣть при себѣ 30 лицъ и 50 лошадей. Наконецъ, такъ называемый Верѳдарій или другой переговорщикъ имѣетъ при себѣ 6 лицъ и 10 лошадей. Всѣмъ имъ, по принятому обычаю, должны быть оказываемы надлежащія почести, и отпускаться слѣдующее имъ содержаніе.

12) Касательно выведенія наемныхъ воиновъ, смотря по необходимости того и другаго государя, оба государя будутъ вести переговоры чрезъ своихъ пословъ; равнымъ образомъ, касательно подтвержденія мирныхъ условій, въ случаѣ смерти одного государя; касательно денежнаго курса, чтобы деньги въ обоихъ государствахъ имѣли одинаковую цѣнность; а также касательно нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ, къ этому миру относящихся, оба государя будутъ переговариваться чрезъ пословъ своихъ.—Всѣ эти условія коммиссары обѣихъ сторонъ подписали собственноручно.—По заключеніи этихъ мирныхъ условій, или, по крайней мѣрѣ, во время ихъ заключенія, обвиненъ былъ въ Москвѣ Шеинъ, будто онъ былъ причиною того, что лагерь русскій былъ

поставленъ въ такое стѣснительное положеніе войсками королевскими, и что потому онъ потомъ принужденъ былъ сдаться. Его обвиняли и въ томъ, что онъ съ самаго начала, когда войска германскія тѣснили короля, не напалъ на него и на его лагерь, тогда еще довольно слабый. Вслѣдствіе этого обвиненія, Шеинъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими Русскими публично былъ обезглавленъ. Однако, нѣкоторые сомнѣваются, такая ли была причина его казни, или какая нибудь другая, и былъ ли онъ казненъ въ этомъ мѣсяцѣ, или уже прежде.

Annus 1635, pag. 977, § 12. Послы разныхъ государей прибыли въ Варшаву во время сейма, а именно: послы императора Фердинанда, султана Турецкаго, великаго князя Московскаго, короля Англійскаго. Но между всѣми этими послами посолъ московскій, прибывшій для подтвержденія условій вѣчнаго мира, 4-го числа марта мѣсяца былъ принятъ съ большимъ великолѣпіемъ, и представленъ ко двору королевскому гдѣ ему отведена была квартира.

Annus 1635, pag. 979, § 20. 29-го марта, или нѣсколько ранѣе, а по болѣе вѣрнымъ извѣстіямъ 5-го апрѣля, великій князь Московскій въ присутствіи пословъ короля и рѣчи посполитой Польской, каштеляна Каменецкаго пана Пясецынскаго, и пана Сапѣги, торжественною присягою подтвердилъ вѣчный миръ съ королемъ нашимъ и съ рѣчью посполитою Польскою, а въ слѣдующій день угостилъ пословъ великолѣпнымъ пиромъ. Въ этотъ же день послы наши откланялись великому князю Московскому.

№ 45.

Біографія гетмана Жолкевскаго.

Прочитавшимъ Записки Жолкевскаго, представляющія только эпизодъ изъ его жизни, можетъ будетъ желательно ближе ознакомиться не только съ этимъ достойнымъ государственнымъ дѣятелемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ благороднымъ и честнымъ человѣкомъ и гражданиномъ. Въ виду этого, мы составили, по вѣрнымъ источникамъ, печатаемую здѣсь біографію.

Какъ извѣстно, названіе *Червонной* (Красной) или правильнѣе *Червенской Руси* принадлежало одной изъ западныхъ Славянскихъ областей, обитатели которой, — Русскіе составляли тамъ племя первобытное, или, по крайней мѣрѣ, съ незапамятныхъ временъ заняли эту страну и въ ней размножились. Уже въ началѣ X вѣка, Олегъ властвовалъ надъ ними, въ числѣ прочихъ Славянскихъ племенъ, жившихъ къ востоку и западу отъ Днѣпра. Впослѣдствіи, при первыхъ Пястахъ, въ то время, когда обезсиленная внутренними междоусобіями Русь теряла племена, жившія вдалекѣ отъ Днѣпра, — мѣстность эта подпала владычеству Польши. Владиміръ Великій снова возвращая достояніе своихъ предшественниковъ, подчиненіемъ племенъ, находившихся нѣкогда въ зависимости отъ Руси, возвратилъ, въ 981 г., подпавшую вліянію Польши мѣстность, которая съ тѣхъ поръ получила наименованіе *Червенской Руси* (отъ древняго города *Червеня* *).

*) Какъ полагаютъ, нынѣшнее мѣстечко Червоногородъ въ Галиціи, въ Чортовскомъ округѣ, при рѣкѣ Дзуромѣ, впадающей въ Днѣстръ.

Въ первой половинѣ XII вѣка, послѣ раздробленія Червонной Руси на мелкіе удѣлы, получившіе названія отъ ея городовъ, въ ней основалось особое, сильнѣйшее на Руси, княжество Галицкое, имѣвшее большое вліяніе на дѣла не только Русскихъ удѣльныхъ князей, но Польши и Венгріи. Впослѣдствіи, оно было переименовано въ *Галицію*, въ половинѣ же XIII вѣка въ *Русское Королевство*. Но старинное свое названіе *Червонной Руси* оно носило одинаково, у Русскихъ и Поляковъ, до послѣдней четверти прошедшаго столѣтія. Нѣсколько разъ это княжество переходило изъ власти Русскихъ къ Польшѣ или Венгріи, пока Гедиминъ не соединилъ его съ своею могущественною Литовскою державою; а наконецъ, по прекращеніи въ Червонной Руси рода князей русскихъ, она была завоевана въ 1340 г. Казиміромъ Великимъ и окончательно уже присоединилась къ Польшѣ.

Въ этой-то издревлѣ Русской землѣ, давшей Польшѣ такъ много героевъ, родился и Станиславъ Жолкевскій, записки котораго мы нынѣ печатаемъ. По нашему мнѣнію, устраняется всякое сомнѣніе въ его *русскомъ* происхожденіи. Польскіе историки производятъ фамилію Жолкевскихъ изъ Мазовіи, желая придать ей польское происхожденіе; такъ напр., Папроцкій (жившій въ половинѣ XVI столѣтія), а за нимъ Окольскій, Нѣсецкій и прочіе включительно до ксендза Барончa, которые только списывали показанія Папроцкаго, вовсе не основываясь на какихъ либо документахъ, утверждаютъ, что фамилія Жолкевскихъ, поселившихся на Руси, въ Белзскомъ воеводствѣ, вышла изъ Мазовіи; тогда какъ по изслѣдованіямъ позднѣйшаго, безпристрастнаго и извѣстнаго глубокоученаго польскаго историка Юліана Бартошевича *), на основаніи неопровержимыхъ документовъ и офиціальныхъ источниковъ,— оказывается, что Жолкевскіе вовсе не были изъ дворянъ древней Польши, а чисто русскаго происхожденія, получившіе свое начало отъ галицкихъ дворянъ, въ средѣ которыхъ развились и многія другія коронныя дворянскія фамиліи, а именно: Гербуртовъ, Дзедушицкихъ, Дрогоевскихъ, и т. д. Галицкое, т. е., чисто русское происхожденіе этихъ дворянскихъ семействъ теряется въ такой глубокой древности, что не представляется даже возможности прослѣдить начало и мѣсто ихъ происхожденія,—тѣмъ болѣе, что они не имѣли прежде фамилій и уже впослѣдствіи времени, съ постепеннымъ развитіемъ сословія дворянъ, стали принимать названія отъ принадлежавшихъ имъ селъ и владѣній. Вотъ почему въ этихъ фамиліяхъ мы не видимъ, прежде всего, русскихъ бояръ, а сразу встрѣчаемъ польское дворянство, какъ бы наплывшее изъ земель: Краковской, Сандомірской, Мазовецкой...., и выработавшееся на Руси.

Легенда о происхожденіи Жолкевскихъ изъ Мазовіи придумана, между прочимъ, съ цѣлію придать болѣе блеска ихъ роду. Нужно сказать, что многія, чисто польскія фамиліи, имѣли слабость выводить родъ изъ Франціи, Венгріи и изъ другихъ дальнихъ и чуждыхъ имъ странъ и племенъ. Такое обыкновеніе было не чуждо и на Руси, гдѣ многіе также выводили свой родъ изъ Польши, — изъ земель коронныхъ. Это обыкновеніе имѣло двойную цѣль: прикрыть нѣкоторою таинственностію свое настоящее про-

*) См. статью его о Жолкевскомъ въ сочиненіи Encyklopedyja powszechna, Т. 28. стр. 1034. Напечатана на иждивеніе книгопродавца С. Оргельбранда, въ Варшавѣ, въ 1868 г.

исхожденіе, и, во вторыхъ, по тогдашнимъ понятіямъ, это извѣстнымъ образомъ возвышало въ глазахъ прочихъ и несомнѣнность благородства его. Галицкое дворянство, окончательно потомъ ополячившись, изъ тщеславія выдавало себя также за искони коронное, и, какъ бы стыдясь своего недавняго происхожденія, отодвигало свои корни въ глубь старины. Поставленное въ невозможность передѣлать историческія событія, оно старалось, по крайней мѣрѣ, передѣлать исторію отдѣльныхъ фамилій и выставить ихъ изъ массы туземнаго Русскаго населенія. Галицкія дворянскія фамиліи всѣ были недавнія и могли образоваться только со временъ Владислава Ягайлы и Казиміра Ягайлы.

Историки, о которыхъ мы упомянули выше, начинаютъ фамилію Жолкевскихъ, собственно говоря, только съ отца гетмана Жолкевскаго, также по имени Станислава,—прежде арендатора деревни Туринки (подъ Жолквію, близъ Львова), который сталъ имъ извѣстенъ съ 1556 г., когда онъ сдѣлался уже богатымъ землевладѣльцемъ, получившимъ въ даръ большія имѣнія отъ своего сосѣда, нѣкоего Высоцкаго. Между тѣмъ польскій историкъ Августъ Бѣлёвскій, въ изданномъ имъ сочиненіи *), приводитъ выписку изъ рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Оссолинскихъ, изъ которой видно, что еще въ 1417 году былъ извѣстенъ на Руси Яковъ изъ Жолквы **), владѣтель большихъ имѣній въ землѣ Холмской. Затѣмъ, въ Белзскихъ земскихъ актахъ упоминается объ Иванѣ-Жолкевскомъ, владѣтелѣ Жолквы въ 1492 г. Объ нихъ ничего не извѣстно польскимъ геральдикамъ; что и понятно, такъ какъ Жолкевскіе были Русскіе.

Отецъ гетмана былъ православнаго исповѣданія; служилъ нѣкоторое время въ военной службѣ, а по смерти первой своей жены Софіи помышлялъ о монашествѣ. Въ то время былъ обычай у православныхъ, что міряне изъ дворянъ могли получать епископскій санъ. Пользуясь связями, въ особенности же дружбою Замойскаго, воеводы Белзскаго, онъ могъ сдѣлаться владыкою и получилъ даже отъ короля Стефана Баторія привилегію на епископство Владимірское и Брестское; но, впослѣдствіи, когда ему, представилась возможность достигнуть высшихъ гражданскихъ чиновъ, онъ предпочелъ ихъ епископской митрѣ. Въ 1576 г. Баторій назначилъ его намѣстникомъ Белзскаго старосты; потомъ онъ сдѣлался и дѣйствительнымъ старостою Белзскимъ и кастеляномъ Галицкимъ; затѣмъ Белзскимъ воеводою, а наконецъ и Русскимъ воеводой.

Долгое время отецъ гетмана не усвоивалъ себѣ тщеславія и прочихъ польскихъ слабостей; но вліяніе знаменитаго друга его и покровителя—Яна Замойскаго, наконецъ произвело на него свое дѣйствіе, онъ преобразился въ Поляка, со всѣмъ внутреннимъ складомъ этого характера, — сдѣлался короннымъ сенаторомъ и въ заключеніе, покинувъ православіе, перешелъ въ латинство. Подобный переходъ совершался въ то время безъ труда: никакой догматъ не становился препятствіемъ, и дворянское сословіе на Руси охотно сглаживало свои начала, чтобы сразу получить возможность украситься одеждами коронными. Но доказательствомъ тому, что онъ перешелъ изъ право-

*) Pisma Stanisława Żołkiewskiego, Kanclerza Koronnego i Hetmana. — August Bielowski. Lwów. 1861.

**) Деревня въ землѣ Холмской, Красноставскаго уѣзда, которая была мѣстомъ происхожденія Жолкевскихъ.

славія въ католицизмъ не по убѣжденію, а изъ личныхъ видовъ, можетъ между прочимъ служить то, что подъ конецъ своей жизни онъ сдѣлался кальвинистомъ.

Ко всему сказанному о русскомъ происхожденіи Жолкевскихъ слѣдуетъ прибавить еще одно важное обстоятельство: въ городѣ Владимірѣ, по поводу полученной отцомъ гетмана привилегіи на епископскую каѳедру, фамилія его обозначена *Желковскій*, а не передѣланная на польскій ладъ *Жолкевскій*; такъ впослѣдствіи на русскихъ актахъ *) подписывался и гетманъ.

Станиславъ Жолкевскій, великій канцлеръ и гетманъ коронный, родился въ 1547 г., въ упомянутой нами деревнѣ Турынки; у него былъ братъ Николай, впослѣдствіи подкоморій Львовскій, и сестра Анна. Моложе ихъ лѣтами, онъ отличался прекрасными чертами лица и стройнымъ, но слабымъ, какъ онъ самъ сознавалъ, сложеніемъ. Первоначальное образованіе Жолкевскій получилъ въ домѣ родителей, а потомъ посѣщалъ училище въ Львовѣ, гдѣ отличался любовію къ наукѣ, быстротой пониманія и необыкновенною памятью.

По выходѣ изъ училища, онъ пробылъ короткое время въ чужихъ краяхъ и, вернувшись назадъ, поселился у Яна Замойскаго, весьма полюбившаго его. При немъ онъ совершенствовался въ военномъ искусствѣ.

Впервые онъ вступилъ на военное поприще, принявъ участіе въ походѣ Стефана Баторія подъ Данцигъ, въ

*) На записи, сдѣланной боярами съ гетманомъ Жолкевскимъ, объ избраніи королевича Владислава Россійскимъ царемъ, и напечатанной у Голикова (Томъ 2-й Дополненій къ Дѣян. Петра Великаго, стран. 18. Москва 1790 г.), было подписано такъ: «*Станиславъ Желковскій, воевода Кіевскій, гетманъ корунный, рукою своею*».

1575 г., гдѣ мы застаемъ его уже поручикомъ подъ знаменами Замойскаго; въ этотъ походъ онъ отличился въ сраженіи у Любешовскаго озера. Вслѣдъ затѣмъ, въ войнѣ Баторія противъ Русскихъ, Жолкевскій командовалъ эскадрономъ кавалеріи, а Замойскій поручалъ ему самыя важныя дѣла. Подъ Псковомъ онъ подвергался серіозной опасности, именно: послѣ пораженія Ивана Шуйскаго, гетманъ Замойскій позволилъ Шуйскому похоронить тѣла убитыхъ. Нѣсколько дворянъ, а въ числѣ ихъ и Жолкевскій, безъ согласія Замойскаго, подъѣхали къ городу на богато украшенныхъ и отличныхъ турецкихъ лошадяхъ. Какой-то польскій бѣглецъ, узнавъ ѣхавшаго впереди Жолкевскаго, указалъ его Шуйскому, говоря, что этого молодаго, необыкновенныхъ способностей человѣка, гетманъ часто употребляетъ для увѣдомленія короля о самыхъ таинственныхъ дѣлахъ. Шуйскій рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, затягивалъ разговоры о погребеніи, и, разставивъ по стѣнамъ орудія и стрѣльцовъ, приказалъ внезапно открыть огонь. Наѣздники дали тылъ и, подъ градомъ пуль, какимъ-то чудомъ успѣли спастись отъ опасности.

Достоинства Жолкевскаго, о которыхъ говорили Шуйскому, не были преувеличены; король Баторій дѣйствительно уважалъ его, довѣрялъ ему, и даже открылъ ему свое намѣреніе объявить войну Турціи. Искренняя привязанность его къ Замойскому неоднократно причиняла Жолкевскому много непріятностей, въ особенности изъ-за того, что онъ всегда, на сеймахъ и собраніяхъ, держалъ сторону канцлера Замойскаго. Общность политическихъ воззрѣній, военныя заслуги, благородство души Жолкевскаго и необыкновенная ученость его, наконецъ дружба съ Замойскимъ, снискали ему большую при-

вязанность короля. По всей вѣроятности, заслуги его повліяли и на повышенія его отца.

Въ началѣ царствованія Сигизмунда III, Жолкевскій, вмѣстѣ съ Замойскимъ, сражался противъ эрцгерцога Австрійскаго Максимиліана. Сраженіе подъ Бычиною (Witzen), въ Силезіи, 24 января 1588 г., доставило Жолкевскому громкую извѣстность. Замойскій ввѣрилъ ему лѣвое крыло, командуя которымъ, онъ отличился распорядительностію и мужествомъ, и былъ раненъ въ правое колѣно, вслѣдствіе чего хромалъ на эту ногу всю жизнь. Въ награду за ревность, король сдѣлалъ его старостою Грубешовскимъ, а вскорѣ по представленію Замойскаго произвелъ въ гетманы польные (Hetman Polny), а въ 1593 году въ кастеляны Львовскіе. При такой обстановкѣ, онъ помогалъ канцлеру Замойскому по управленію.

Въ 1595 г. Жолкевскій совершилъ съ Замойскимъ походъ въ Молдавію и сражался противъ Татаръ, хотѣвшихъ съ Турками завладѣть этимъ краемъ, и угрожавшихъ Польшѣ опасностію. Еще не успѣлъ онъ отдохнуть послѣ понесенныхъ въ эту кампанію трудовъ, какъ долженъ былъ, по повеленію короля и Замойскаго, отправиться усмирять Запорожскихъ казаковъ, опустошавшихъ Волынь и Литву. Выступивъ въ походъ, въ началѣ 1596 г., онъ, послѣ незначительныхъ пораженій, нанесенныхъ казакамъ, разбилъ ихъ окончательно при Лубнахъ 16-го іюня, взявъ въ плѣнъ главнаго ихъ гетмана Наливайку. Съ казаками Жолкевскій обошелся ласково, устранилъ многія недоразумѣнія, и они добровольно разошлись по домамъ, оставаясь послѣ того долгое время спокойными.

Четыре года спустя, онъ вторично отправился съ Замойскимъ въ Молдавію и Валахію противъ господаря Михаила, который въ союзѣ съ Нѣмецкимъ императоромъ, Турками и Татарами, лукавой своей политикой, побѣдилъ Валашскаго господаря Могилу, и помышлялъ не только о захватѣ всей Валахіи и Трансильваніи, но и о раздѣлѣ Польши. Разбитый на-голову подъ городомъ Плоешти, 20 октября 1599 г., Михаилъ спасся бѣгствомъ, вслѣдствіе чего Валашскимъ господаремъ былъ утвержденъ Іеремій Могила; братъ же его Симеонъ возведенъ былъ на Молдавское господарство, на мѣсто пораженнаго Михаила.

Въ 1602 г. Жолкевскій снова, подъ начальствомъ Замойскаго, отправился въ Ливонію; это былъ послѣдній для Замойскаго походъ, и многознаменательный для Жолкевскаго по его особеннымъ отличіямъ. Когда Замойскій былъ занятъ осадою Бѣлаго Камня, получено было извѣстіе, что шведскій генералъ Анрепъ собираетъ войска подъ Ревелемъ съ намѣреніемъ идти на помощь городу. Жолкевскій съ частію войска отправился къ Ревелю. Предувѣдомленные объ этомъ Шведы сильно укрѣпились и въ теченіи двухчасоваго сраженія не уступали Полякамъ. Тогда гетманъ послалъ въ тылъ непріятеля легкую кавалерію; внезапность этого нападенія смутила Шведовъ и доставила Жолкевскому совершенную побѣду. Весь лагерь, обозъ и артиллерія достались въ руки побѣдителю; самъ Анрепъ былъ убитъ.

Еще въ 1588 г., по возвращеніи своемъ изъ похода подъ Бычину, Жолкевскій, поселившись въ любимомъ имъ селѣ Винники *), трудился надъ улучшеніемъ положенія его жителей, строилъ новые дома, *церкви*, костелы.

*) Верстахъ въ двадцати отъ Львова. Тамъ умеръ отецъ гетмана, 25 Іюля 1588 г.

Потомъ, въ 1594 г., когда Польшѣ стали угрожать Татары, онъ, для безопасности своихъ владѣній, рѣшился устроить укрѣпленное мѣсто, въ которомъ бы, въ случаѣ непріятельскихъ набѣговъ, весьма частыхъ въ тѣ смутныя времена, можно было найти убѣжище беззащитнымъ жителямъ. Село Винники лучше всего соотвѣтствовало его видамъ и потому онъ сталъ строить въ немъ, надъ озеромъ, укрѣпленный замокъ. Во время втораго своего похода въ Молдавію, онъ, среди борьбы съ сильнымъ и коварнымъ непріятелемъ, обращался мыслію къ родинѣ, и писалъ женѣ, чтобы строющійся замокъ назвать *Жолкевъ*. Потомъ, придавая большіе размѣры своимъ планамъ, онъ занялся основаніемъ города, и, за побѣду надъ Шведами, Сигизмундъ III пожаловалъ устроенному Жолкевскимъ городу дарственную грамоту, 22 февраля 1603 г., которою, между прочимъ, утвердилъ за нимъ наименованіе Жолкви *). Такимъ образомъ фамилія Жолкевскихъ, издавна извѣстная, первоначально въ землѣ Холмской, Красноставскаго уѣзда, по деревнямъ: Жолкевъ и Жолкевка,—получила теперь болѣе широкое значеніе и территорію.

Въ концѣ 1605 г., орды Ногайскихъ Татаръ, мстя за разграбленіе и сожженіе казаками города Варны, подступили съ значительными силами къ границамъ Польши и кочевали на Бѣлгородскихъ поляхъ. Жолкевскій, которому было поручено оберегать восточныя границы, бодрствовалъ въ неусыпныхъ наблюденіяхъ за ними. Онъ не пренебрегалъ никакимъ, въ особенности же этимъ непріятелемъ, и предостерегалъ народъ разсылаемыми имъ прокламаціями о приближающейся опасности, въ то же время не забывалъ и о составленіи своего духовнаго завѣщанія *) (Замѣчательно, что въ своихъ бумагахъ и рѣчахъ Жолкевскій говорилъ всегда о святой христіанской, а не о католической вѣрѣ).

23-го января 1606 г., султанъ Бухаръ вторгнулся съ своими ордами подъ Корсунь, а два дня спустя, Кантемиръ мурза, также съ многочисленнымъ войскомъ, сталъ подъ Немировомъ и Винницей. Предупрежденные Жолкевскимъ Запорожскіе казаки бросились на Бухара и оттѣснили его съ большимъ для него урономъ; самъ же гетманъ, направивъ свои силы противъ Кантемира, уничтожилъ сперва Татаръ у Каравайны, затѣмъ, 28 января, при рѣкѣ Удичѣ одержалъ полную побѣду, отнялъ обратно всю награбленную ими добычу и плѣнниковъ, уведенныхъ изъ Польши, и съ тѣмъ вмѣстѣ полонилъ множество Татаръ.

Вскорѣ затѣмъ возникло и въ Польшѣ возмущеніе противъ короля, возбужденное послѣ смерти Яна Замойскаго, Николаемъ Зебржидовскимъ,—что причинило Жолкевскому много тяжелыхъ минутъ и страданій: онъ предвидѣлъ печальныя послѣдствія этого возмущенія, раздваивавшаго силы націи, и заранѣе страдалъ за нее. Когда дѣла стали принимать оборотъ, угрожавшій опасностію, онъ пробовалъ разными средствами не допускать ихъ до крайности. Со всею откровенностію уговаривалъ короля не дѣлать того, на что народъ смотрѣлъ съ неудовольствіемъ: въ то время носились слухи, что король имѣлъ намѣреніе, въ противность существовавшимъ тогда въ Польшѣ законамъ, при жизни своей короновать своего сына Владислава. Подобное смѣлое

*) Петръ Великій, во время войны со Шведами, провелъ въ этомъ городѣ 4 мѣсяца.

*) См. далѣе столб. 278.

обращеніе Жолкевскаго къ королю вызвало подозрѣнія къ склонности его къ партіи возмутителей, тѣмъ болѣе, что онъ состоялъ въ родствѣ съ Зебржидовскими и Гербуртами. Подобное подозрѣніе было не чуждо и королю, благодаря навѣтамъ многихъ недоброжелателей Жолкевскаго. Нѣкоторые приписываютъ этому обстоятельству и то, что булава короннаго гетмана, оставшаяся въ 1605 г. послѣ смерти Яна Замойскаго, такое продолжительное время не передавалась прямому наслѣднику по заслугамъ,— Жолкевскому, и только въ 1618 г. была наконецъ пожалована ему королемъ. Съ одинаковою откровенностію, но и съ такими же послѣдствіями относился Жолкевскій и къ возмутившимся. По его мнѣнію, единственное средство для взаимнаго соглашенія и поправленія дѣлъ Рѣчи Посполитой—былъ сеймъ; все же зло возникло изъ того, что уклонились отъ этого обыкновеннаго способа рѣшенія общественныхъ дѣлъ.

Когда всѣ его усилія оказались тщетными, и возставшіе взялись за оружіе, Жолкевскій, оставшійся въ числѣ немногихъ приверженцовъ законной власти, не поколебался стать на сторонѣ короля, и, собравъ войска, пошелъ къ нему на помощь. Въ сраженіи подъ Гузовомъ 6 іюля 1607 г., онъ первый возвѣстилъ королю побѣду, упрочившую его на престолѣ. Послѣ побѣды многіе совѣтовали королю гнаться за возставшими для полнаго ихъ истребленія, и только Жолкевскій воспротивился этому, объявляя, что когда права короля достаточно обезпечены, то самый долгъ его заставляетъ беречь братнюю кровь и покорить возмущенныхъ скорѣе уже добротою и милостію, чѣмъ оружіемъ. Это ходатайство рельефно рисуетъ все благородство его души. Онъ открыто заявлялъ, что «*воюя противъ братій*»; онъ шелъ за короля «*противъ совѣсти*»; достойный гетманъ зналъ, что король не долженъ бы давать повода къ возмущенію, и что своимъ упрямствомъ онъ причинилъ много зла. Онъ зналъ, что дворянство было также отчасти право; но не смотря на то, онъ слѣдовалъ внушенію долга обязанности, и вопреки совѣсти, поднялъ оружіе противъ братьевъ для защиты права и власти,—давая этимъ примѣръ тому, что для единства и обоюдной безопасности, нужно забывать собственные интересы. Подобное поведеніе его было живымъ укоромъ для самовольной шляхты и магнатовъ.

Хотя король и даровалъ ему за эту услугу Кіевское воеводство, однако булаву короннаго гетмана удерживалъ при себѣ, какъ-бы придумывая или пріискивая болѣе достойнаго для врученія ея. Это кажется было дѣломъ завистниковъ Жолкевскаго, въ особенности Потоцкихъ, которые пользовались тогда милостью короля, и одинъ изъ нихъ былъ зятемъ господаря Могилы.

Сигизмундъ III, предпринимая, въ 1609 г., несправедливую и безразсудную войну противъ Россіи, обращался за совѣтомъ къ Жолкевскому; но Жолкевскій не хотѣлъ идти противъ своихъ убѣжденій, — не желалъ быть орудіемъ несправедливости Поляковъ противъ Русскихъ, и настойчиво отклонялъ короля всѣми средствами отъ этой войны, противъ которой всегда ратовалъ во всю свою политическую дѣятельность и Замойскій Къ тому же постоянныя безпокойства со стороны Швеціи и напряженныя отношенія къ Турціи, изъ-за Молдавіи и казаковъ, показывали, что опасность лежитъ въ иномъ мѣстѣ, и что противно здравой политикѣ наживать новыхъ непріятелей. Но и на этотъ разъ разумные совѣты

дальновиднаго Жолкевскаго не имѣли успѣха и, повинуясь долгу, онъ отправился въ походъ.

Исторія этого похода подробно изложена въ печатаемыхъ нами Запискахъ. Достаточно сказать здѣсь для большей характеристики главнаго виновника успѣховъ польскаго оружія въ эту достопамятную для обоихъ націй войну, — что въ средѣ враговъ Жолкевскій пріобрѣлъ болѣе уваженія къ своимъ личнымъ достоинствамъ, чѣмъ въ средѣ тѣхъ, для кого онъ не жалѣлъ своихъ усилій. Его дальновидная политика, пониманіе духа Русскаго народа, въ особенности же его русское происхожденіе и знаніе русскаго языка, — склонили тогдашнихъ русскихъ дѣятелей, въ томъ числѣ и патріарха Гермогена, къ избранію на Русскій престолъ сына Польскаго короля. Убѣдить Русскихъ, и особенно Русскихъ того времени, враждебно смотрѣвшихъ на все чужое и преимущественно Польское, — Жолкевскій успѣлъ только вслѣдствіе вышесказанныхъ причинъ, доселѣ, какъ кажется, неразгаданныхъ многими историками.

Жолкевскій, русскій по рожденію, хотя и полякъ по воспитанію, возъимѣлъ мысль воспользоваться смутнымъ временемъ и, низвергнувъ Шуйскаго, уничтожить и самозванца и прекратить вѣковую распрю Россіи съ Польшею. Когда по возвращеніи его изъ Москвы въ королевскій станъ подъ Смоленскомъ, не смотря на убѣжденія Жолкевскаго, Сигизмундъ не хотѣлъ утвердить заключеннаго съ боярами договора и отпустить Владислава на царство, недовольный такимъ вѣроломствомъ короля и его недоброжелательствомъ къ Русскимъ, Жолкевскій, не желая участвовать въ дѣйствіяхъ короля, явно несправедливыхъ,—удалился въ свои помѣстья и съ тѣхъ поръ *) рѣшительно не хотѣлъ принимать и не принималъ уже никакого участія въ этой борьбѣ Польши съ Россіей, — этихъ двухъ *славянскихъ* народовъ.

Между тѣмъ, польскіе паны, вмѣшиваясь въ дѣла Молдавіи и Валахіи, раздражали Турцію, не терпѣвшую вреднаго для ея интересовъ вліянія на данниковъ ея. Жолкевскій, предвидя будущія несчастія Рѣчи Посполитой изъ-за подобнаго вмѣшательства, съ грустію взиралъ на все что дѣлалось; всѣ его доводы и старанія, чтобы обуздать своеволіе пановъ, не имѣли успѣха передъ самымъ Сигизмундомъ, не отваживающимся противорѣчить панамъ, и слѣдовать мудрымъ совѣтамъ Жолкевскаго. Въ 1612 году Польша проклинала своеволіе Стефана Потоцкаго, старосты Фелинскаго, который, для возстановленія свергнутаго Валашскаго господаря, своего родственника, собралъ войско, составленное изъ молодежи, набранное изъ родительскихъ домовъ, — и вывелъ въ поле. Внезапно окруженный Татарами въ долинѣ, называемой Сасовымъ-Рогомъ онъ былъ разбитъ, молодежь погибла безъ пользы для отечества, по которому раздавались только вопли отчаянія о безвременной погибели ея сыновъ. Ободренная этою побѣдою Татарская орда стремительно вторгнулась за предѣлы Польши. Жолкевскій, съ горстью рыцарства, встрѣтилъ непріятеля и только стягиваніемъ конфедеративныхъ войскъ, возвращающихся изъ Россіи, и распускаемымъ имъ слухомъ о приближеніи несравненно большихъ силъ, ему удалось остановить Татаръ отъ дальнѣйшаго набѣга въ предѣлы Польши.

Послѣ неудачнаго вторженія Сте-

*) См. Прилож. № 39.

фана Потоцкаго въ Валахію, Турки готовились къ войнѣ противъ Польши. Жолкевскій разными средствами старался отвлечь или, по крайней мѣрѣ, замедлить наступленіе. Но нападеніе казаковъ на Турецкія владѣнія и вмѣшательство въ дѣла Молдавіи и Валахіи Корецкаго и Вишневецкаго, послѣдовавшихъ примѣру Потоцкаго, ускорили ее и сдѣлали, не смотря на всѣ усилія Жолкевскаго, неизбѣжною. Въ 1617 г. Скиндеръ-паша, съ многочисленными Турецкими и Татарскими силами, простиравшимися до 80 тысячъ, направился къ Польшѣ. Жолкевскому заранѣе было извѣстно его намѣреніе, и также онъ хорошо зналъ и характеръ предводителя. По видимому учтивый, какъ бы искренній и дружелюбный въ своихъ письмахъ къ гетману, Скиндеръ - паша былъ на самомъ дѣлѣ хитрый, пронырливый и упорный врагъ Поляковъ, которыхъ онъ называлъ народомъ гордымъ и клялся, что не умретъ прежде, чѣмъ не смиритъ ихъ. Посланному противъ него съ незначительнымъ войскомъ Жолкевскому король поручилъ избѣгать рѣшительнаго сраженія и, по возможности, щадить войско, гетманъ занялъ крѣпкую позицію подъ Бушею, на Днѣстрѣ. Между тѣмъ, Скиндеръ-паша, прибѣгнувъ къ переговорамъ, употреблялъ всевозможныя хитрости, чтобы принудить гетмана оставить свою позицію или же раздѣлить силы и затѣмъ, въ такомъ случаѣ, окружить и уничтожить его. Но гетманъ былъ на счетъ этого остороженъ; не смотря на то, онъ не могъ однако воспротивиться вторженію части татарскаго войска въ Польшу и опустошенію нѣкоторыхъ ея мѣстностей. Къ тому же раздоръ между польскими военачальниками, не хотѣвшими повиноваться гетману, безпечность Рѣчи Посполитой, не дававшей достаточнаго количества силъ для безопасности своихъ границъ; безпечность короля и тайныя его приказанія—не подвергать Рѣчь Посполитую опасностямъ при сомнительной войнѣ съ Россіей, – были причиною того, что Жолкевскій заключилъ 23 сентября 1617 г. невыгодный со Скиндеръ-пашою миръ, оставивъ Молдавію и Валахію въ большей зависимости отъ Турокъ, нежели прежде. Впрочемъ, въ договорѣ было только упомянуто о Молдавіи и Валахіи, что никто со стороны Польши не долженъ вторгаться въ предѣлы ихъ, а господари Валахіи, оставаясь въ прежнихъ отношеніяхъ къ Польшѣ, должны вмѣстѣ съ тѣмъ стараться, чтобы союзъ между Польскимъ королемъ и Оттоманскою Портою не былъ нарушаемъ. Эту статью договора объяснили въ Польшѣ въ такомъ смыслѣ, что Рѣчь Посполитая отрекалась отъ своей высшей власти надъ Молдавіей и Валахіей,—издавна пріобрѣтенной съ большими усиліями и жертвами. Это возбудило въ Рѣчи Посполитой всеобщее раздраженіе, ропотъ и порицанія дѣйствій Жолкевскаго. Всѣ прежнія заслуги были забыты, и шляхта, на сеймахъ, обвиняла его въ излишней, по ея мнѣнію, осторожности, — въ томъ, что онъ не далъ сраженія,—даже въ неспособности его вслѣдствіе старости. И Жолкевскаго, неоднократно выказывавшаго въ самыя трудныя минуты крайнее присутствіе духа, теперь упрекали даже въ недостаткѣ мужества! Но никто изъ порицателей не обращалъ вниманія на королевскія приказанія, связывавшія гетману руки, и на несчастное положеніе дѣлъ внутри государства. Онъ не далъ сраженія, потому что первая неудача могла бы подвергнуть опасности судьбу страны. Рѣчь Посполитая полная неурядицъ, въ правленіе Сигизмунда III, была беззащитна; она не могла долѣе удерживать своего влія-

нія въ Молдавіи и Валахіи, потому что король, вмѣсто того чтобы думать объ успокоеніи края, снова началъ войну изъ-за Московской короны, отнялъ у гетмана силы, приказавъ его войскамъ отправиться на дальній сѣверъ; всеобщее же ополченіе, какое сеймъ позволилъ гетману созвать для защиты земель Русскихъ, (т. е. Червонной Руси и пр.), собрало въ лагерь только не привыкшія къ дисциплинѣ сборища нестроевыхъ служащихъ. Гетманъ былъ вовсе неповиненъ въ томъ, чего онъ не могъ сдѣлать; виною всему несчастію было своеволіе магнатовъ, возстаніе казаковъ и безразсудная война Сигизмунда III съ Россіей. Въ дѣйствіяхъ гетмана всегда высказывалась безпримѣрная любовь его къ государю, котораго онъ всегда предостерегалъ, предсказывая несчастный исходъ дѣлъ какъ послѣдствіе неблагоразумной политики и дурнаго правленія; во́время просилъ опомниться отъ заблужденій, влекущихъ только смуты и полное истощеніе края и народныхъ силъ.

Обвиненія и ропотъ доходили до слуха гетмана, и онъ не отнесся къ нимъ равнодушно: изнуренный трудами и лѣтами, онъ впечатлительнѣе былъ къ нимъ, чѣмъ когда либо, и съ горечью оправдывалъ свои дѣйствія въ частныхъ, къ дѣятелямъ сеймовъ, письмахъ, и въ рѣчахъ на общественныхъ собраніяхъ. Королю онъ съ скромностію говорилъ, между прочимъ: «Я предпочелъ вести себя сообразно повелѣніямъ в. к. в., а не по своему усмотрѣнію, ибо разума моего мало, а знаю, что в. к. в. присущъ ангелъ Божій, и сердце в. к. в. въ руцѣ Божіей, по сему у меня всегда были въ должномъ уваженіи повелѣнія в. к. в., и Господь Богъ посылалъ мнѣ, въ дѣлахъ моихъ, благословеніе». Король, кажется, уже достаточно убѣдился, что его многолѣтній противникъ, этотъ старецъ, быть можетъ немного ворчливый, былъ въ сущности благородный и преданный ему человѣкъ, и не изъ частныхъ видовъ, а воодушевляемый единственно любовію къ общественному благу и королю. Гетманъ на сеймѣ одержалъ верхъ надъ своими недоброжелателями, и выигралъ дѣло: трактаты, заключенные подъ Бушею, были утверждены, и гетману, которому въ то время минуло 70 лѣтъ, король пожаловалъ, въ 1618 г., булаву короннаго гетмана, произвелъ его въ канцлеры и вручилъ ему государственную печать. Гетманъ сдалъ Кіевское воеводство Тимоѳеею Замойскому *).

---

*) О тогдашнихъ обстоятельствахъ извѣстный польскій историкъ Шайноха, котораго къ сожалѣнію недавно наука лишилась, говоритъ (Opoviadania o krolu Janie III. Opoviadanie 1, Mścicieł. str. 31 Żytomierz. 1860) слѣдующее, — приводимъ здѣсь собственныя его слова:

Неблагополучный трактатъ подъ Бушею считали крайнимъ изнеможеніемъ противъ оттоманскаго насилія, не зная что въ себѣ кроетъ слѣдующій день. Вся богатая земля Валашская закрылась не столько передъ настоящею высшею властью Польши, сколько передъ отчаянными замыслами польской амбиціи. Противъ стараго гетмана поднялись язвительныя жалобы и клеветы. Напрасно король смягчалъ оныя оказываемою ему милостью, и даже теперь только пожаловалъ гетмана двумя его высокими достоинствами: большою булавою и канцлерствомъ великимъ короннымъ. Въ рѣчи посполитой, такой какъ Польша, гдѣ большая толпа бѣдныхъ обывателей, для того, чтобы выказать свою обывательскую ревность, почти что не знала другихъ средствъ, кромѣ шумливой критики призванныхъ къ дѣятельности соотечественниковъ, — не обошлось бы безъ тягостныхъ нареканій противъ виновника трактата подъ Бушею. Польское шляхетство болѣе упрямое, чѣмъ прочія республиканскія сословія, расточало противъ него тысячу обвиненій въ безсиліи, недостаткѣ отваги, нерадѣніи и т. п. Старый воинъ прочувствовалъ ихъ тѣмъ сильнѣе, что уже съ давняго времени его кололъ, изъ за пустыхъ дѣлъ, подымающійся раздоръ шляхты. До сихъ поръ, насъ поражаютъ во многихъ письмахъ и

Но не долго пробылъ онъ на дипломатическомъ поприщѣ, не до него ему было въ тогдашнія тяжелыя времена,— въ странѣ, въ которой все уже клонилось къ окончательному упадку политической ея роли. Онъ все еще не переставалъ бодрствовать, по прежнему, за цѣлость Польши, къ предѣламъ коей и отправился. Но подъ Орынином онъ пропустилъ Татаръ, или, вѣрнѣе, они обошли его и успѣли вторгнуться въ Волынь. Не смотря на это, гетманъ не могъ не явиться на сеймъ, всегда говоря, что «на сеймъ ѣхать нужно, а жить не нужно». На этомъ сеймѣ снова посыпались на него упреки въ недостаткѣ мужества и, даже въ томъ, что онъ не бдителенъ въ своихъ обязанностяхъ. Онъ снова принужденъ былъ оправдываться и доказывать, что еслибъ онъ хоть на шагъ отступилъ отъ шанцевъ, то погубилъ-бы войско, Русь и всю Рѣчь Посполитую «я вреденъ, говорилъ онъ, потому что выносилъ на своихъ плечахъ Рѣчь Посполитую, а хороши только тѣ, которые столько разъ подвергали ее опасности». Раздосадованный нападками, онъ просилъ короля снять съ него гетманскую обязанность: «я пріобрѣлъ ее не за заслуги, не по честолюбію, а единственно по милости короля, моего государя; теперь же, когда изъ за клеветъ завистниковъ, я не могу болѣе исполнять ее, то вручу ее съ покорностію въ тѣ руки, которыя мнѣ ее дали». Вслѣдствіе этого подканцлеръ просилъ его именемъ короля, оставаться при должности; просили его также примасъ и сенаторы, и Жолкевскій, въ послѣдній разъ вышелъ изъ сейма побѣдителемъ. Послѣдній разъ, потому что затѣмъ онъ исполнилъ наконецъ высочайшій долгъ, павъ благородною жертвою преданности престолу и отечеству.

бумагахъ гетмана, горькія сѣтованія на «безчинствующую и своевольную Рѣчь Посполитую», съ половины XVI вѣка увѣряющую себя въ томъ, что Польша «безпорядками стоитъ» (nierządem stoi).

Въ 1620 г., Гаспаръ Граціанъ, господарь Валахіи, самъ объявилъ желаніе поддаться, вмѣстѣ съ своею страною, подъ исключительное покровительство короля Польши и Рѣчи Посполитой, если они помогутъ ему освободиться отъ власти Турціи. Сигизмундъ III приказалъ гетману немедленно вторгнуться въ Валахію. Предводительствуя только нѣсколькими тысячами, гетманъ долженъ былъ соединиться, въ Валахіи, съ 20—25-ти тысячнымъ войскомъ господаря; между тѣмъ, послѣ многократныхъ напоминаній господарю о присоединеніи, къ нему присоединился только одинъ Граціанъ съ 600 человѣками конницы. Съ такимъ незначительнымъ войскомъ, онъ сталъ лагеремъ подъ Цецорою, близъ г. Бѣльцы, и сразился съ Турками и Татарами. Послѣ перваго сраженія, не рѣшившаго участи ни той, ни другой стороны, когда онъ собирался дать новое,—въ его лагерѣ произошло замѣшательство и неповиновеніе. И тамъ еще неблагодарное рыцарство, или своевольные ротмистры отравляли послѣдніе дни своего вождя. «Гетманъ хочетъ бѣжать, говорили они, насъ же покинуть на произволъ судьбы». Нѣкоторые отряды ополченцевъ, вмѣстѣ съ своими предводителями и Граціаномъ, побѣжали къ Пруту; всѣмъ войскомъ обуялъ страхъ, и, среди вечерняго сумрака, они толпами бѣжали изъ лагеря; началась толкотня, тревога, замѣшательство: кто бѣжалъ на лошадяхъ, кто пѣшкомъ; одни тонули, другіе падали, сраженные мечемъ; ополченцы предались грабежу. Самуилъ Корецкій, промокшій до костей, явился отъ стороны Прута, и когда онъ сталъ упрекать гетмана въ томъ, что онъ

былъ причиною тревоги, гетманъ спокойно отвѣтилъ: «Я стою здѣсь и вода не течетъ съ меня».

Вслѣдствіе такого обстоятельства, значительно уменьшились, и безъ того уже истощенныя, войска гетмана, тогда какъ съ противной стороны показывались постоянно прибывавшія подкрѣпленія турецкихъ и татарскихъ войскъ. Но гетманъ не падалъ духомъ и приказалъ войскамъ сомкнуться, окруживъ его, для защиты, обозомъ. Онъ былъ плотно соединенъ цѣпями и снабженъ орудіями, такъ что, подвигаясь подъ прикрытіемъ его, войско могло въ каждомъ мѣстѣ остановиться и дать отпоръ наступающему непріятелю. Такимъ образомъ войска гетмана начали отступать къ Днѣстру, прокладывая себѣ оружіемъ дорогу, черезъ полчища непріятелей. Послѣ восьмидневнаго похода, днемъ и ночью, отражая побѣдоносно всѣ нападенія, гетманъ, 6 октября (1620 г.) приблизился уже къ Днѣстру, безъ большаго урона.

Но, чего не могла сдѣлать вражья сила, то было довершено своеволіемъ и неповиновеніемъ собственныхъ солдатъ. Покинутый войскомъ, гетманъ, съ горстью оставшихся вѣрными ему, боролся до послѣдней минуты. Видя, что все уже потеряно, онъ пожалъ наконецъ руку сыну и приготовился къ смерти; надѣвъ простую одежду, чтобы не быть узнаннымъ, онъ, съ остатками дружины, искалъ славной погибели между рядами враговъ Одинъ дворянинъ подвелъ было гетману лошадь, умоляя его спастись бѣгствомъ: «не могу, отвѣчалъ старый воинъ, гдѣ стадо, тамъ долженъ оставаться и пастырь».

Жолкевскій палъ; обезглавленное тѣло героя, съ надрубленною рукою, и покрытое множествомъ ранъ, было найдено на полѣ сраженія, въ грудѣ тѣлъ непріятельскихъ. Голова его была поднесена, на копьѣ, Искандеру, ее носили по лагерю, и потомъ, по доставленіи ея въ Константинополь, въ знакъ великаго торжества, возили нѣсколько дней сряду по улицамъ; наконецъ, султанъ приказалъ воткнуть ее надъ воротами сераля.

Избѣжавшіе меча, попали въ плѣнъ, въ томъ числѣ раненый сынъ гетмана и зять Конецпольскій.

Впослѣдствіи, голову Жолкевскаго возвратили отъ непріятеля за дорогой выкупъ въ 3,000,000 злотыхъ, собранныхъ по складчинѣ, — и погребли, вмѣстѣ съ тѣломъ, въ Жолквѣ. На мѣстѣ же сраженія поставлена была пирамида съ слѣдующею надписью:

Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor!

т. е., *Да возникнетъ изъ праха нашего мститель!*

Такъ погибъ, на 70-мъ году своей жизни, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ полководцевъ Рѣчи Посполитой, принадлежавшій къ числу самыхъ образованныхъ людей второй половины XVI и начала XVII вѣка.

Отъ брака своего съ Региной Гербуртовой, — двоюродной сестрой Яна Замойскаго, у Жолкевскаго было трое дѣтей: дочь Софья, еще въ 1605 г. вышедшая за Ивана Даниловича, впослѣдствіи — русскаго воеводу: у нихъ была дочь, которая стала матерью короля Яна III Собескаго, героя Хотина — Цецорскаго мстителя. Вторая дочь гетмана, Екатерина, вышедшая за Конецпольскаго, умерла вскорѣ послѣ замужства. Наконецъ сынъ гетмана, Иванъ, юноша большихъ способностей, былъ старостой Грубешовскимъ, Яворовскимъ и Калужскимъ. Гетманъ Жолкевскій въ теченіи 46-ти лѣтъ велъ боевую жизнь, а 20 слишкомъ лѣтъ возсѣдалъ на сенаторскомъ креслѣ. Какъ истинный христіанинъ, онъ уважалъ духовенство, и въ одинаковой степени поддержи-

валъ православіе и католичество. Католическій соборъ въ Жолквѣ и, тамъ же, православная церковь Рождества Христова, равно какъ, Базиліанскій монастырь въ Креховѣ, — чтятъ его память какъ ихъ основателя.

Дарственная грамота, писанная въ Варшавѣ, 20 марта 1635 г., и сохранившаяся, въ достовѣрной копіи, въ архивѣ Креховскаго монастыря, подъ № 5, гласитъ:

«Владиславъ IV, Божіею милостію, король польскій и пр. Объявляемъ сею нашею грамотою, всѣмъ и каждому кому о томъ вѣдать надлежитъ, что намъ была предъявлена грамота (list) вельможнаго Станислава Жолкевскаго, канцлера и великаго гетмана короннаго, которою, благочестивымъ чернецамъ *православнаго* вѣроисповѣданія, Креховскаго монастыря Преображенія Господня, находящагося въ лѣсу, надъ Креховомъ, въ Яворовскомъ старостве, — нѣкоторыя поля, лежащія между межою Петра Матуша, Креховскаго подданнаго, съ одной стороны, и большою дорогою, идущею во Львовъ, съ другой стороны, за новымъ прудомъ, за сосѣднею общественною стѣною, принадлежащею къ мызѣ Креховскаго участка, — подарены и дозволены, и на это, подтвержденіе его милости короля, вѣчной памяти, отца нашего дано» и т. д.

Выкупленный изъ плѣна, годъ спустя послѣ смерти отца, сынъ Жолкевскаго умеръ въ 1633 г., отъ полученной имъ подъ Цецорою тяжелой раны, которая худо была залечена.

Этотъ краткій очеркъ, по нашему мнѣнію, достаточно рисуетъ и то смутное время, въ какое Станиславъ Жолкевскій былъ призванъ къ дѣятельности, и характеръ націи, которой, онъ посвятилъ ее. При большей своевременной оцѣнкѣ его дѣйствій, его дальновидныхъ плановъ и предостереженій, Польша, по всей вѣроятности, не дошла бы до такого физическаго и нравственнаго упадка, вызваннаго, съ одной стороны, безхарактернымъ правленіемъ Сигизмунда III, руководимаго іезуитами, съ другой— крамолою своевольныхъ магнатовъ, особенно усиливавшихся въ это смутное время. Безразсудно начатая война съ Россіей, насильственное введеніе уніи и также насильственное порабощеніе казаковъ и Украйны, и несправедливости въ отношеніи ихъ, вотъ тѣ элементы, на которые указываетъ Жолкевскій,—тѣ силы, отъ неумѣстнаго раздраженія которыхъ онъ предостерегалъ короля и Рѣчь Посполитую;—силы, впослѣдствіи надломившія существованіе Рѣчи Посполитой, и вычеркнувшія ее, впослѣдствіи, изъ числа самостоятельныхъ государствъ.

Мы упомянули выше (столбецъ 264) о завѣщаніи Жолкевскаго; у издателя его записокъ находилась рукопись, заключавшая подлинное завѣщаніе Жолкевскаго, имъ самимъ подписанное. Изъ слѣдующихъ писемъ будетъ видно употребленіе, которое издатель изъ него сдѣлалъ.

Письмо П. А. Муханова къ Государственному Канцлеру Свѣтлѣйшему Князю Горчакову:

Милостивый Государь,

Князь Александръ Михайловичъ,

Въ богатой событіями жизни Гетмана Жолкевскаго, безсомнѣнно, занимаютъ первое мѣсто: Московскій его походъ и занятіе имъ Москвы, — въ *Москвѣ* и должно храниться духовное завѣщаніе этого, русскаго по происхожденію, государственнаго мужа.

Имѣю честь представить Вашей Свѣтлости, принадлежащее мнѣ, подлинное завѣщаніе Жолкевскаго, приносимое мною въ даръ, для храненія

въ главномъ *Московскомъ* архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, принять увѣреніе и проч.

Санктпетербургъ, 15 мая 1871 г.

Письмо Государственнаго Канцлера, Свѣтлѣйшаго Князя Горчакова, къ П. А. Муханову.

Милостивый государь
Павелъ Александровичъ,

Приношу Вашему Высокопревосхо-

дительству искреннюю благодарность за предоставленіе Московскому Главному архиву министерства иностранныхъ дѣлъ любопытной рукописи, содержащей въ себѣ завѣщаніе гетмана Жолкевскаго.

Сдѣлавъ распоряженіе объ отсылкѣ этой рукописи, согласно желанію вашему, въ Москву, я пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы увѣрить васъ, милостивый государь и проч.

15 мая 1871 г.

УКАЗАТЕЛИ

КЪ

ЗАПИСКАМЪ ГЕТМАНА ЖОЛКЕВСКАГО

И

КЪ ПРИЛОЖЕНІЯМЪ.

Примѣчаніе. Цифры, слѣдующія за буквою П, указываютъ на столбцы приложеній.

*) См. о немъ примѣч. въ Запискахъ Жолкевскаго на страп. 55.

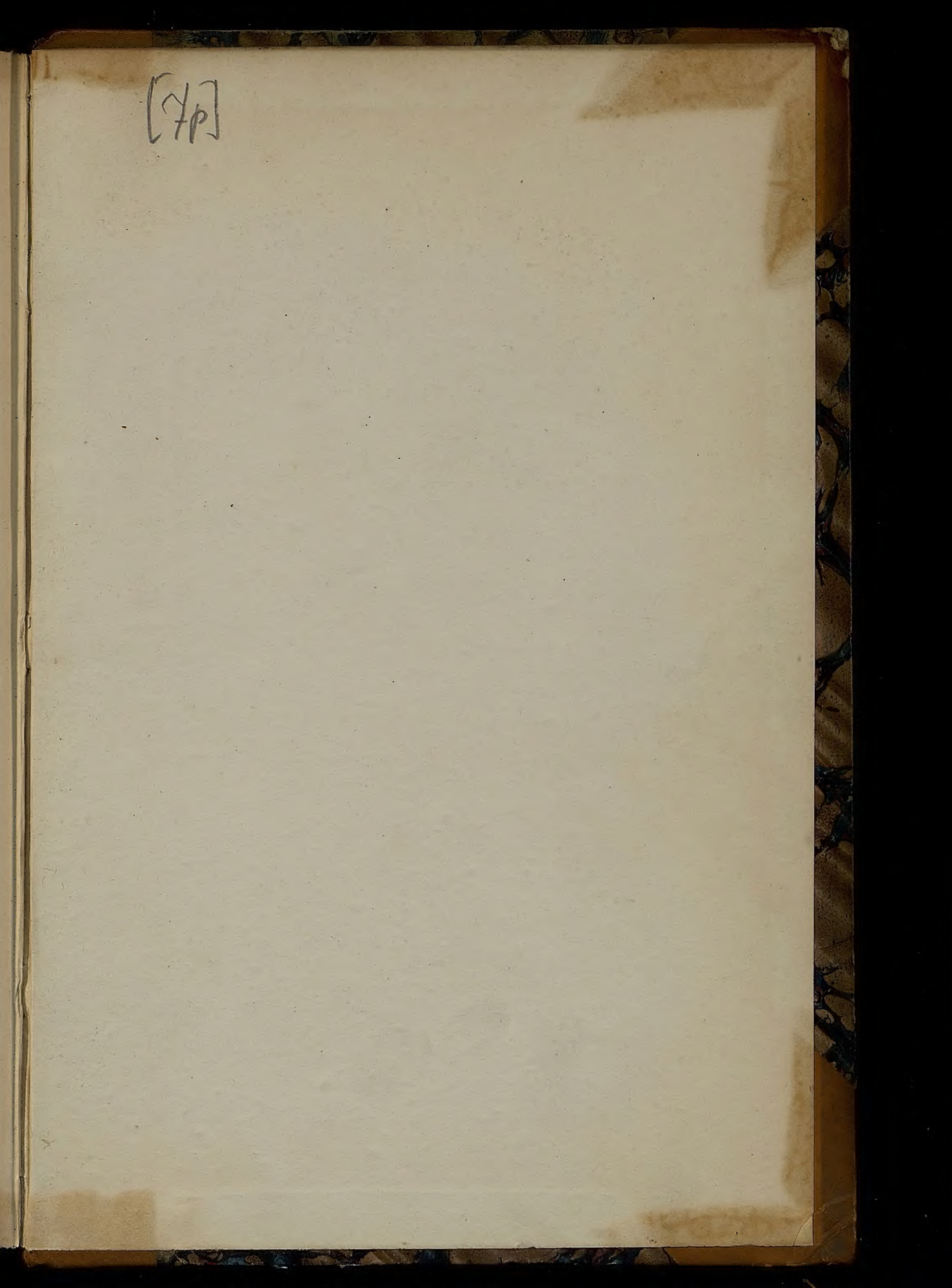
ПОПРАВКИ:

I. КЪ ЗАПИСКАМЪ ГЕТМАНА ЖОЛКЕВСКАГО.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
51	1 (снизу)	*Погорѣлов*	*Погорѣлое*
87	10 (снизу)	избрнія	избранія

II. КЪ ПРИЛОЖЕНІЯМЪ:

Столб.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
31—32	6 (сверху)	В. М. Шуйскаго Скопина	М. В. Шуйскаго Скопина
57	15 (сверху)	Еослѣди	Послѣди
83	9 (снизу)	квятвоцѣловальную	клятвоцѣловальную
96	2 (снизу)	za y Sczeberu	ze y Sczebeźu
108	8 (снизу)	тотько	только
261	8 (сверху)	Witzen	Bitzen

[7p]

